

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани
Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова

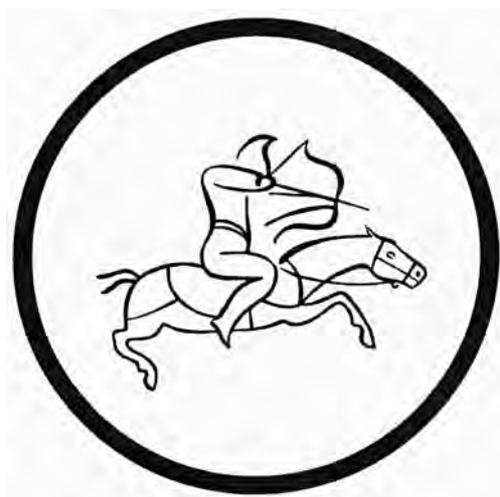
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 17

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРАЗИЯ:
СИМБИОЗ ГОРОДОВ И СТЕПИ**

**МАТЕРИАЛЫ
II МЕЖДУНАРОДНОГО БОЛГАРСКОГО ФОРУМА**

21–23 мая 2011 г., г. Казань

Казань – 2013

ББК 63.4
С

Серия «Археология Евразийских степей»
Выпуск 17

Ответственный редактор:
член-корреспондент АН РТ, д.и.н. **Ф.Ш. Хузин**

Редакционная коллегия:
академик АН РТ, доктор исторических наук Р.С. Хакимов,
кандидат исторических наук, доцент А.Г. Ситдииков,
кандидат исторических наук Н.Г. Набиуллин,
кандидат исторических наук З.Г. Шакиров

Редакционный совет серии:

Ситдииков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемяева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Бочаров Сергей Геннадьевич* (Симферополь, Украина), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Иванов Владимир Александрович* (Уфа), *Йотов Валерий* (Варна, Болгария), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (Санкт-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллинович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владимирович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Руссеев Николай Дмитриевич* (Кишинев, Молдова), *Савинов Дмитрий Глебович* (Санкт-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 234 с. + 34 с. цв. вкл.

В очередном выпуске серии «Археологии евразийских степей» публикуются тексты докладов на II Международном Болгарском форуме, посвященном археологии, истории и культуре средневековых болгар Восточной Европы.

ISBN

© Институт истории АН РТ, 2013
© ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2013

ГОРОДА ПРИМОРЬЯ XIII в.

Н.Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

Большинство укрепленных поселений XIII в. на территории Приморья появляются в период образования и существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.), которое было создано с целью защиты от монгольского вторжения (Артемьева, 2005, с. 542–590). В основном это горные городища, возведенные по заранее намеченному, строго определенному плану и имеющие свои специфические черты. В настоящий момент мы уже имеем такое количество археологического материала, который дает возможность решить вопросы: что собой представляли эти поселения, какие осуществляли функции и можно ли все горные городища, т. е. поселения обнесенные валами, называть городами.

Широкий интерес к изучению города, как к социально-экономическому организму, его исторической реконструкции, обусловлен, в первую очередь, необходимостью осознания общего значения города, расширением источниковедческой базы исследования урбанизации в археологии.

Безусловно, что для каждого региона, в разных эпохах город представлял собой совершенно разное явление. Нельзя сравнивать античный город с феодальным, средневековый русский город с китайским, но, все же есть нечто общее, что образует его специфику, как особого социального организма. Город – это неперенный атрибут любого государства. На процессы урбанизации в странах дальневосточного региона очень велико было воздействие городов императорского Китая. Главной причиной урбанизации в средние века было развитие производительных сил: рост общего объема сельского хозяйства и ремесленной продукции, часть которой поступала на рынки, расширение добычи металла и увеличение количества монеты в обращении. Процесс урбанизации в Китае шел разными путями. Одни города возникали на совершенно новых местах: пограничные города крепости, торговые и ремесленные центры на больших реках и в местах добычи сырья, морские гавани. Другие развивались на основе континуитета – продолжение городских традиций конца древности – начала средневековья, третьи отстраивались заново на местах разграбленных древних городов (Стужина, 1979, с. 13–14).

Многие особенности формирования древнего города не могут быть раскрыты без археологических реконструкций. Основываясь на археологических и исторических данных, российскими исследователями сейчас выделяются восемь признаков города: 1 – появление дворцовых комплексов, 2 – строительство монументальных храмов и святилищ, 3 – выделение престижных зон, 4 – отличие политико-административного и культурного ядра от других построек, в том числе по составу находок, 5 – наличие царских гробниц и захоронений, 6 – монументальное искусство, 7 – письменность, 8 – количественные показатели, выражаемые в численности населения, размерах поселения и т.д. (Гуляев, 1979; Сайко, 1973; 1996). Этот перечень показателей можно было бы продолжить, если обратиться к конкретным историческим периодам.

Археология дает возможность изучать древние поселения, выделяя их характерные этапы застройки, планировку, делать анализ вещевого инвентаря и на основе этого строить социально-исторические реконструкции. Сейчас только исследования, производимые широкими площадями, позволили нам отнести многие горные городища Приморья к статусу городов. Это в первую очередь выделяется на основе изучения внутренней планировки городов. На примере трех наиболее изученных городищ, относящихся к периоду государства Восточного Ся, – Краснояровском, Шайгинском и Лазовском, – мы постараемся показать характерные черты городов этого периода и их зависимость от функционального назначения.

В государстве Восточное Ся существовали столичные, областные, уездные города, а также военные поселения. От функционального назначения города, в первую очередь, зависела его площадь. Судя по внутреннему устройству городов разного уровня, в них прослеживаются определенные каноны застройки, причем, характерные только для городов государства Восточного Ся.

Взятые для примера три города, относящиеся к одному историческому периоду, возводились по-разному. Шайгинское и Лазовское городища были построены на новом месте, Красноярское же на последнем этапе своего существования было возведено не на пустом месте, а перестроено из уже существовавшего города. Судя по внутренней топографии этих памятников, в них довольно четко выделяются зоны социальной застройки: Запретный город, Внутренний город, район проживания чиновников и знати, место пребывания военачальника или коменданта города, ведомства делопроизводителей, государственные склады и мастерские, а также места нахождения рядовых жителей города, заселение которых происходило квартально, выделяются районы ремесленников и воинов. Все это дает возможность отнести эти городища к статусу городов, но с разными функциями.

Красноярское городище находится в 3 км к югу от г. Уссурийска Приморского края. По типу памятников оно относится к горным городищам, хотя его можно отнести к типу горно-равнинных укреплений (рис. 1). Оно имело площадь 180 га, обнесенную по периметру земляными валами высотой 2–6 м, протяженностью более 7 км, охватывающими горный утес, на территории которого расположено несколько довольно ровных плато, пересеченных оврагами. В плане городище близко к треугольнику, острый угол которого направлен на юг. Сложная система фортификационных сооружений сделала укрепление практически неприступным. До сих пор этот памятник демонстрирует мощную систему обороны, которая хорошо прослеживается и сейчас. Наиболее доступная сторона городища – южная, поэтому именно в этом месте идет двойная линия высоких валов, расстояние между которыми более 10 м. С этой же стороны сейчас протекает небольшой ручей, который во время дождей, превращается в своеобразный ров.

Оборудованием, примыкающим непосредственно к крепостным стенам, являются ворота. На внешнем вале Красноярского городища в настоящее время насчитывается 14 разрывов, причем многие из них можно назвать шлюзами для вывода сточных вод за пределы крепости. Парадными или центральными воротами являются, которые расположены в юго-западной и южной части городища. Наиболее парадно оформленные – это юго-западные ворота. Они представляют собой проход шириной около 10 м, с обеих сторон к которому подходят валы высотой 6–8 м. Последние делают поворот почти на 90 градусов вовнутрь городища, создавая тем самым проход протяженностью 30 м. После чего правая от входа сторона вала делает Г-образный поворот, образуя так называемый «захаб». Здесь следует отметить, что перед воротами существует довольно сложный рельеф местности: сама сопка напоминает большой распадок с боковыми ответвлениями в виде оврагов. Между ними выявляются, как бы «языки», которые можно принять за траверсы. Они располагаются с двух сторон от прохода ворот. Эти земляные преграды, выступают поперек ложины. Они достаточно ровные в верхней части. На них могли размещаться как лучники, так и камнеметные машины. От захаб вала расходятся под прямым углом в разные стороны, затем делают еще один поворот под 90°. Такая система поворотов валов давала возможность держать хорошую оборону центральных ворот, обстреливая со всех сторон противника.

Восточнее от центральных ворот находились следующие ворота, также оформленные захабом. Валы в этом месте достигают высоты до 7 м, ширина разрыва более 10 м. Эти ворота также представляют собой довольно внушительное сооружение. От ворот во внутреннюю часть городища отходит два оврага, у основания которых находились водоемы.

Далее на восток располагались еще одни ворота, также оформленные захабом. От них во внутреннюю сторону городища идет длинный овраг, уходящий своей северной стороной на территорию Внутреннего города.

Следующие ворота, на южной стороне городища, являлись входом во Внутренний город. Они были глубоко втянуты во внутреннюю часть городища и были оформлены также «ловушкой». Судя по топографии местности, они имели дополнительную преграду в виде понижения, через которое осуществлялся въезд в городище.

Другие ворота располагались в северо-восточной части памятника. В настоящий момент они представляют собой разрыв в земляном валу, шириной около 4–5 м. Вал на этом участке имеет высоту 3,5–4 м. С внешней стороны от него прослеживается еще две линии земляного

вала высотой 0,7 м, повторяющих форму основного. Вал в этом месте памятника очень извилист. Он вписывается в рельеф местности, а в районе ворот делает П-образный изгиб, втянутый вовнутрь городища, тем самым создавая хорошую возможность для защиты ворот.

По внешнему оформлению ворот их можно разделить на два типа: первый – разрыв между валами не имел оформления, иногда в просвете между разрывами с внутренней стороны находился прикрывающий валик; второй сделан в виде захаба. Несмотря на то, что ворота отличаются друг от друга по оформлению, но объединяет их один принцип постройки – все они как бы втянуты во внутреннюю сторону крепости.

Практически на всех чжурчжэньских городищах прослеживаются башни, но на Красноярском городище крутые склоны извилистой сопки позволили строителям городища обойтись без них. В крепости хорошо видны повороты вала под прямым углом, с сильно выступающим вперед поворотом, очевидно, они имели функции барбет для катапульта.

В юго-восточной стороне городища, где вторая линия валов довольно низко спускается к подножью сопки, нами были обнаружены два дополнительных редана в виде примыкающих к подножью сопки «языков». Подобные реданы известны на Шайгинском, Новонежинском городищах и на городище Круглая Сопка.

На северо-восточной, восточной и западной оконечностях городища прослеживаются дополнительные укрепления – выходящий на гребни сопки вал поперек перегораживался линией вала – рондели.

Внутри крепости сейчас насчитывается около 20 водоемов, которые были предусмотрены на случай осады города.

Интересной особенностью Красноярского городища является юго-восточная сторона, где на поле находился обвалованный участок, площадью около 1 га, примыкающий вплотную к городской стене. Этот участок довольно ровный, имеет два входа. Один из них оформлен «ловушкой». Предварительный разрез вала последнего дал возможность проследить слоистость в насыпке вала. Причем по качеству сооружения он близок к валу первоначальной насыпки вала внутреннего города. Вполне возможно, что этот участок был построен одновременно во время первого строительства городища. На это, возможно, указывает и то обстоятельство, что валы обвалованного участка на поле вплотную примыкают к валам внутреннего города.

Судя по оборонительным сооружениям Красноярского городища, при строительстве столичного города были применены лучшие и отработанные фортификационные приемы, впитавшие в себя национальные традиции, которые формировались, как нам кажется, под когурёским влиянием строительства горных крепостей. Но здесь следует подчеркнуть, что при строительстве крепостей когурёсцы рядом с долинной крепостью возводили горную на случай обороны. У чжурчжэней же мы видим, что большинство городищ не имеют долинных городов-спутников. За исключением Красноярского городища. Рядом с ним, на расстоянии 3 км находится Южно-Уссурийское долинное городище, на котором сейчас обнаружен слой, относящийся к государству Восточное Ся. И, скорее всего, эти городища представляли собой единый мегаполис, в котором Красноярское городище могло исполнять функции горной крепости, как этого применяли в Когурё и Корё.

Внутренняя топография полностью подчинена рельефу местности. Распадок, находящийся в восточной части городища, проходящий в направлении северо-запад – юго-восток, делит его на две части, в каждой из которых находились обвалованные участки. В северо-восточной стороне городища их зафиксировано два. Они представляют собой многоугольники площадью 1 га и 1,2 га, обнесенные валами высотой 0,5–0,7 м. В настоящий момент они практически уничтожены современными огородами. В юго-восточной части памятника расположен еще один обвалованный участок – Внутренний город, площадью 35 га, с высотой валов 3–5 м. Вся территория Внутреннего города земляными валами разделена на социально значимые участки. В центральной части находился Запретный город – императорская ставка, где располагались дворцовые сооружения. Южнее от них исследовано, возможно, культовое сооружение – буддийский храм. В восточной стороне находились государственные мастерские по выплавке железа и бронзы, а также государственные склады. Северная часть Запретного города была заселена кварталом чиновников и крупных должностных лиц.

В западной части Внутреннего города раскопан редут – четырехугольное укрепление размерами 20 × 30 м, ставка военачальника или коменданта (Артемьева, 2003, с. 139–146). Недалеко от него находился квартал административных учреждений. Здесь было исследовано ведомство Шаофудцзянь которое относилось к внутреннему управлению императорского двора и вело всеми государственными ремесленными и строительными делами, а в Восточном Ся это ведомство также занималось изготовлением и эталонных весов (Артемьева, 2001, с. 91–100).

Исследования внутреннего города показали, что первоначально на этом месте был построен город-крепость, существовавший до образования государства Восточное Ся. Это хорошо фиксируется археологически. Нами выделено три строительных горизонта в центральной части Внутреннего города, а также обнаружена достройка валов Внутреннего города и редута (Артемьева, 2000, с. 16–18). Один строительный горизонт отмечается только на территории внешнего города. В северо-восточной части памятника вскрыты остатки 21 жилища, хозяйственные дворы, производственные объекты. Здесь было обнаружено четыре улицы, выявлены расстояния между домами, прослежена внутренняя топография этого участка. Практически во всех жилищах найдены следы перестроек канов. При их строительстве часто вместо камней, как строительного материала, применяли уже использованный кирпич, базы от колонн, обломки жерновов, облицовочных каменных плит. Стратиграфия этого участка очень простая: под слоем дерна шел наносной слой, под которым располагался культурный, покрывающий материк. Такая же ситуация была прослежена при раскопках четырех жилищ в северо-западной части городища. Жилые объекты располагались вплотную. Судя по большому количеству военного инвентаря, обнаруженного в этих жилищах, можно предположить, что именно в этом месте находился военный гарнизон. Таким образом, внешний город является однослойным памятником. Заселение здесь происходило на втором этапе жизнедеятельности городища.

Наши исследования убедительно доказывают, что Красноярское городище – это многослойный памятник, относящийся к чжурчжэньской эпохе. Первоначально на месте, где сейчас располагается Внутренний город, был построен город-крепость, прикрывавший доступ в долину, где находились два чжурчжэньских долинных городища – Южно-Уссурийское и Западно-Уссурийское. Причем крепость существовала до 1215 г., то есть до образования государства Восточное Ся. После прихода Пусяня Ваньну и учреждения на этом месте нового города старый перестраивается. Его территория превращается в императорскую резиденцию, вокруг которой строится новый столичный город, по размерам значительно больше других средневековых памятников.

В нем были сосредоточены политическая власть и военно-административный аппарат. Он являлся узловым очагом торгово-ремесленной активности и духовной жизни государства, а также крупным центром, которому подчинялись и были с ним экономически связаны другие города. Находки керамики, к примеру, на Ананьевском городище, убедительно доказывают существование экономических связей между этими поселениями. Сосуды, обнаруженные на Красноярском и Ананьевском городищах, полностью идентичны – изготовлены по одному стандарту и обожжены в одних печах.

Известно, что в Восточном Ся существовало три столицы: Верхняя, Южная и Северная. Местонахождение Северной столицы пока точно не установлено, хотя по косвенным данным ее идентифицируют с горным городищем в уезде Нинъань провинции Цзилинь. Южная столица отождествляется с горным городищем Чэнцзышань, расположенным на юго-востоке провинции Цзилинь. Местонахождение главной – Верхней столицы – города Кайюань связывают с Красноярским городищем (Артемьева, 2006, с. 209–211). Городище имеет очень большую площадь – 180 га, большой внутренний город, внутри которого находится запретный город и административные кварталы со зданиями колоннадного типа под черепичной крышей. Идентификация этого городища с Верхней столицей государства стала бесспорной после эпиграфических находок на этом памятнике. Там обнаружены печать Еланьского мэнъаня, сделанная в 7-м году «Тянь-тай» (1222 г.) и девятнадцать эталонных весовых дисков с датой выпуска «7 год Да- тун» (1230 г.), т.е. с девизами правления Пусяня Ваньну. Там же были найдены еще две печати. 1 – печать моукэ Синьлинхэ единшань (1170 г.). На ребре пе-

части обнаружена надпись: «Подчинен – (название) мэнъаню». На обратной стороне клеше, под ручкой прочеканены две строки надписей: «6-й месяц 10-го года Да-дин» (1170 г.); «(Сделано ведомством Шаофудзянь». 2 «Печать гоудангунши». «Сделано в день 12-го месяца шестого года эры правления Тянь-тай» (1221 год). Эта печать выдавалась в качестве удостоверения чиновникам, временно командированным для решения казенных дел, связанных с деньгами, продовольствием или материальными ценностями.

На Красноярском городище прослежены все признаки восточного средневекового города. Но, хотелось бы отметить, что в первую очередь, чжурчжэньские города XIII в. были административными центрами, в которых находились представители центральной власти, управляющие соответствующими территориями. В тех военных условиях, в которых было образовано и существовало государство Восточное Ся, необходима была исключительно сильная государственная власть и строжайшая централизация. Несмотря на то, что товарно-денежные отношения в этот период были довольно развитые, ремесло носило преимущественно государственный характер, торговля также находилась под строгим контролем государства, поэтому города не могли играть заметной социально-экономической роли, а являлись преимущественно административно-политическими центрами с военными, общественными и экономическими функциями. В них размещались военизированные общины мэнъань (тысячедворки) и моукэ (стодворки).

Другим хорошо исследуемым памятником на территории Приморья является Шайгинское городище, которое находится в 7 км к югу от с. Сергеевка Партизанского района. Это горное городище, расположенное в распадке между сопками (рис. 2). Его площадь около 45 га, общая протяженность вала, проходящего по гребням сопки, 3600 м, высота его варьирует в пределах от 0,5 до 4 м в зависимости от степени уязвимости участка городища (Артемьева, 2009, с. 4–7). Вал шел по гребню склонов сопки, за исключением восточной оконечности, где мыс сопки переходит в гряду гор. В этом месте вал перегораживает или отсекает гряду, тем самым замыкает восточную сторону городища.

На городище выявлено четверо ворот – центральные и дополнительные. Центральные ворота находились в северной стороне памятника, в том месте, где внешний отрог имел не очень крутые склоны, а плавно спускался в долину р. Партизанской. Они построены в характерной традиции для средневековых государств Дальнего Востока. Ворота расположены в самой низкой части хребта, который является естественной северо-западной границей городища. От ворот за пределы городища ведет дорога, которая до сих пор прекрасно прослеживается на склоне сопки. Центральные ворота оформлены Г-образным захабом – дополнительным защитным валом перед воротами, длиной около 30 м. Он являлся серьезной преградой для проникновения противника на территорию города. Он был перегорожен двумя воротами – у выхода и входа в городище. Сам проход выложен камнями. Его боковые стенки и место поворота захаб закрепились деревянными стенками. Ворота в город были украшены аркой из черепицы. Ворота были деревянными, высотой около 4 м, шириной 6 м и, скорее всего, состояли из двух частей.

Дополнительные ворота на Шайгинском городище находились в юго-западной стороне и северо-восточной. Такого типа ворота обычно не оформлялись дополнительными устройствами. Они прослежены в виде разрыва в валу, шириной от 6 до 9 м. Ворота в юго-западной части городища, которые находились у начала распадка, одновременно могли служить шлюзом для вывода воды. С внутренней части городища с левой стороны от входа дополнительных ворот, сейчас видна груда камней. Такие скопления камней часто прослеживаются на горных городищах и именно у дополнительных ворот.

Еще двое ворот находились в северо-восточной стороне городища. Одни – в виде разрыва в валу, – располагались на небольшом хребте, уходящем в долину. Из этих ворот выходит дорога. Ворота с двух сторон защищались барбетами. Другие ворота также были сделаны за счет разрыва в валу, но здесь с внешней стороны прослежено С-образное укрепление.

В наиболее уязвимых местах город укреплялся дополнительными линиями валов – это юго-восточная и юго-западная части памятника.

Для большей обороноспособности вал вокруг городища и ворота усилены фортификационными земляными укреплениями – башнями, барбетами, ронделями и реданами.

На Шайгинском городище фортификационные дополнительные пристройки к валу по способу сооружения и местонахождению можно разделить на три вида – башни, рондели, барбеты.

Башни представлены в виде круглых насыпей, немного возвышающихся над валом. Их обнаружены четыре, рядом с центральными воротами. Две башни построены справа и слева от внутреннего входа центральных ворот, и возможно, использовались при оформлении арки над воротами. Две другие были сооружены на приблизительно одинаковом расстоянии (около 50 м) на восток и запад от ворот, прикрывая вход в городище.

Барбеты – насыпные площадки, представляющие собой П-образный (трапециевидной формы) выступ вала на наружную сторону крепостной стены, площадью от 8 × 5 м до 10 × 15 м. Эти сооружения использовались для установки камнеметов. Они размещались на северном и восточном участках вала городища, т.е. в местах, где была необходима усиленная защита. Их обнаружено одиннадцать, сооруженных на разных расстояниях друг от друга, за исключением двух барбет, прикрывающих центральные ворота городища. Здесь они находятся от ворот справа и слева на расстоянии 70 м.

Рондели строили на местах поворота вала, там, где две сопки прикрывают вход в городище. Они несли не столько оборонительную функцию, сколько наблюдательную и сигнальную.

К фортификационным сооружениям Шайгинского городища также относится редан – земляное дугообразное укрепление, построенное у подножья городищенской сопки с южной стороны, в самом уязвимом в плане обороны города месте. Это укрепление выступало от склона сопки на расстояние более 40 м, его внутренняя площадь достигала около 500 кв. м (30 × 18 м). Редан был обнесен тремя линиями валов. Первый, внутренний вал, имел высоту 5 м и ширину у основания 15 м. Он до сих пор представляет собой довольно мощное сооружение.

Интересной особенностью Шайгинского городища является его внутренняя застройка – оба склона распадка представляют собой лестницу из террасовидных площадок искусственного происхождения, на которых размещались жилые и производственные комплексы. На городище хорошо прослеживаются дороги, соединяющие разные участки поселения.

Изучение внутренней топографии Шайгинского городища дают возможность проследить черты городской застройки, которая велась по заранее продуманному плану. Хорошо видны социально-престижные зоны. Это, в первую очередь, Запретный и Внутренние города. Запретный город размещался в довольно обособленном месте. К нему от центральных ворот городища шла дорога, заканчивающаяся у парадно оформленного входа. Его площадь около 0,8 га. С четырех сторон он обнесен земляным валом и разделен на три части. В центральной части исследована постройка большой площади (104 кв. м), которую можно отнести к дворцовым сооружениям. Рядом с ней находились менее престижные помещения.

В юго-восточной части городища располагались два внутренних города. Исследования велись на одном из них, где обнаружены государственные амбары и склады. Рядом с этими объектами находился редут – ставка военачальника города.

По анализу обнаруженного вещевого материала, население городища группировалось по профессионально-производственным и социальным признакам на отдельные кварталы. Эти кварталы имели естественные границы и не были замкнутыми, обнесенными валами. Район проживания крупных должностных лиц располагался в юго-западной части городища. Со всех сторон он был отделен от города: с южной – крепостным и дополнительным валами, с западной – дополнительным валом, с восточной и северной – валами Внутреннего города. Внутри этого квартала находился редут.

В северо-западной части городища выявлен район средневековых металлургов. На его территории располагались металлоплавильные и металлообрабатывающие мастерские.

Следы ремесленного производства встречены и других районах городища. Кварталы ремесленников концентрировались в определенных местах памятника, это говорит о планомерности заселения города. Все функции, связанные с организацией города, его благоустройст-

вом, выполняли государственные административные органы. В их ведении находились все внутренние строительные работы по прокладке и сооружению дорог, колодцев, жилищ и т. д.

Особенностью Шайгинского и некоторых других городищ является усадебная застройка, которая характеризуется наличием на одной террасе жилища и хозяйственной постройки, например, свайного амбара. В тех случаях, когда рядом с жилищем не было хозяйственных построек, там зафиксированы хозяйственные дворы. Встречаются жилища и без хозяйственных дворов и построек.

Чжурчжэни, приспосабливаясь к рельефу местности, вырабатывают свой стиль в постройке усадеб. Усадьба, в первую очередь, жилищно-хозяйственный комплекс, составляющий одно хозяйственное и архитектурное целое. Поэтому для выделения типа усадеб, в основу было положено месторасположение хозяйственного двора (с хозяйственными постройками и без них) по отношению к входу в жилище. Выделено три типа усадеб на Шайгинском городище: I тип – хозяйственный двор находится перед входом в жилище; II тип – хозяйственный двор располагается за жилищем, т.е. за противоположной от входа стенкой жилища. Причем следует отметить, что эти типы усадеб жилища имеют вход с короткой (поперечной) стороны; III тип – хозяйственный двор построен сбоку от входа, а фасадная сторона всегда находится на длинной (продольной) стене. 60% жилищ Шайгинского городища имеют хозяйственные дворы, из них к первому типу усадеб относится 34% жилищ; ко второму – 12%; к третьему типу – 14%. Усадьбы, во дворе которых располагались хозяйственные дворы, составляют 30%. Судя по археологическому материалу, они явно принадлежали состоятельным слоям населения. Усадьбы определенного типа концентрировались в разных районах городища. Юго-западная часть города, где предположительно проживали чиновники, занята усадьбами I типа, II тип усадеб тяготеет к юго-восточной части городища, а III тип – к северо-западной, где располагался квартал ремесленников. Очевидно, планировка усадеб была связана с социальной принадлежностью и характером производственной деятельности хозяина дома.

Несомненно, что Шайгинское городище – это средневековый город с многочисленным населением и вместе с тем крупный административно-хозяйственный центр, вполне возможно, со столичным статусом. На городище сейчас раскопано 290 жилищ – это около 2/3 площади городища. Таким образом, можно предположить, что на городище существовало около 400 жилищ. Возможно, это соответствует мэнъянь времени Восточного Ся. Высокий статус Шайгинского городища подтверждают эпиграфические материалы, обнаруженные на этом памятнике: печать чжичжуна – помощника начальника области или делопроизводителя в областной администрации империи Цзинь и государства Восточного Ся (Ивлиев, 2006, с. 109–113); серебряная пайцза, уполномоченного посланца императора, выпущенная в Восточном Ся (Ивлиев, 2000, с. 181–184), эталонные гири, весовая чашечка с девизом правления Пусяня Ваньну, большое количество престижных вещей – зеркал, амулетов, печатей чиновников изготовленных из камня, в том числе нефрита, бронзы, железа. Сейчас Шайгинское городище идентифицируется с областным центром, существовавшим в государстве Восточное Ся.

Хотя по вышеперечисленным данным Шайгинское городище явно имел функции столичного города, вопрос в том – когда и каким? Был ли этот город столицей во время расцвета государства Восточное Ся или же уже после подчинения монголам и после падения Красноярского городища (Кайюаня)? Если сравнить площадь, периметр валов и внутреннюю планировку Шайгинского городища с Южной столицей государства Восточного Ся – г. Чэнцзышань, расположенного у современного г. Яньцзи провинции Цзилинь, то здесь мы найдем очень много сходного. О местонахождении Северной столицы известно по находки печати и зеркала с надписями, содержащими девизы правления Восточного Ся и названия Северной столицы – Бэйцзин. Это позволило китайским исследователям предварительно идентифицировать с этим городом горное городище Чэнцзыхоушань в 3 км на северо-восток от Дабабу уезда Ниньянь провинции Хэйлуунцзян. Конечно, это смело с нашей стороны, но мы решимся предположить о возможности местонахождения Северной столицы на Шайгинском городище.

Система закрепления завоеванных земель путем переселения большого количества народа на новые земли у чжурчжэней появляется в начале XII в. Это осуществлялось благодаря военным переселенцам, объединенным в военизированные общины мэнъянь и моукэ. У чжур-

чжэней мэнъянь и моукэ являлись универсальными средствами организации освобожденного и завоеванного населения независимо от его национальной принадлежности. Они получали от правительства казенные наделы на льготных условиях, тягловый скот и инвентарь. Система мэнъянь и моукэ продолжала существовать и в государстве Восточном Ся. На территории Приморья многие городища могли иметь функции крепостей – военных гарнизонов, в которых размещались моукэ. К ним относится Лазовское городище, находящиеся в 7 км севернее пос. Лазо, в Лазовском районе (Леньков, Артемьева, 2003). Расположено городище на горном неприступном с трех сторон мысу (рис. 3). Почти вся площадь обнесена линией валов. Площадь городища 25 га. Восточная и юго-восточная стороны его спускаются в ложбину, через которую можно легко проникнуть на территорию городища, потому именно эти участки вала укреплены десятью башнями. Здесь находились центральные ворота, укрепленные довольно сложной системой оборонительных валов. Перед воротами проходит линия дополнительного вала с тремя разрывами. Северо-восточный разрыв защищен захабом и оборонялся башней.

Территория между дополнительным валом и основным представляет собой «ловушку». Вполне возможно, что этот участок городища был заселен, в настоящее время там прослеживаются террасовидные площадки. Центральные ворота также оформлены захабом. К северо-востоку от них находится еще два разрыва в валу, укрепленные тремя башнями. Таким образом, если враг прорывал первую линию обороны – дополнительный вал, то он оказывался в «ловушке».

Вторые ворота в виде разрыва вала, дополнительные, находились в северо-западной части городища. Снаружи они укреплены небольшим валом. Проход через вторые ворота шел по ложбине, которая ведет на территорию городища. По ложбине протекал ручей, вода из которого проходила через ворота. Такое же назначение имели, вероятно, разрывы вала в юго-западной части городища, так как через эти разрывы проходят овраги. Необходимость вывода вод за пределы городища возникала довольно часто во время ливней. Это учитывалось древними строителями. Рядом с воротами находились две груды камней.

Отходящая от северо-западных ворот ложбина разделяет внутреннюю территорию городища на две части. В северо-западной части, которая представляет собой склон сопки, видны ряды террасовидных площадок, сгруппированных в кварталы.

Судя по наличию террасовидных площадок, на юго-восточной части городища находилась основная масса жилищной застройки, причем здесь также прослеживаются ряды жилищ.

Внутренний город находился в северной части памятника. Он представлял собой четырехугольник, обнесенный земляным валом, площадью около тысяча кв. м. На территории Внутреннего города прослеживаются большие террасовидные площадки, две из которых раскопаны. На одной было обнаружено здание колоннадного типа, на другой большой свайный амбар.

В юго-восточной части от Внутреннего города до центральных ворот прослежено несколько рядов жилищ с хозяйственными дворами. Судя по находкам, в этом районе располагался квартал ремесленников.

Редут находился в юго-западной части городища, в 70 м от западных ворот и представлял собой прямоугольник площадью 25 × 25 м, ориентированный углами по сторонам света. Высота вала около 2,5 м, ширина 8 м. Рядом с ним, скорее всего, находился квартал чиновников, жилища которых имели площадь более 40 кв. м.

Южнее редута располагалась государственная мастерская, которая представляла собой обвалованный четырехугольник, площадью 250 кв. м (50 × 50 м). Всю восточную сторону мастерской занимали объекты производственного назначения: 7 печей по обжигу керамики, ямы, два помещения для хранения продукции.

К настоящему времени на городище вскрыто 68 жилищ, здание колоннадного типа, большой амбар, редут с четырьмя жилищами и мастерская по обжигу керамики. Вскрытая площадь не велика, но здесь хорошо прослеживаются два строительных горизонта. После первоначального заселения городище подвергалось перестройке. Новые постройки на памятнике были возведены на тех же самых террасовидных площадках, где и прежде находились жилища. Старые дома засыпались, на их месте возводились новые, больших размеров.

Сейчас мы можем отметить, что небольшие по площади городища, такие как Лазовское, Ананьевское, Екатерининское, Зареченское, Известковая Сопка, Дубовая Сопка, Шкляевское, Константиновское, относятся к военным поселениям – моукэ, с военно-сторожевыми функциями. Все эти поселения были связаны между собой не только административным соподчинением, но и дорогами, пересекающими губернию Сюйпинь, в которой находился Еланьский мэнъань, во всех направлениях, соединяя наиболее важные центры. Неудивительно, что многие городища находятся на местах стратегического значения – горных перевалах, хорошо выделяющихся среди долин сопках, возле больших рек, очевидно, на пересечении дорожных трактов.

Заселение свободных земель на окраинах собственной страны было связано с целью защиты от монгольского вторжения. Важным звеном местной администрации в этом государстве стали главы чжурчжэньских общин – мэнъань и моукэ (Воробьев, 1975, с. 132–135). Они продолжали действовать как военачальники и администраторы, а также выполняли функции гражданской администрации. Это было связано еще с тем, что главы мэнъань и моукэ всегда находились в местах назначения. То, что у чжурчжэней на территории Приморья применялась система мэнъань и моукэ, нашло подтверждение благодаря обнаруженным государственным печатям, найденным на Краснояровском, Ананьевском и Новонежинском городищах.

Вышеописанные города имели разное функциональное назначение – столица, окружной центр и военное поселение. Несмотря на это, при их строительстве использовались определенные традиции, характерные только для городов государства Восточного Ся.

Крепость строилась на горном отроге, который контролировал, прилегающую долину, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защиты. С трех сторон городище защищено крутыми горными склонами. Местность выбиралась с учетом военной топографии – поля и река, омывающая с трех сторон городище, являются важными коммуникационными элементами. Стены крепости сооружались с учетом отвесности скал, тем самым увеличивая их высоту, и исключало необходимость устройства рвов. На территории городища всегда находились распадки, которые давали возможность следить за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников. Наличие в горных крепостях многочисленных источников пресной воды обеспечивало потребность их защитников. Если обратить внимание на рельеф местности, который использовали чжурчжэни при строительстве городов в государстве Восточное Ся, то здесь можно найти аналогии с когурёскими крепостями, при возведении которых использовался рельеф «горобон» (Когурё мунхва, 1972).

Чжурчжэни при строительстве горных городов, в первую очередь, создавали неприступные крепости. Высокие валы укрепляли дополнительными фортификационными пристройками – башнями, барбетами, ронделями и реданами. Въезд в главные ворота городов оформлялся Г-образным захабом. Дополнительные ворота строили в ущельях или распадках. Они использовались и как шлюзы для вывода сезонных вод. С внутренней стороны дополнительных ворот всегда прослежены с двух сторон скопления камней. Внутренняя территория городов всегда была разделена на социально значимые зоны, в которые входили: внутренний город, редут, кварталы чиновников, мастерские, жилые участки, расположение которых зависело от вышеперечисленных объектов. Жилища располагались рядами, группируясь в кварталы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что исследования на городищах, датированных временем существования государства Восточное Ся, дают нам возможность утверждать, что эти памятники имели статус городов с разными функциями. В них прослежены все признаки восточного средневекового города. Но, хотелось бы отметить, что в первую очередь чжурчжэньские города XIII в. являлись административными центрами, в которых находились представители центральной власти, управляющие соответствующими территориями. В тех военных условиях, в которых было образовано и существовало государство Восточное Ся, необходима была исключительно сильная государственная власть и строжайшая централизация. Несмотря на то, что товарно-денежные отношения в этот период были довольно развитыми, ремесло носило преимущественно государственный характер, торговля также находилась под строгим контролем государства, поэтому города не могли играть заметной социально-экономической роли, а являлись преимущественно административно-политическими центрами с военными функциями, которыми были наделены мэнъань и моукэ.

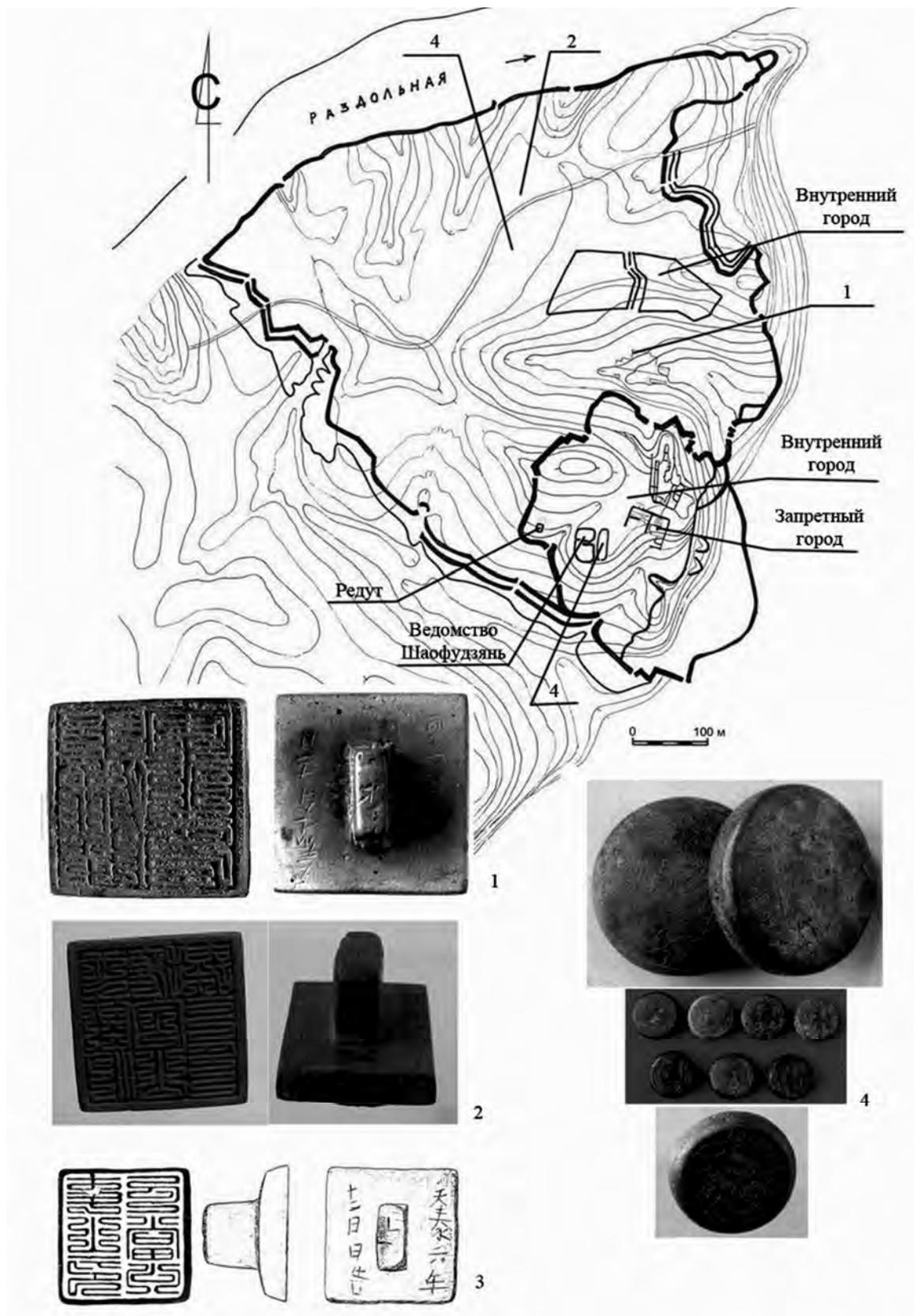

Рис. 1. План Красноярского городища. 1 – печать Еланьского мэньяня (1221 г.), 2 – печать моукэ Синьлинхэ единшань (1170 г.), 3 – печать гоудан гунши – чиновника, выполняющего особое поручение. 1221 г., 4 – бронзовые эталонные гири разных величине (1230 г.)

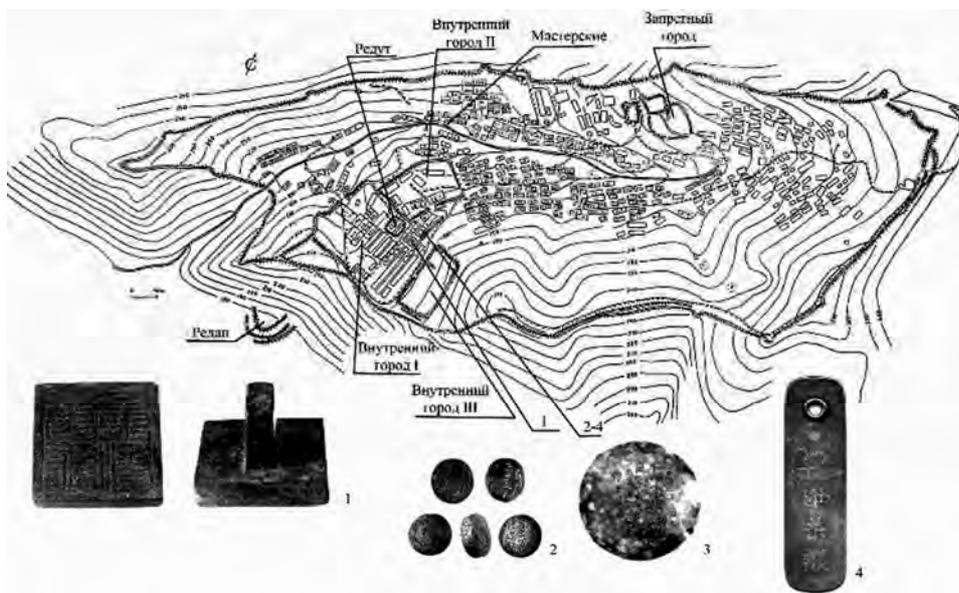

Рис. 2. План Шайгинского городища. 1 – печать чжичжуна – помощника начальника области, 2 – эталонные гирьки (1230 г.), 3 – чашечка от весов безмена, датируемая вторым годом эры правления Да-тун (1225 г.), 4 – пайца – государственное удостоверение

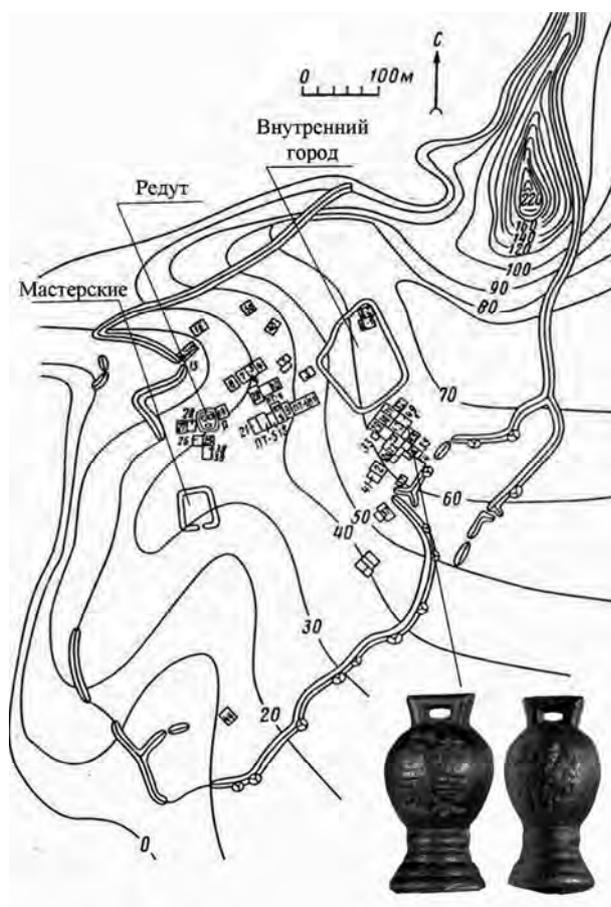

Рис. 3. План Лазовского городища. 1 – весовая гиря (Ляодунское ведомство по транспортировке налогов. Пятый год эры правления Тай-хэ (1205 г.)

Литература

Артемьева Н.Г. Этапы застройки Красноярского городища // Культурно-историческое наследие в XXI веке: перспективы сохранения и использования. – Владивосток: Приморский гос. центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2000.

Артемьева Н.Г. Столичное ведомство шаофуцзянь Восточного Ся // Вестник ДВО РАН. – 2001. – № 3.

Артемьева Н.Г. Редут Красноярского городища в Приморье // РА. – 2003. – № 4. – С. 139–146.

Артемьева Н.Г. Городища чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток, 2005. – С. 542–590.

Артемьева Н.Г. Внутренняя планировка Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: СО РАН, 2006.

Артемьева Н.Г. Фортификационные сооружения чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель-Алтай: Истоки евразийской цивилизации». I Международ. конгресс средневековой археологии евразийских степей. Тез. док. – Казань, Ин-т истории АН РТ, 2009.

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. – М.: Наука, 1975.

Гуляев В.И. Города-государства майя. – М.: Наука, 1979.

Ивлиев А.Л. Шайгинская пайцза в свете японской летописи // История и археология джальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: ДВГУ, 2000.

Ивлиев А.Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. – 2006. – № 2.

Когурё мунхва. – Пхеньян: Изд-во Академии общественных наук, 1972.

Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Средневековые города Приморья XII–XIII вв. Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 2003.

Сайко Э.П. Становление города как производственного центра. – Душанбе: Изд-во «Дониш», 1973.

Сайко Э.В. Древний город. Природа и генезис. Ближний Восток. IV–II тысячелетия до н. э. – М.: Наука, 1996.

Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв. – М.: Наука, 1979.

**ДРЫСТР – СИЛИСТРА
И ДУНАЙСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ БОЛГАРСКИХ ХАНОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.**

Проф. д.и.н. Георги Г. Атанасов

(Болгария, Силистра)

Средневековый Дрыстр является уникальным случаем в ранней истории Дунайской Болгарии VIII–IX вв., где часть структур большого античного города Дуросторум (античное название Дрыстра – Силистры) были восстановлены и вновь использованы для обитания и обороны. Действительно, в римских провинциях Скифия (Добруджа) и Вторая Мизия (Центральная и Северо-Восточная Болгария), на территории которых в VII–VIII в. сформировалась Дунайская Болгария, в II–VI в. существовали такие значимые городские и военно-стратегические центры как Одессос (Варна), Марцианополь (Девня), Томи (Констанца), Истрия, Новиодунум (Исакча), Абритус (Разград), Нове (Свищов), Никополис ад Иструм (недалеко от Велико Търново), Аксиополис (Черна Вода), Трансмариска (Тутракан), Деногения (Гарван), Берое, Дионисополис (Балчик), Калатис (Мангалия), Тропеум Траяни, Егисос (Тулча), Халмирис и многие другие. Однако в канун заселения болгарами во главе с ханом Аспарухом земель на Нижнем Дунае в конце VII в. зарегистрирована жизнь только в Дуросторуме, Новиодунуме, Истрии и, возможно, в Калатисе и Одессосе, где были обнаружены отдельные византийские монеты второй половины VII в. (Mănușa-Adameștesnu, 1991, p. 299–303; Oberländer-Târnoveanu, 1995, p. 158–159; Chiriac, 1995, p. 133–135; Атанасов, 1996, с. 3–4; Атанасов, 2001, с. 185–187; Торбатов, 2002, с. 191–192). Все остальные города и крепости между Дунаем и Балканом, число которых в VI в. превышало 250, были разрушены и покинуты преимущественно в результате славяно-аварских нашествий во второй половине VI в. и первой четверти VII в. (Димитров, 1993, с. 3–19; Madgearu, 1997, p. 18–19; Атанасов, 2001, с. 185–187). Именно когда хан Аспарух заселился в Онгл около дунайской Дельты и захватил Северо-Восточную Болгарию, тогда и эти несколько центров с византийским присутствием между Дунаем, Балканом и Черным морем были покинуты. Действительно, самые поздние монеты, печати и находки, которые там обнаружены, являются предметами времен византийского императора Константина IV Погоната (668–685), разбитого ханом Аспарухом в Онгле.

До сих пор не было зарегистрировано признаков восстановления жизни и вторичного использования структур (преимущественно фортификационных сооружений) ни в одном из вышеупомянутых римских городов в первом столетии после создания Дунайской Болгарии, т.е. с конца VII до конца VIII в. Кроме того, несмотря на многолетние исследования, нет никаких доказательств присутствия жизни и в сотнях небольших позднеантичных и ранневизантийских укреплений в данном регионе. Установлено, что только в период между началом и серединой X в. фортификационные сооружения некоторых крепостей IV–VI вв. как Диногения, Капидава, Аксиополис, Одессос, Одырци, Адина (Балик), Новиодунум, Абритус и др. были частично восстановлены заселившимся в них староболгарским населением, а позже (в конце X – начале XI в.) благодаря тому, что в них были размещены византийские гарнизоны. В VIII–IX вв. болгары создают свою сеть поселений и систему крепостей без всякого стремления к вторичному использованию позднеантичного наследия. Поэтому, в принципе, ханские резиденции (аулы), укрепления, крепости и поселения возникают *ad fundamentum* на необитаемых до этого территориях. На этом фоне Дуросторум – Дрыстр действительно является исключением без аналога, так как письменные источники и археологические исследования свидетельствуют об активной жизни и вторичном использовании позднеантичной крепости еще в языческий период Первого Болгарского царства. Староболгарский источник, каким является Болгарская апокрифическая летопись, относит возрождение жизни в Дрыстре даже еще до создания Дунайской Болгарии ханом Аспарухом: „Испор (Аспарух) создал великие города: на Дунае город Дрыстр» (Иванов, 1970, с. 280–284; Дуйчев, 1940, с. 154–156). В подобном духе звучат слова хрониста Генезия, написанные в X в., который, полагаясь на более древние источники, свидетельствует о болгарском

владельцев «Булгаре, которого ромеи позволили ему заселиться в Доростоле и Мизии» (ГИБИ, VIII, 1961, с. 334–335). И, наконец, вот что утверждает византийский император Роман Лакапин (920–944) в своем письме болгарскому царю Симеону: «Доростол и другие упомянутые места были под властью предыдущих императоров, а теперь принадлежат Симеону» (ГИБИ, VIII, 1961, с. 304). Однако какое-либо отношение Дрыстра к строительной деятельности первого болгарского владельца Аспаруха в конце VII – начале VIII вв. еще не доказано. Оказывается, что достигшая до нас болгарская апокрифическая летопись, которая часто цитируют исследователи, является редакцией не XI в., а середины XIII в. (Diasconi, 1993, p. 301–305; Атанасов, 2009, с. 20–23), что говорит о ее сильно компилятивном характере. Сочинение Генезия тоже является довольно поздним и также имеет компилятивный характер, о чем говорит и подмена имени Аспаруха этнонимом Булгар. И, наконец, в результате 45-летних археологических исследований мы не имеем достаточно убедительных находок, в том числе и монет, указывающих на болгарское присутствие в конце VII – второй половине VIII вв. Действительно, во время археологических раскопок на южных воротах и объектах по дунайскому берегу было обнаружено некоторое количество находок славянской керамики и керамики типа Пеньковка (рис. 2; 3), но их датировка ограничивается VI и VII вв. и, скорее всего, они имеют отношение к концу жизни в римско-византийском Дуросторуме-Доростоле второй половины VII в. (Ангелова, 2002, с. 12; Ангелова, 2003, с. 184; Angelova, Koleva, 2004, S. 20–21, 28). В сущности эта керамика обнаружена в пластах вперемешку с ранневизантийской керамикой VI в., что указывает на то, что, вероятно, речь идет о славянах, обитавших недолго в Дуросторуме и его окрестностях в качестве федератов-лимитанов (Angelova, Koleva, 2004, S. 20, 29). Показательны также следы пожаров и тот факт, что самые поздние монеты, найденные в ранних пластах, принадлежат Константину IV Погонату (668–685). Исходя из этого можно предположить, что Дрыстр не был построен, а скорее всего, разрушен ханом Аспарухом, причем последние его обитатели (по всей вероятности, это был небольшой византийский гарнизон) – носители позднеимперской городской традиции, были выгнаны. Замечателен и тот факт, что в прилегающей к Дрыстру–Силистре местности не были зарегистрированы ранние праболгарские и славянские языческие некрополи, что является обычной картиной для военно-административных центров VIII в.

Самые ранние аутентичные памятники, свидетельствующие о присутствии болгар на территории античного Дуросторума, датированы концом VIII – началом IX в. В первую очередь это керамические фрагменты, обнаруженные под основами кафедральной базилики на дунайском берегу и к западу от нее (рис. 4; 6). По мнению исследователей, речь идет о двух типах керамики, которая в целом датируется концом VIII – началом IX в. (Angelova, Koleva, 2004, S. 29, Abb. 5). Это фрагменты приземистых кувшинов сферической формы из тонко очищенной глины серо-черного цвета, со следами полировки поверхности (рис. 4: 3; 5) и высокие кувшины из глины с примесями коричневого цвета, внешняя поверхность которых плотно покрыта параллельными волнообразными врезанными линиями (рис. 3; 4: 1, 2). В этой части исследуемой территории были зарегистрированы фрагменты плоскодонных амфор, круглые амфорные печати и роскошная константинопольская керамика из белой глины (рис. 6), причем самые ранние типы тоже относятся к концу VIII – началу IX в. (Ангелова 2003, с. 194, табл. VI). В Силистре случайно был обнаружен и кувшин серо-черного цвета с врезанным знаком под горлышком (рис. 7) – часто встречаемый тип в языческих некрополях конца VIII – начала IX в. (Манчева, 1986, с. 103, табл. II, 14, III, 14). Керамика не поддается достаточно точной датировке, чтобы могла бы способствовать определению нижней границы возрождения жизни в Дуросторуме–Дрыстре после создания Дунайской Болгарии. Более того, как было упомянуто выше, речь идет об очень ограниченных количествах керамических находок – преимущественно это мелкие фрагменты, что не дает возможности составить их типологию и классификацию, соответственно, сделать более полные и точные выводы насчет хронологии. Этот пробел восполняется несколькими аутентичными надписями хана Омуртага (814–831), которые были обнаружены в Силистре. Из первой надписи, высеченной на мраморной плите, сохранились три части (рис. 8, 8а). Она повествует о победах хана Крума (803–814) над Византией и о жертвоприношениях, которые он совершил перед воротами Константинополя в 813 г. (Бешевлиев, 1979, № 3, с. 115–120). Кроме того, в Силистре были найдены еще три другие надписи (рис. 9–11),

которые большинство историков относит ко времени хана Омуртага (Бешевлиев, 1979, № 91, 92, 94, с. 239–241). И, наконец, в 1997 г. во время археологических работ на массивном здании к югу от средневековой кафедральной церкви, расположенной у берега Дуная в Дрыстре, был найден фрагмент колонны (Ангелова 2003, с. 191), на которой высечена надпись (Атанасов, 2011) (рис. 12; 12а):

**KANASYVIGI OMORTAG KANA YUVIGI /пълководец/ОМОРТАГ
СГРАТИГОС СТРАТЕГЪТ**

На второй строке после СГРАТИГОС невозможно различить остальные знаки, за исключением двух частично сохранившихся знаков, напоминающих О или Р и П. Это, однако, недостаточно для расшифровки имени стратега. Из письменных источников известны имена нескольких стратегов, все без исключения ромеи, которые дезертировали из византийской армии и служили при хане Омуртаге, а некоторые из них продолжили служить в болгарской администрации и при хане Омуртаге (Рашев, 2004, с. 155–157). Имена всех – христианские, но среди известных нам (Лъв, Вардан, Яни, Йоан, Константин Пацик, Кордил и Григора – см.: Бешевлиев, 1979, с. 173–174, 179; Scriptor incertus, p. 343, 78; Рашев, 2004, с. 155–157), отсутствует имя, чья вторая буква писалась как О или Р, а четвертая – П. Эти лапидарные памятники представляют собой важный источник, дающий возможность прикоснуться к процессам восстановления жизни в Дрыстре во время ханов-язычников. Хотя и косвенным путем, они намекают на то, что это произошло при хане Омуртаге. Не менее интересен и тот факт, что летописная надпись, обнаруженная в Силистре, повествует о его самом большом триумфе – о победе над Византией, об осаде Константинополя и жертвоприношениях, совершенных перед центральными воротами ромейской столицы в присутствии с победоносным вонзанием копья в ее ворота. С другой стороны, на колонне из Дрыстра, без сомнения, читаем СГРАТИГОС. Известно, что лишь при хане Круме были привлечены к службе в болгарской армии несколько ромейских стратегов (происходивших, вероятно, из провинций около Кавказа). По моим предположениям, один из них был назначен управлять Дрыстром. Так как отсутствуют археологические доказательства об обитании крепости с конца VII до конца VIII вв., не исключено, что именно византийскому стратегу было вверено восстановление ранневизантийской структуры Дуросторума и его превращение в главный военно-стратегический и административный центр Болгарского государства по берегам Нижнего Дуная. Косвенным доказательством этому является восстановленная фортификационная система города, которая не имеет аналога нигде на болгарских землях. За последние годы цитадель средневекового Дрыстра была тщательно изучена, в результате чего было бесспорно доказано, что именно она и есть восстановленный позднеантичный кастел Дуросторума, расположенный на дунайском берегу. Там к концу III в. или началу IV в. был построен небольшой кастел, который во время правления императора Юстиниана I Великого (527–565), около второй четверти VI в., был восстановлен, видоизменен и окончательно трассирован (Angelova, Vuchvarov, 2007, p. 65–69; Атанасов, 2009, с. 433–435) (рис. 1; 14–17). Принято считать, что он был полигональной формы, но последние исследования показали, что его форма, скорее всего, трапецевидна. Установлено, что его максимальная ширина от северной стены, расположенной на берегу Дуная, до южной стены составляет около 250 м (рис. 1). Северная стена простирается вдоль берега реки приблизительно на 350 м, следуя конфигурации ее русла, а южная стена имеет длину около 150 м. С северо-западного угла берега Дуная начинается система, не имеющая аналогов в фортификационном строительстве. Она состоит из ритмически чередующихся приблизительно через каждые 12 м больших пятиугольных башен и небольших пятиугольных бастаионов – конфигурация, напоминающая W-M систему (рис. 1, 14, 15, 16). Ширина стены, расположенной у берега Дуная, варьирует в пределах 3,60–4,20 м, тогда как ее ширина с напольной стороны – 3,60 м (рис. 14, 15, 16) при ширине фундамента, покоящегося в принципе на плотном лессе, 2,90–3,00 м. Первые три-четыре ряда кладки состоят из больших, хорошо обработанных квадров (в том числе и из античных споллий), дальше следуют кирпичи на красной извести и эмплектон из камня и споллий античных построек, спаянных красной известью (рис. 14, 15, 22). На данный момент зарегистрированы двое отдельных ворот. Центральные (?) ворота расположены в юго-западном углу и выстроены *ad fundamentum* заодно с кастелом в VI в.; защищены двумя удлинненными эллипсевидными (миндалевидными) башнями

(рис. 1: 1, 16). Вторые располагаются в юго-восточном углу, по всей вероятности, в VI в. они имели схожее устройство с первыми, но в конце VI – начала VII в. были разрушены.

Примечателен факт, что, будучи полностью восстановлена в начале IX в., данная фортификационная система продолжала функционировать на протяжении всего средневековья. Она использовалась османским гарнизоном вплоть до начала XIX в., когда во время русско-турецкой войны 1810 г. по приказу князя Багратиона была разрушена. Благодаря схемам, планам и описаниям XVI – начала XIX в., корреляции их сведений с результатами археологических исследований 1996–2009 гг., нам удалось установить, что речь идет об одной и той же цитадели, которая была использована непрерывно почти без всяких изменений в ее плане с VI до XIX в. (Angelova, Buchvarov, 2007, p. 65–69; Атанасов, 2009, с. 246–248, рис. 86–90). Этот факт тоже не имеет аналога в строительной практике Болгарского ханства на Нижнем Дунае. Установлено, что северная крепостная стена подвергалась некоторым реконструкциям за счет ее расширения при помощи дополнительной стены шириной в 1,60 м, соединенной с основной с северной стороны. Таким образом, общая толщина стены в этом секторе достигала 4,20 м (рис. 1, 3, 17). Она возведена только из каменных квадров методом биндер-лойфер (продольно-поперечное складывание) – прием, характерный для строительства крепостей в Плиске и ранних стен в Преславе. Схожим с Плиской образом монолитная основа глубиной приблизительно 2,2–2,5 м уложена на густой сети из деревянных бревен (пилотов) (Angelova, Koleva, 2004, S. 22–23). Над ними положена деревянная решетка, обильно залитая известковым раствором, на которой воздвигнут фундамент из тесанных камней. Этот способ строительства VIII в. был перенесен из Плиски и использован в его самом чистом виде при возведении разрушенных в конце VI–VII вв. восточных ворот Дрыстра (рис. 1, 2, 18, 19). К началу IX в. после восстановления фортификации ранневизантийского костела, она была исполнена только из квадров в виде пары прямоугольных башен, фланкирующих проезд, закрываемый двумя воротами – двухстворчатými и в виде падающей решетки (катаракта) (Ангелова, 1973, с. 88–89). Аналогичным образом устроены ворота Плиски, а позже и Преслава (рис. 20, 20а). Как уже упоминалось, ворота Дрыстра являются наиболее близким аналогом воротам Плиски до их переустройства, т.е. в самом начале IX в., когда все еще отсутствовали дополнительные внешние двухстворчатые ворота (Рашев, 2008, с. 119).

В остальных участках крепости Дрыстра трудно уловимы перестройки IX в., так как болгары застали позднеантичный кастел на дунайском берегу в относительно хорошем состоянии, что предопределило его восстановление в виде и по плану, в котором он существовал в VI в. По всей вероятности, полуразрушенные в VII–VIII вв. стены были переделаны, зубцы заново выстроены и покрыты характерными для Плиски и Преслава VIII–IX в. трапециевидными каменными крышами (рис. 21). В отдельных местах крепостных стен высечен знак $\Gamma Y I$, который, скорее всего, являлся родовой тамгой нового правителя из рода, начало которому было положено ханом Крумом (рис. 22, 25) (Атанасов, 1992, с. 162–172). Все вышесказанное дает нам основание выдвинуть гипотезу о том, что крепость Дрыстра была возведена (или, скорее всего, восстановлена) по приказу хана Крума в конце его правления. Нами уже указывалось, что главным свидетельством связи между ханом Крумом и Дрыстром является надпись, обнаруженная в Силистре, в которой упоминается о его победах над ромеями и о его жертвоприношении перед Константинополем. Кроме того, от византийского историка Теофана Исповедника точно знаем, что это произошло после взятия Адрианополя (Одрин) в 813 г. (Theophanes, 1883, p. 505 = ГИБИ, 1960, с. 289).

Принимая в счет хорошую сохранность позднеантичной фортификации, можно утверждать, что, по всей вероятности, в конце правления хана Крума или в начале правления хана Омуртага в Дрыстр был послан с миссией один из тех ромейских стратегов, которые в начале IX в., более конкретно между 809 (взятие Сердики) и 812 годами, переходят на службу к болгарскому хану (Рашев, 2004, с. 155–156). Действительно, только хороший знаток византийской фортификации смог бы организовать таким успешным и эффективным способом восстановление позднеантичного кастела VI в. Не исключено, что строительные работы были исполнены многочисленными византийскими пленниками, выселенными из Адрианополя и Дебелта после того, как в 813 г. хан Крум опустошил Фракию и завладел большинством ви-

зантийских крепостей, расположенных на границе с Константинополем (Златарски, 1970, с. 374–375). Кстати, в письменных источниках имеются точные сведения о том, что большая часть византийских пленников была отправлена на север и принудительно заселена около реки Дунай. Вполне возможно допустить, что часть из них была использована для восстановления крепости Дрыстра.

Если можно соотнести начало восстановления Дрыстра с именем хана Крума, то реальное строительство и превращение крепости в ведущий административный, религиозный и военно-стратегический центр произошло во время правления его наследника – хана Омуртага. Действительно, судя по историческим реальностям, такая масштабная строительная операция была возможна только после окончания победоносной военной компании в 813 г., да и известно, что Крум умер в следующем 814 г. Назначенный им стратег Дрыстра мог реально осуществить эту строительную программу только во время управления его наследника – хана Омуртага. Здесь можно подвергнуть обсуждению верхнюю границу надписи на колонне из Силистры. Известно, что на определенном этапе своего правления хан Омуртаг нарушает толерантную политику, завещанную ему ханом Крумом, и подвергает репрессии христиан в Болгарии, в том числе стратегов византийского происхождения. Судя по косвенным доказательствам, они сохраняют свои христианские имена, соответственно, христианское вероисповедание и после их перехода на службу в Болгарии (Рашев, 2004, с. 155–156) в результате конфронтационной внутренней политики императора Никифора I Геника (802–811) (Острогорски, 1998, с. 261–273).

Существуют также неоспоримые сведения о том, что преследования христиан в Болгарии, в результате чего были экзекутированы и несколько стратегов, начинаются еще в первые годы правления хана Омуртага. На этом фоне, при жесткой антихристианской политике Омуртага, логично ожидать, что чужой болгарским традициям титул «стратег», введенный в качестве исключения и по чисто конъюнктурным причинам во время управления хана Крума (последний проводит настоящую имперскую политику толерантности к этносам и религиям), был ликвидирован. (Рашев, 2004, с. 155–156). Поэтому воздвижение представительной колонны, соответственно строительные операции, осуществленные стратегом с неизвестным нам именем, могли бы быть датированы коротким отрезком времени между 809 (год первого установленного перехода византийских стратегов на болгарскую службу после взятия Сердики – ГИБИ, III, 1960, с. 279), и 815 годами (после потери Месемврия – Несебр) новая антихристианская политика Омуртага углубляется (Божилов, Гюзелев, 1999, с. 145–147). Факт присутствия имени Омуртага на колонне, воздвигнутой дрыстырским стратегом в честь какого-то важного события, показателен. Вероятнее всего, этим событием являлось строительство дунайской резиденции болгарских владетелей на берегу реки Дунай в Дрыстре. Косвенным доказательством этому является другая впечатляющая надпись хана Омуртага, высеченная на колонне, которая позже была вставлена в тырновскую церковь Св. Сорока мучеников (рис. 23, 23а). Эта надпись гласит: «Хан ювиги Омуртаг, пребывая в старом дворце своем (Плиска. – Г.А.), воздвиг преславный дом на Дунае...» (Бешевлиев, 1979, № 56, с. 192–200). Среди исследователей долгое время шли споры о том, где именно была воздвигнута новая резиденция ханов. Первоначально предполагалось, что этим местом являлось укрепление у села Кадыкьой (исходя из этого, после 1940 г. ему дали название Малый Преславец). Оно расположено на дунайском берегу, в 40 км к западу от Силистры (Шкорпил, 1905, с. 551–553; Златарски, 1970, с. 421–422). Однако проведенные масштабные археологические раскопки в 1949 г. доказали, что там находится небольшое староболгарское поселение IX–X вв., расположенное в земляном укреплении, где не было найдено никаких следов монолитного каменного строительства (Миятев, 1952, с. 243–258). После этого взоры исследователей устремились в сторону островной дунайской крепости Пэкуюл луй Соаре, расположенной приблизительно в 20 км к востоку от Силистры. (Diaconu, Vilceanu, 1972; Diaconu, 1976, p. 410–477)¹. Долголетние исследовательские работы и в итоге, обнару-

¹ Находки, и более конкретно, керамический ансамбль из Пэкуюл луй Соаре, представленные в исследованиях П. Дякону и хранящиеся в основном в фондохранилищах музея в г. Калараш (с ними я познакомился лично благодаря самому проф. П. Дякону и доктору Мариан Нягу), указывают на начало обитания приблизительно к началу X в. Отсутствуют керамические типы и формы, известные из языческих некрополей

женные там керамический ансамбль, другие находки и монеты свидетельствуют об укреплении, воздвигнутом едва в первой половине X в., без всяких следов его обитания в VIII–IX вв. (Атанасов, 2009, 248–251, обр. 91–93). Исходя из последних археологических исследований и открытий, предположение проф. В. Бешевлиева о том, что преславный дворец на Дунае, упомянутый в Тырновской надписи Омуртага, находился в Дрыстре, на наш взгляд, является наиболее реальным. (Бешевлиев, 1979, 120–121, 198–200; Ангелова 2003, 191; Рашев, 2008, 118–119). Пять надписей его времени со знаками IYI на крепостных стенах, строительные материалы (Атанасов, 1990, с. 193–215), некоторые мелкие находки и часть найденной керамики свидетельствуют о масштабном строительстве в городе во время его управления. Примечательно, что после Плиски, Дрыстр является тем староболгарским центром, в котором было обнаружено наибольшее количество официальных надписей, завещанных Омуртагом – факт, который сам за себя говорит. Кстати, такие памятники, особенно надписи летописного содержания, как правило, ставились в ханские резиденции. Действительно, в результате археологических исследований в цитадели Дрыстра, пока не обнаружены следы владетельской резиденции. Отсутствуют и достаточно находок и большего количества керамики, которые могли бы быть убедительно датированы первой половиной IX в. Однако, на это существует основательная причина. Во второй половине IX в. и после начала X в. в цитадели Дрыстра развертывается большая строительная программа по возведению кафедральной епископской базилики и епископской резиденции, которые после 927 г. были расширены, чтобы перерасти в патриаршеский храм и патриаршеский дворец (Ангелова, 2002, с. 12–16; Атанасов, 2007, 169–176) (рис. 24, 42). Для этой цели участок был полностью выровнен и расчищен, при этом остатки старых структур и культурных пластов были выброшены в реку. Это и есть причина настолько ограниченного количества обнаруженных находок первой половины IX в., причем отдельные находки были найдены под основами храма и соседних строений. И, наконец, в рамках цитадели Дрыстра широкомасштабные раскопки проводились в основном в районе церкви и резиденции. Единственно в 50-х годах XX в. во время закладки фундамента бассейна и ресторана у берега Дуная в северо-восточной части укрепленной территории Дрыстра были найдены следы массивного каменного строения, но из-за отсутствия местного квалифицированного археолога они не были изучены. Лишь несколько архитектурных деталей, среди которых колонна с высеченным знаком IYI (рис. 1: 7, 25, 25а) и языческий жертвенник (рис. 26) указывают на какой-то значимый стационарный объект языческого периода. Более того, в 60–70-х годах XX в. в непосредственной близости, к западу от бывшей гостиницы «Дунай» и на самом берегу Дуная была исследовано частично сохранившееся здание (рис. 1: 4; 27, 28). Оно буквально примыкает к северной крепостной стене и, судя по исследованному участку почти уверенно можно утверждать, что было трехраздельного плана (из трех частей). Особо сильное впечатление производят массивные крепостные стены толщиной 0,60 м, которые хорошо фундаментованы и построены из обтесанных камней на известковом растворе (Ангелова 2003, с. 183–191; Angelova, Koleva, 2004, S. 22–23, Abb. 1–1d; 2–1; 8–3). Вполне обоснованно исследователи обращают внимание на сходство этого строения с представительным зданием аула хана Омуртага (Антонова, Дремсизова, 1981, с. 42–45) (рис. 29) и с несколькими представительными зданиями из трех частей в

и раннеболгарских поселений и укреплений VIII–IX в. Наконец, ряд керамических типов из Пэкуюл луй Соаре (Diasoari, Vilseanu, 1972, с. 71 сл.) имеют прямые аналоги среди керамики староболгарских крепостей в Добрудже типа Скала-Руйно-Цар Асен первой половины X в. (Атанасов, 2007, с. 220, бел. 44; Рашев, 2008, с. 120). Это поставило под сомнение идею Кр. Миятева, Ст. Ваклинова (Миятев, 1965, с. 44–47; Ваклинов, 1977, с. 129–131) и многих других болгарских ученых о том, что это и есть дворец, воздвигнутый ханом Омуртагом в начале IX в. Наряду с этим мне трудно принять утверждения о том, что Пэкуюл луй Соаре – это крепость, построенная *ad fundamentum* Византией, точнее при императоре Иоанне Цимисхи (969–976). Заметны очевидные различия в способе построения южной крепостной стены и порта – они выполнены из квадров меньшего размера. Это сооружение могло бы быть с конца X в., тогда как восточная стена с воротами воздвигнута при помощи больших квадров, схожих с теми, которые видим на крепостных сооружениях IX–начала X в. в Плиске и Преславе. И наконец, в Пэкуюл луй Соаре существует показательный керамический комплекс, который, сопоставляя с керамическим ансамблем из крепости Скала (Йотов, Атанасов, 1998, 64–77), следует отнести его к первой половине X в.

Плиске (рис. 30), чье строительство убедительно датировано после 811 г. (Рашев, 2008, с. 89–96). К сожалению, исследованный район этой части крепости очень ограничен, причем изучена только ширина трехраздельного здания, которая составляет 7,80 м. Как располагалась ее длина на юге, пока неизвестно. Примечательно, что подобно Плиске и аулу хана Омуртага (владельческая резиденция начала IX в.), в Дрыстре, в непосредственной близости от массивного представительного здания, тоже была построена баня (Ангелова 2003, 183–191; Angelova, Koleva, 2004, S. 22–23, Abb. 1-1c; 2-2; 8: 5) (рис. 1: 5, 31, 32). Между прочим, известно, что в средневековой Болгарии, как правило, бани строили только во владетельских и епископских резиденциях (Георгиев, 1980, с. 99–106). Раз баня в Дрыстре построена на большом расстоянии от кафедральной базилики и в еще большей отдаленности от патриаршеской резиденции, вполне логично предполагать, что она была связана с другой особо представительной институцией. Предположительно это действительно могла бы быть резиденция владетеля. Из тырновской надписи видно, что последняя была построена задолго до начала IX в., тогда как, согласно типологии П. Георгиева, ее датировка относится концу IX–X вв. (Георгиев, 1980, с. 99–106). Известно однако, что владетельская резиденция в Дрыстре была использована и в этот период. Лев Граматик и Скилица с уверенностью утверждают, что в ней обитал царь Симеон Великий во время войн с маджарами в 894–895 гг. (Божилев, 1983, 91)¹ Даже из-за сходства плана, размеров и устройства бани Дрыстра с баней в ауле хана Омуртага (рис. 29, 33), нельзя исключить возможности заложения ее основ еще в первой половине IX в. На самом деле, если рассмотреть план и расположение дворца в сопоставлении с баней в Дрыстре, можно разглядеть сходство с планировкой аула хана Омуртага, находившегося недалеко от села Хан Крум (Шуменский регион), а в некоторой степени даже с ранними дворцовыми комплексами в Плиске и языческом Преславе (Рашев, 2008, с. 89–96, табл. XXXV-1–3, 8, XXXVIII-2, XXXIX, XLII-2, XLIX-2) (рис. 29, 44, 45). Действительно, трехраздельные представительные постройки в Плиске, аула Омуртага и языческого Преслава (рис. 29, 40, 44, 45) являются большими по размеру по сравнению с той в Дрыстре (рис. 28) (ее ширина 7,8 м., пока ширина остальных варьирует в пределах 12–18 м), но надо помнить, что объект в Дрыстре не исследован полностью.

Самым ярким показателем наличия монолитного строительства во время языческого периода, т.е. после начала IX в., является обнаруженное в 2006 г. языческое капище (Kirilov, Koleva, 2008, S. 231–250, Abb. 3, 4) (рис. 1: 6, 34–36). Оно расположено к юго-западу от бани и от предполагаемого местонахождения владетельской резиденции, приблизительно в центре дрыстырской крепости (рис. 1: 6). Подобно остальным языческим храмам в Плиске и Преславе, обнаруженная в Дрыстре представительная монолитная постройка, представляет собой два вписанных друг в друга квадрата, причем размер стен внутреннего составляют 1,20 м., а внешнего – 1,40 м. Основы дрыстырского капища также положены на сеть из деревянных бревен (пилотов), вбитых в землю. Здание возведено из монолитных тесаных каменных блоков. Из них сохранились только считанные единицы. После крещения болгар в середине IX в. храм был полностью разрушен. Весь строительный материал был демонтирован и, вероятно, использован для строительства кафедральной епископской базилики, возведенной к северу от него, на берегу Дуная. В отличие от большинства языческих храмов, обнаруженный в Дрыстре храм не был использован в качестве христианской базилики. Утверждение о том, что только языческие храмы прямоугольной формы были трансформированы в церкви после крещения в 864 г., не является обоснованным (Kirilov, Koleva, 2008, S. 231–250). Приведу только один пример. Квадратный храм у южных ворот Преслава, тоже был превращен в однокорабельную церковь (рис. 38) (Рашев, 2008, с. 89–96, табл. XLVI, 3). Языческий храм в Дрыстре не был превращен в церковь по иной причине. После крещения болгар, а конкретнее, после 870 г., когда в Дрыстре было необходимо

¹ Константин Багрянородный пишет, что крепость, в которой в 894 г., во время маджарского нашествия пребывал Симеон – это Мундрага, а не Дрыстр (DAI, 40, p. 176). По мнению В. Бешевлиева, в данном случае нет противоречия, так как, вероятнее всего, цитадель Дрыстра на дунайском берегу (восстановленный в начале IX в. полигональный византийский кастел VI в.) называлась Мундрага. Действительно, цитадели некоторых крупных европейских крепостей, как Кремль в Москве, Вавель в Кракове, Храдчани в Праге, Сити в Лондоне, Иль де ла Сите в Париже и др., имеют собственные названия (Бешевлиев 1985, с. 17–24).

возвести кафедральный епископский храм, архиереи приняли решение построить его не на месте языческого храма, как в Плиске, а на самом берегу Дуная. В отличие от Плиски и Преслава, Дрыстр – античный Дуросторум – являлся процветающим епископским центром еще в IV–VI в., обвенчанным славой благодаря пролитой крови 12 раннехристианских мучеников начала IV в. Кроме того, в IX в. из Синаксаря Цариградской патриархии и повествований Продолжателя Феофана, было хорошо известно, что именно на дунайском берегу, в Дуросторуме–Дрыстре, в 362 г. Св. Емилиан Доростольский был подвержен мученической смерти (Атанасов, 2004, с. 215–217; Атанасов, 2006, с. 31–41). Когда на этом месте после середины IX в. началось строительство храма (рис. 24, 42), были заметны руины позднеантичных и ранневизантийских построек. Это, наверное, побудило пришедших византийских духовников и зодчих воздвигнуть епископскую базилику именно на дунайском берегу, а не в центральной части дрыстырской крепости, где было расположено языческое капище (Атанасов, 2006, с. 179–196). В результате реконструкции было установлено, что размеры капища составляют приблизительно 21×21 м, что превращает его во второй по размерам из обнаруженных языческих храмов в Болгарии (рис. 36) после языческого храма в столице Плиска (Рашев, 2008, с. 89–96, табл. XLVI, 3). Очевидно, центральная часть квадрата была большей высоты, судя по толщине стены. Кстати, способ фондирования, строение и даже толщина стен дрыстырского языческого храма аналогичны квадратному дворцовому храму в Плиске (рис. 37). Схожими являются и размеры (исключая добавленный позже притвор щели к югу; внешние размеры храма в Плиске составляют $18,20 \times 18,40$ м), что предполагает одновременность и единые способы возведения и облика, т.е. экстерьера и интерьера. Очевидно, наряду со всем остальным Дрыстр превращается в ведущий религиозный центр языческой Болгарии после начала IX в., так как кроме храма, в результате исследований было обнаружено еще четыре языческих жертвенника (рис. 26, 39–41). Как принято, они высечены из каменных блоков, причем на верхней поверхности высечены два вписанных друг в друга квадрата (Чобанов, 2008, с. 160–170) (аналогия с планами языческих святилищ вполне очевидна), связанных протоком и корытцем для сбора жидкостей. Как упоминалось раньше, один из них был обнаружен к северо-востоку от недавно исследованного храма, находившегося в зоне, где предположительно располагалась владетельская резиденция. Два из них были заново использованы в качестве спойл при строительстве патриаршеской резиденции у кафедрального храма, а четвертый – самый большой, обнаруженный во время археологических работ в регионе южных ворот, находится только в 30 м севернее от языческого храма (рис. 41). Его датировка, соответственно датировка его источников, можно отнести ко времени после начала IX в. Наряду со всем остальным это является косвенным доказательством начала монолитного строительства в Дрыстре еще с начала IX в. Показательной для этой датировки является стратиграфия столицы Плиска, которая, безусловно, доказывает, что храмы были воздвигнуты после пожара 811 г., когда столица была разрушена византийским императором Никифором I (Рашев, 2008, с. 89–96, табл. XLVI, 3). В ранних горизонтах Плиски и других староболгарских центров VIII в. отсутствуют следы подобных построек. Действительно, датировка остальных известных капищ в Плиске и Мадаре относится тоже после начала IX в. (Рашев, 2008, с. 89–96, табл. XLVI, 3). Очевидно, начало этой традиции следует соотносить с занятием ханского престола ханом Крумом, который начал новую династию, правившую Болгарией до кончины царя Романа-Симеона в 997 г. По всей видимости, эта владетельская фамилия, о которой существуют мнение, что она была связана с паннонскими праболгарами, обитавшими в конце VII–VIII вв. на Среднем Дунае, была склонна к инновациям в государственном устройстве, законодательстве, религиозной практике, в строительстве и архитектуре. Среди всех остальных инноваций были как восстановление дрыстырской крепости, так и превращение города в резиденцию болгарских владетелей, статус, который с уверенностью можно утверждать, что сохранился до управления царя Семиона Великого первой четверти X в. Причины этого можно искать в нескольких направлениях. По всему видно, что в период между концом VII – серединой VIII в. наряду со столицей Плиска, параллельно функционировал второй государственный центр, что связано с хазарской опасностью, каким являлось староболгарское укрепление у Никулицеля недалеко от Дуная. Действия хана Аспаруха и хана Тервела в этих местах являются показательными (Атанасов, 2004, с. 13–20; Атанасов, Руссев, 2011). С уменьшением хазарской опасности в VIII в. и появлением нового

приоритета в болгарской внешней политике, каким стала Византия, вполне логично предположить, что Плиска утвердилась в качестве ведущего государственного центра. При хане Круме, однако, Болгария завладела стабильно огромными территориями к северу от реки Дунай, которые нуждались в эффективном контроле. Это является одной из причин построения новой цитадели болгарской власти на берегу Дуная, которая приобретает статус государственной резиденции. К этому нужно добавить и то, что созданная ханом Омуртагом дунайская флотилия тоже требовала подобающего порта. Действительно, во время археологических работ в регионе северной крепостной стены в 80-х годах XX в. был исследован средневековый порт. В результате исследования деревянных пилотов и балок при помощи активного углерода, проведенных в Институте пра- и ранней истории в Берлине, строение было датировано 780 ± 220 г. (Ангелова 2003, с. 193).

Благодаря серии масштабных археологических исследований, проведенных в Силистре в период 2006–2009 гг., во время которых были изучены как капище, так и южная крепостная стена Дрыстра, стало возможным сделать некоторые наблюдения над горизонтальной стратиграфией крепости первой половины IX в. Оказалось, что вокруг капища, которое находилось приблизительно в центральной части укрепленной площади, до XI в. существовала огромная незастроенная территория размерами в 16 000 кв. м (рис. 1) (Kirilov, Koleva, 2008, S. 237–238). Если принять, что площадь цитадели составляла приблизительно 50 000 кв. м, то площадь вокруг языческого храма занимала приблизительно 1/3 защищенной территории. Это кажется маловероятным. Более того, в районе кафедральной базилики второй половины X в. и епископской/патриаршеской резиденции к западу от нее подвергалась археологическим исследованиям площадь еще в 40 000 кв. м (Angelova, Koleva, 2004, S. 22–23, Abb. 1). Однако и там не было обнаружено следов монолитного строительства языческого периода, т.е. конца VIII – первой половины IX в. Это в принципе означает, что после восстановления крепости в самом начале IX в. и до принятия христианства, сопровождавшегося построением кафедральной базилики и комплекса около нее, в цитадели Дрыстра были воздвигнуты только три монолитных здания – дунайский дворец болгарских владетелей, владетельская баня и языческое капище (рис. 1). Возможно, существовали и другие подсобные постройки, например, казармы для гарнизона и кладовые, но это не меняет общую картину. Очевидно, Дрыстр являлся «закрытым городом» с ограниченным доступом, предназначенным для владетеля и его свиты, который только во время вражеских нападений превращался в рефугиум, убежище для окрестного населения и более крупного военного контингента (Kirilov, Koleva, 2008, S. 233, 237). Впрочем, если рассмотреть более внимательно план других владетельских резиденций IX в., то можно заметить тот же принцип устройства. Действительно, планировка Плиски (рис. 44), Преслава (рис. 45), аула Омуртага (рис. 29) близ села Хан Омуртаг представляет собой огромную, защищенную крепостными стенами незастроенную территорию, на которой расположены только владетельский дворец (в Плиске – дворцовый комплекс), баня, языческий храм и подсобные помещения (Рашев, 2008, с. 89–96, табл. XLVI, 3). На этом фоне не остается сомнений в том, что действительно Преславный дом на Дунае находился именно в Дрыстре, который был воздвигнут по приказу хана Омуртага в первые годы его правления, каким-то высшим государственным сановником, вероятно, стратегом, чье имя нам пока неизвестно.

Литература

Антонова В., Дремсизова Цв. Аулт на хан Омуртаг при Чаталар. – София, 1981.

Атанасов Г. Ранносредновековни рисунки-графити от крайдунавска Добруджа. № 7. – Добруджа, 1990. – С. 193–215.

Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през Средновековието. Изследвания в чест на чл. кор. професор Страшимир Димитров. – *Studia Balcanica*, 23. – Sofia, 2001. – С. 185–187.

Атанасов Г. Тервел – хан на България и кесар на Византия. – Силистра, 2004.

Атанасов Г. Св. Емилиан Доростолски (†362 г.) – последният раннохристиянски мъченик в Мизия // *Civitas divino-humana* в чест на професор Георги Бакалов. – София, 2004а. – С. 203–218.

- Атанасов Г.* Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието. История, археология, култура, изкуство. – Варна; Велико Търново, 2007.
- Атанасов Г.* Добруджанското деспотство. (Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV в.). – Велико Търново, 2009. – С. 20–23.
- Атанасов Г.* Южната крепостна стена на Дуросторум-Дръстър-Силистра // АОР за 2008 г. – София, 2009. – С. 433–435.
- Атанасов Г.* Колоната с името кан Омуртаг от Дръстър (Силистра) // Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Василка Герасимова. – София, 2011.
- Атанасов Г., Русев Н.* Онглос: Первата резиденция на българските канове на Нижнем Дунае и българското присъствие севернее Дуная в VII–X в. // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского форума. – Казан, 2010. – С. 15–34.
- Бешевчиев В.* Първобългарски надписи. – София, 1979.
- Бешевчиев В.* Мундрага и Тича-Вичина // ИНМВ. – 1985. – № 21. – С. 17–24.
- Божилков Ив.* Цар Симеон Велики (893–927). Златният век на средновековна България. – София, 1983.
- Божилков Ив., Гюзелев В.* История на средновековна България VII–XIV век. – София, 1999.
- Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура. – София, 1977.
- Георгиев П.* Към въпроса за градоустройството на аулите от IX в. // Средновековния български град. БИД. Научни конференции, 2. – София, 1980.
- Димитров Хр.* Аварите в Малка Скития (565–626) // ИПр. – 1993. – № 8–9.
- Дуйчев Ив.* Из старата българска книжнина, 1. – София, 1940.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. I, 1. – София, 1970.
- Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. – София, 1970.
- Йотов В., Г. Атанасов Г.* Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. – София, 1998.
- Манчева О.* Средновековни керамични съдове от фонда на Окръжен исторически музей Силистра. – Добруджа, 3, 1986. – С. 100–106.
- Миятев К.* Предварителни проучвания на Кадъкьойското градище // Известия на Археологическия институт. – 1952. – XVIII.
- Миятев К.* Архитектурата в средновековна България. – София, 1965.
- Острогорски Г.* История на Византийската държава. – София, 1998.
- Рашиев Р.* Византийците в България до покръстването // *Civitas divino-humana in honorem an-porum LX Georgi Vasalov*. – София, 2004.
- Рашиев Р.* Българската езическа култура. VII–IX век. – София, 2008.
- Торбатов С.* Укрепителната система на провинция Скития (края на III–VII в.). – София, 2002.
- Чобанов Т.* За шарапашите-жертвеници и ролята им в култовите практики на българското езичество // Археология. – 2008. № 1–4.
- Шкорпил К.* Укрепления Абобской равнины // ИРАИК. – 1905. – X.
- Angelova St., Buchvarov Iv.* Durostorum in late antiquity (fourth to seventh centuries) // *Post-Roman Towns. Trade and Settlements in Europe and Byzantium. Vol. 2. Byzantium, Pliska and Balkans*. – Berlin; New York, 2007. – P. 61–87.
- Angelova St., Koleva R.* Der frühmittelalterliche Drăstăr (Silistra) // *Zbornik na počest Darini Bialekovej*. – Nitra, 2004. – S. 19–30.
- Chiriac C.* About the Presence of Byzantine coins in Dobroudja During the 7-th Century. – *Dobroudja*, 12, 1995. – P. 133–135.
- DAI 1967: Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio* / ed. G. Moravcsik, R. Jenkins. – London, 1967 (ГИБИ, V, София, 1964).
- Diaconu P., Vilceanu D.* Păcuiul lui Soare, I. – București, 1972.
- Diaconu P.* Păcuiul lui Soare – Vicina. – Byzantina, 80, 1976.
- Diaconu P.* Carbona, Cavarna, la contrée de Carvouna. – Dacia, XXXVII, 1993. – P. 301–305;
- Kirilov Ch., Koleva R.* Durostorum-Drăstăr zwischen Antike und Mittelalter: Einige Resultate der Rettungsgrabung 2007 // *Cultură și civilizație la Dunărea de Jos, XXIV*. – Călărași, 2008.
- Madgearu A.* Continuitate și discontinuitate culturală la Dunărea de Jos în secolele VII–VIII. – București, 1997.
- Mănușcu-Adameștescu G.* Tomis-Constantina-Constanța // *Pontica*. – 1991. – XXIV. – P. 299–303;

Oberländer-Târnoveanu E. Monnaies Byzantine de VII-e – IX-e siècles découvertes da Silistra et le probleme du commencement de l'économie monétaire le premier royame Bulgare. – Dobroudja. – 1995. – № 12. – P. 159.

Scriptor incertus 1842: Historia de Leone Bardae filio apud: Leonis Grammatici Chronographia. Ed. I. Bekker. – Bonn. 1842 (= ГИБИ, IV, София, 1961).

Theophanes. Chronographia. Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1883 (= ГИБИ, III, София, 1960).

ПСЕВДОВАВИЛОНЫ

Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, г. Москва

Фигуры в виде вписанных один в другой трех прямоугольников (или квадратов) известны давно и в разных странах среди археологических находок эпохи средневековья. Изображения таких фигур процарапывались по твердым поверхностям камней, керамических и даже металлических изделий или наносились на поверхность кирпичей до обжига. В Восточной и Южной Европе они обнаружены в Саркеле (на камнях и кирпичах), Тамани (на кирпичах, камнях, черепице и обломках амфор), в Дагестане и Алании (на камнях), в Дунайской и Волжской Болгариях (на камнях, в т.ч. надгробиях, и металлических изделиях), на побережье Адриатики, в золотоордынском Поволжье – на кирпиче (Артамонов, 1958, рис. 13; Шербак, 1959, табл. XXIV; Федоров-Давыдов, 1964, рис. 14: 4; Овчаров, 1982, табл. ХСІХ; Нахапетян, 1988, рис. 8; Давлетшин, 1990, рис. 158–161; Аржанцева, Албегова, 1999, рис. 7; Флерова, 2001, рис. 3; Чхаидзе, 2008, рис. 131), а также в средневековой Руси (на камнях и вырезанные на деревянных досках) (рис. 1, 2). В отношении части этих находок, происходивших с территории Восточной Европы, образовался ореол загадочности, у истоков создания которого стоял Б.А. Рыбаков – талантливый исследователь русского средневековья, первым назвавший эти фигуры «вавилонами», подразумевая, что они представляют собой схематический план ступенчатой вавилонской башни (1949; 1957). В самом этом изображении он видел своего рода геометрическую «шпаргалку», схему гипотетического полигона, позволявшего производить расчет мер, применявшихся при строительстве монументальных архитектурных сооружений. В качестве таких мер он рассматривал различные типы русских сажени и локтей, предполагая, что и иноземные меры длины были такими же или близкими русским, поскольку все они основывались на антропометрии (длине частей тела, размахе рук и т.д.). В специальной статье Б.А. Рыбаков предложил конкретные варианты практического применения «вавилонов» как своего рода схемы-таблицы соотношения разных мер длины, используя для этого геометрически правильные прямоугольники и квадраты, вычерченные на бумаге (1957) (рис. 3: 1). Правда, никак не были интерпретированы линии, проведенные по осям симметрии прямоугольников, которые практически всегда заканчиваются на краю центрального прямоугольника, равно как и другие линии, встречающиеся в этих фигурах (например, диагонально отчеркнутые углы прямоугольников). Очевидное отличие приведенных в статье правильных геометрических фигур от криво процарапанных на не слишком ровных поверхностях «вавилонов» Причерноморья, которые совершенно невозможно было использовать для каких бы то ни было подсчетов или геометрических выкладок, и толкнуло, видимо, автора этой гипотезы к идее о сакрализации символов «архитектурных чертежей» на строительных материалах (каменных плитах, кирпичах, черепице, деревянных досках). Эта идея завела Б.А. Рыбакова так далеко, что он увидел расчетный архитектурный чертеж даже на каменной плите из Старой Рязани (рис. 3: 2), где изображение имело сходство с «вавилонами» только по общей прямоугольной конфигурации (Рыбаков, 1957, рис. 12, 17).

Авторитет Б.А. Рыбакова был столь велик, что у выдвинутой им идеи появились последователи, которые стали развивать ее не всегда в заданном направлении. Так, В.Л. Егоров, базирясь на чрезвычайно редких в Золотой Орде находках кирпичей с «вавилонами» (Федоров-Давыдов, 1964, рис. 14: 4), выдвинул гипотезу о том, что эти фигуры представляют собой схему типичного монгольского дома с четырехскатой крышей и центральным дымовым отверстием (Егоров, 1970, с. 118). При этом он почему-то ссылаясь на аналогии в Саркеле (Артамонов, 1958, рис. 13), где никакой древнемонгольской архитектуры никогда не существовало. Вероятно, предполагалось, что это общее явление для домостроительства степей Евразии, хотя такое предположение не выглядит очевидным и требует, по меньшей мере, развернутого доказательства. Не вполне понятно также, насколько такие «монгольские дома» были распространены в Поволжье (если они вообще там существовали).

Г.М. Давлетшин, исследуя культуру Волжской Булгарии, пошел по пути дальнейшего углубления математической составляющей идеи Б.А. Рыбакова, вычисляя различные соотношения па-

раметров прямоугольников, включая квадратные корни из длины их сторон. При этом исходным материалом для него служили граффити на обломках керамики и свинцовой пластинке размерами 4 × 3 см (Давлетшин, 1990, с. 125–127, рис. 58–61). Нет надобности доказывать, что любые расчеты, проведенные по таким крошечным «чертежам», совершенно фантастичны.

В современной литературе, в особенности касающейся археологии Северного Причерноморья, также можно встретить упоминания «вавилонов» с повторением аргументации Б.А. Рыбакова и указанием на то, что его положения до сих пор никем не были оспорены (Чхаидзе, 2008, с. 228–229). Теперь, по крайней мере, такого сказать уже будет нельзя. Хуже другое – обширная «вавилоноведческая» литература порождает обращение к ней все новых поколений молодых ученых, не знакомых с хорошо известными в других регионах материалами. Справедливости ради надо заметить, что не все исследователи причерноморских древностей всерьез восприняли идею Б.А. Рыбакова. Так, М.И. Артамонов не давал таким фигурам никакой конкретной интерпретации и не называл их «вавилонами» (1958, с. 25–26). При публикации материалов Саркела они рассматривались в числе иных знаков на камнях и кирпичках (Щербак, 1975, табл. XXIV). В.Е. Флерова, хотя и транслировала, ставшее уже привычным, именование подобных знаков, прямо писала, что, по ее мнению, поиски «математических соотношений и пропорций для «вавилонов» малоперспективны» (Флерова, 2001, с. 144) и видела в них скорее схему образа вселенной, что не может быть оспорено, поскольку любое абстрактное изображение в древности в той или иной степени отражало представления о вселенной.

В средневековой русской археологии «вавилонская» идея в целом уже давно преодолена и предана забвению, поскольку твердо установлено, что прямоугольные фигуры описываемого здесь вида (рис. 2) применялись как доски для игры в «мельницу» (Спицын, 1903, с. 228; Полякова, Фехнер, 1973). Е.А. Рыбина, комментируя находки из Великого Новгорода, отметила обнаружение таких фигур на различных вторично использовавшихся предметах: обрубах досок, днищах бочек и т.п. (Рыбина, 1997, с. 110). Очевидно, поле для игры расчерчивалось на любом подходящем ровном предмете. Несомненно, чаще всего такие поля размечались прямо на земле, но иногда могли использоваться крупные камни. Интересно, что Е.А. Рыбина указывает те же самые памятники («камень Трувора», межевой камень Степана близ Бежецка), которые Б.А. Рыбаков рассматривал в качестве самых надежных «архитектурных чертежей» (рис. 2: 1–2). Однако авторитет его мнения был еще столь велик, что в публикации специально оговаривалась недопустимость путать поля для игры в «мельницу» с «вавилонами» (Рыбина, 1997, с. 111), хотя на территории Руси к их числу теперь относится, получается, только один последний памятник – граффито на каменном саркофаге домонгольской эпохи из южнорусского Василева (Русанова, Тимошук, 1981, с. 115, 116; Моця, 1993, рис. 28), которое само по себе ничем не отличается от остальных игровых полей. Ясно, что «вавилонская» интерпретация возникла только потому, что современному человеку трудно себе представить игру на «крышке гроба». Однако игра могла вестись не на саркофаге, а на плите до ее использования в погребальном памятнике. Кроме того, погребенный мог быть любителем такой игры и т.д., объяснений может быть предложено немало. Да и случай этот не единичен – игровые поля рассматриваемого вида («псевдовавилонны») известны на целом ряде надгробий: в окрестностях Бежецка (Новгородская земля) с именем Степана (рис. 2: 1), в Дунайской Болгарии – вельможи Мостича (Рыбаков, 1957, рис. 11), два надгробия с аналогичными фигурами происходят с территории современной Германии (земли Саксония-Анхальт и Бавария) (Büttner, 1990). Надгробие из Василева ничем от них не отличается.

Надо сказать, что Б.А. Рыбаков был прекрасно осведомлен о том, что его «вавилонны» применялись на Руси для игры в «мельницу», более того, он знал о находках аналогичных игровых досок в других регионах, например, на Адриатике, но, увлеченный своей идеей, парадоксально рассматривал их как отражение древнего сакрального символа в народной игре (Рыбаков, 1957, с. 88). Каким же образом «магический символ», сакрализовавший архитектурный расчетный инструмент, или математический расчетный чертеж, сакрализованный до магического символа, оказался воспринят в народной игре? Ответа на этот вопрос Б.А. Рыбаков не дал.

Очевидно, что большинство находок «псевдовавилонов» на территории Восточной Европы являются, ничем иным, как собственно полями для игры в «мельницу» или в ее более раннюю

предшественницу, воспринятую из Византии или стран Востока. Сложнее объяснить появление аналогичных по рисунку граффити на вертикальных поверхностях и на небольших по размеру носителях, не пригодных для игры. Трактовки таких изображений могут быть различными: от геометрического элемента орнамента до «магического» символа, например, изображения Кносского лабиринта (Oehrl, 2008, p. 16–25), ступенчатого вавилонского зиккурата (Рыбаков, 1949, с. 90), дворца царя Соломона и т.п. Однако все эти умозаключения о семантике рассматриваемых знаков являются лишь зыбкими предположениями, не основывающимися на конкретных фактах.

Интересная интерпретация была выдвинута И.А. Аржанцевой и З.Х. Албеговой в отношении «псевдовавилонов», нанесенных на камни Кяфарского городища в Западной Алании (Карачаево-Черкессии) – в них предлагается видеть поля для гадания путем выбрасывания костей или палочек (Аржанцева, Албегова, 1999, с. 186–192, рис. 7). Доказательствами этой гипотезы авторы считают заглаженность поверхностей, на которых нанесены знаки (свидетельство многократных прикосновений множества рук) и размещение камней со знаками в местах, где предполагается скопление людей (близ дорог, на перекрестках, в т.ч. в месте, называемом «Святылицем»). При этом в качестве аналогии предлагаются наборы игральные доски XIV в. из музея Клуни и один из средневековых европейских вариантов настольной игры под названием «*attrape-renard*» («поймать лисицу») (Аржанцева, Албегова, 1999, с. 187, рис. 8). Получается, что гадания на игровой доске (даже если они имели место) – вторичное явление по отношению к самой игре. Действительно, все те признаки «гадательного» назначения «псевдовавилонов», которые приводят авторы этой гипотезы, применимы и как доказательства игрового назначения полей. Современные «сакральные» названия далеко не всегда соответствуют использованию мест и построек в древности, но даже в том случае, если поля для игр были начертаны в сакральной зоне, еще не означает их сакрализации, они могли использоваться по прямому назначению, для игры, которая сама по себе могла иметь сакральное значение. Знаки, начертанные на камнях Алании в равной степени могли использоваться для игры или гаданий, но первое назначение их более вероятно, тогда как второе – более умозрительно.

Что же представляла собой та игра, полями для которых служили «псевдовавилонны»? В средневековой Руси ее называли «мельница», в Персии подобная же игра именовалась «киркат», в арабском мире – «алькерк», у туркмен – «дызым», в Германии – «*muhle*», в Англии – «*the nine mens morris*». Она относится к шашечным играм «чистого расчета», где все игровые передвижения и построения осуществляются по горизонтальным и диагональным линиям. О популярности этой игры в VIII–XVI вв. на обширной евразийской территории свидетельствуют различные письменные и археологические источники. Восточный вариант игры («киркат») в письменных источниках впервые упоминается персидским автором Абу-ль-Фараджем аль-Исфахани в книге «Китаб аль-Агхани» (Абу-ль-Фарадж, 1980). Рассказывая в ней о поэте Аль-Ахвазе (умер в 728 г.), автор приводит эпизод посещения Аль-Ахвазом одного из домов в Мекке, где люди развлекались тремя играми: «шатранг» (шахматы), «нардат» (триктрак или нарды) и «киркат» («мельница»). Самые ранние находки досок для игры в «мельницу» в Западной Европе относятся к IX–X вв. Так, часть подобной доски была найдена в погребении с кораблем викинга в Гокстаде (Корзухина, 1963, рис. 4; Фиркс, 1982, рис. 55). О распространении вариантов такой игры и, соответственно, разнообразии ее названий, оформлении досок и правил, по которым она велась, можно судить по трактату «Книга об играх» (*Libro de los juegos*), составленному в 1283 г. в Севилье по повелению кастильского короля Альфонса X Мудрого (Golladay, 2007) (рис. 4). Все эти разновидности игровых полей были прекрасно известны и в Причерноморье (рис. 1: 3, 4). Ряд исследователей шашечных игр связывают происхождение «мельницы» с античными играми «чистого расчета» – «петтейя» (древнегреч. *πεττεία*) и «латринкули» (лат. *ludi latrunculorum*) (Голосуев, 1997; Куличихин, 1982). Сюжет с Ахиллом и Аяксом за игровой доской можно встретить даже на античных сосудах (рис. 5). Несомненно, подобная игра существовала и у населения Византийской империи, а значит и у жителей городов Северного Причерноморья. Сложнее определить, откуда эта игра могла быть воспринята в городах Хазарии (Таматархе, Саркеле), которые были связаны не только с Византией, но также с Ираном и Средней Азией, где играли в подобную же игру («киркат»).

Игра в «мельницу» сохранилась и до наших дней. «В этой игре у каждого по девяти шашек. В свою очередь хода каждый выставляет на доску по одной своей шашке. Ставятся шашки на пересечениях линий и всех мест на доске 24. Когда все шашки сойдут с рук на доску, они приобретают право передвигаться с одного пересечения на свободное соседнее в ту или другую сторону. Кто выставит в ряд на какой-либо прямой три свои шашки, тот строит «мельницу» («городок») и снимает не в счет хода любую шашку из чужих. В один ход можно взять только одну шашку. У кого осталось только две шашки, тот проиграл. Проиграл также тот, у кого все шашки заперты чужими» («Шашечный листок», 1903, с. 120–121).

Трудно спорить с тем, что в основе любой игры «чистого расчета», каковой является и «мельница», лежит математический расчет, но направлен он на достижение победы в игре, а не на построение архитектурных чертежей и выкладок.

Таким образом, сегодня можно утверждать, что находки предметов с прочерченными фигурами, называвшиеся прежде «вавилонами», являются игровыми полями (как бы эта игра ни называлась в различных частях Восточной Европы в разное время). Само название «вавилонны» не несет никакого реального содержания, это всего лишь неверная устаревшая интерпретация вполне функциональных предметов, более того – оно затрудняет их правильную атрибуцию. Поэтому дальнейшее применение этого словообразования нецелесообразно (за исключением историографических штудий). Для древнерусской археологии приемлемо наименование таких фигур как «полей для игры в «мельницу», а для прочих территорий – как «игровых полей» с последующей конкретизацией. Видимо, не за горами время, когда наименование этой игры в Северном Причерноморье, Поволжье и Византии будет установлено по письменным источникам или археологическим данным.

Литература

- Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани.* Книга песен. – М., 1980.
- Аржанцева И.А., Албегова З.Х.* Культурные камни Кыфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. – М., 1999.
- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1958. – № 62.
- Голосуев В.М.* Древняя и загадочная игра. Мир шашек. – СПб., 1997.
- Егоров В.Л.* Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. – М., 1970.
- Корзухина Г.Ф.* Из истории игр на Руси // СА. – 1963. – № 4.
- Куличихин А.И.* История развития русских шашек // Физкультура и спорт. – 1982. – № 1.
- Моця О.П.* Населення південно-руських земель IX–XIII ст. – Київ, 1993.
- Нахапетян В.Е.* Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА. – 1988. – № 3.
- Полякова Г.Ф., Фехнер М.В.* Игры в мельницу в древней Руси // Slovenska archeologia. T. XXI-2. – Bratislava, 1973.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Древнерусское Поднестровье. – Ужгород, 1981.
- Рыбаков Б.А.* Русские системы мер длины XI–XV вв. // СЭ. – 1949. – № 1.
- Рыбаков Б.А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. – 1957. – № 1.
- Рыбина Е.А.* Шашки, «мельница», шахматы // Древняя Русь: быт и культура. – М., 1997.
- Спицын А.А.* Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. – 1903. – Т. V, вып. 1.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. – 1964. – № 1.
- фон Фиркс И.* Суда викингов. – Л., 1982.
- Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим – М., 2001. «Шашечный листок». – СПб., 1903.
- Щербак А.М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75.
- Büttner T.* Die Bildplatte von Schöllkrippen-Ernestkirchen. Ikonographische Vergleiche, Schöllkrippen 1990 // Das Kleindenkmal. – 1993. – Bd 17. – Nr.1
- Golladay S.M.* Los Libros de Acedrex Dados E Tablas: Historical, Artistic and Metaphysical Dimensions of Alfonso X's Book of Games // Diss... Ph. Dr. (University of Arizona). – Tuscon, 2007.
- Oehrl S.* Der Bredenstein bei neuhaus und die Bedeutung der "Mühlespiel"-Ritzungen // Sollinger Heimatblätter. Heft 3. – Göttingen, 2008.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛЕНИЯ ДЖАЛИТА (ЯЛТА) В 2010 ГОДУ

С.Г. Бочаров

*Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
г. Симферополь*

В настоящее время при изучении золотоордынского государства особое внимание уделяется центральным регионам. Недостаточно исследованы окраины империи, где размещалось автохтонное оседлое население, которое отличалось этнически и конфессионально от инородной элиты новой державы, но составляющее ее составную часть и платящее общие для страны налоги. Одним из таких микрорегионов в составе Золотой Орды был Крымский полуостров. Настоящая статья посвящена одному из региональных центров Горного Крыма – селению Ялта.

При изучении истории крымских средневековых населенных пунктов целесообразно использовать комплексное исследование письменных, картографических и археологических источников. Такой подход оправдал себя при исследовании городов Херсонеса (Романчук, 1986, 192 с.), Солхата (Крамаровский, 1989, с. 141–158), Каффы (Бочаров, 2000, с. 1–21), Керчи (Бочаров, 2005б, с. 145–151), Мангупа (Бочаров, 2008, с. 191–212). В настоящей статье я попробую применить его для изучения средневекового селения Джалита (Ялта) (рис. 1). Документальные сведения о древней Ялте единичны и относятся больше к региону Южного побережья в целом.

Первое упоминание населенного пункта Ялта встречается в письменных источниках XII в. В сочинении арабского географа и путешественника Абу Абдаллаха Мухаммада ал-Идриси (около 1100–1165 гг.) «Развлечение страстно желающего странствовать по землям» среди сведений об основных направлениях плавания по Черному морю и сведений о роли отдельных портов указано: «...а затем до Карсуны (Херсонес) без малого день морского плавания, что составляет 80 миль. От Карсуны до <города> Джалита (Ялта) – 30 миль. Этот город из числа городов куманов. От Джалиты до города Гурзуби (Гурзуф) 12 миль» (Бейлис, 1988, с. 69).

В результате монгольских завоеваний и образования империи в первой половине XIII в. контроль над Причерноморскими степями (Дешт-и-Кипчак) и Крымским полуостровом переходит от степных кочевников половцев – куманов к правителям нового государства – Золотой Орды. Наиболее надежным свидетельством этого процесса является сообщение Гильома де Рубрика, проехавшего по полуострову в апреле 1253 г. с юга на север (Г*ильом де Рубрук, 1957, с. 53–56). Из наблюдений путешественника следует, что монголы, обложив данью жителей горных районов полуострова, сами расположились в его степной части (Егоров, 1985, с. 46).

С середины XIV в. Южный берег Крыма активно вовлекается в создаваемую администрацией Каффы на крымском побережье Черного и Азовского морей, систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе (рис. 1). Эта система в современной исторической литературе получает название генуэзской Газарии (Карпов, 2000, с. 12).

В 1357 г. в Чембало (Балаклава) уже находится генуэзский консул Симоне дел Орто, под руководством которого, видимо, начинаются фортификационные работы в городе (Heud, 1886, p. 210; Skrzinska, p. 129–130). Одновременно с захватом Солдайи в 1365 г. (Петров, 1886, с. 180; Pistarino, 1988, p. 214) была сделана попытка присоединить к генуэзским владениям и селения Южного побережья. Так, в 1374 г. генуэзскими чиновниками была проведена инспекция селений Готии для определения размера налогообложения населения региона (Balard, 1978, p. 160).

Территории Южного берега Крыма в 1380 г. выводятся из протектората Золотой Орды и официально переходят под власть Генуи, что было закреплено договором от 27 ноября 1380 г. (Basso, 1991, p. 11–12), заключенным с наместником Солхата Яркасом. 24 февраля 1381 г. такой же договор подписывается с Элиас Беем – представителем главного претендента на власть в Золотой Орде этого времени хана Тохтамыша. Помимо городов Солдайи, Чембало, 18 деревень сельской округи Солдайи (Бертъе-Делагард, 1920, с. 22; Бочаров, 2003а, с. 59; 2004а, с. 148–149; 2005а, с. 282–294), генуэзским властям были переданы селения (casalii): Fori (Фори – Форос), Chinicheo (Чиничео – Кикенеиз – Оползневое), Lupico (Лупико – Алупка),

Muzacori (Музакори – Мисхор), Orianda (Орианда – Ореанда), Jallita (Джалита – Ялта), Sikita (Сикита – Никита), Gorzouium (Горзовиум – Гурзуф), Partenite (Партените – Партенит), Lambadie (Ламбадие – Кучук – Ламбат), Lusta (Луста – Алушта) (Vasiliev, 1936, p.1 80; Νυταζοπουλο, 1965, σ. 51; Бочаров, 2004б, с. 200–205).

Рост генуэзских владений вызывает недовольство ордынской аристократии Крыма, что выливается в вооруженный конфликт 1385–1386 гг., получивший название «Солхатская война» (Basso, 1991, p. 14). Одним из эпизодов конфликта было восстание в 1386 г. греческого населения Южнобережья против новых генуэзских властей, на подавление которого из Каффы был послан военный корабль (Balard, 1978, p. 161). Окончание «Солхатской войне» положил мирный договор, заключенный 12 августа 1387 г., который среди прочих пунктов окончательно закрепил права коммуны Генуи на селения приморской Готии, в том числе и на селение Джалита (Ялта) (Vasiliev, 1936, p. 180; Balard, 1978, p. 161).

Помимо средневековых генуэзских документов, сведения о церковной жизни Ялты в XIV в. содержатся в Актах Константинопольского патриархата: «Приказ (митрополиту) Готскому о Ялте. Мерность наша настоящею грамотой возлагает на святейшего митрополита Готского и пречестного, во св. Духе возлюбленного брата нашего и служителя экзархию и управление патриаршим местом, называемым Ялитой, который обязан смотреть за нею и за всеми, находящимися в нем, священными (лицами) и за прочим Христаименным народом Господним, увещевать, учить и руководить его ко всему душеполезному, имея позволение беспрепятственно священнодействовать в находящихся в нем, патриарших храмах, печатлеть чтецов, рукополагать уподьяконов, дяконов и пресвитеров, освящать божественные и священные храмы на патриаршей ставропигии, ставить духовников и все прочее совершать архиерейское, кроме одного восседания на священном сопредстолии, и с возглашением при священнодействиях одного патриаршего имени. Поелику же некоторые из Готских митрополитов, экзаршески занимавшие по временам сказанную патриаршую землю, устроили вблизи патриарших храмов, да даже и внутри их, другие жертвенники, вопреки повелению священнных правил, водружая их в свое имя и позволяя себе дело достойное низложения (ибо никакого права не имеет ставить в патриарших владениях свои святилища, как обещаются перед лицом церкви в своих исповеданиях), то мерность наша повелевает и таковые все считать патриаршими, и одного патриарха поминать в них. И об имуществвах тамошних храмов тоже осведомилась мерность наша, что некоторые из них удерживаются людьми, утверждающими, что купил их у неких экзархов, то и об этом поручает митрополиту постараться и употребить усилие, чтобы возвратить их и отдать церквям. Так как продавшие их не имели на то позволения, то и владеющие ими, кто бы они ни были и чем бы ни владели, обязываются под тяжестью страшного отлучения отдать их и возвратить по принадлежности священным храмам. Относительно же дохода со сказанного места мерность наша полагается на митрополита, и как своего монаха и как человека, имеющего совесть, что он весь доход сполна будет присылать в патриаршую келью. На сем конец и выдана ему настоящая указная грамота нашей мерности» (Архимандрит Антонин, 1866, с. 466–467). Этот акт № CCCLXXI датирован 1386 г. и представляет прямые свидетельства, подчиненности селения непосредственно Патриарху Константинопольскому и наличия к этому времени в Ялите нескольких греческих церквей. В записках церковных иерархов XVIII–XIX вв. указаны названия четырех средневековых церквей, находившихся в Ялте – св. Феодора Стратилата, св. Иоанна Златоуста, св. Иоанна Богослова и св. Параскевы (Бочаров, 2003б, с. 12).

В Джалиту назначался генуэзский чиновник – консул, единственное упоминание о котором относится к 1449 г. (Устав, 1863, с. 675). Видимо, для резиденции консула Ялты в конце XIV – начале XV веков¹ на мысу св. Иоанна строится генуэзский замок.

Генуэзские города, селения и замки крымского полуострова (Gazaria) переходят под протекторат Османской империи летом 1475 г., в результате успешных действий военной экспедиции под руководством Гедик-Ахмет паши (Vasiliev, 1936, p. 262; Bocharov, Maslovskiy, 2009, p. 495–498). Территория Горного Крыма составляет часть новой османской провинции (sancaklivâ) Кефе (Veinstein, 1986, p. 221–237). Селение Ялта входит в один из шести судебно-

¹ Точная дата возведения не известна.

административных округов (*kazâ*) Кефейского санджака, в который вошли бывшие латинские владения Южного берега Крыма и поздневизантийского княжества Феодоро, центр этого округа располагался в городе Мангуп (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1970, p. 326–327; Veinstein, 1980, p. 585, 587; Бочаров, 2008, с. 191–212). Мангупский округ – каза – включал еще два города (Балаклава и Инкерман) и 49 селений Южного берега и Юго-Западного Крыма (Veinstein, 1980, p. 254, tab. III; Fisher, 1981, p. 155). Турецкая перепись населения (*defter*), проведенная около 1520 г. учитывает 48 семей (*hâne*)¹ и 4 вдов (*bîve*), все это исключительно греческое население. Следующая перепись, проведенная в 1542 г., уже фиксирует в селении одну мусульманскую семью, а греческое население за 22 года возрастает на 25 процентов и составляет 70 семей, 7 холостяков (*müğerred*) и 2 вдов (Veinstein, 1980, p. 245, tab. III).

С османским завоеванием всех генуэзских владений Крымского полуострова, замок Ялты перестает использоваться и постепенно приходит в упадок. Руины этой крепости, в конце XVIII века, кратко описал академик П.С. Паллас (Паллас, 1881, с. 236). Стены замка, находившиеся на поверхности, были разобраны в середине XIX в. при строительстве ялтинского порта. «В 30-х годах (XIX в.) были видны еще остатки древних укреплений и следы старинной греческой церкви во имя св. Иоанна на мысе, на котором стоит и нынешняя ялтинская церковь, только пониже ее к самому морю. Но инженеры, строившие, в то время, мол в Ялте, разрушили эти остатки древних строений и разорили древние стены, употребив их камни на постройку мола, так что теперь не видно ни каких следов этих древних построек» (Берндт, 1869, с. 17).

Определить местоположение генуэзского средневекового замка, населенного пункта Ялта и церкви св. Иоанна на современной городской территории позволяют планы селения, снятые русскими топографами в конце XVIII – начале XIX вв. (рис. 2-4)². На этих планах показано положение строений средневекового населенного пункта до строительства порта; а также чертеж плана редута русских войск, построенного на фундаменте стен генуэзского замка; план церкви св. Иоанна. Селение занимало площадь около 3,5 га и состояло из шестнадцати кварталов и пяти улиц, две из которых имели меридиональное, а три – широтное направление (рис. 2) (Бочаров, 2011, с. 11). С запада к селению примыкал замок, занимавший южную оконечность мыса св. Иоанна. Крепость имела полный периметр крепостных стен, напоминающий в плане многоугольную фигуру неправильной формы с прямолинейным очертанием. Площадь замка около 0,137 га. Наибольшие размеры укрепления 50,5 × 35,5 м. Точно определить планировку замка невозможно, поскольку часть северного фасада крепости с единственной(?) башней, к моменту составления графических документов, то есть к концу XVIII в., была разобрана. Протяженность стен, зафиксированных картографически – 116,0 м, реконструируемая протяженность в целом около 147,0 м. Четко выделяются шесть сохранившихся куртин (рис. 3) (Бочаров, 2004б, с. 189–190). Внутри укрепления располагался храм св. Иоанна. Судя по материалам картографии, храм представлял собой базилику с тремя абсидами. Его реконструируемые размеры: 13,0 × 17,0 м (рис. 3).

Сведения письменных и картографических источников носят эпизодический характер и, к сожалению, не позволяют составить целостное представление о времени возникновения и детальной планировке древней Ялты. Существенно восполнить этот пробел помогут данные археологии.

¹ Османская перепись не была подушной, то есть не учитывала каждого жителя. Налогообложение проводилось по трем группам. Главная группа – *hâne* (дословный перевод – очаг) – это отдельная семья, которая могла состоять из различного количества родственников. Две других налоговых группы: холостяки и вдовы. Они могли иметь детей, которые переписью не учитывались.

² «План лежащего в Крыму на берегу Черного моря в горах местечка Ялты занятого войсками Ее Императорского Величества в 1771 году. Составлен 20 апреля 1775 года» (Российский Государственный Военно-Исторический Архив. – Ф. ВУА, д. 22843, л. 1) (рис. 2); «План в Ялте редута в большом виде и профиле. (Российский Государственный Военно-Исторический Архив. – Ф. ВУА, д. 22843, л. 2) (рис. 3); «План берегам ялтинской пристани и в нем предполагаемой каменной мола. Снят 28 августа 1830 года» (Государственный Архив Одесской области. – Ф. 5, оп. 1, д. 1612, л. 18) (рис. 4).

В 2010 г. Восточно-Крымская (Феодосийская) археологическая экспедиция Крымского филиала Института археологии НАН Украины проводила исследования на территории города Ялта по ул. Рузвельта, 12а. Участок расположен среди жилой и общественной застройки в центральной части города и с севера примыкает к улице Рузвельта с востока к боковой стене здания гостиницы «Бристоль» (рис. 5). На момент начала работ участок уже был занят котлованом размером 45,00 × 22,00 м, глубиной 11,00–6,00 м. Были проведены охранные археологические шурфовки на территории котлована. Исследования велись шестью шурфами, ориентированными по оси север – юг. Шурфы 1–4 имели размер 2,00 × 2,00 м, при глубине 0,20, 0,48, 0,65 и 0,45 м. Шурф 5 размером 1,50 × 1,50 м имел глубину 0,82 м (Бочаров, Отчет, с. 3–6).

Археологические культурные напластования были зафиксированы в шурфе 6. Шурф располагался в северной части котлована на земляной ступени шириной 2,00 и длиной 20,00 м, оставленной строителями. Эта ступень находилась на глубине 6,20 м от уровня современной дневной поверхности. Размер шурфа 6 – 1,20 × 2,30 м при глубине исследованных культурных напластований 1,56 м (рис. 6). Изучить культурные напластования на всю глубину залегания не удалось. Археологические исследования в шурфе 6 были остановлены на глубине 1,56 м от поверхности земляной ступени в связи с выходом грунтовых вод.

В шурфе 6 зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация: слой рыхлого серого грунта, слой темного серо-коричневого грунта, слой морской гальки, слой рыхлой коричневой глины. Архитектурно-археологические остатки в шурфе не зафиксированы (рис. 6).

Слой рыхлого серого грунта (XV в.) зафиксирован на всей площади шурфа. Мощность слоя до 1,02 м. Слой представлял собой рыхлый грунт серого цвета с мелкими камнями. В слое были обнаружены 20 керамических фрагментов:

№ п.п.	Описание находки	Кол-во (%)	Группа – центр производства (дата)	[Лит-ра] (№ рисунка)
1	фрагменты черепиц-керамид красноглиняных, один фрагмент с клеймом	6 (30%)	(XIII–XV вв.?)	(рис. 7, 1-5)
2	фрагмент черепицы-калптера красноглиняной	1 (5%)	(XIII–XV вв.?)	
3	фрагменты пифосов красноглиняных	2 (10%)	(?)	
4	фрагменты стенок амфор красноглиняных	3 (15%)	группа клейма «SSS» (XII–XIII вв.)	[16, с. 9-12; 24, с. 444–449]
5	фрагменты сосудов красноглиняных	4 (20%)	Юго-Восточный Крым (XIV–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 356–359]
6	фрагмент стенки сосуда красноглиняного	1 (5%)	Юго-Западный Крым (XIII–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 383–388] (рис. 7, 6)
7	фрагмент кувшина красноглиняного, покрытого красным ангобом	1 (5%)	(?)	(рис. 7, 7)
8	фрагмент стенки миски поливной красноглиняной монохромной. Полива зеленого цвета	1 (5%)	Юго-Восточный Крым, город Солхат (XIII–XIV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 355, 360] (рис. 7, 8)
9	фрагмент поливной красноглиняной полихромной миски с орнаментом сграффито. Рисунок выделен поливой зеленого и коричневого цвета под желтой прозрачной поливой	1 (5%)	Юго-Восточный Крым, город Солхат (XIV–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 355, 360–364] (рис. 7, 9)

Слой темного серо-коричневого грунта (XIV–XV вв.) зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем рыхлого серого грунта на глубине от 0,68 до 1,02 м от уровня поверхности земляной ступени. Мощность слоя до 0,57 м. В слое были обнаружены 24 керамических фрагмента:

№ п.п.	Описание находки	Кол-во (%)	Группа – центр производства (дата)	[Лит-ра] (№ рисунка)
1	фрагменты черепиц-керамид красноглиняных	7 (30%)	(XIII–XV вв.?)	
2	фрагменты амфор красноглиняных	6 (26%)	«Трапезунд» (XIII–XIV вв.)	[16, с. 87–96; 24, с. 381–383]
3	фрагменты сосудов красноглиняных	5 (20%)	Юго-Восточный Крым (XIV–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 356–359]
4	фрагменты сосудов красноглиняных	5 (20%)	Юго-Западный Крым (XIII–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 383–388]
5	фрагмент стенки сосуда красноглиняного	1 (4%)	(?)	

Слой морской гальки зафиксирован в южной части шурфа. Залегал под слоем темного серо-коричневого грунта на глубине от 1,10 до 1,22 м от уровня поверхности земляной ступени. Мощность слоя до 0,36 м. Археологических находок в слое не обнаружено.

Слой рыхлой коричневой глины (XIII–XIV вв.) зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоями темного серо-коричневого грунта и морской гальки на глубине от 1,12 до 1,50 м от уровня поверхности земляной ступени. Мощность слоя до 0,26 м. Слой представлял собой рыхлую глину коричневого цвета. В слое были обнаружены 14 керамических фрагментов:

№ п.п.	Описание находки	Кол-во (%)	Группа – центр производства (дата)	[Лит-ра] (№ рисунка)
1	фрагменты черепиц-керамид красноглиняных	3 (21%)	(XIII–XV вв.?)	
2	фрагменты сосудов красноглиняных	5 (37%)	Юго-Восточный Крым (XIV–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 356–359]
3	фрагменты сосудов красноглиняных	3 (21%)	Юго-Западный Крым (XIII–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 364–366]
4	фрагмент кувшина поливного красноглиняного	1 (7%)	Юго-Восточный Крым (XIV–XV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 383–388]
5	фрагменты чаш поливных красноглиняных монохромных. Полива зеленого цвета	2 (14%)	Юго-Восточный Крым, город Солхат (XIII–XIV вв.)	[17, с. 5–19; 24, с. 355, 360]

Провести зачистки части бортов котлована было невозможно, так как по всему периметру борта были укреплены бетонными сваями. В бортах собирался подъемный материал. Собрано 147 керамических фрагментов и один фрагмент железного предмета (рис. 9, 39). Керамика представлена:

№ п.п.	Описание находки	Кол-во (%)	Группа – центр производства (дата)	[Лит-ра] (№ рисунка)
1	фрагменты черепиц-керамид красноглиняных	2 (1%)	(XIII–XV вв.?)	
2	фрагмент дна пифоса красноглиняного	1 (0,6%)	(?)	
3	фрагменты амфор красноглиняных	3 (2%)	«Причерноморский» тип (IX–X вв.)	[26, с. 76–86] (рис. 7, 17, 19; 9, 3)
4	фрагмент амфоры красноглиняной	1 (0,6%)	Тип с венчиком «в виде отложного воротничка» (начало XII–XIII вв.)	[29, с. 78–79] (рис. 8, 24)
5	фрагменты амфор красноглиняных	76 (53%)	«Трапезунд» (XIII–XIV вв.)	[16, с. 87–96; 24, с. 381–383] (рис. 7, 10–14, 18, 20; 8, 1, 2, 4–10, 12–14, 17, 18, 20–23; 9, 1)

№ п.п.	Описание находки	Кол-во (%)	Группа – центр производства (дата)	[Лит-ра] (№ рисунка)
6	фрагмент стенки амфоры красноглиняной	1 (0,6%)	группа клейма «SSS» (XII–XIII вв.)	[18, с. 21; 24, с. 444-449] (Рис. 7, 15)
7	фрагменты амфор красноглиняных плоскодонных	2 (1%)	(вторая половина XIII–XIV вв.)	[29, с. 83–88] (рис. 7, 16),
8	фрагменты амфор красноглиняных	2 (1%)	(?)	(рис. 7, 16, рис. 8, 11)
9	фрагменты сосудов красноглиняных	19 (13%)	Юго-Восточный Крым (XIV–XV вв.)	[17, с. 5-19; 24, с. 356-359] (рис. 8, 3; 15, 16, 19, 25–27)
10	фрагменты стенок сосудов красноглиняных	6 (4%)	Юго-Западный Крым (XIII–XV вв.)	[17, с. 5 – 19; 24, с. 383–388]
11	фрагменты стенок сосудов красноглиняных	6 (4%)	(?)	(рис. 9, 9, 14)
12	фрагменты сосудов поливных белоглиняных	3 (2%)	Византия (X–XI в.)	[37, р. 19-28] (рис. 9, 19, 31, 33)
13	фрагменты сосудов поливных красноглиняных	5 (3,5%)	Византия, Тип Кабарди (вторая половина XIII в.)	[19, с. 78–96; 24, с. 392–393; 11, с. 12–18; 45 р. 851–856] (рис. 9, 6, 12, 16, 18)
14	фрагменты сосудов поливных красноглиняных	3 (2%)	Византия (XIII–XIV вв.)	[24, с. 401–403] (рис. 9, 15, 21, 34)
15	фрагмент стенки чаши поливной красноглиняной с росписью марганцем	1 (0,6%)	Византия (конец XIII–первая четверть XIV в.)	[24, с. 392–393; 34, р. 5] рис. 9, 35)
16	фрагменты кувшинов поливных красноглиняных	7 (5,5%)	Группа Юго-Восточный Крым (XIV–XV вв.)	[17, с. 5 – 19; 24, с. 364–366] (рис. 9, 2, 4, 7, 8, 10, 17, 24)
17	фрагменты чаш поливных красноглиняных монохромных с орнаментом с граффито	6 (4%)	Юго-Восточный Крым, город Солхат (XIII–XIV вв.)	[17, с. 5-19; 24 с. 355, 360–364] (рис. 9, 5, 23, 28, 30, 32, 38)
18	фрагменты мисок поливных красноглиняных полихромных с орнаментом с графит	2 (1%)	Юго-Восточный Крым, город Солхат (XIV–XV вв.)	[17, с. 5-19; 24 с. 355, 360–364] (рис. 9, 26, 37)
19	пряслище, изготовленное из стенки красноглиняного сосуда	1 (0,6%)		(рис. 9, 13)

Средневековые письменные свидетельства сообщают, что в конце XIV в. греческое селение Джалита входит в состав владений Генуэзской республики в Крыму, а в церковной иерархии это личное владение Константинопольского патриарха, с 1475 по 1774 гг. селение принадлежит Османской империи. К сожалению, письменные свидетельства не указывают точного места его расположения. Картографические материалы конца XVIII – начала XIX вв. позволяют определить месторасположение средневекового селения под современной застройкой города Ялта. Охранные археологические работы 2010 г. на улице Рузвельта впервые отчетливо выявили культурные напластования XIII–XV вв., которые залежали последовательно. Это подтверждает правильность расположения средневекового селения Джалита, выявленную по картографическим данным и позволяет локализовать его более точно. Однако, только широко-масштабные научные археологические раскопки на территории мыса св. Иоанна и исторического центра древнего селения позволят получить точные сведения по времени возникновения поселения в Ялте и дате строительства ялтинского замка, предоставят данные о размерах, конструкции и архитектонике этих объектов.

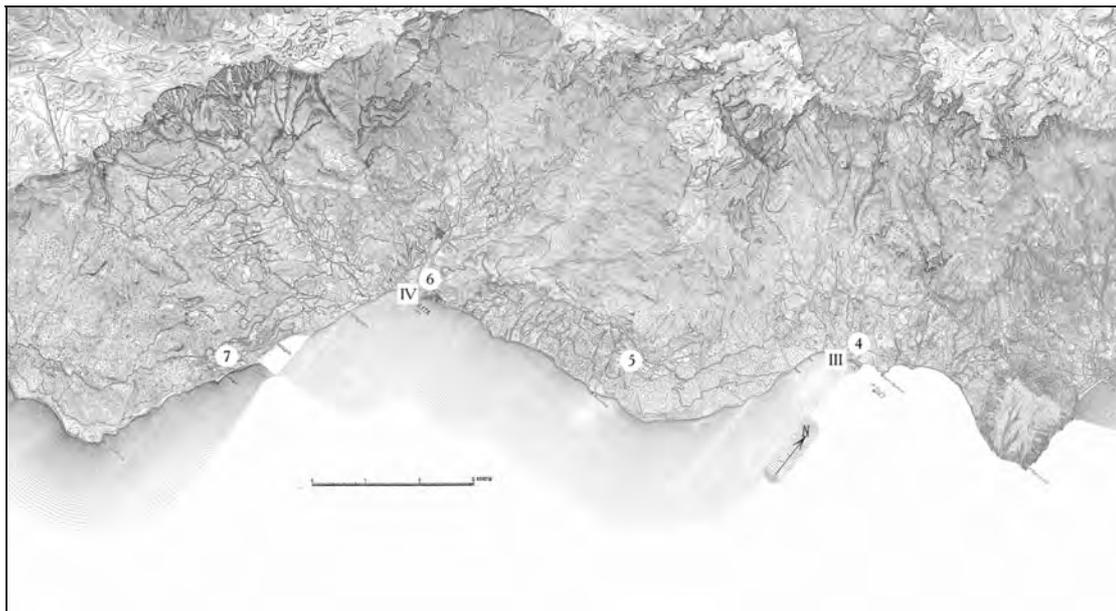

Рис. 1. Генуэзские владения на Южном берегу Крыма. Селения: 4 – Gorzouium (Гурзуф), 5 – Sikita (Никита), 6 – Jallita (Ялта), 7 – Orianda (Ореанда). Замки: III – Гурзуф, IV – Ялта

Рис. 2. «План лежащего в Крыму на берегу Черного моря в горах местечка Ялты занятого войсками Ее Императорского Величества в 1771 году. Составлен 20 апреля 1775 года» (Российский Государственный Военно-Исторический Архив. Фонд ВУА. Дело 22843. Лист 1)

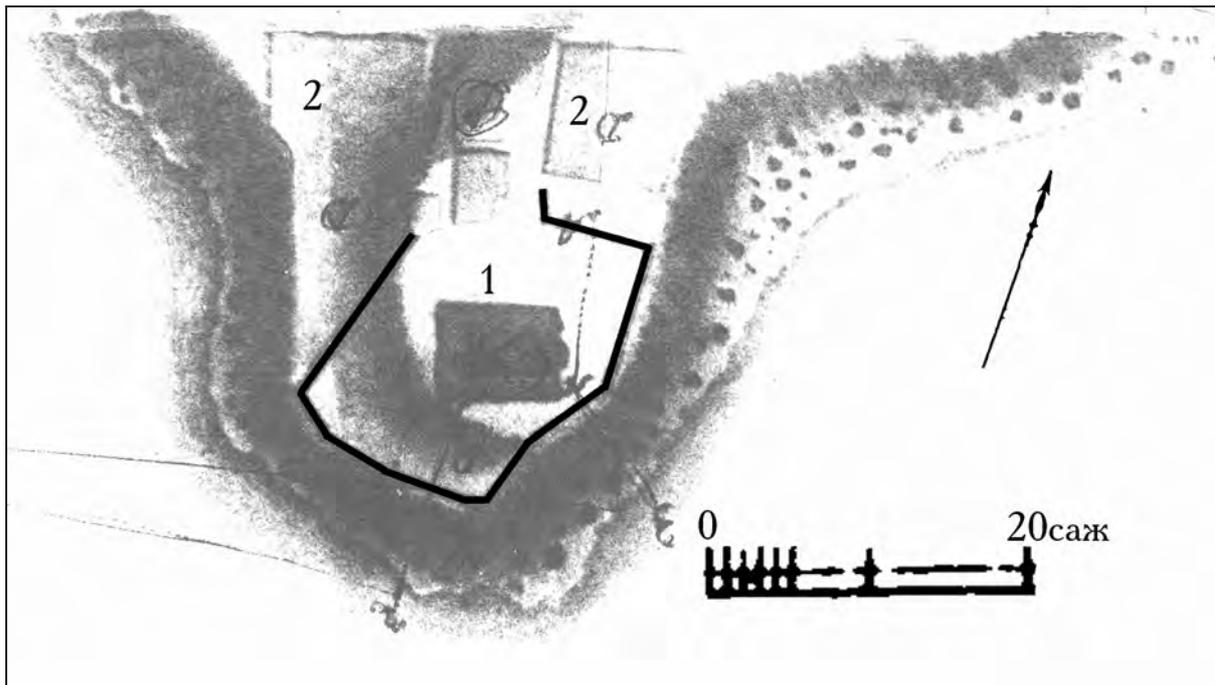

Рис. 3. «План в Ялте редута в большом виде и профиле» (Российский Государственный Военно-Исторический Архив. Фонд ВУА. Дело 22843. Лист 2)

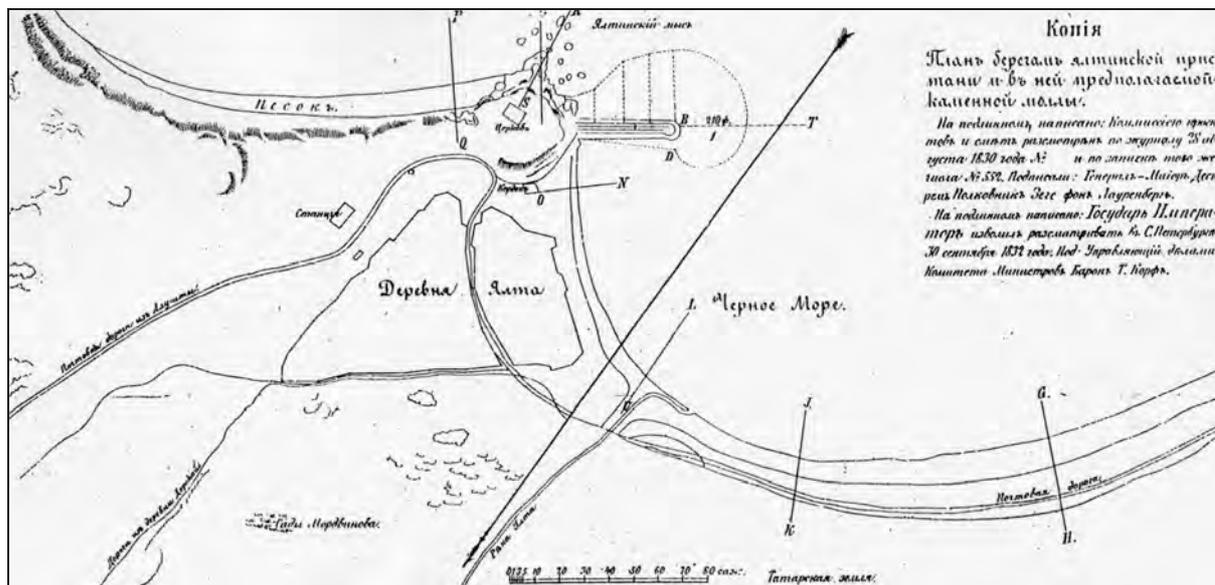

Рис. 4. «План берегам ялтинской пристани и в нем предполагаемой каменной молы. Снят 28 августа 1830 года» (Государственный Архив Одесской области. Фонд 5. Опись 1. Дело 1612. Лист 18)

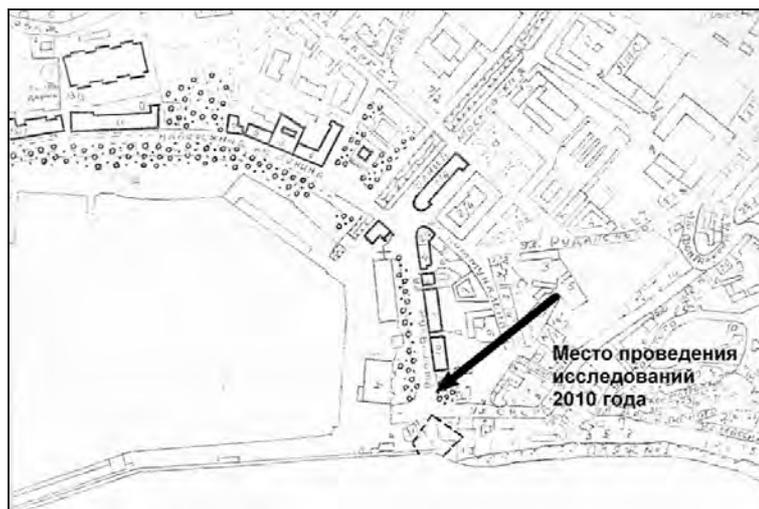

Рис. 5. План центральной части г. Ялта. Место, где проводились археологические исследования в 2010 г.

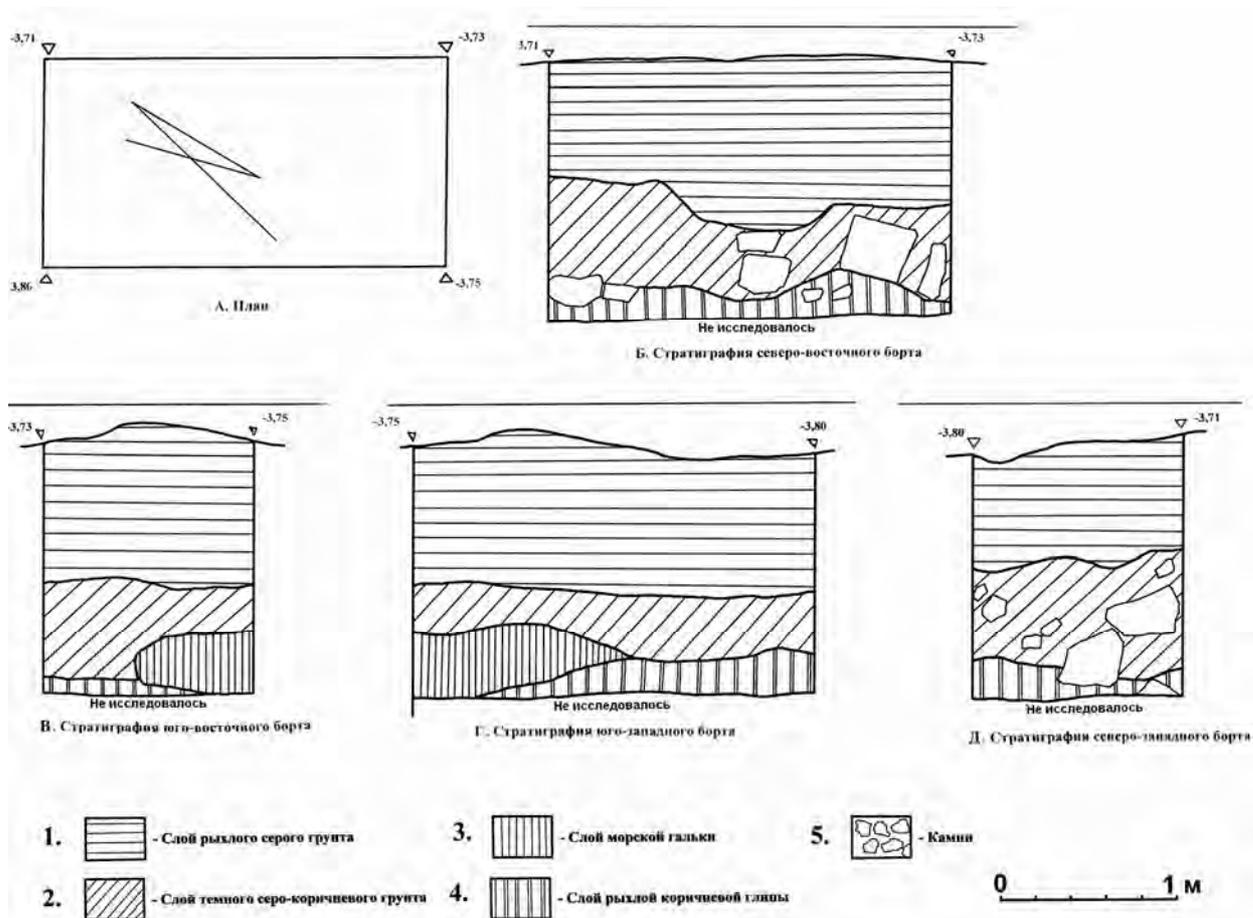

Рис. 6. Ялта – 2010. Шурф 6. План и стратиграфии

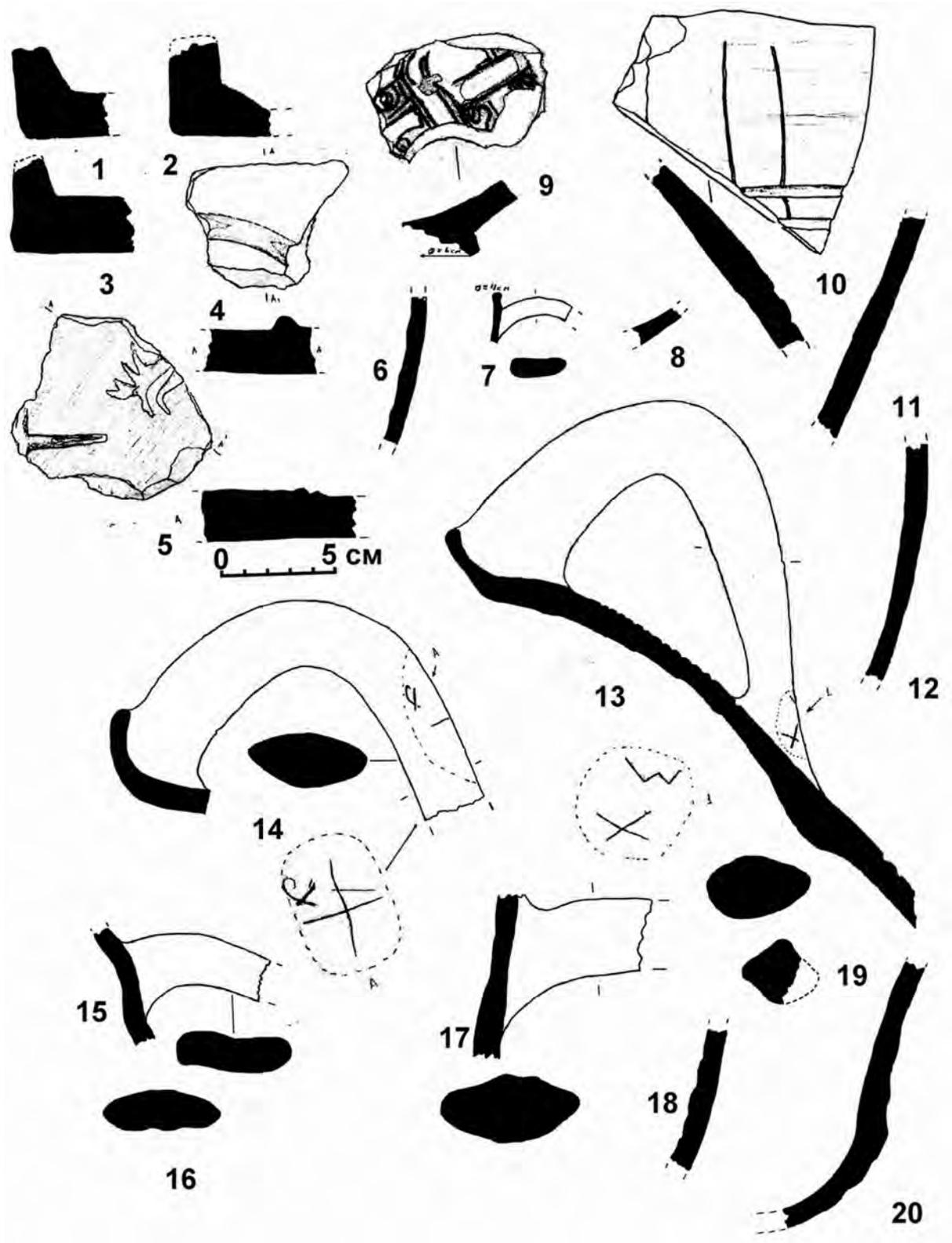

Рис. 7. Ялта – 2010. Находки из слоя рыхлого серого грунта 1 – 9.
Подъемный материал 10 – 20

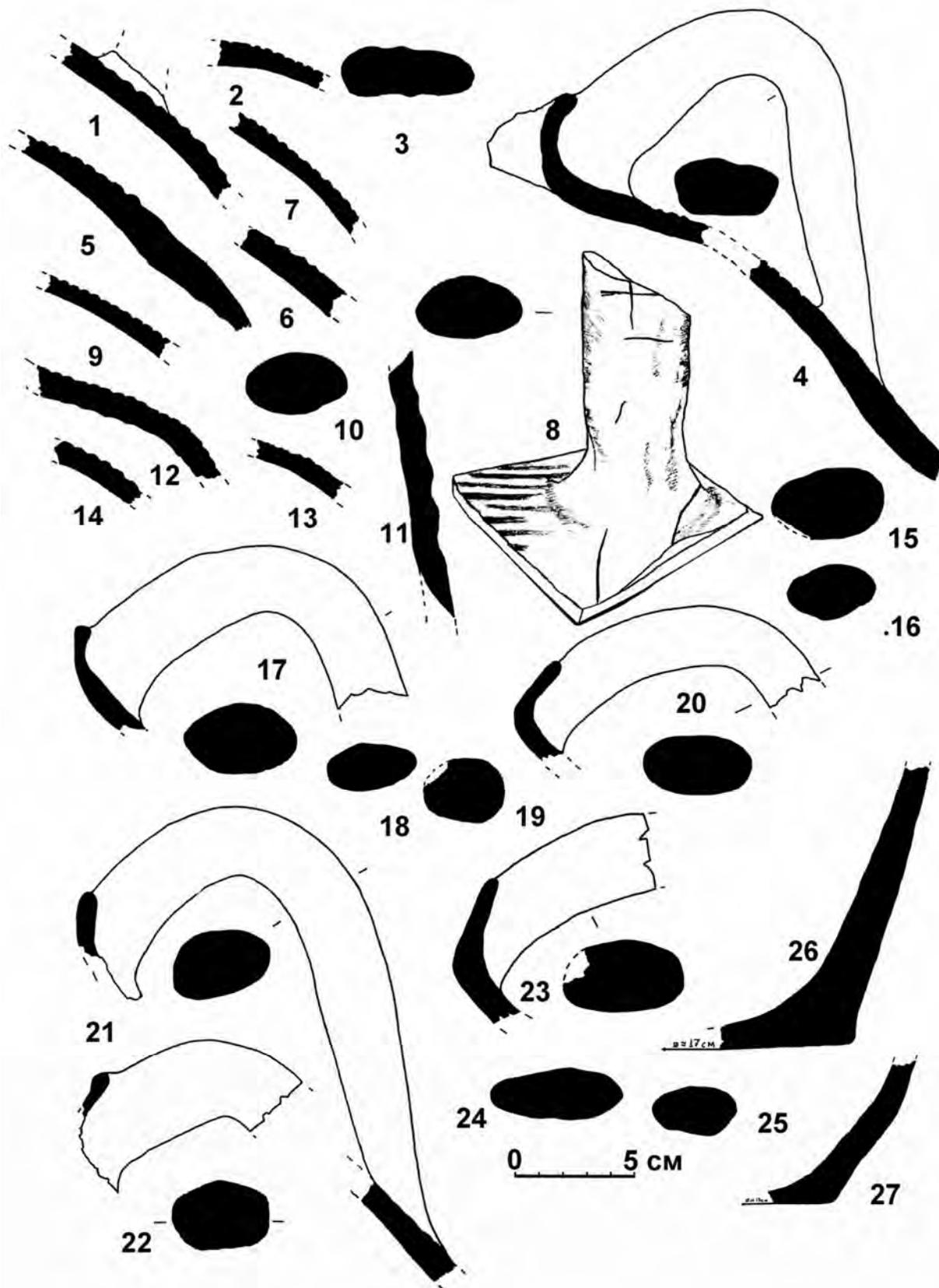

Рис. 8. Ялта – 2010. Находки. Подъемный материал

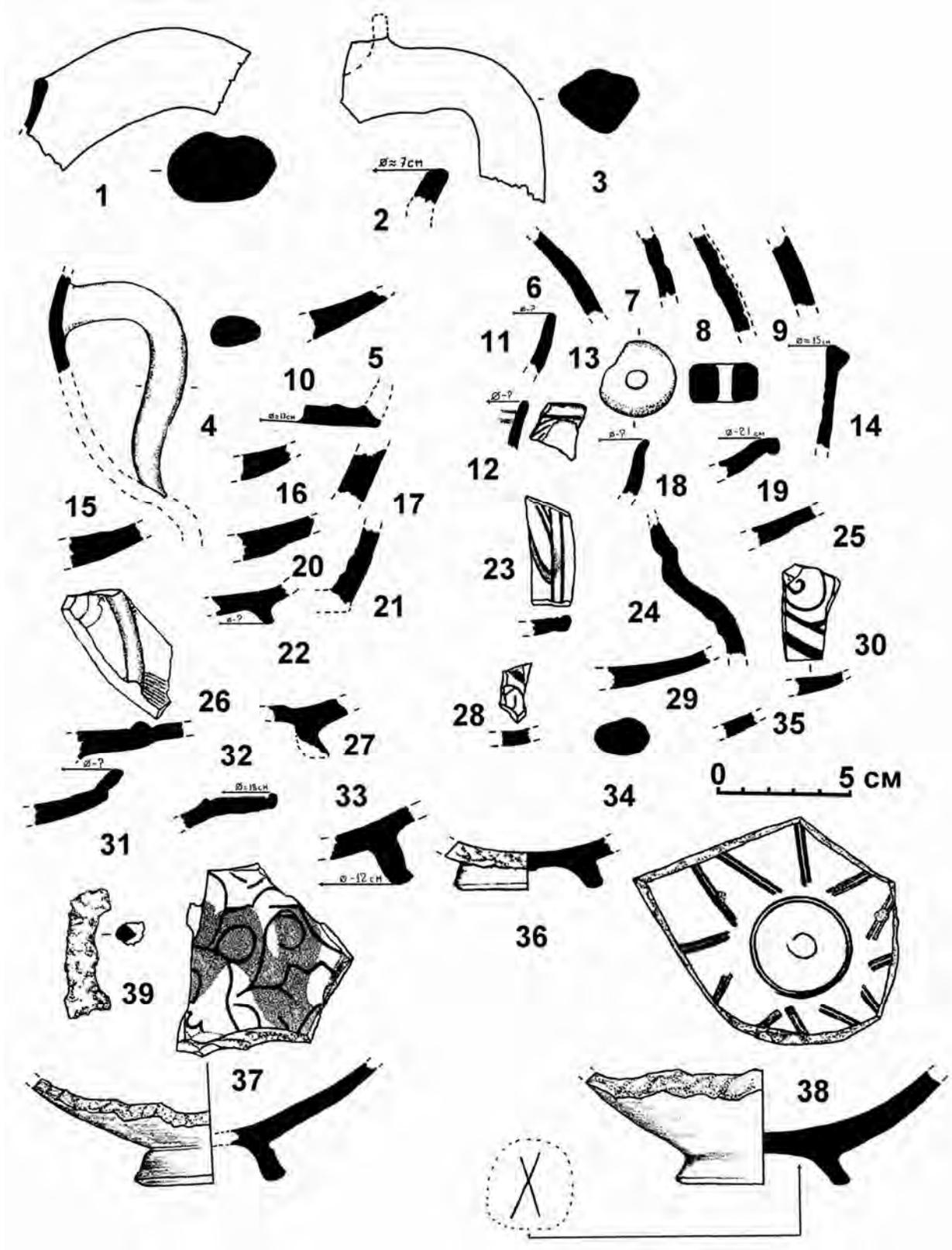

Рис. 9. Ялта – 2010. Находки. Подъемный материал

Литература

Архимандрит Антонин. Древние акты константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю // ЗООИД. – 1866. – Т. 6. – С. 445–474.

Бейлис В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и Средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 61–75.

Берндт Э. Альбом лучших видов Крыма. – Одесса, 1869. – 39 с.

Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 1–136.

Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII–1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2000. – 21 с.

Бочаров С.Г. Храмы Юго-Восточного Крыма и вопрос о границах Солдайского консульства в XIV–XV вв. // VIII Донская Международ. археол. конф. Тез. докл. – Ростов-на-Дону, 2003а. – С. 58–59.

Бочаров С.Г. Описания средневековых храмов Южного Крыма в «Сборнике Гавриила» // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Тез. док. – Севастополь. – 2003б. – С. 11–13.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Науч. док. международ. конф. – Екатеринбург, 2004а. – С. 146–152.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Сб. науч. тр. по материалам конф. в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. – Киев, 2004б. – С. 186–205.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское // АДСВ. – 2005а. – Вып. 36. – С. 282–294.

Бочаров С.Г. Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2005б. – Вып. 4. – С. 145–151.

Бочаров С.Г. Рубеж XIII–XIV вв. по материалам керамического комплекса поселения Посидима (Коктебель) // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. II Международ. науч. конф. – Ялта, 2007. – С. 12–18.

Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. – С. 191–212.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических разведках в центральной части г. Ялта в 2010 году. Шурфы 1–6. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАН Украины. Инв. кн. № 6, инв. № 1419, папка № 1782. – 41 с. 61, рис.

Бочаров С.Г. Первые археологические исследования территории средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 г. // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Тез. док. III Международ. науч.-практич. конф. – Ялта, 2011. – С. 10–12.

16. *Волков И.В.* Импортная амфорная тара золотоордынских городов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 87–96.

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка) / Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1992. – С. 20, табл. 1.

Волков И.В. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Тез. док. науч. конф. – Ростов-на-Дону, 1994. – С. 23–31.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев, 2005. – С. 122–160.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Москва, 1985. – 236 с.

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны; Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. – М., 1957. – 195 с.

Карпов С.П. Латинская Романия. – СПб., 2000. – 256 с.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 141–158.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. – Азов, 2006. – С. 309–473.

Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 62–208.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. – Киев, 2001. – С. 52–81.

Петров Н.И. Греческое рукописное евангелие XI века // ЗИРАО. – 1886. – Т. I. – С. 169–198.

Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. – Красноярск, 1986. – 192 с.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. – 110 с.

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. (изд. В. Юргевич) // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 623–837.

Balard M. La Romanie Génoise (XIII – début du XV e siècle). – Roma, Genova, 1978. – Т.1. – 504 p.

Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattari del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi genuesi. N.S. – Genova, 1991. – Vol. VIII. – P. 11–26.

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // CMRS. – 1970. – Vol. XIII - 3. – P. 315–356.

Bocharov S., Maslovskiy A. The byzantine glazed pottery in northern Black Sea region (end XIII–XIV centuries) // IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo. Abstract. – Venezia, 2009. – P. 5.

Cazacu M., Kévonian K. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents. // CMRS. – 1976. – Vol. XVII - 4. – P. 495–538.

Fisher A. The Ottoman Crimea in Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. – 1981. – Vol. V, № 2. – P. 135–170.

Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. – Princeton, 1992. – Vol. 2. – 630 p.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age. – Leipzig, 1886. – Т. II. – 410 p.

Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. – Genova, 1988. – 214 p.

Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // ASLSP. – 1928. – Vol. LV1. – 141 p.

Vasiliev A.A. The goths in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – 293 p.

Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Mémorial Ömer Lûtfî Barkan. – BIFEA. – 1980. – Fis. XXVIII. – P. 227–249.

Veinstein G. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // MHR. – 1986. – Vol. 1. 2. – P. 221–237.

Veinstein G. Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVIe siècle) // İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres. – Samsun, 1990. – P. 584–606.

Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed wares as main cargoes and personal belongings in the Novy Svet shipwreck (13th c. A.D., Crimea): a diversity of origins investigated by chemical analysis // Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo. – Ciudad Real, 2009. – Т. II. – P. 851–856.

Νυταζοπουλο Μ. Η εν τή Ταυρική χερσονήσω πόλις Σουγδαία. – Αθηναί, 1965. – 132 Σ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ПЕРМСКИЙ КРАЙ)

Н.Г. Брюхова

Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь

Рождественский археологический комплекс расположен на высоком левом берегу р. Обва, правого притока р. Кама в 1,5 км юго-западнее с. Рождественск Карагайского района Пермского края.

Мусульманский могильник занимает мыс коренной террасы, непосредственно примыкающий к восточным оборонительным сооружениям городища. Между площадкой городища и могильником находится глубокий овраг. Исследованная часть могильника датируется концом XI – началом XIII вв. (Крыласова, 2008).

Антропологическую коллекцию Рождественского мусульманского могильника составляют костные останки людей, собранные при раскопках 1990, 1991 и 2008 гг. Представленные для анализа кости происходят из 10 погребений и принадлежат 10 индивидам. Среди них 8 мужчин, одна женщина и один ребенок (табл. 1).

Таблица 1

Половозрастные определения антропологических останков

№ погр.	№ скелета	Пол	Возраст, лет
13	1	♂	35-45
14	1	♂?	30-50
15	1	♂	25-35
16	1	♂	30-50
17	1	♂	35-45
31	1	♂?	20-30
32	1	♂	35-50
144	1	♀	30-40
145	1	?	4±1
146	1	♂	35-50

Особенностью данной группы является выраженное преобладание мужских захоронений.

Доступными для измерения и описания оказались всего 4 черепа, на которых удалось измерить отдельные признаки, в основном размеры мозговой коробки (табл. 2). По причине минимума измерений, вычисление средних величин видится нецелесообразным.

Таблица 2

**Индивидуальные размеры черепов
Рождественского мусульманского могильника**

№ по Мартину	Признак	Погребение			
		144♀	146♂	31♂	32♂
1	Продольный диаметр	182	163	178	186
8	Поперечный диаметр	140	132	138	138
8:1	Черепной указатель	77	81	77,5	74
20	Высотный диаметр		112		
10	Наибольшая ширина лба		119		123
9	Мин. ширина лобной кости	96	96	92	98,5

№ по Мартину	Признак	Погребение			
		144♀	146♂	31♂	32♂
11	Ширина основания черепа	112	116		
12	Ширина затылка		106		
43	Верхняя ширина лица				107
43 (1)	Биорбитальная ширина				99
48	Верхняя высота лица		60		
51	Ширина орбиты (максило-фронтале)	38	38,5		
52	Высота орбиты	36	30		
52 : 51	Орбитный указатель	94	78		
54	Ширина носа		24		
55	Высота носа		44		
54 : 55	Носовой указатель		54		

Женский череп из погребения № 144 характеризуется мезокранной черепной коробкой с большими размерами горизонтальных диаметров. Он имеет пентогнатную форму в вертикальной норме и прямой, широкий лоб. Орбиты при малой ширине и большой высоте по указателю высокие.

Мужской череп из погребения № 146 по указателю черепной коробки – брахикранный, в вертикальной норме имеет сфеноидную форму. Лоб среднеширокий, прямой. Лицевой отдел невысокий со средневысокими орбитами и относительно широким носом. Прикус псалидонтный (ортогнатический), из-за чего лингвальные поверхности верхних резцов и клыков имеют сильную стертость.

Череп из погребения № 31 – мезокранный, со среднепокатым лбом малой ширины и хорошо выраженным надпереносьем. В вертикальной норме – ромбовидный.

Череп из погребения № 32 имеет долихокранную черепную коробку, в вертикальной норме – овоидную. Лоб широкий, покатый с хорошо выраженным переносьем и надбровьем. Отмечается сильное развитие височных линий и затылочного выступа. Верхняя ширина лица находится в категории больших размеров.

Из описаний видно, что два мужских черепа (из погр. № 31, № 146) имеют мезобрахикранную черепную коробку и характеризуются малыми и средними категориями размеров. Отдельно стоит мужской череп (из погр. № 32) он долихокранный с хорошо выраженным рельефом и большими широтными размерами лба и верхней части лица (Алексеев, Дебеч, 1964).

Для характеристики посткраниального скелета погребенных были измерены длинные кости конечностей и вычислены указатели массивности (табл. 3) (Алексеев, 1966).

Таблица 3

**Индивидуальные размеры и массивность длинных костей
Рождественского мусульманского могильника**

№ погр.	Пол	Возраст	Длина/ Массивность				Рост
			плечевая	лучевая	бедренная	б. берцовая	
13	муж	35–45	315/средн.	236/выше ср.	438/выше ср	349/выше ср.	165-168
14	муж?	30-50			386/средн.		154-156
15	муж	25-35	339/выше ср.	256/выше ср.	468/выше ср	384/выше ср.	172-175
16	муж	30-50	246/выше ср.		397/средн.		155-158
17	муж	35-45	310/средн.	234/средн.	445/средн.	347/выше ср.	166-168
31	муж?	20-30			422/средн.		161-163
32	муж	35-50	316/средн.	233/средн.	461/средн.		167-171
144	жен	30-40			386/средн.		152-155
146	муж	35-50			395/средн.	322/средн.	156-160

У женщины из погребения № 144 бедренная кость имеет очень малую длину при средней массивности. Уплощения диафиза нет, шероховатая линия слабо выражена. Рост погребенной 152–155 см, по рубрикации Мартина – средний.

Рассмотрение посткраниального скелета разделило мужскую выборку могильника на две группы по размерным и морфологическим параметрам.

1 группа: Погребенные из могильных ям № 14, № 16, № 31 и № 146 отличаются небольшим ростом 154–163 см, по рубрикации Мартина – ниже среднего. Кости малых размеров, средней массивности со слабо выраженным мышечным рельефом.

2 группа: Рост мужчин из погребений № 13, № 17, № 15 и № 32 составляет 165–175 см – выше среднего и большой по рубрикации Мартина. Кости рельефные с хорошо выраженными местами прикрепления мышц, средней и высокой массивности. Для костей ног отмечается платикнемия (уплощенность большеберцовых костей с боков) и платимерия (уплощенность бедренных костей в верхней трети их диафиза в передне-заднем направлении). Данные индивиды характеризуются укороченными сегментами предплечья (Рогинский, Левин, 1978, с. 72–78).

Зубная система исследуемых страдает различными патологиями: почти у всех индивидов наблюдается эмалевая гипоплазия разной степени и парадонтопатия сопровождаемая наличием зубного камня. Отмечены многочисленные сколы на зубах, с ними связаны травмы зубной коронки, повлекшие за собой развитие кариеса (три случая) и апикальные абсцессы. В погребениях № 13 и № 15 у исследуемых отмечена прижизненная потеря верхних медиальных резцов, которая повлекла за собой редуцирование передней части верхней челюсти.

У индивидов из погребений № 31 и № 32 на черепах наблюдаются следы железодефицитной анемии – поротический гиперостоз (Бужилова, 2005, с. 52–58).

У мужчины из погребения № 17 зафиксирован заросший перелом на левой ключице.

Выводы:

В рассматриваемой выборке преобладают взрослые мужчины в возрасте 20–50 лет. Вероятно, это связано с особенностями группы, оставившей могильник – мусульмане, участвующие в жизни торгового города, находящегося на соседней территории.

Появление носителя долихокранного черепа (погр. № 32) наряду с мезобрахикранной группой, можно связать с выявлением двух типов телосложения у мужчин. К первому типу относятся мужчины грацильного телосложения с ростом ниже среднего. Мужчин второго типа характеризует высокий рост, укороченное предплечье и развитая мышечная система. Два мезобрахикранных черепа принадлежат мужчинам первого типа, а долихокранный – мужчине второго типа. Кроме выраженного мышечного рельефа на костях индивидов высокорослой группы, к проявлениям большей двигательной активности этого типа можно отнести наличие зажившего перелома (погр. № 17) и прижизненную потерю верхних резцов в двух случаях (погр. № 13, № 15).

Выявленные в выборке следы эмалевой гипоплазии на фронтальных зубах свидетельствуют о ростовых задержках, связанных с пищевым стрессом, перенесенным детстве.

Множественные сколы зубной эмали – результат большой нагрузки на зубной аппарат. Это может быть следствием переработки жесткой и грубоволокнистой пищи и использования зубов, как инструмента для обработки непищевых материалов.

Литература

- Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 248 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 127 с.
- Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.
- Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественских могильников в Карагайском районе Пермского края в 2008 году // Архив Краевого Центра охраны памятников (КЦОП) Пермского края.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антрополгия. – М.: Высшая школа. 1978. – 528 с.

МЕЧЕТЬ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДИЩА АНГЕЛИНСКИЙ ЕРИК

И.В. Волков, О.В. Лопан

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва*

Провинциальный город Шакрак располагался на сухопутной дороге из Тамани (пограничного города Золотой Орды) в Азак, о чем содержится единственное упоминание в «Упорядоченье стран» Абу-л-Фиды (Aboulféda, 1840, p. 33; Волков, 2009, с. 85–89). С предельно высокой долей вероятности его можно соотносить с городищем Ангелинский Ерик у станицы Ивановской в Красноармейском районе Краснодарского края (Волков, Лопан, 2009а; они же, 2009б).

Попытка связать город Шакрак с пунктом «Закариия» портоланов и Новомаргаритовским поселением основывается исключительно на отдаленном сходстве названий и не выдерживает критики (Коновалова, 2009, с. 133). Само сходство более чем просто отдаленное, а положение, дата и ранг памятника вообще не соответствуют описанию. Поворота при движении в сторону Азака, упомянутого у Абу-л-Фиды, у Новомаргаритовского поселения нет, оно лежит на прямом пути, и не к югу от Азака, а к западу-юго-западу (Волков, 2009, с. 86). Само поселение относится преимущественно к XIII в., когда итальянцы картографировали побережье, а не ко времени Узбека. На момент первой публикации, касающейся этого поселения, было известно только, что здесь есть материалы «комплекса Кабарди» около 1240–1260-х гг., а также бронзового века и салтовского времени (Волков, 1998, с. 52, рис. 1). Здесь начисто отсутствовали золотоордынский кирпич и архитектурный декор, поливная керамика, монеты, что обязательно сопутствует городам XIV в. С тех пор появился новый, более многочисленный подъемный материал (Масловский, 2008, с. 175–182; он же, 2009, с. 331). Большая часть золотоордынских находок имеет или узкую дату – XIII в., или широкую – XIII–XIV вв., что не исключает их отношение только к XIII в. Есть здесь и единичные находки керамики, узко датированные вплоть до середины XIV в., но они не меняют ситуацию принципиально. Все вместе они поместятся в одной пригоршне, этого недостаточно, чтобы считать поселение городом XIV в. Ангелинский Ерик, напротив, обладает всеми признаками города и располагается южнее Азака, у поворота в сторону Тамани.

Городище находится на границе дельты Кубани, у ответвления крайней правой протоки – Ангелинского ерика. К этому месту от Тамани вел самый удобный путь по правому берегу Кубани; далее к северу шла самая короткая дорога по степи (в обход плавней) в Азак. Место для города выбрано в резкой излучине ерика, защищающей его от степи с трех сторон. Обилие находок монет не оставляет сомнений, что поселение было городом, а в его центральной части несмотря на постоянную распахку еще виден микрорельеф: холмы от особо крупных общественных и производственных построек (рис. 1).

Развитие города во многом связано с функционированием торгового пути. Здесь хорошо представлены монеты конца XIII – начала XIV в., то есть того времени, когда европейские купцы не успели обзавестись факториями в Азаке (хотя плавания туда были обычными). Порты Тамани и ближайшей округи в это время были более доступны, поэтому дальнейший сухой путь активно использовался. Не исключено, что здесь или поблизости (например, на ближайшем поселении-пригороде Ивановская-1) 9 сентября 1332 г. был составлен ярлык Узбека венецианцам с указанием места выдачи («fluuium Coban, apud giram rubeam» = на реке Кубань, возле Красного (или Ежевичного) берега) (Diplomatarium, 1880, p. 244). Кстати, кроме построек из красного обожженного кирпича по берегам у обоих поселений находятся густые заросли ежевики. Какие-то бурные политические события произошли в городе в начале правления Узбека, о чем можно судить по серии кладов (Волков, 2003, с. 236–237, 242; 2005, с. 351). Возможно, это было связано с принятием ислама. Расцвет города приходится на 1340-е гг. (более 2/3 монет с памятника относится именно к этому периоду: типы «двуглавый орел»). Отчасти этот стремительный взлет можно объяснить следующими политическими событиями. После конфликта

1343 г. в Тане (Азаке) итальянцам было запрещено плавание в Азовское море. В результате европейцам (прежде всего, венецианцам) пришлось использовать альтернативные торговые пути в Золотую Орду: через Тамань и Шакрак. Комплекс монет на памятнике отличается повышенным содержанием иностранных (Хулагуиды и Трапезунд); фальшивых дирхемов и пулов из заготовок в ленточной технике. Чума 1346 г., вероятно, существенно сократила население города: монет 1350-х гг. на памятнике немного, хотя обычно на золотоордынских городищах они составляют основу комплекса. Тем не менее, жизнь города продолжается до 764 г.х. (1362–1363): младшие встреченные здесь монеты – выпуски Кильдибека и Абдаллаха. Надо полагать, что он был уничтожен в кульминационный момент гражданской войны. Хотя точность датирования по монетам составляет несколько лет, но именно для данного памятника их обилие делает дату несколько более надежной.

В 2008–2009 гг. были проведены первые существенные раскопки на городище. Для исследования был избран один из двух наиболее пострадавших от глубокой вспашки в 2006 г. холм в центральной части городища (рис. 2). Общая вскрытая площадь составила 292 кв. м. В ходе работ было частично исследовано здание мечети (северная часть постройки) и прилегающие к ней водоемы с мощеными подходами (рис. 3, 4).

Мечеть имела прямоугольную форму: ширина здания составляла 12 м, а длина, судя по размерам оставшейся части холма, была больше приблизительно в полтора раза. От сооружения сохранились траншеи фундамента стен, а сама кирпичная кладка на глиняном растворе была почти полностью выбрана местным населением. О времени выборки кирпича можно судить по следующим наблюдениям. Уже после запустения городища стены сооружения еще какое-то время продолжали стоять. Так, во внутренней части постройки на полу выявлены разрозненные кости от почти полного скелета коровы, следовательно, город уже был покинут, когда в заброшенную постройку забрело и пало животное, а затем его останки были растасканы падальщиками. На уровне самого верха заполнения траншей фундамента (в двух местах) встречены фрагменты поливной керамики XIX в. – вероятно, они были оставлены добытчиками кирпича в позапрошлом веке.

Сохранившиеся кирпичи имеют квадратную форму с устойчивыми размерами – длина граней составляет 19–19,5 см; а их толщина, варьирует от 3,5 до 7 см (с абсолютным преобладанием толщины в 5–6 см). Иногда на кирпичах по сырой глине проведен разделительный надрез для ломки пополам (рис. 9). Большая часть кирпичей красно-оранжевого цвета, из более рыхлой, чем в Нижнем Поволжье, глины. Они заметно более хрупкие, без выразительной примеси песка, с большим количеством органики. Встречены также единичные обломки кирпичей из красной глины, по своим свойствам аналогичные нижеволжским.

Удалось проследить только два небольших участка фундамента и отдельные кирпичи на дне траншеи (рис. 5, 6), ширина которой составляла 1–1,05 м (в 5 кирпичей). В траншее восточной стены, которая была заглублена на 5–8 см ниже остального фундамента, сохранился нижний выравнивающий ряд кладки из половинок кирпичей, сложенный не совсем правильно и залитый сверху глиняным раствором (рис. 7). Судя по сохранившимся участкам, кладка фундамента была небрежной, с использованием половинок и битых кирпичей; слой раствора иногда достигал 8 см (с пропуском одного ряда кирпича). Снаружи северной стены находилась крытая галерея, от которой остались две базы колонн (рис. 3, 8). Они представляли собой кирпичные выкладки в углублениях со стороной в 4–4,5 кирпича. Очевидно, что колонны были деревянными, поскольку значительной нагрузки такие базы выдержать не могли. Деревянные детали сооружения скреплялись железными коваными гвоздями, подавляющее большинство которых было найдено внутри постройки. Преобладают крупные гвозди с раскованными шляпками длиной 80, 130–150 и 185–190 мм. Встречаются также костыльковые гвозди длиной 40, 70 и 95–105 мм. Скопление 13 железных гвоздей наблюдалось в зольнике в северо-западном углу помещения. Все определимые гвозди из зольника (7 штук) были костыльковыми, небольших размеров – допустимо, что зольник был образован в результате сгорания какой-то деревянной мебели (например, лавки или сундука).

Открытого двора не было, внутреннее пространство здания занимал колонный зал: два ряда колонн, от которых сохранились кирпичные базы, расположенные так, что средний «неф»

существенно шире боковых. Вход в постройку находился в северной части западной стены. По бокам от дверного проема располагались два пилон от айвана шириной в 8 кирпичей (1,6 м), длиной 2,8 м. В самом проеме сохранился участок кладки фундамента и прохода с порогом. В засыпи траншеи фундамента в районе входа встречено много обломков сырцового кирпича, что, возможно, свидетельствует о каком-то ремонте здания или об использовании более легкого материала для арки портала. Пол зала – земляной. Снаружи от здания прослежена глиняная вымостка, которая с севера была двухслойной, разделенной черной прослойкой натоптанности. На уровне нижнего слоя, непосредственно у стены, сохранился небольшой участок кирпичной выкладки (рис. 8).

Время возведения и функционирования постройки определяется по монетам, с определенными допущениями при их использовании для датировки. Под нижним слоем глиняной вымостки найдена фальшивая монета Токты чекана Крыма 701(?) г.х. В черной прослойке между вымостками – аналогичная монета 702 или 707 г.х. Все монеты из завалов стен относятся к 740-м г.х. (типы «двуглавый орел»), а одна монета из траншеи фундамента – к 730-м г.х. (тип «лев и солнце»). Таким образом, перед нами одна из наиболее ранних золотоордынских мечетей. Вероятно, она возведена в начале правления Узбека, вскоре после принятия ислама в Золотой Орде.

Сопутствующий вещевой материал немногочислен, поскольку в культовом месте и рядом с ним особо не мусорили. Керамический комплекс отличается тем, что в нем почти нет поливной керамики, а встреченные единичные находки – продукция Юго-Восточного Крыма и Ширвана. Только один фрагмент сосуда с зеленой поливой группы Нижнего Поволжья или Азака свидетельствует о том, что производство в этих центрах на момент строительства мечети еще не достигло масштабного уровня. Большую часть неполивной керамики составляет лощеная, выполненная спирально-жгутовым налепом в северокавказских традициях. Все это свидетельствует о раннем выпадении керамики на участке, вероятно, значительная ее часть попала в слой до и во время строительства мечети.

Единственная выразительная металлическая находка – обломок зеркала диаметром около 85 мм с широким (5 мм), уплощенным шлифованным бортиком (рис. 11). Высокорельефный декор изделия выполнен в художественном стиле. На фрагменте параллельными линиями и завитками, изображена струящаяся водная поверхность увенчанная гребешками пены, должная служить фоном для плывущих рыб (карпов): тип изделия несложно установить по точным аналогиям, к которым относятся зеркала из собрания Донского музея (Пьянков, Раев, 2004, рис. 3, 2) а также из Минусинского музея (Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 56, № 139)¹. Изображения аналогичных изделий опубликованы также в работах Ф.Х. Валеева (1975, рис. 42, 6) и К.А. Руденко (2004, рис. 3, 1)². Качество нашего зеркала, художественные свойства его декора и идеально заполированный бортик позволяют смело предполагать импортное происхождение этой вещицы.

Даже неполная информация о сооружении дает определенные основания для суждений о происхождении традиций культового строительства в Золотой Орде. Обычно их истоки усматривают либо в Средней Азии, либо в западной части Хулагуидского Ирана, который включал все Закавказье, простираясь до р. Кызыл-Ирмак в Малой Азии, а ближайшие государства находились в зависимости.

Молитвенный колонный зал без внутреннего двора демонстрирует сходство со многими мечетями Золотой Орды. Наиболее близкая аналогия – мечеть Узбека в Старом Крыму (Кирилко, 2009, с. 187–200, рис. 2). Последняя перестроена в XV в., но, возможно, сохранила формы первоначального здания. Отличия состоят в том, что у ангелинской мечети пока не найдены остатки минарета (при здешних недостаточно плотных грунтах он вообще мог быть деревянным), вход расположен в западной, а не северной стенке, его пилоны несколько мощнее; есть внешняя галерея. Отсутствие внутреннего двора – также обычное для этой традиции явление, а в данном случае оно может быть обусловлено небольшими размерами постройки. Многократно отмечалось, что эти черты характерны для мечетей «сельджукского стиля» в Западной

¹ Тип IV вариант 11А по Е.И. Лубо-Лесниченко (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 71, 72. №№ 138-140).

² Тип Н-I по К.А. Руденко.

Персии и Малой Азии, они распространились по всей территории Золотой Орды, начиная с Болгар (Fyodorov-Davydov, 1984, p. 62).

Еще более показателен архитектурный декор. В районе портала найдено несколько плиток кашинной наборной мозаики, в том числе со следами гипсового раствора. Вообще в районе входа слой был плотно насыщен крошкой гипсового раствора, что свидетельствует о том, что только здесь была отделка мозаикой. Большая же часть этих изделий встречена за углом, слева от входа, под навесом внешней галереи. Все они без следов раствора и зачастую обращены глазурию вниз. Следовательно, можно предполагать, что это было место, где монтировались утраченные мозаичные панно или бордюры. Часть фрагментов относится к еще не распиленным кашинным плитам, то есть неиспользованным отходам. Стратиграфически их положение соответствует черной прослойке (с монетой) между глиняными отмошками. Кашинные плитки – синего, бирюзового, белого и желтоватого цветов. Основные формы пиленых плиток – шестиугольники, неправильные треугольники, ромбы, «бантовидные» шестиугольники с двумя вогнутыми углами (рис. 10). Треугольные и шестигранные детали мозаики изготовлены из плиток с поливой лазурного цвета; «бантовидные» – из плиток с белой поливой; ромбы – из плиток с белой и желтоватой (возможно вследствие нарушения технологии) поливой. Белые «бантовидные» детали мозаики стыкуются с лазурными шестигранниками, что позволяет реконструировать часть декоративного мозаичного пояса (рис. 10: 7), хотя возможны и другие варианты реконструкции.

Найти аналоги «бантовидным» плиткам (рис. 10: 1) на памятниках Средней Азии нам не удалось, там при создании мозаичных гирихов использовались похожие плитки, но восьмиугольники с двумя вогнутыми углами, представляющие собой «пересечение» двух фигур «чаша» (Ремпель, 1978, с. 153–154, илл. 83–87). Если же более сходные шестиугольные «бантики» («пересечения» двух треугольников) все же встречаются, то они обычно связаны с другой техникой (резной ганч, расписные плитки) и с иным численным соотношением разных фигур (Ремпель, 1978, илл. 78; Томаев, 1951, с. 47, 58, рис. 44, 58).

Наиболее близкий набор ячеек кашинной мозаики представлен на панно мавзолея 1322 г. в Барде (Азербайджан), содержащем упоминание архитектора Ахмеда бен Айуба ал-Хафиза ан-Нахичевани (Бретаницкий, 1988, с. 83, илл. 124а). Показательно, что памятник очень близок по дате к мечети на городище Ангелинский Ерик. Отсюда можно предположить, что истоки золотоордынской архитектурной школы (и, прежде всего, декора) следует искать в Западной Персии, учитывая особенности, связанные с более холодным климатом.

Несколько более поздние мозаики с похожим набором форм плиток (с «бантиками», как на Ангелинском Ерике) происходят с Мечетного Царевского и Селитренного городищ (Носкова, 1976, с. 11–12, 33–34, табл. IV: 3, V: 6; Зиливинская, 2008, рис. 35). Как и на мавзолее в Барде они использованы не для широких панно с гирихами, а для узких орнаментальных полос.

Традиционно распространение ремесленных традиций связывают с угоном мастеров во время военных походов. «Угонять» строителей и архитектурных керамистов из Левобережного Хорезма, входившего в Золотую Орду, не имело смысла. Соседние среднеазиатские владения были дружественны Джучидам. В близкое к возведению постройки время проходили боевые действия только с Хулагуидами (например, осенью 1308 г., зимой 1317/18 гг.). Впрочем, более вероятен не «угон», а добровольное переселение ремесленников на север: несмотря на реформы Газан-хана, экономическая и политическая обстановка в государстве ильханов не была стабильной. В более благополучной в социальном отношении Золотой Орде мастерам легче было найти применение своему ремеслу. Больше оснований для переселения появилось после принятия ислама Узбеком, а в Иране в это время обстановка поступательно ухудшалась. Средняя Азия (и особенно Левобережный Хорезм с Ургенчем) едва ли были посредниками при распространении производства кашинной керамики и мозаичного дела из Ирана в Золотую Орду. Ведь расцвет керамического производства (в том числе кашинной продукции) в золотоордынское время в Ургенче происходит никак не раньше, чем на Нижней Волге (Булатов, 1968; 1969). Следовательно, говорить о заимствовании производства в столицах Золотой Орды из Хорезма не следует. Даже чисто умозрительно можно предполагать, что, квалифицированные мастера скорее могли найти спрос на свою продукцию в столицах, чем в провинциальных городах.

Литература

Бретаницкий Л.С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. – М.: Советский художник, 1988. – 256 с., 150 ил.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. – 1968. – № 4. – С. 95–109.

Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. Сер. История, – 1969. – № 2. – С. 46–59.

Волков И.В. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995–1997 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. – Азов, 1998. – Вып. 15. – С. 48–53.

Волков И.В. О некоторых находках монет в Краснодарском крае // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. – Вып. 3. – С. 235–243.

Волков И.В. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение) // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: НИИ археологии и этнологии Кубан. гос. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 348–379.

Волков И.В. Возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. – С. 85–92. (Донские древности. – Вып. 10).

Волков И.В., Лопан О.В. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2009а. – С. 43–47.

Волков И.В., Лопан О.В. Мечеть золотоордынского города Шакрака: некоторые наблюдения об истоках культовой архитектуры Золотой Орды // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международ. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009б. – С. 62–64.

Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. – Донецк, 2008. – С. 17–92.

Кирилко В.П. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. – С. 187–200. (Донские древности. – Вып.10).

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарии. – М.: Восточная литература, 2009. – 223 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975.

Масловский А.Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. – Азов, 2008. – Вып.23. – С. 144–188.

Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Азов, 2009. – С. 321–339.

Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976. – С. 7–37.

Пьянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2004. – Вып. 2. – С. 219–250.

Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. – М.: Советский художник, 1978. – 288 с., 139 ил.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. – 2004. – № 1–2 (12–13). – С. 111–154.

Томаев Г.Н. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV–XV вв. – М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1951. – 120 с., ил.

Aboulféda. Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la société Asiatique / par M. Reinaud. Paris, 1840.

Diplomatarium Veneto-Levantinum sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia. Pars I, a.1300–1350 / Ed. G.M. Thomas. – Venetiis, 1880.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities / Transl. from Russian by H.B.Wells // British Archaeological Report. International Series. – Oxford: BAR, 1984. – Vol. 198. – 278 p., 113 ills.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИАЗОВЬЕ

М.В. Ельников

*Запорожский национальный университет,
г. Запорожье, Украина*

Среди целого ряда вопросов, связанных с историко-культурным развитием «северного участка» Крымского улуса золотоордынского государства, следует назвать уточнение числа городищ в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Приазовье, что позволяет решить дискуссионные проблемы, касающиеся особенностей градостроительства, локализации административно-политического центра Мамаевой Орды и монетного двора с легендой «Орду».

Нижнее Поднепровье представляет собой участок от г. Запорожья до устья р. Днепр, его особенностью до создания Каховского водохранилища являлся Великий Луг – большая плавня от р. Мокрая Московка и далее на юг до устья Днепра, на пространстве от его левого берега и правого берега р. Конка. Перевозы и броды через Великий Луг способствовали возникновению вблизи них поселений, жители которых хорошо знали эту местность и выступали в качестве проводников-перевозчиков. Заливные луга и плодородная береговая линия создавали благоприятные условия для ведения комплексного хозяйства. Река Конка (Конская, Конские Воды – от тюркского «йилкы су»), текущая в широтном направлении с востока на запад, подходя к Днепру, резко поворачивала на юг.

Северо-Западное Приазовье включает Днепро-Молочанское междуречье, где расположены блюдцеобразные понижения – поды, являющиеся своеобразными коллекторами талых и дождевых вод (Михайлов, 1999, с. 14). Северной границей региона является р. Конка, на юге – Молочный лиман. Вблизи лимана располагался важный перевоз – Овечий брод, в его округе выявлено два клада с преобладанием монет ордынского чекана – у с. Веселое (хутор Ташенак) и около Кизлярской балки (Федоров-Давыдов, 2003, с. 49–50, 145); погребение с монетами у с. Радивоновка, значительная доля которых имела надчеканы «хан» (Толочко, 1999, с. 191–192; Федоров-Давыдов, 2003, с. 91). Вдоль р. Молочной проходил меридиональный торговый путь из Крыма в русские княжества, известный с XVI в. как Муравский шлях. В долине реки издавна известно большое количество колодцев с прекрасной на вкус артезианской водой (Семенов-Тянь-Шанский, 1910, с. 45), а в верховьях, на ее притоке – р. Чингул в 1981 г. был обнаружен богатый половецкий комплекс золотоордынского периода (Отрощенко, Рассемакин, 1986, с. 14–36).

На степень сохранности золотоордынских городищ в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Приазовье повлияли как объективные, так и субъективные факторы. К первым следует отнести весенние паводки в зоне Великого Луга, которые уничтожают значительные площади памятников, и лишь немногие находки из этих объектов становятся известны научным кругам. Так, в 1845 г. после самой небывалой «высокой воды» (Павлович, 1862, с. 33–34) в с. Грушевка Екатеринославской губернии была обнаружена пайцза хана Абдуллаха (Банзаров, 1850, с. 79–80). Однако наиболее существенным при разрушении памятников оказался антропогенный фактор. С 1770 г. для скорейшего строительства крепостей Новой Днепровской укрепленной линии в плавнях Великого Луга интенсивно разбирались здания из жженого кирпича и мрамора, оставленные «бывшими татарами». В 1772 г. Новороссийским губернатором В.А. Чертковым издан указ о денежном вознаграждении солдат и офицеров за находки кирпичного или известкового «запаса». Запорожские казаки были возмущены такими действиями, указывая, что они хорошо знают о «турецкой извести, кирпиче и тесаном камне, а также остатках древних зданий и мечетей», планируя после окончания войны использовать этот материал (Скальковский, 1846, с. 128–130). В дальнейшем строительство веток Екатерининской железной дороги (с 1884 г.) и создание Каховского водохранилища в 1955–1958 гг. уничтожили значительную часть археологических объектов, в том числе и золотоордынского периода.

Письменные свидетельства относительно истории развития этого региона после битвы на Калке крайне скудны. Лишь со второй половины XIV в. вновь возникает интерес к этой территории в связи с нахождением здесь Мамаевой орды. Незначительные сведения о локализации орды Мамаю в Половецкой степи содержат Рогожский летописец, Никоновская летопись и Московский летописный свод конца XV в. Среди актового материала важное место занимает жалованная грамота хана Тюляка, которая свидетельствует, по указаниям А.П. Григорьева, на пребывание темника Мамаю в низовьях Днепра, на Великом Лугу (Григорьев, 1983, с. 25–38).

В конце XVI–XIX вв. в письменных источниках встречаются упоминания и описания остатков строений в низовьях Днепра и попытки их хронологического определения. В большинстве работ эти памятники относили к «татарам», «франкам» (грекам или гунуэзцам), запорожцам или «крымскому хану Мамаю». Первые описания «руин» в 1594 г. осуществил австрийский дипломат Эрих Ляссота, который указывал на остатки трех древних городищ в Нижнем Поднепровье (Щоденник, 2003, с. 263–264). С включением региона в сферу интересов Российского государства с первой половины XVII в., возрастает количество данных об остатках золотоордынских строений. К ним относятся сведения «Книги Большому Чертежу» (Книга, 1950, с. 61, 110–111), московских послов – В.М. Тяпкина и Н.Н. Зотова от 1680 г. (Мурзакевич, 1848, 573–574). Наибольшее число древних городищ в низовьях Днепра описывает С.И. Мышецкий, который находился в 1736–1740 гг. среди запорожских казаков. Он локализует в регионе более 20 пунктов, которые принадлежали некогда «бывшим татарским владельцам», ногайцам, «франкам» и «татарскому хану Мамаю» (Мышецкий, 1847, с. 27–33). Во второй половине XIX в. работу С.И. Мышецкого использовали в своих историко-географических разработках А.А. Скальковский, А.С. Афанасьев-Чужбинский, Н. Вертильях, А.С. Терещенко, Л.В. Падалка, В.Д. Соколов, А.С. Уваров, А.П. Чирков и многие другие. Достоверность этих данных неоднократно подвергалась критике в научной литературе.

В.Л. Егоров на основе анализа письменных данных выделяет на левобережье Днепра четыре городища – Кучугурское, Тавань, Тягин и Конское (Конские Воды). Наличие валов на других городищах в этой местности, как считает исследователь, не позволяет относить их к золотоордынскому периоду (Егоров, 1985, с. 84–87). Г.А. Федоров-Давыдов из-за недостоверных сведений сократил их число и фиксировал на нижнем Днепре одно или два городища – Запорожское (Кучугурское) и Таванское (в более ранних работах вместо последнего – Конские Воды) (Федоров-Давыдов, 1981, с. 235, рис. 96: 67; Fedorov-Davydov, 1984, с. 15, рис. 1; Федоров-Давыдов, 1994, с. 40–41; Федоров-Давыдов, 1997, с. 88). В трудах других исследователей интерес в основном проявлялся лишь к Кучугурскому городищу. Анализ новых археологических, картографических и письменных источников дает возможность увеличить число золотоордынских городищ, «реабилитировав» их в научной литературе.

Самым северным в рассматриваемом регионе является городище Конские Воды, получившее свое условное название в работе В.Л. Егорова в 1977 г. (Егоров, 1977, с. 121, карта 2). Памятник выделен на основе анализа сведений «Книги Большому Чертежу», однако без точного места привязки (Егоров, 1985, с. 86). Следует указать, что первым обратил внимание на этот памятник запорожский краевед В.Г. Фоменко еще в 1968 г. (Сльников, 2010, с. 237–239). Интерес представляют данные послон В.М. Тяпкина и Н.Н. Зотова, которые в 1680 г. на реках Конские Воды и Овечьи Воды видели остатки строений, принадлежащие некогда «Крымскому Хану Мамаю» (Мурзакевич, 1848, с. 573–574). Соотнесение с Овечьими Водами конкретной реки вызывают значительные проблемы. Уже А.А. Скальковский при изучении Литовской Метрики 1542 г. указывал на трудности в определении границ Великого Княжества Литовского: «А по той стороне Тавани с Перекопской землей граница вашей милости по Овечью-воду (не Конскую-ли воду, или «Воловий Брод» в Таганрогском градоначальстве?)...» (Скальковский, 1850, с. 12). Под р. Овечьи воды А.А. Русов видел левый приток Конки – р. Вербовую у г. Орехова (Русов, 1876, с. 111–112). По нашему мнению, под Овечьими Водами следует понимать правый приток Конки – р. Жеребец (на картах XVIII в. – р. Мечетная; см.: Сльников, 2009, с. 106).

После присоединения этой территории в 1774 г. к Российской империи на месте с. Юрковка Ореховского района Запорожской области возник населенный пункт, который носил на картах первой половины – середины XIX в. название Аул. В работе епископа Гермогена указыва-

ется, что с юго-западной стороны к с. Аул примыкал «холм – Москов или Мечеть. На нем была татарская деревня с мечетью» (Гермоген, 1887, с. 222). На карте итальянского картографа Г. Меркатора «Таврика, в наше время называемая Перекопской или Газарией» (фрагмент карты Европы 1554 г.) на левом берегу Конки обозначен город «Nigropon». На карте Д. де Боксета «Генеральная карта по рекам Днепру до Очакова и по степи до Азова...» 1751 г. на правом берегу Конки отмечено четыре мечети (рис. 1: 1). К 1769 г. относится «Операционная карта...», где указано три «мечети» на правом и еще одна – на левом берегу реки. 1774 г. датируется подробная карта «План Конских Вод и Мечетной, называемой речкой Жеребец», на которой зафиксировано десять «мечетей».

В ходе незначительных работ ЗОКМ в 1993 г. на левобережной части городища – Мечеть-Могиле, были открыты остатки кирпичного здания, однако вопрос о культурной принадлежности памятника остался открытым (Попандопуло, Тихомолова, 1993, с. 38–40). В том же году в экспозицию музея из района памятника поступила архитектурная деталь из известняка, растительный мотив которой близок крымским образцам золотоордынского периода. В 2005 г. местным жителем была передана капитель колоны, декор которой имеет аналогии среди колонн портала мечети Узбека 1314 г. в Солхате (Саенко, Дзюба, 2006, с. 287). Разведками Запорожского национального университета в 2007 г. на правобережной части городища был локализован мавзолей, на левобережной – остатки пяти разрушенных строений. На протяжении 2008–2011 гг. на Мечеть-Могиле исследуются остатки культового сооружения, вероятно, мечети. Здание ориентировано по оси север – юг с небольшими отклонениями. Открыта часть западной и северной кирпичных стен, фундаментом которых служили подработанные блоки известняка прямоугольной формы. Котлован под фундамент отсутствовал, пол выровнен при помощи известняковой крошки и песчаной подсыпки, которые служили своеобразной «подушкой».

Нижняя часть стен была украшена двумя двойными горизонтальными полосами кашинных кирпичей-изразцов прямоугольно-усеченной формы с пазами-фасками на боковых сторонах (рис. 2: 1). Аналогии изделиям известны на золотоордынских памятниках Подонья, Поволжья, Кавказа и Северного Ирана (Волков, 2007, с. 36, рис. 3: 6; Цыбин, 2007, с. 114–115), где появились в XIV в. (Федоров-Давыдов, 1978, с. 35). Архитектурным декором сооружения служил орнаментальный узор из растительных и геометрических мотивов (рис. 2: 2), образуемый фигурными кашинными плитками, покрытыми непрозрачной глазурью белого, бирюзового, синего, зеленого, сине-зеленого, желтого и красно-коричневого цветов (рис. 2: 3). Узор имеет прямые аналогии в Поволжье, на мечетях Селитренного и Водянского городищ (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 78, табл. III: 4–8; Федоров-Давыдов, 1981, с. 235, рис. 102: 16–17).

Второе золотоордынское городище располагалось на левом берегу р. Конка, у с. Веселое Мелитопольского уезда Таврической губернии (совр. с. Веселянка Запорожского района). Памятник обозначен на карте 1751 г. Д. де Боксета (рис. 1: 2) и «Пограничной карте Российской и Турецкой империй и Польши...» 1769 г. Я.Ф. Шмита. В 1903–1904 гг. небольшие раскопки на городище произвел Д.И. Яворницкий и определил его как «тюркско-татарское» XIII–XIV вв. Описание городища отсутствует, вещи, поступившие в Екатеринославский музей им. А.Н. Поля накануне XIII АС, состояли из монет, поливной орнаментированной и неполивной керамики, бытовых изделий и конского снаряжения. Интерес представляет нумизматическая коллекция, среди которых имеются: два дирхема Мухаммад-Булака, чекан Орды 771 и 786 гг.х.; дирхем Мухаммад-Булака 1380 г., место чекана не указано; пул Кильдибека, чекан Азака 763 г.х.; два неопределенных дирхема, чеканенные для Крыма в конце XIV или начале XV в.; четыре неопределенные медные монеты XIV в. (Каталог, 1905, с. 58–59).

Неоднократно привлекало внимание исследователей городище Большие Кучугуры (Кучугурское, Запорожское), которое исследовал в 1953 г. В.И. Довженок. Слабое введение в научный оборот материалов памятника, особенно его нумизматической части, породили много дискуссий относительно времени его функционирования и соотнесение с ним города Орду. А.П. Григорьевым еще в 1983 г. была высказана идея об отождествлении Кучугурского городища с г. Орда (Григорьев, 1983, с. 34–35); эмиссия монет с легендой Орду продолжалась с 1363 по 1437 гг., а в 1501–1502 гг. здесь располагалась ставка Менгли-Гирея (Григорьев, 2007, с. 117–122). Г.А. Федоров-Давыдов считал, что во второй половине XIV в. орда, которая

стала кочевать в Северном Приазовье, из кочевой ставки, дублирующей столицу, превратилась в центр мамаяевых владений и приняла ряд атрибутов города, где чеканилась монета (Федоров-Давыдов, 1994, с. 11–12). У Орды, чекан монет которой продолжался до начала XV в., было несколько эпитетов: Орда ал-Джедид, Орда ал-Муаззам и Орда ал-Султани (Федоров-Давыдов, 2003, с. 16, 48, 57). Е.Ю. Гончаров рассматривает существование нескольких Орд, указывая, что чекан Орды (ал-Му'аззам) непрерывно производился в Поднепровье с 765(?) по 860–870-е гг.х. При Тохтамыше старая ставка была переведена на Нижнюю Волгу, где началась чеканка монет с эпитетом Орду ал-Джадид (на ранних монетах – со штемпелем Гийас ад-Дина Мухаммеда). В Поднепровье, на месте ставки, остался населенный пункт под названием ал-Му'аззам и ал-Махруса. При Улу-Мухаммеде в нижнем течении Днепра монетный двор именовался просто Орда (Гончаров, 2005, с. 99–101).

При рассмотрении времени существования г. Орду и монетных эмиссий с различными эпитетами, упускается один из главных вопросов – существовал ли в урочище Кучугуры один или два города. В.И. Довженком была исследована лишь незначительная часть урочища (Большие Кучугуры), при этом работы велись точечно на всех участках для определения общего характера города (Довженок, 1953, с. 5–7). Э. Ляссота, проплывая в 1594 г. вдоль Конки мимо Аталыковой долины, видел на одном из островов Великого Луга городище «Kurzemal» (Щоденник, 2003, с. 264). Аталыкову долину встречаем на карте Риччи Занони 1767 г., а выше, между Конкой и ее правым притоком р. Янчекрак, расположено городище Актар-мечеть (рис. 3). Д.И. Яворницкий в конце XIX в. указывал, что в урочище Кучугуры находились остатки города, отмеченные на карте Р. Занони как Актар-мечеть, переводя название как «пустая мечеть» (Эварницкий, 1898, с. 158, 165–166). Однако на карте Р. Занони в верхней части урочища Кучугуры видим еще один пункт (рис. 3: 1). По Д.И. Яворницкому, выше устья Конки, на левом ее берегу находится большое городище, где встречаются «разные остатки древности», среди которых посуда, оружие, бронзовые зеркала. Исследователем раскопано здесь одно захоронение в ящике «типа гроба», среди находок – остатки головного убора (Эварницкий, 1898, с. 166).

Я.П. Новицкий в урочище Кучугуры также различал два «турецких» городища – Большое и Малое, первое из которых он осмотрел в 1901 г. По его наблюдениям, Большое городище на четверть уменьшилось после наводнения 1845 г. На Малом городище также был город, где находили обожженный кирпич, каменные фундаменты строений, монеты и посуду. Отдельные находки из Малого городища поступили в Екатеринославский музей им. А.Н. Поля (Новицкий, 2007, с. 195–197, 201). Неоднократно посещал (с 1882 по 1916 г.) Большое и Малое городища краевед А.Ф. Кащенко. По его наблюдениям, строительный материал широко использовался помещиками для своих экономий (Кащенко, 1991, с. 410–413).

Эти факты указывают не только на существование двух городищ в урочище Кучугуры, но и требуют дальнейшего рассмотрения, в особенности нумизматической коллекции и возможности существования на памятниках нескольких строительных горизонтов. На протяжении трех лет, в 1950–1951 и 1953 гг. запорожские археологи А.В. Бодянский и В.Ф. Пешанов собрали здесь 44 монеты (Довженок, 1953, с. 1), в 1951–1952 гг. сотрудник Института археологии Д.Т. Березовец обнаружил еще 38 монет. При раскопках В.И. Довженка выявлено 224 монеты. Всего в фонды Института археологии НАН Украины поступило 262 монеты. После создания Каховского водохранилища в 1964–1965 гг. запорожским нумизматом В.Н. Шовкуном на Больших и Малых Кучугурах было собрано около 3700 джучидских монет. В 1969 г. им был подготовлен каталог серебряных монет с Кучугур, среди которых наиболее представительной была коллекция периода «великой замятни» – ханов Абдуллаха (6 типов, чеканы Орды и Нового Сарая) и Мухаммад-Булака (9 типов, чеканы Орды и Нового Маджара). Самыми ранними являются дирхемы Узбек-хана 715 г.х. Часть этих монет (около 2000) поступила в фонды ЗОКМ. Нумизматом на Кучугурах был обнаружен клад из пяти слитков – сумов ладьевидной формы; все экземпляры однослойные «волжского типа».

В 1977–1981 гг. сотрудники ЗОКМ проводили работы на незатопленных участках урочища Кучугуры. На о. Утиный зафиксированы остатки каменной стены, около о. Кваки под водой на площади 100 кв. м обнаружен кирпичный пол и 8 баз колон. Подъемный материал состоял из трех пулов Тохтамыша, бронзового браслета, фрагмента зеркала, керамических труб и посуды.

Находки имели аналогии среди городищ Поволжья и датированы второй половиною XIII–XIV в. (Шаповалов, Борисов, 1978, с. 398–399). На о. Рыбачий I (северный остров группы) обнаружены остатки строений, которые позволили выделить три строительных горизонта конца XIV – начала XV в., временной разрыв между которыми был незначительным (Попандопуло, Тихомолова, 1983, с. 308–309; Тихомолова, 1981, с. 10–11). Строительные горизонты с элементами обгорелых конструкций могут косвенно указывать на то, что г. Орду в разное время, вероятно, носил несколько названий.

Значительный интерес представляет новая публикация В.Н. Шалобудовым нумизматической коллекции из Присамарья (район г. Днепропетровска). Среди анэпиграфных пулов с «трехногий тамгой» и дирхемов Абдуллаха и Мухаммада-Булака чекана Орды представительную коллекцию составляют пулы с эпитетом «ал-Джедид». Среди последних 31 монета Абдуллаха 770 г.х. и 16 – хана Тохтамыша 772 и 783 г.х. (Шалобудов, 2008, с. 94–100, рис. 1: 17–16; 2: 2, 5, 8). Как предполагал Г.А. Федоров-Давыдов, появление пулов с легендой «ал-Джедид» может указывать как на новые монетные выпуски, так и на место чекана (Федоров-Давыдов, 2003, с. 38–39).

Два золотоордынских городища располагались на левом берегу р. Конка, вблизи важного стратегического участка – Никопольского перевоза через Днепр. Это узкое место для переправы до 1770 г. называлось на картах Крымendi-Базар – «Крымский базар» (Скальковский, 1846, с. 91–92). Первое из них – Белозерское городище – находилось у г. Каменка-Днепровская Запорожской области (в прошлом с. Малая Знаменка или Каменка). Расположено непосредственно в границах Каменского городища скифского времени. До создания Каховского водохранилища это был дюнный мыс (Каменские Кучугуры), ограниченный речками Каменской Конкой, Днепром, Знаменской Конкой и Белозерским лиманом (рис. 4: 1). Первое упоминание о памятнике находим у Э. Ляссоты, который указывал, что при озере Белозерке находилось городище и крепостной вал древнего города (Щоденник, 2003, с. 263–264). В 1696 г. в урочище Городище была построена крепость Каменный Затон, скрытая в 1711 г., а в 1736 г. – Белозерский ретраншемент (Скальковский, 1846, с. 46). С.И. Мышецкий первым передает легенду, что на этом месте некогда находился город Белозерка, где правила франкская царица. Белозерка была разрушена Мамаем, а он сам построил город на р. Мамай-Сурка (Мышецкий, 1847, с. 28). В дальнейшем легенду о Сурке-Белозерке пересказывали А.А. Скальковский, Н. Вертильяк, А.С. Афанасьев-Чужбинский (Ельников, 2004, с. 41). По указаниям А.А. Русова, в степной Украине ему было известно следы двух городов, один из которых Белозерка разрушен «татарским князем Мамаем» (Русов, 1876, с. 65).

По наблюдениям А.С. Уварова, «этот татарский город стоял на месте греческого» (Уваров, 1851, с. 21–25). По указанию А.В. Терещенко, «здесь было татарское городище, которое по своему устройству и предметам, сходным с открытыми мной в развалинах Сарая, бывшей столицы Золотой Орды...» (Терещенко, 1853, с. 15, 31–32). В 1888 г. Белозерское городище обследовал геолог В.Д. Соколов, упоминая о находках тесаных камней, сооружений из камня и кирпича (Соколов, 1892, с. 233–234). Наибольшая концентрация находок отмечалась на землях Фомы Ляшенко, где находили «тонкие квадратные кирпичи, бутовый камень...». В.Д. Соколову удалось обнаружить остатки литейной мастерской, коллекция вещей (ее большая часть – из находок Д. Я. Сердюкова, которые он собирал в течение 16 лет) передана в дар Императорскому Историческому Музею в Москве (Соколов, 1892, с. 237–238). На основании обнаруженных монет – «греческих, римских, татарских и турецких» он сделал предположение, что памятник представляет собой «археологический конгломерат» (Соколов, 1892, с. 238, 242).

В 1899–1900 гг. директором Мелитопольского музея Д.Я. Сердюковым на месте хутора братьев Ляшенко и в районе Каменской пристани были произведены первые раскопки, в ходе которых выявлены строения из квадратного кирпича, камня и обгорелого дерева (Сердюков, 1902, с. 28–37; 1902а, с. 31–33). В 1929 г. на территории Каменской пристани провел незначительные исследования сотрудник Никопольского музея Ф.Н. Киранов, также выявив строения из квадратного сырцового кирпича, несколько генуэзских, джучидских и польских монет (Граков, 1954, с. 42). В 1952 г. Э.А. Сымоновичем у внешнего вала был исследован грунтовый некрополь XII–XIV вв., предварительно датированный им X–XII вв. (Сымонович, 1956, с. 99–106).

В 2002 г. у пристани были случайно открыты остатки горнов по выплавке чугуна (Гаврилюк, Маничев, Недопако, 2003, с. 80–85).

Второе городище – Мамай-Сурка располагалось на левом берегу р. Конка на месте Знаменского городища скифского времени, у с. Велика Знаменка Запорожской области (рис. 4: 2). Впервые памятник упоминает Э. Ляссота как «старое городище или город, с крепостным валом старого замка» (Щоденник, 2003, с. 263). А.С. Терещенко указывал, что наряду с «колонией греческих поселенцев» здесь существовало татарское городище Мамай-Сурка, построенное темником Мамаем (Терещенко, 1853, с. 33–34). Л.В. Падалка пришел к выводу, что Белозерское городище и городище Мамай-Сурка представляют собой две части одного городища: «Городище» при Белом озере и «городок» при р. Конке (Падалка, 1891, с. 387). В.Д. Соколов Белозерское городище и городище Мамай-Сурка также считал единым памятником (Соколов, 1892, с. 235). По данным Н. Вертильяка, в центральной части в один ряд стояло четыре «кургана» значительной высоты. Все они разрывались местными жителями для добывания жженого кирпича и тесаного камня. По преданию, в древности здесь были большие постройки, около самой р. Конки находилось глубокое место, вероятно, развалины дворца, которое местные жители называли Кремлем (Вертильяк, 1858, с. 144).

В 1940, 1952–1953 гг. на городище проводила исследования Скифская степная экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Б.Н. Гракова. В 1940 г. была обследована верхняя часть внутреннего вала (участок II), укрепленная сырцовыми кирпичами на глинистом растворе. Под кладкой шел слой леса толщиной 0,75 м. Как указывал Б.Н. Граков, сырцовый кирпич необычен для Степной Скифии, где основой фортификации был земляной вал (Граков, 1954, с. 48–51). Ссылаясь на Н. Вертильяка, исследователь указывал, что аналогичный кирпич местные жители добывали из четырех «курганноподобных» возвышений на акрополе (Граков, 1954, с. 63–64), три из которых (рис. 5: 1) были исследованы в 1952 г. Н.Н. Погребовой (Погребова, 1952, с. 2, 6). На раскопе I-a (V) открыта западная часть каменного строения, выше которой на высоту 0,2–0,35 м сохранилась кладка из квадратного кирпича размерами 20 × 20 × 5 см. Золотоордынский слой мощностью 0,2–0,5 м начинался сразу под дерном и был насыщен красноглиняной гончарной посудой.

На раскопе I были отмечены остатки деревянной конструкции, датированной 1743–1748 гг. по серебряной монете крымского хана Селим-Гирея II. Ниже был открыт фундамент золотоордынского здания размерами 20 × 10 м, ориентированный по оси северо-восток – юго-запад, с выступами к северо-востоку (портал?). Сооружение не было полностью исследовано, т.к. «задерживало исследование слоев скифского времени» (Погребова, 1952, с. 17). Кладка шириной 1 м состояла из квадратного кирпича 20 × 20 × 5 см, который сохранился на высоту от двух до шести кирпичей. Внутри здания сохранились участки поперечных кладок – вероятно, разделявшие разные помещения. На уровне глинобитного пола отмечены слои пожара, на некоторых кирпичах – следы бирюзовой и зеленоватой поливы, часть кирпичей профилирована. На уровне фундамента найдена бронзовая монета хана Абдуллаха (Погребова, 1952, с. 19). Развал и остатки кирпичной кладки золотоордынского периода были обнаружены также на раскопах III и III-a. Здания не были полностью исследованы, т.к. находились непосредственно на скифском слое, между насыпями средневекового слоя не зафиксировано. Н.Н. Погребова констатировала, что в золотоордынский период на месте Знаменского акрополя находились отдельные здания, а в целом городище не было заселено. Она указывала, что эти строительные остатки относятся к сторожевому пункту, построенному монголами для охраны переправы (Погребова, 1962, с. 15–16, 21). С последним выводом нельзя согласиться. Открытый в 1956 г. и исследуемый с 1989 по 2006 г. вблизи городища грунтовый могильник Мамай-Сурка дал значительное число захоронений золотоордынского периода – 1162. Среди вещей из крымских и поволжских центров на памятнике обнаружено несколько монет, среди которых имеются: один пул Узбек-хана чекана Крыма (без года); дирхем Узбек-хана чекана Сарай ал-Махруса, 722 г.х. с надчеканкой «абдл»; дирхем Джанибек-хана чекана Сарай ал-Джедид, 747 г.х.; 2 дирхема Бирдибек-хана чекана Гюлистана, 759 и 760 г.х. – на одном экземпляре пробито отверстие, на другом надчекан «адил»; дирхем Абдуллах-хана чекана Шехр ал-Джедид, 767 г.х., в котором пробито отверстие (рис. 5: 2–7). Вблизи памятника случайно был найден дирхем редкого чекана (рис. 5: 8).

П.С. Савельев относил такой тип к Абдуллаху чекана Янги-Шехра (Савельев, 1865, с. 303, № 529), против чего выступила С.А. Янина (Янина, 1977, с. 199–200). В работе Н.М. Шелди близкий тип (аверс) относится к ордынскому чекану 766 г.х. (Шелди, 2002, с. 91, № 330).

Самое южное – Тягинское городище, где проводили археологические исследование, расположено в 1,8 км на юго-запад от с. Тягинка Бериславского района Херсонской области. Памятник расположен на острове высотой 7–8 м от уровня правого берега Днепра. В 1740 г. об этом острове упоминает С.И. Мышецкий, указывая, что здесь расположен треугольный каменный замок с круглыми башнями, построенный франками (Мышецкий, 1847, с. 32–33). Д.И. Яворницкий указывал, что против устья р. Тягинки, располагалось три Тягинских острова. На одном из них, носящем название Большого Городища или Городка, имелось звездообразное с тремя ложементами укрепление (Эварницкий, 1898, с. 119, 137). В.П. Семенов-Тянь-Шанский связывал основание здесь крепости с татарами и относил к 1491 г. (Семенов-Тянь-Шанский, 1910, с. 148).

В 1914 г. директором Херсонского музея В. И. Гошкевичем в южной части острова были зафиксированы остатки двух строений. Первое из них имело треугольную форму с перемычкой в виде литеры «А», второе имело вид трапеции. При исследовании первого каменного строения, часть камней которого имели барельефы, была открыта печь, сооруженная из сырцового кирпича размерами 24 × 12 × 6 см. Среди находок значительную часть составляют фрагменты красноглиняной тарной посуды, миска с зеленой и пиала с желтой поливой.

В 1,8 км на северо-восток В.И. Гошкевич раскопал курганный могильник из 12 насыпей, где было открыто 15 захоронений XV в. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад, с поворотом на правый бок. Могильные ямы имели уступы и подбои, в конструкциях использовался камень и дерево. Исследователь датировал памятник XIV–XVI вв., считая его известной по письменным данным «Витовтовой баней» (Гошкевич, 1916, с. 5–11). В 1992–1993 гг. Тягинской экспедицией на городище были произведены небольшие исследования. По мнению авторов работ, городище построено в начале XV в. при князе Витовте, на границе Великого княжества Литовского и татарских владений (Черная, 1998, с. 186). Исходя из незначительного материала золотоордынского периода, представляется весьма проблематичной нижняя дата городища XIV в., что требует проведения дополнительных исследований.

Таким образом, в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Приазовье можем выделить четыре микрорегиона, где сконцентрированы административно-политические центры и клады периода Золотой Орды. Первый из них охватывает урочище Кучугуры и городище Веселое. Во второй локальный район входило городище Конские Воды и участок притоков Молочной – р. Куркулак и Чингул, на последнем из которых открыто самое богатое половецкое захоронение. К востоку от городища Конские Воды в 1851 г. был обнаружен Екатеринославский клад. Анализ первоисточника и карт середины XIX в. позволяют локализовать этот клад на левом берегу р. Гайчур у с. Межирич Запорожской области (Ельников, 2002, с. 66–69).

Третий участок – район Никопольского перевоза, где было расположено два городища – Белозерское и Мамай-Сурка. Распространение в этой местности антропонимов с именем Мамай позволяют сделать предположение, что здесь располагалась ставка самого темника. На это могут указывать как использование и укрепление валов скифского времени, так и находка пайцзы хана Абдуллаха и клад пулов у с. Красногригорьевка Екатеринославской губернии (Федоров-Давыдов, 2003, с. 160). Здесь также выявлено два грунтовых могильника – Каменский и Мамай-Сурка, последний из которых является в Нижнем Поднепровье одним из самых крупных исследованных некрополей золотоордынского периода.

Четвертый участок располагался у водной переправы «Овечий брод» вблизи Молочного лимана, где выявлено три монетных клада – Кизияр, Веселое и Радивоновка. Переправа обслуживала важный торговый путь, шедший из Азака, на котором известен также Бердянский вещевой клад. Интерес вызывают и сообщения А.В. Терещенко, который в 1852 г. ознакомился с коллекцией известного деятеля менонитских колоний Иоганна Корниса. Колонист активно производил в Приазовье археологические раскопки, среди находок были джучидские монеты ханов Узбека, Бердибека и Тохтамыша. И. Корнисом на р. Корсак в ногайском селении Улкон-Ссасык-Тогюн в 1830-е гг. была обнаружена надгробная надпись на могиле дочери «золотоор-

дынского бека» Идегея (Терещенко, 1853, с. 28–29). Снятая факсимильная копия надписи была передана академиком П.И. Кеппеном известному востоковеду Х.М. Френу, однако из-за плохой сохранности он не смог ее прочесть (Дровосекова, 2010, с. 100).

Таким образом, урбанистические процессы в золотоордынский период охватили регион Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Приазовья с первой половины XIV в. Расцвет городов в указанном регионе проявился в короткий период «великой замятни», в фортификации использовались валы скифского периода. Подъем урбанистической культуры был связан с перемещением сюда Мамаевой орды, в состав которой входила значительная часть городского населения.

Рис. 1. Фрагмент карты Д. де Боксета 1751 г. с обозначением «мечетей»: 1 – городище Конские Воды; 2 – городище Веселое

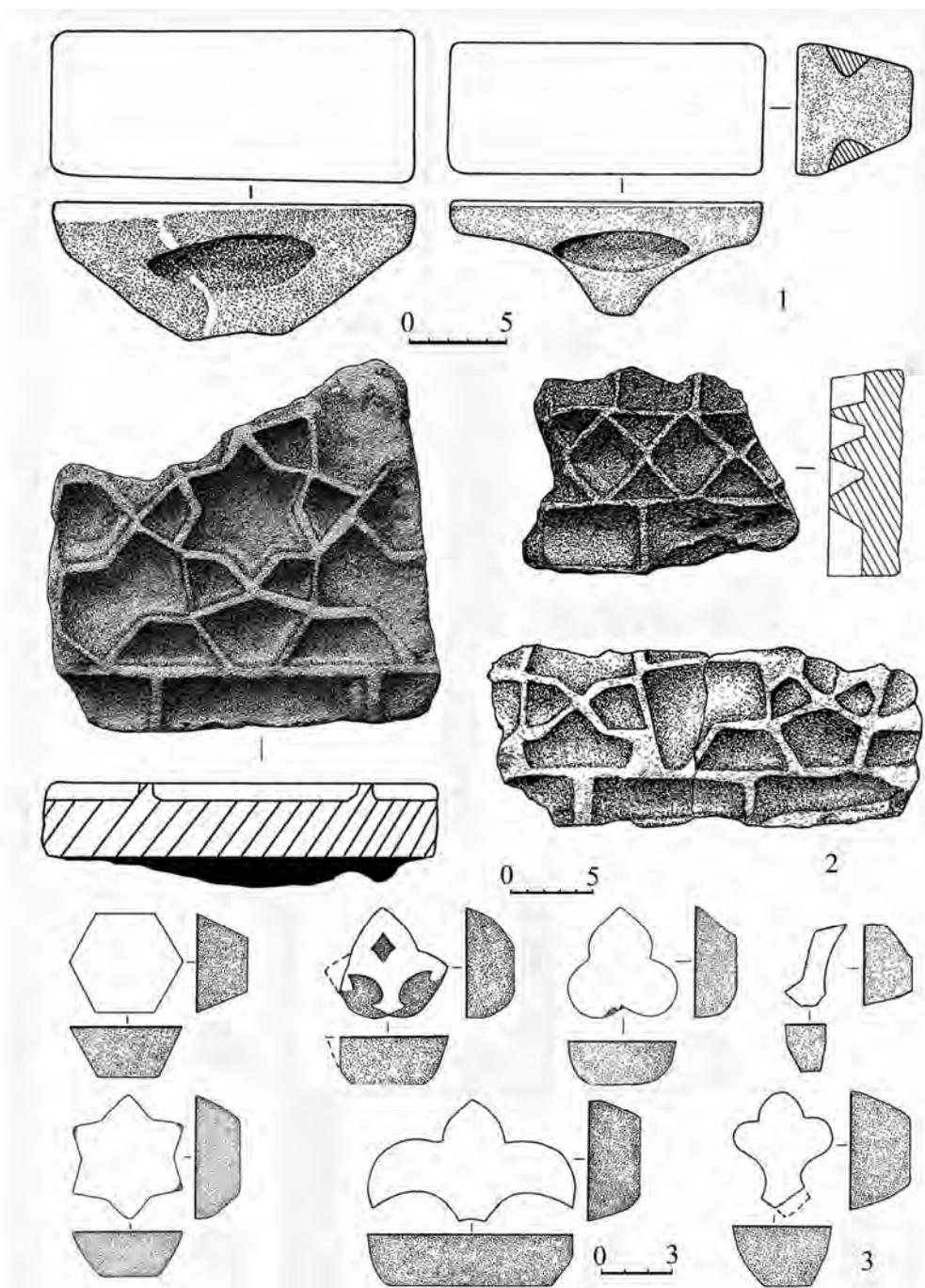

Рис. 2. Архитектурный декор мечети из городища Конские Воды:
 1 – кашинные кирпичи-изразцы; 2 – фрагменты ганчевых панно;
 3 – кашинные плитки

Рис. 3. Фрагмент карты Р. Занони 1767 г. с обозначением Большого (Актар-мечеть) и Малого (1) городищ в урочище Кучугуры

Рис. 4. Карта-схема Каменского и Знаменского скифских городищ (по Б.Н. Гракову):
1 – Белозерское городище; 2 – городище Мамай-Сурка

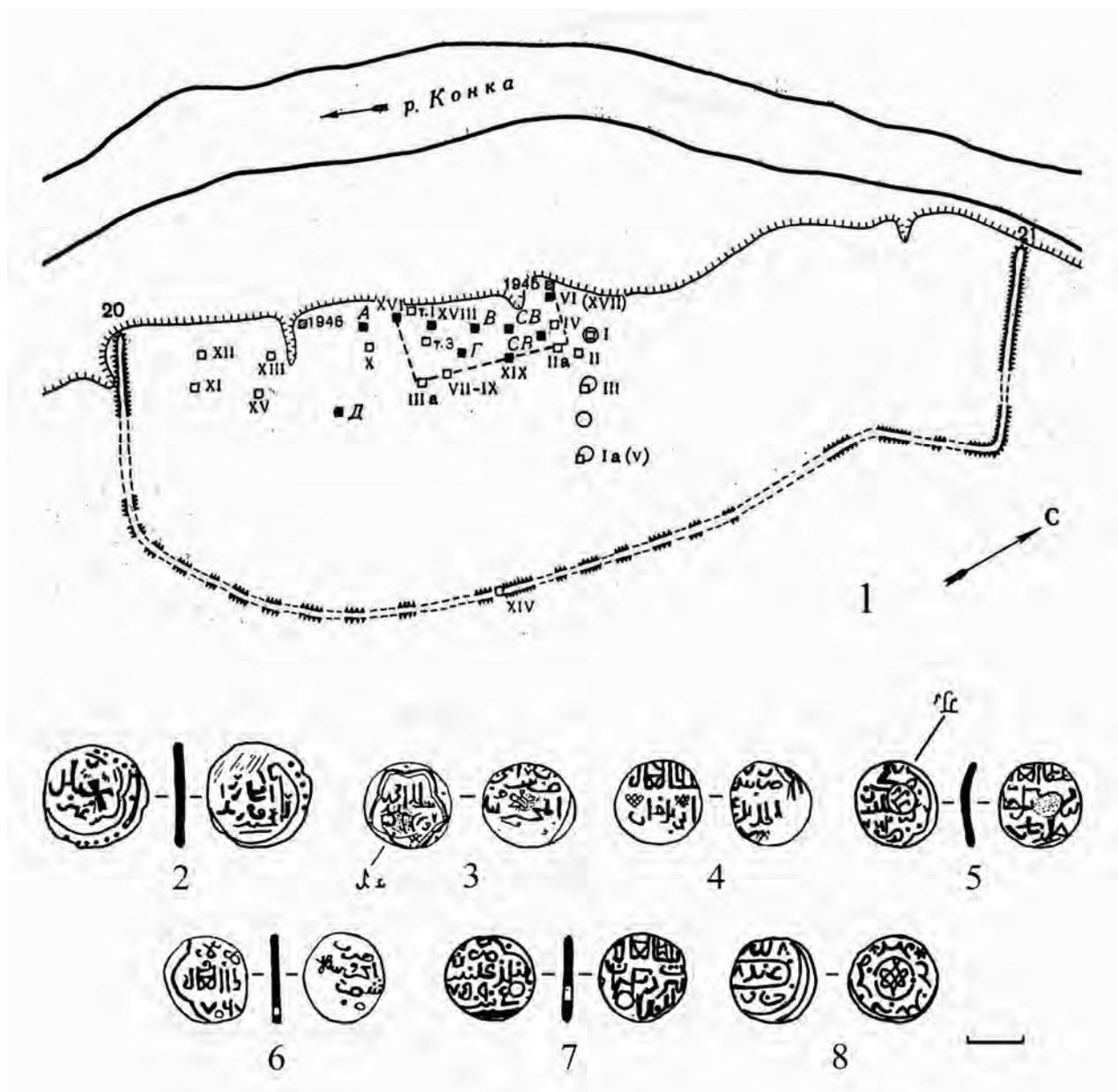

Рис. 5. План раскопок Знаменского (Мамай-Сурка) городища (по Н.Н. Погребовой) – 1; 2–7 – нумизматическая коллекция из могильника Мамай-Сурка; 8 – случайная находка из района могильника

Литература

- Банзаров Д.* Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // ЗСПАНО. – 1850. – Т. 2.
- Вертильяк Н.* Описание Белозерского городка // ЗООИД. – 1958. – Т. IV, отд. I.
- Волков И. В.* Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. докл. II междунар. науч. конф. – Ялта, 2007.
- Гаврилюк Н.О., Маничев В.И., Недопако Д.П. и др.* Участок черной металлургии на Каменском городище // АБУ 2001–2002 рр. – Київ, 2003. – Вип. 5.
- Гермоген.* Таврическая епархия. Гермогена, епископа Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. – Псков, 1887.
- Гончаров Е.Ю.* Монетные дворы Улуса Джучидов // Тр. Международ. нумизмат. конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах. – М., 2005.
- Гошкевич В.И.* Летопись музея за 1914 год. – Херсон, 1916. – Вып. 6.
- Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. – 1954. – № 36.
- Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Л., 1983. – Вып. VII.
- Григорьев А.П.* Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименование // Тюркологический сборник. 2006. – М., 2007.
- Довженко В.И.* Отчет Горностаевской археологической экспедиции 1953 г. о раскопках татарского города на урочище «Большие кучугуры» в Днепровских плавнях Запорожской области // НА ИА НАНУ. – № 1953/2, ф.е. № 2217.
- Дровосекова О.В.* Внесок П.И. Кеппена у вивчення старожитностей Запорізького краю // Старожитності Лівобережного Подніпров'я: Зб. праць. – Київ; Полтава, 2010.
- Егоров В.Л.* География городов Золотой Орды // СА. – 1977. – № 1.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.
- Ельников М.В.* К вопросу о локализации «Екатеринославского клада» периода Золотой Орды // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2002. – Вип. 2.
- Ельников М.В.* До проблеми вивчення пам'яток золотоординського періоду у Нижньому Подніпров'ї // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2004. – Вип. 4.
- Ельников М.В.* До локалізації золотоординського городища Кінські Води // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2009. – Вип. 9.
- Ельников М.В.* В.Г. Фоменко – першовідкривач городища Кінські Води // Музейний вісник. – Запоріжжя, 2010. – Вип. 10.
- Каталог Екатеринославского областного музея имени А.Н. Поля. Археология и этнография. – Екатеринослав, 1905.
- Кащенко А.* Оповідання про славне військо запорозьке низове. – Дніпропетровськ, 1991.
- Книга Большому Чертежу. – М.; Л., 1950.
- Михайлов Б.Д.* Петроглифы Каменной Могилы (семантика, хронология, интерпретация). – Запорожье, 1999.
- Мурзакевич Н.* Список со Статейного списка Великого Государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова, писана со слов, чрез огонь, в Цареве-Борисове-городке, в нынешнем во 1681 г. мая в день // ЗООИД. – 1848. – Т. 2.
- Мышецкий С.И.* История о казаках запорожских, как оные издревле зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся // ЧОИДР. – 1847. – № 6.
- Новицкий Я.* Твори в 5-ти томах. – Запоріжжя, 2007. – Т. 2.
- Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я.* Половецкий комплекс Чингульського кургану // Археологія. – 1986. – Вип. 53.
- Павлович В.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Екатеринославская губерния. – СПб., 1862.
- Падалка Л.* Каменный Затон и Белозерское городище на Днепре // Киевская старина. – 1891. – Т. XXXV (декабрь).
- Погребова Н.Н.* Отчет о раскопках Знаменского (акрополь Каменского) городища в 1952 году // НА ИА НАН Украины. – № 1952/436, ф.е. № 1929.

Погребова Н.Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра // КСИА. – 1962. – Вып. 89.

Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. Исследования Запорожского краеведческого музея // АО 1981 года. – М., 1983.

Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. Отчет об охранных исследованиях в Запорожском, Васильевском и Ореховском районах Запорожской области в 1993 г. / Архив ЗОКМ. – Д. 2960.

Русов А.А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия. – Киев, 1876.

Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские и джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ЗИРАО. – СПб., 1865. – Т. XII.

Саснко В.М., Дзюба С.Г. Знахідка капітелі колони часів Золотої Орди в Нижньому Подніпров'ї // Причорномор'є, Крым, Русь в історії і культурі. Мат. III Судацької міжнарод. науч. конф. – Київ; Судак, 2006. – Т. II.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Россия. Полное географическое описание нашего отчества. Т. 14. Новороссия и Крым. – СПб., 1910.

Сердюков Д.Я. Раскопки в Каменке // ОАК за 1899 г. – СПб., 1902.

Сердюков Д.Я. Раскопки в Каменке // ОАК за 1900 г. – СПб., 1902а.

Скальковский А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. – Одесса, 1846. – Ч. III.

Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I. География, Этнография и Народосчисление Новороссийского края. – Одесса, 1850.

Соколов В. Белозерское городище на Днепре // Киевская старина. – 1892. – Т. XXXVIII (август).

Сымонович Э.А. Погребения X–XII вв. Каменского могильника // КСИИМК. – 1956. – Вып. 65.

Терещенко А. Очерки Новороссийского края. Насыпи могильные в Южной России, с указанием некоторых памятников в других местах // ЖМНП. – 1853. – Часть LXXX, отд. II.

Тихомолова И.Р. Отчет о раскопках городища Большие Кучугуры в Васильевском районе Запорожской области в 1981 году // Архив ЗКМ. – Д. 2234.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999.

Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. – СПб., 1851. – Вып. 1.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотая Орда и Монгольский Иран // Вестник МГУ. Сер. История. – 1978. – № 6.

Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // ТА. – 1997. – № 1.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.

Черная Е.Д. Коллекция поливной керамики Херсонского краеведческого музея // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. – Симферополь, 1998.

Шалобудов В.М. Підсумки обробки нумізматичних знахідок з Нижнього Присамар'я // Перлини козацького Присамар'я: містечко Самарь та Богородицька фортеця. Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ, 2008.

Шатовалов Г.И., Борисов В.Е. Работы на средневековом городище Большие Кучугуры // АО 1977 года. – М., 1978.

Шелди Н.М. Булгаро-татарские монеты XIII–XIV веков. – Казань, 2002.

Цыбин М.В. Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. док. II междунар. науч. конф. – Ялта, 2007.

Щоденник Ериха Лясоти із Стеблева // Запорозька старовина. – Київ; Запоріжжя, 2003.

Эварницкий Д.И. Вольности запорожских козаков. – СПб., 1898.

Янина С.А. «Новый город» (=Янги-Шехр=Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Тр. ГИМ. НС. – М., 1977. – Вып. 49. – Ч. V, вып. 1.

Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – München, 1984. – Bd. 11.

МАВЗОЛЕИ БОЛГАРА: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ТИПОЛОГИИ

Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Среди сохранившихся монументальных построек Болгара видное место занимают мавзолеи. Самой крупной постройкой является памятник, носящий название Черная палата (рис. 1: 1–4). Это квадратное в плане купольное здание, общая высота которого в настоящее время достигает 12 м. По вертикали здание разделено на четыре яруса.

Нижний, цокольный ярус имеет форму усеченной пирамиды, которая сужается от 11,5 до 10 м. Высота ее 1,8 м над современной дневной поверхностью. В северной стене цоколя сделан вход со стрельчатым верхом, который ведет в нижнее, полуподземное помещение. Вокруг цокольной части со всех сторон были пристроены небольшие камеры, остатки которых хорошо видны на изображениях, сделанных в XVIII–XIX вв. (Чернецовы, 1970, с. 98; Айдаров, 2001, рис. 65: а, 66: в, г). Археологические раскопки выявили их планировку (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967). Дополнительные помещения опоясывали здание с западной, южной и восточной сторон на ширину 2 м и с северной стороны на 3 м. Самым большим было коридорообразное северное помещение размерами 12,2 × 2,2 м. С восточной стороны было сделано три небольших комнаты (размеры 1,6 × 1,8 м; 3,0 × 1,9 м; 2,0 × 1,9 м), а с западной – одна, длинная и узкая (7,4 × 2,2 м). Перед южным фасадом с восточной и западной сторон находились два помещения размерами 4,4–4,2 × 1,6 м. Между ними перед южным входом был сделан широкий проем. Возможно, здесь находился айван шириной около 3 м. Западная стена у своего северного угла имела два выступа, которые можно рассматривать как пилоны входа. Длина их около 2 м, расстояние между ними чуть больше 3 м. Снаружи к этому «порталу» довольно небрежно и несколько криво пристроена трапециевидная конструкция длиной 4 м и шириной 1,76 м с западной стороны и 1,8 м – с восточной. Она была поставлена без фундамента, имела в верхней части переход к коробовому своду и представляла собой остатки более позднего мавзолея (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967, с. 284). В.В. Егерев считал, что все пристройки были сделаны позже и не имеют непосредственного отношения к первоначальному зданию, на что указывает, в частности, наклон стен цокольного яруса (Егерев, 1958, с. 366). С.С. Айдаров придерживается противоположного мнения и считает, что облицовка цокольной части сделана в XIX в., а помещения, окружавшие здание составляют «органическое целое с первоначальным обликом Черной палаты» (Айдаров, 2001, с. 62–63).

Второй ярус имеет размеры 10 × 10 м и высоту 4,15 м. По центру всех его сторон сделаны дверные проемы стрельчатого очертания, на южной стене по сторонам от двери находятся два окна стрельчатой формы. Третий ярус также квадратный в плане, но несколько меньших размеров. Высота его – 1,6 м. В третьем ярусе каждая стена снабжена небольшим стрельчатым окошком. Четвертый ярус постройки представлен восьмигранной призмой со стороной около 5 м и высотой 2 м. Все восемь граней верхнего яруса имеют по одному окну, причем вокруг каждого сделано стрельчатое, а затем прямоугольное обрамление. Восьмигранник перекрыт несколько уплощенным куполом. Пологая форма купола, а также незначительная толщина его кладки позволила предположить, что он является внутренним. Обследование верхней части стен восьмерика показало, что изначально они были несколько выше, следовательно, на них опиралось внешнее покрытие (Айдаров, 2001, с. 58). В.В. Егерев считал, что оно было конической формы и, возможно, было выполнено из дерева (Егерев, 1958, с. 369).

Внутри мавзолей имел над цокольной частью балочное перекрытие и был разделен на два помещения. Стены нижнего полуподземного помещения были гладко оштукатурены, интерьер верхнего, расположенного выше уровня земли, более разнообразен. В верхних ярусах стены отделаны пилястрами и трехчетвертными колоннами, окна третьего и четвертого ярусов выделены стрельчатыми архивольтами. Переход к восьмерике осуществлен при помощи полусферических тромпов, декорированных сталактитами, а тимпаны арок украшены лепными розет-

ками и шестиконечными звездами. Окна были забраны ганчевыми решетками «панджара» с вставленными в них круглыми оконными стеклами.

Здание построено из камня в типичной для Волжской Болгарии технике. Цокольный этаж и четверик второго яруса сложены панцирной кладкой, причем внешняя облицовка составлена из тщательно отесанных блоков, а внутренняя из грубо сколотых камней на растворе. Заполнение между ними сделано из мелкого бута со значительным добавлением известково-алебастрового раствора. Восьмигранный ярус и купол выполнены бутовой кладкой без облицовки на растворе большой прочности. Большинство исследователей считает, что кладка, примененная при строительстве Черной палаты, происходит из Закавказья (Смирнов, 1951, с. 144; Егерев, 1958, с. 367).

По своей планировке, размерам и количеству помещений Черная палата значительно отличается от остальных болгарских мавзолеев. Поэтому различные исследователи атрибутировали это здание по-разному. Так А.П. Смирнов в разные годы описывал это здание как мечеть (Смирнов, 1951, с. 208), мавзолей (Булгары – Черная палата, 1951, с. 7), ханака (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967, с. 284). В.В. Егерев считал его центрально-купольным мавзолеем (Булгары, 1951, с. 12; Егерев, 1958, с. 366). Ф.Х. Валеев придерживается мнения, что здание использовалось как ханака, и по своей структуре близко к ханака в Евпатории (Валеев, 1975, с. 140). С.С. Айдаров, основываясь на бытующих в этих местах легендах, приписывает Черной палате функции судного места с тюрьмой в цокольной части (Айдаров, 1976, с. 142; 2001, с. 64–65). Исследователь совершенно справедливо отмечает, что данное сооружение не могло быть мечетью, так как в каждой его стене имеется проход, и нет места для михраба. В то же время он отказывается видеть в нем мемориальное сооружение, так как в одной из стен, окружающих основной объем здания, был расчищен канал квадратного сечения, который прорезает восточную стену и входит внутрь цокольного помещения. По его мнению, в этом канале могла быть проложена керамическая водопроводная труба, что совершенно невозможно в мемориальном сооружении и абсолютно естественно в здании суда (Айдаров, 2001, с. 63–64).

С.С. Айдаров предлагает вариант реконструкции первоначального облика здания (рис. 2: 5) (Айдаров, 2001, рис. 70). Он считает, что основной объем был окружен двухъярусными крытыми галереями с небольшими помещениями, которые чередовались с открытыми лоджиями. Здание имело мощный выступающий портал, расположенный у его северо-западного угла, а перекрыто было восьмидольным сомкнутым сводом, так как шатровое покрытие характерно только для мавзолеев (Айдаров, 2001, с. 65–66). Наиболее близким по архитектуре Черной палате С.С. Айдаров считает здание Диван-хане в Баку (XV в.), которое тоже по преданиям считается «ханским судилищем». Между тем, известный исследователь азербайджанского зодчества Л.С. Бретаницкий называл такую трактовку назначения Диван-хане «домыслами, сдобренными значительной долей романтической экзотики» и прямо указывал, что это сооружение мемориального назначения – мавзолей, о чем свидетельствует вся его объемно-планировочная композиция (Бретаницкий, 1988, с. 98). В Диван-хане, как и в Черной палате, имеется нижнее, полуподземное помещение склепа. Такая двухкамерная структура характерна для мавзолеев Азербайджана, Малой Азии, Среднего Востока.

Черная палата в том виде, в котором она дошла до наших дней, без сомнения, представляет собой типичный пример центрического мавзолея, имеющего четыре входа и одинаковые фасады со всех сторон. Самой известной и одной из наиболее ранних построек этого типа является мавзолей Исмаила Самани X в. в Бухаре, которому посвящена огромная литература. Центрические мавзолеи были широко распространены на Среднем Востоке в домонгольское время (Хмельницкий, 1992, с. 122–156; 1996, с. 153–161). Наиболее близки Черной палате по объемно-пространственной композиции центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахраддина Рази (XII в.) в Куны Ургенче, и Гунбад-е Сурх в Мараге (рис. 2: 1–4) (Пугаченкова, 1958, с. 315–328; Якубовский, 1930, с. 39–48; Прибыткова, 1961, с. 166–169.; Хмельницкий, 1996, с. 174–179; Hillenbrand, 1994, p. 291; Усейнов и др., 1963, с. 81–83). Все они состоят из одного или нескольких квадратных в плане ярусов, которые переходят в восьмигранную призму, увенчанную куполом или шатром. Такую структуру зданий исследователи связывают с сельджук-

ской традицией (Воронина, 1977, с. 125; Хмельницкий, 1996, с. 176–177; Hillenbrand, 1994, р. 294). Известны подобные мавзолеи и в Анатолии, хотя большее распространение там получили башенные мавзолеи. Примером кубического мавзолея с шатровым покрытием является усыпальница Нур ал-Дина бей Сентимура (рис. 2: 5) (Hillenbrand, 1994, р. 307). В дальнейшем эта традиция получила развитие в османское время, и турецкие мавзолеи, а также небольшие купольные мечети XV в. поразительным образом напоминают Черную палату. Это связано, естественно, не с тем, что зодчие Османов взяли за образец болгарский мавзолей, а с тем, что эти памятники имеют общие истоки.

С мавзолеями центрального плана сравнивал Черную палату и В.В. Егеров, который на основании архитектурного анализа относил время ее строительства к XII, самое позднее – началу XIII в. (Егеров, 1958, с. 369–371). Раскопки 1957 г. показали, что Черная палата была построена в золотоордынское время (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967, с. 285; Смирнов, 1974, с. 11).

С.С. Айдаров также приводит многочисленные аналогии из среднеазиатского зодчества преимущественно из ансамбля Шах-и Зинда, однако все они относятся к совершенно иному типу порталных мавзолеев (Айдаров, 2001, с. 65). Именно этот комплекс вдохновил исследователя в создании реконструкции внешнего облика Черной палаты. Однако многое в этой реконструкции кажется фантастичным. Прежде всего, непонятно, почему главный вход в комплекс с мощным порталом находился у северо-западного угла здания. Здание, обращенное входами на все четыре стороны, обычно не имеет развитого портала. Ассиметричная планировка также не характерна для мемориальных построек простого плана, а в этом случае портал не только смещен относительно осей симметрии, но и не соединяется с входами в основной объем.

Исходя из общей планировки Черной палаты, скорее можно принять точку зрения В.В. Егерова о том, что опоясывающие здание помещения были возведены позднее. Кстати говоря, археологические раскопки также показали, что не все стены пристройки одновременны (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967, с. 284). Изначально Черная палата представляла собой центральный мавзолей с одинаковыми фасадами со всех сторон, впоследствии нижняя часть здания была охвачена пристройкой. Если стены пристройки поднимались выше цокольного этажа, то три входа (западный, северный и восточный) перестали сообщаться с улицей. Южный вход стал главным и с внешней стороны он, скорее всего, был оформлен порталом с айваном. Выступы западной стены, вероятно, также оформляли другой, боковой вход. Такая перепланировка мавзолея, могла быть связана с изменением его назначения. Возможно, здесь был похоронен какой-то почитаемый человек, его усыпальница стала местом поклонения и стала использоваться как место религиозных собраний. Довольно трудно представить, что боковые комнаты шириной около 2 м могли быть жилыми, поэтому в Черной палате вряд ли могла располагаться ханак. Но стремление сделать пространство более закрытым (и менее холодным), наличие двух входов и нескольких дополнительных помещений свидетельствует о том, что в центральной части здания могли собираться люди для проведения каких-то религиозных обрядов. Возможен также другой вариант. В том случае, если пристройка не превышала высоты цокольного этажа (2,5 м), комнаты ее можно рассматривать как дополнительные погребальные камеры. Наличие пристроек, окружающих центральное здание мавзолея сближает Черную палату с крупными мавзолеями Средней Азии, такими как мавзолей султана Санджара в Мерве и шейха Шерефа в Ургенче.

Возвращаясь к реконструкции С.С. Айдарова, следует также сказать, что возражения вызывает восьмидольная форма купола, перекрывающего восьмигранник. Если брать за образец архитектуру Средней Азии, то все рассматриваемые исследователем постройки имеют полусферический или сфероконический купол, дольчатый купол имеет только более позднее здание Диван-хане в Баку. Шатровое покрытие автор отмечает как характерное только для мемориальных зданий. Мне представляется, что скорее прав В.В. Егеров, и Черная палата, как и остальные мавзолеи Болгара, была перекрыта шатровой крышей.

Черная палата отличается по планировке от остальных болгарских мавзолеев и превосходит их по размерам. Поэтому В.В. Егеров выделил его в отдельную группу (Егеров, 1958, с. 336). Прочие мавзолеи Болгара меньше по размерам и проще по архитектуре. Они построены

в характерной для Волжской Болгарии строительной технике из рваного известняка и известкового туфа с применением блоков грубой отески на известковом растворе.

Лучше всего сохранился Восточный мавзолей, расположенный недалеко от мечети. В литературе он также известен под названием «церковь святого Николая» или «Никольская церковь». Такое название объясняется тем, что в конце XVII – начале XVIII в. здание было приспособлено под православный храм. Внутренний купол был перекрыт восьмискатной железной крышей и увенчан небольшой главкой с крестом. Благодаря этому перекрытию, мавзолей не подвергался дальнейшему разрушению. Мавзолей состоит из двух ярусов, завершающихся куполом (рис. 3: 1, 2). Нижний ярус квадратный в плане размерами 11 × 11 м (внутренние размеры 8,5 × 8,5 м). С западной стороны находился дверной проем, а во всех остальных стенах – стрельчато-арочные окна. Археологические исследования 1965–1966 гг. показали, что первоначально вход находился с южной стороны. Он был оформлен порталом шириной около 5 м, пилоны которого имели длину 2, 5 м (Айдаров, 2001, с. 35, 36). На высоте около 2 м при помощи срезки углов наклонными поверхностями четверик переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, перекрывается куполом. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи пирамидальных тропов. На каждой стороне восьмигранника, кроме южной, снаружи имеется декор в виде уступчатых прямоугольных ниш, в которые вписаны нишки стрельчатого очертания, подобные окнам в восьмерике Черной палаты. Как показало архитектурное обследование, внутренний уплощенный полусферический купол мавзолея был перекрыт каменным шатровым покрытием. Внутри стены мавзолея были оштукатурены, в углах помещения обнаружены голосники в виде узкогорлых сосудов, утопленных в кладку. Возведение мавзолея исследователи связывают с рубежом XIII–XIV вв. (Хлебникова, 1970, с. 62).

Недалеко от мечети расположен Северный мавзолей, известный также как «Монастырский погреб». Название его также относится к тому времени, когда древние постройки использовались для нужд Успенского монастыря. По своей структуре этот мавзолей сходен с Восточным (рис. 3: 3, 4). Нижний ярус его, квадратный в плане, несколько больших размеров – 13 × 13 м. В.В. Егерев считал, что снаружи здание на всю высоту сохраняет кубическую форму, а переход к восьмиграннику при помощи пирамидальных и полусферических тропов прослеживался только изнутри (Егерев, 1958, с. 374). Однако архитектурные обследования подтвердили наличие восьмигранного яруса, который упоминается и в описаниях XVIII в. (Айдаров, 2001, с. 39–40). Восьмигранник перекрывал полусферический купол, который, вероятно, был покрыт шатром. В южной стене сделана дверь стрельчатого очертания, в остальных стенах находились окна сходного абриса. Вход был несколько смещен к востоку относительно оси симметрии и оформлен порталом, который имел ширину 6,5 м и длину 4,5 м. В интерьере здания прослежены остатки штукатурки на стенах и голосники в углах. Археологические исследования показали, что Северный мавзолей датируется началом XIV в. (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967, с. 278).

Комплекс из четырех мемориальных зданий исследован возле Малого минарета (Аксенова, 2001, с. 200–205). Здания, пристроенные друг к другу в разное время, вытянуты в одну линию по оси запад-восток (рис. 4: 1). Наилучшую сохранность имеет мавзолей, носящий название «Ханская усыпальница». Это здание, также как и мавзолеи у мечети, квадратное в плане, но меньших размеров (8,5 × 8,5 м). Стены его сложены панцирной кладкой и снаружи облицованы хорошо отесанными известняковыми блоками. До настоящего времени здание дошло в виде кубического объема перекрытого полусферой внутреннего купола (рис. 3: 5, 6). В.В. Егерев считал, что снаружи углы куба были не просто срезаны, а имели двускатный скос, в чем сказалось влияние армянской архитектуры (Егерев, 1958, с. 374). Отсутствие четко выраженного восьмигранника с наружной стороны позволило С.С. Айдарову предположить, что здание состояло из куба, переходившего непосредственно в купол. Соответственно при такой структуре оно не могло иметь шатра и было перекрыто, по мнению исследователя, четырехдольным сомкнутым сводом (Айдаров, 2001, с. 46). Однако, скорее всего, Ханская усыпальница имела структуру, близкую Восточному и Северному мавзолеям. Возможно, снаружи восьмигранник был очень незначительной высоты (1–2 слоя кладки) и переход к нему осуществлялся при помощи наружных двускатных тропов или треугольных скосов. С.С. Айдаров и сам пишет про

невысокий восьмигранник, который сливается с плоскостью боковых стен (Айдаров, 2001, с. 45), однако далее настаивает на кубическом объеме здания с куполом. Покрытие мавзолея, скорее всего, также было шатровым, четырехдольная же крыша, описанная С.С. Айдаровым, совершенно не типична для мемориальных построек ни на Среднем, ни на Переднем Востоке. Внутри мавзолея переход от нижнего объема к куполу осуществлен при помощи сплошной полосы треугольных тропов, которые образуют самостоятельный ярус, подчеркнутый снизу и сверху двумя линиями бордюра.

Вход в здание первоначально находился с северной стороны, но потом был заложен, и пробит новый проход по центру южной стены. Еще один проход прослежен в северной части западной стены возле угла. По мнению Н.Д. Аксеновой, он был сделан для соединения Ханской усыпальницы с Большим западным мавзолеем (Аксенова, 2001, с. 201–202). Окна в этой постройке небольшие, расположенные в верхней части стен. Внутри здание было оштукатурено и украшено лепными розетками. В завале строительного мусора возле здания найдены изразцы с растительным и геометрическим орнаментом и орнаментированные ганчевые плитки. Согласно описаниям памятника XVIII–XIX вв. изразцы окаймляли оконные проемы, а резной ганч украшал стены. Дверной проем в северной стене был обрамлен полосой резного камня.

Одновременно с Ханской усыпальницей была возведена небольшая пристройка к южной части ее восточной стены (рис. 4: 1). Оба здания имеют единый фундамент, и восточной стеной пристройки является западная стена мавзолея. Пристройка, получившая название «Малый западный мавзолей», квадратная в плане размерами $3,4 \times 3,3$ м. Стены ее достаточно тонкие – 60 см толщиной. Раскопки этого сооружения не проводились, поэтому назначение его не понятно.

С восточной стороны к Ханской усыпальнице примыкает восточный мавзолей таких же размеров (рис. 4: 1). Он был возведен несколько позже. Стены его сохранились только на уровне фундамента. Цокольная часть их сложена панцирной кладкой из известняка, но сами стены были кирпичными. С северной стороны квадратного в плане здания прослежены пилоны портала, оформлявшие вход. Портал был шириной около 4,7 м и глубиной 1,7 м. В завалах найдены фрагменты арочного перекрытия входа и куски штукатурки, покрывавшей стены здания внутри и снаружи.

Здание Большого западного мавзолея, построенного позднее, также идентично по своему плану и размерам Ханской усыпальнице (рис. 4.1). У северо-восточного угла здания был расчищен пилон, выступающий к востоку и к северу относительно плоскости стен. Согласно описаниям комплекса, аналогичный пилон (на плане не обозначен) имелся и у северо-западного угла Ханской усыпальницы. Это обстоятельство позволило исследователям предположить, что здесь находился порталный вход, объединяющий здания в единый ансамбль (Аксенова, 2001, с. 203; Айдаров, 2001, с. 50). Для придания замкнутости этому промежуточному помещению была сложена стенка, соединявшая юго-восточный угол Большого западного мавзолея и западную стену Малого западного мавзолея. Вероятно, помещение также было перекрыто сверху, и именно в него был обращен входной проем Большого западного мавзолея. В это же время, вероятно, был сделан дополнительный проем в восточной стене Ханской усыпальницы.

Стены Большого западного мавзолея оштукатурены, пол покрыт известковым раствором толщиной 10 см. В северо-западном углу были найдены остатки большой круглой в плане печи с полусферическим сводом. Топочное отверстие печи находилось снаружи здания, возле него была устроена яма для истопника. Н.Д. Аксенова пишет, что эта печь являлась частью подпольной отопительной системы, правда, отмечает, что каналы подпольного отопления найдены не были. Они были разрушены впоследствии, когда здание было превращено в мавзолей. Исследовательница предполагает, что это здание «строилось как мечеть или странноприимный дом для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам» (Аксенова, 2001, с. 204). С.С. Айдаров, в свою очередь, считает, что, «западная усыпальница являлась отапливаемым помещением с круглой сводчатой печью... и развитой системой подпольных дымовых каналов, расположенных выше захоронений» (Айдаров, 2001, с. 50). Последнее утверждение совершенно абсурдно, так как погребальные памятники не отапливались нигде и никогда. Недостаточно обоснована, на мой взгляд, и гипотеза о том, что здесь находилась поминальная

мечеть. Прежде всего, мечети, как и большинство храмов других религий, не имели отопительной системы. Кроме того, постройка ориентирована не на киблу, а по сторонам света, что характерно для мавзолеев, и ничто не говорит о том, что в ее южной стене был сделан михраб.

Здание с большой печью и подпольным отоплением в принципе могло служить для приюта паломников, однако здания ханака предназначены для постоянного или длительного проживания, они обычно больше и имеют иную планировку. Тогда уж, это была ауля, сторожка для зрителя и приезжающих на поклонение паломников. Мне представляется вероятной другая трактовка назначения данного помещения. Небольшая отапливаемая постройка могла быть *тахорат-ханой*, зданием для ритуальных омовений перед посещением мемориального комплекса. Об этом свидетельствует в первую очередь наличие подпольного отопления, типичного, прежде всего, для банных построек, хотя в Болгаре найдены жилые дома с канами, проходящими не в суфах, а под полом (Аксенова, 1973, с. 218–226; Полубояринова, 1987, с. 57–63; 2009, с. 436–437). Также для бань характерно покрытие пола толстым слоем водостойкого раствора, что мы наблюдаем в Большом западном мавзолее.

Н.Д. Аксенова совершенно обосновано предполагает, что постройка, не имевшая мемориального характера, сначала стояла отдельно от остальных мавзолеев. Впоследствии она была превращена в усыпальницу и соединена с ними в единый комплекс (Аксенова, 2001, с. 204). Ханская усыпальница и примыкающие к ней здания датируются серединой XIV – началом XV в. (Смирнов, 1951, с. 209; Аксенова, 2001, с. 205).

Еще пять мавзолеев было исследовано в восточной и юго-восточной частях городища (Аксенова, 1978, с. 214; 2001, с. 205–216). В 600 м к юго-востоку от Малого минарета был вскрыт фундамент квадратной в плане постройки (мавзолей № 1) размерами 6,6 × 7 м (рис. 4: 2). Фундамент сложен из известняка и туфа на известковом растворе, толщина стен – 1 м. С южной стороны здание имело пилоны входного портала, длиной 2,3 м и шириной 0,7–0,9 м. Ширина входа составляла 2 м. Внутри находилось одно погребение. При раскопках найдено множество фрагментов штукатурки и замковый камень полусферического свода.

Мавзолей № 2 находился в той же части городища недалеко от мавзолея № 1. Он имел сходную планировку (рис. 4: 3). Стены его сильно разобраны, но по сохранившимся остаткам можно составить представление о системе кладки. Она состояла из хорошо отесанных квадров известняка, положенных по внутреннему и наружному краю. Промежуток между ними заполнен бутом с большим количеством известкового раствора. Здание имело план в виде квадрата со стороной 9,6 м и было ориентировано по сторонам света. Внутренние размеры помещения – 7,3 × 7,3 м. С северной стороны находился выступающий портал длиной 2,75 м и шириной более 5 м. Вокруг здания была сделана отмостка, залитая известковым раствором.

При раскопках найдены небольшие трапециевидные плитки туфа, от купольного перекрытия, и фрагменты резной известняковой плиты, служившей декором. Внутри помещения на полу прослеживались остатки деревянного пола. В мавзолее было 7 погребений. По мнению Н.Д. Аксеновой, значительные размеры здания, тщательность кладки стен и наличие в нем архитектурного декора может свидетельствовать о том, что здесь находилась поминальная мечеть или часовня, в которой погребены знатные особы (Аксенова, 2001, с. 208). Это предположение не кажется обоснованным. Здесь, также как и в Большом восточном мавзолее, отсутствуют какие-либо признаки мечети. Кроме того, мусульманская религия запрещает проведение поминальных ритуалов (*зиорат*) в том же помещении, где находятся погребения. Поэтому многие восточные мавзолеи состоят из двух помещений для погребения и поминаний – гур-ханы и зиорат-ханы.

Мавзолей № 3, расположенный в 200 м к северо-востоку от Малого минарета, сохранился в виде котлована ленточного фундамента. Постройка была почти квадратной в плане размерами 5,3 × 5,5 м с внутренними размерами 3,6 × 3,6 (рис. 4: 4). Она ориентирована по сторонам света. С северной стороны находился вход, оформленный двумя пилонами портала. Ширина портала – 3,7 м, глубина – 2 м. Пол помещения земляной, в полу были обнаружены 4 погребения.

Восточнее мавзолея № 2, недалеко от него, находился мавзолей № 4. Он также прослежен по котловану ленточного фундамента. Котлован образует неправильный квадрат размерами 8,8 × 8,6 м, ориентированный по сторонам света (рис. 4: 5). Толщина стен составляла 0,7–0,9 м.

Вход в мавзолей предположительно находился с северной стороны, остатков портала не наблюдалось. Внутри постройки находилось 11 погребений.

Мавзолей № 5 расположен в южной части городища недалеко от южных ворот. Стены постройки также были разобраны, и планировка прослеживалась по котловану фундамента. По плану мавзолей № 5 отличается от остальных мемориальных построек Болгара. Это было прямоугольное здание, ориентированное по сторонам света и вытянутое в меридиональном направлении (рис. 4: 6). Внешние размеры его $14 \times 8,5$ м. Вход находился с южной стороны и был выделен двумя пилонами портала, которые ограничивали пространство длиной 2 м и шириной 2,5 м. Внутреннее пространство мавзолея разделено поперечной стеной на два помещения. Южное помещение имело размеры 6×6 м, а северное – 6×5 м. Толщина стен составляла 1,2 – 1,3 м. В большем помещении находилось восемь погребений, в меньшем – четыре.

Как и Ханская усыпальница, все эти мавзолеи датируются концом XIV – началом XV в. Н.Д. Аксенова отмечает, что характер погребений в мавзолеях свидетельствует о том, что это захоронения знатных лиц. Наличие среди них детских погребений может свидетельствовать о том, что это были семейные усыпальницы (Аксенова, 2001, с. 216).

В центральной части городища в 150 м к югу от комплекса мечети при раскопках были обнаружены остатки мавзолея (№ 6) (Баранов, Кавеев, 2001, с. 195–197). Фундамент мавзолея был полностью выбран и перерезан более поздними ямами, контуры котлована сохранились только в южной части. Однако авторы раскопок по скоплениям мусора от выборки стен сумели реконструировать его контуры. Это был прямоугольник, близкий к квадрату, размерами $4,0 \times 4,12$ м, ориентированный по сторонам света. С южной стороны прослежены два выступа, которые являлись остатками пилонов портала. Ширина их 1,2–1,25 м, расстояние между ними – 1,5 м. Мавзолей был построен в первой половине XIV в.

Таким образом, все известные в настоящий момент мемориальные постройки Болгара представлены четырьмя типами. К первому типу относится Черная палата, которая представляет собой многоярусную постройку центрического плана. Два ее средних яруса, квадратные в плане покоятся на усеченно пирамидальном цоколе и через восьмигранник переходят к куполу. Наиболее близкие по архитектурным формам аналогии находятся среди памятников Хорасана и Хорезма, которые исследователи связывают с сельджукской традицией. В то же время строительные приемы, примененные при возведении Черной палаты, характерны для зодчества Анатолии и близкого к ней Закавказья. На связь с малоазийским зодчеством указывает также декорировка тимпанов арок розетками и шестиконечными звездами, которая встречается во многих памятниках монументальной архитектуры Сельджуков Рума. Примерно к такому же выводу пришел в свое время В.В. Егерев, который писал о том форма здания среднеазиатская, но построено оно было армянскими мастерами (Егерев, 1958, с. 370–371).

В работах, посвященных Черной палате, исследователи сравнивают ее с мавзолеями Исмаила Самани (X в.), султана Санджара (XII в.), Фахраддина Рази (XII в.), шейха Шерефа (XII в.) и приходят к выводу о принадлежности ее к среднеазиатской группе мавзолеев. Черты явного отличия они приписывают влиянию закавказской строительной техники и приспособлению к местным условиям. Эта точка зрения не бесспорна, а объединение среднеазиатских мавзолеев в одну группу несколько искусственно. Достаточно отметить, что они относятся к различным типам. Мавзолей Исмаила Самани – кубическое здание центрического плана, увенчанное полусферическим куполом. Центрический мавзолей Санджара отличается от него наличием высокого барабана. Мавзолеи Фахраддина Рази и шейха Шерефа относятся к группе шатровых мавзолеев, причем один из них является фасадным, а другой порталным. Эти памятники, выстроенные из кирпича в среднеазиатской технике можно связывать с Черной палатой только в самом общем виде, например, по пространственной композиции или по центричности плана. Более правомерным представляется мнение Ф.Х. Валеева, который считал, что «внешнее объемное решение Черной палаты в стилевом отношении обнаруживает связь с памятниками Малой Азии, Крыма, Азербайджана».

По предположению С.Г. Хмельницкого, в возведении ургенечских мавзолеев могли принимать непосредственное участие строители из Малой Азии, на что указывает строение сталактитовых парусов мавзолея Фахраддина Рази и оформление портала мавзолея шейха Шерефа.

Возможно, именно малоазийское влияние предопределило некоторое сходство мавзолеев Ургенча и Черной палаты в Болгаре.

По своему внешнему облику Черная палата более всего напоминает простейшие турецкие мечети раннеосманского периода. Эти здания, построенные также из камня, имели кубическое основание, переходящее в невысокий многогранный или круглый барабан, перекрытый полусферическим, чуть уплощенным куполом. На глухой плоскости стен выделялись только небольшие окна стрельчатого очертания. Такие же окошки, еще меньшего размера, находились на гранях барабана. Очень близки к мечетям по внешнему виду и раннеосманские мавзолеи. По сравнению с ними здание Черной палаты выглядит более изысканно, так как его объем расчленен на четыре, постепенно сужающиеся яруса, но в целом стилистическое единство этих построек бросается в глаза (рис. 5).

Определенное сходство с турецкими мавзолееями наблюдается и в интерьере Черной палаты. В верхней части, при переходе к восьмиграннику, по углам сделаны сферические трюмпы стрельчатого очертания, внутренняя поверхность которых оформлена белыми ганчевыми сталактитами. Плоскости стен между трюмпами также украшены стрельчатыми арочками. Точно так же выглядит верхний ярус гробницы Мурада II в Бурсе (XV в.). Тимпаны арок первого яруса украшены лепными розетками, второго – звездами. Различные розетки, пальметки и другие выпуклые мелкие резные детали, выделяющиеся на ровной плоскости стен, являются характернейшей чертой сельджукского декоративного стиля. Эти факты позволяют отнести Черную палату к памятникам, возникшим под влиянием закавказско-сельджукской школы. Несмотря на отсутствие точных аналогий, как отдельные черты ее, так и весь облик в целом более всего напоминает малоазийские постройки XIV–XV вв. Естественно этот факт никак не может свидетельствовать о том, что турецкие мечети и мавзолеи османского времени происходят из Волжской Болгарии. Скорее всего, это сходство говорит о единстве происхождения этих памятников и принадлежности их к одной архитектурной школе.

Остальные мавзолеи имеют более простую планировку. Все они, кроме мавзолея № 5, квадратные в плане. Отличаются однокамерные мавзолеи только наличием или отсутствием портала, то есть, одни из них являются порталными, а другие – фасадными.

Сохранившиеся постройки несколько различаются по пространственной структуре. Самые ранние мавзолеи Восточный и Северный имеют призматическое основание, углы которого довольно резко (на высоте около 1,5 м) срезаны для перехода к восьмиграннику. Мемориальные постройки такого облика не встречаются ни в одной из стран Среднего Востока, зато определенное сходство они имеют с мавзолееями Малой Азии сельджукского периода. Малоазийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные башни, перекрытые шатрами. Некоторые из них стоят на квадратном в плане цоколе, который посредством скоса углов переходит к следующему ярусу (рис. 6: 1–3). В нижнем ярусе находится полуподземный склеп, а в верхнем – помещение для поминальных ритуалов. Таковы Улу Кюмбет в Ахлате, Дёнер Кюмбет в Кайсери (XIII в.), мавзолей Мелика Гази в Киршехире (Stierlin, 1998, p. 50; Hillenbrand, 1994, p. 306–309, 541). Идея башенного мавзолея была заимствована сельджуками Рума в Иране, где они строились из кирпича. В возведении каменных мавзолеев Анатолии, по мнению большинства исследователей, активное участие принимали армянские мастера (Hillenbrand, 1994, p. 307–310). Об этом свидетельствует удивительное сходство их с барабанами армянских церквей. И.А. Орбели рассматривал малоазийские мавзолеи как «прямой перенос на землю срезанного с кровли барабана армянского или грузинского храма» (Орбели, 1939, с. 152). В противовес ему Г.А. Пугаченкова считала, что в создании малоазийских мавзолеев зодчие руководствовались не механическим переносом на землю верхушек армянских церквей, а брали за основу образцы восточных башнеобразных сооружений. Но при этом общее объемное решение и элементы архитектурного декора действительно свидетельствуют о связи с армянским зодчеством (Пугаченкова, 1949, с. 68).

В целом сходны с малоазийскими и башенные мавзолеи Азербайджана. Мавзолей Гюлистан XII–XIII вв. в сел. Джуга (рис. 6: 4) также имеет квадратный в плане цоколь, который клинообразными скосами переходит в двенадцатигранник (Бретаницкий, 1966, с. 124–127). Такую же структуру имеют и нижние части малоазийских и азербайджанских минаретов. Т.Т. Райс

отмечает, что треугольные скосы квадратного основания появляются в мусульманских постройках Азербайджана даже раньше, чем Малой Азии (в XI в.), но они настолько прочно ассоциируются с малоазийским зодчеством, что получили в литературе название «турецкий треугольник» (Райс, 2004, с. 145). Также типичны для сельджукской архитектуры и пирамидальные тромпы, служащие для перехода к восьмиграннику внутри помещения. Наиболее известным примером применения треугольных тромпов является медресе Бююк Каратай в Конье (1251 г.) (Stierlin, 1998, р. 33). Такие же тромпы, но несколько упрощенные и грубо выполненные, мы видим в мавзолеях Болгара (рис. 6: 6–7).

Восточный и Северный мавзолеи Болгара во многом сходны с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана, но имеют свои особенности. У них та же объемная структура, но несколько иные пропорции: нижний ярус выше, и скосы начинаются на большей высоте, а верхний, восьмигранный ярус не превышает по высоте нижний. Болгарские мавзолеи, кажутся более широкими и приземистыми, и их никак нельзя назвать башнями. У большинства башенных мавзолеев Азербайджана и Малой Азии нет развитого портала. Их вход, ведущий в верхнее, основное помещение мавзолея, расположен над цоколем, часто значительно выше уровня земли. Декоративное убранство его в виде арок и рамы, украшенных резьбой, не выступает за плоскость стены. В цокольной части находится скромно оформленный вход в нижнюю погребальную камеру. Мавзолеи Болгара имеют одно помещение с входом в нижнем ярусе. Снаружи вход оформляет сильно выдвинутый портал. В Малой Азии такую структуру имеет только Али Кафер дюрбе в Кайсери (Stierlin, 1998, р. 51). Возможно, существовали и другие, но они либо не сохранились, либо не так известны.

В Ханской усыпальнице основной объем кубический, скосы для перехода к восьмиграннику находятся в верхней его части. Восьмигранный ярус выражен довольно слабо, высота его, вероятнее всего, была незначительна. Мавзолеи в виде кубического объема, перекрытого куполом, распространены по всему мусульманскому миру. Тем не менее, аналогии Ханской усыпальнице нужно искать также в Анатолии. На это указывает применение такого приема, как пояс из пирамидальных тромпов для перехода к куполу (рис. 6: 6). Эта конструкция типична только для малоазийских построек сельджукского и постсельджукского периода. Например, она известна в Зеленой мечети (рис. 6: 7) и Зеленом мавзолее в Бурсе (Blair, Bloom, 1994, р. 142–143; Hillenbrand, 1994, р. 310–311). Мавзолеем в виде куба, переходящего в восьмигранник с шатровым покрытием в сельджукский период представлен в Анатолии единичными экземплярами. Дальнейшее развитие эта линия получила в османское время, когда наряду с многогранными мавзолеями и ротондами, происходящими от башенных мавзолеев, строятся усыпальницы кубического объема. Тогда же у мемориальных построек появляется развитый портал, выступающий за плоскость стены (L'Art..., 1981, р. 135–138). Каков был облик остальных мавзолеев Болгара, можно только догадываться. Предположительно по своему строению они были схожи либо с Восточным и Северным мавзолеями, либо с Ханской усыпальницей.

Еще один тип мемориальных зданий представлен двухкамерным мавзолеем № 5. Сохранность его не позволяет сделать какие-либо достоверные выводы, однако, можно предположить, что это была двухкупольная постройка, хотя северное помещение не квадратное, а прямоугольное в плане.

Литература

Айдаров С.С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследство. – 1976. – Т. XXIV.

Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М., 2001.

Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (по материалам раскопок 1967–1971 гг. // СА. – 1973. – № 4.

Аксенова Н.Д. К итогам археологических работ 1970–1972 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978.

Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев Юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М., 2001.

Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М., 2001.

Булгары – Черная палата. – Казань, 1951.

Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. – М., 1966.

Бретаницкий Л.С. Диван-хане в Баку и вопросы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока // Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. – М., 1988.

Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1975.

Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. – М., 1977.

Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре волжских болгар // СА. – 1967. – № 4.

Герев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. – 1958. – № 61.

Орбели И.А. Проблемы сельджукского искусства // Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. Доклады. – М.; Л., 1939.

Полубояринова М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре // КСИА. – 1987. – Вып. 190.

Полубояринова М.Д. Дома монгольского типа в Болгаре // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Донские древности. Вып. 10). – Азов, 2009.

Прибыткова А.М. Мавзолей Фахр-ад-дина Рази в Куня-Ургенче // Архитектурное наследство. – 1961. – Вып. 13.

Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Тр. ЮТАКЭ. Вып. 1. – Ашхабад, 1949.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. – М., 1958.

Райс Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. – М., 2004.

Смирнов А.П. Волжские Булгары // Тр. ГИМ. Вып. XIX. – М., 1951.

Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Булгары // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.

Уссейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История Архитектуры Азербайджана. – М., 1963.

Хлебникова Т.А. Археологические исследования мавзолеев города Великие Булгары в 1966 г. // Поволжье в Средние века. – М., 1970.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. – Берлин; Рига, 1992.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть I. – Берлин; Рига, 1996.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. – М., 1970.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // ИГАИМК. Т. 6, вып. 2. – Л., 1930.

Blair S.S., Bloom J.M. The Art and Architecture of Islam 1250–1800. – Yale University Press, 1994.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. – New-York, 1994.

L'Art en Turquie. – Friborg, 1981.

Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. – Köln, 1998.

ГОРОДА И КОЧЕВАЯ СТЕПЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ

В.А. Иванов, М.И. Иванова

*Бакирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа¹*

Едва ли мы погрешим против истины в своем утверждении о том, что до настоящего времени историческая география Золотой Орды/Улуса Джучи рассматривалась в контексте географии городов, возникших и существовавших на территории этого государства в XIII–XIV вв. В этом отношении исчерпывающим справочником вот уже на протяжении четверти века остается книга В.Л. Егорова, снабженная картами золотоордынских городов указанного периода и их краткими описаниями по бассейнам рек (Егоров, 1985, с. 75–150). Однако хорошо известно, что культурный облик Улуса Джучи не исчерпывался только городами, но представлял собой синкретическое явление, состоявшее, как считал Г.А. Федоров-Давыдов, из двух культурных компонентов: синкретической городской культуры и культуры кочевников-степняков (Федоров-Давыдов, 1966, с. 210 и сл.). Причем именно в культурном отношении эти две «стихии» – городская и степная – находились если не в противостоянии, то, во всяком случае, были индифферентны друг к другу (Федоров-Давыдов, 1976, с. 118).

Вместе с тем география кочевнических курганов и курганных могильников золотоордынского периода показывает, что их распространение в пространстве определялось некими факторами, среди которых города и их округа, вполне вероятно, играли какую-то роль. На сегодняшний день база данных по кочевническим погребениям золотоордынского времени, составленная А.Г. Атавиным (Атавин, 2008, с. 108–154) и авторами этих строк насчитывает в общей сложности 1135 комплексов,² разбросанных на обширном степном пространстве от верховьев р. Урал до Днестра. С точки зрения законов математической статистики это означает нижний уровень процентного показателя при степени вероятности = 0,95 не менее 0,4% (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 64). Географически по территории Золотой Орды они распределяются следующим образом: Южное Приуралье (бассейн р.Урал, степи Урало-Каспийского степного коридора) – 20,6% погребений; Нижнее Поволжье (совр. Астраханская и Волгоградская обл.) – 21,6%; Среднее Поволжье (совр. Саратовская и Самарская обл.) – 14,0%; Волго-Донское междуречье (в основном – Калмыкия, восточные районы Ростовской обл., а также Ставрополье и Краснодарский край) – 13,4%; бассейн Дона (совр. Ростовская, Воронежская обл.) – 10,3%; Поднепровье и Поднестровье (Украина) – 14,0%. То есть, 56,2% всех учтенных кочевнических погребений эпохи Золотой Орды локализируются в степях Волго-Уральского региона.

Совмещаем рассматриваемые памятники с современной административной картой Западного Казахстана, России и Украины.³ Получаем следующую картину (табл. 1). Из приведенных в таблице данных следует, что явной территориальной связи между золотоордынскими городами и синхронными кочевническими памятниками не прослеживается (во всяком случае, в контексте современного административного деления Восточноевропейских степей). То есть, большинство региональных коллег-археологов «обречены» изучать культуру Золотой Орды или в ее городском, или в степном кочевническом вариантах. Соответственно, трудно рассчитывать и на наличие топографической связи между городами и кочевническими могильниками рассматриваемого периода. И действительно, ближайший к городу Сарайчик район наибольшей концентрации золотоордынских кочевнических погребений – низовья Узеней (Мокринский I, оз. Раим, Джангала (Нов. Казанка), Джангала (Кара-Оба) и др.) – расположен от города на расстоянии 240 км по прямой, что предполагает не менее 5–6 дней конного пути.

¹ Статья написана в рамках федерального целевого научно-исследовательского проекта «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала». Шифр проекта 2010-1.1-300-151-037.

² Фактически их, конечно, больше. Но мы учитывали только те погребения, которые имеют надежную датировку, т.е. – в основном языческие, отражающие культуру именно «кочевой степи».

³ С какой целью – об этом будет сказано ниже.

Таблица 1

**Распределение погребений кочевников периода Золотой Орды
по современным областям**

№ п.п.	Область	Кол-во погребений	% от общего количества	Кол-во городов ¹
7	Волгоградская	177	15,6	2
8	Саратовская	140	12,3	2
14	Ростовская	95	8,4	
11	Калмыкия	94	8,3	
3	Оренбургская	92	8,1	
6	Астраханская	79	7,0	5
5	Уральская	62	5,4	
16	Днепропетровская	56	4,9	
22	Одесская	40	3,5	
13	Краснодарский край	36	3,2	
9	Самарская	24	2,1	2
2	Башкортостан	18	1,6	
18	Запорожская	18	1,6	1
4	Актюбинская	15	1,3	
12	Ставропольский край	13	1,1	
1	Челябинская	12	1,0	
17	Донецкая	10	0,9	
25	Херсонская	10	0,9	
15	Воронежская	9	0,8	2
19	Киевская	8	0,7	
10	Татарстан	7	0,6	11
24	Харьковская	7	0,6	
27	Молдова	6	0,5	2
20	Луганская	4	0,35	
23	Павлодарская	3	0,26	
21	Крым	2	0,17	7
26	Черкасская	2	0,17	
28	Гурьевская	-	-	1

Следует отметить, что г. Сарайчик, основанный во второй половине XIII в. (Егоров, 1982, с. 124; Бурханов, 2009, с. 245), расположен в зоне прикаспийских пустынь, где никаких кочевнических памятников до сих пор не выявлено. С точки зрения современных ландшафтно-климатических характеристик это вполне закономерно и объяснимо – данный район представляет собой безводную зону солончаковых пустынь и полупустынь. Однако, по данным почвоведов, на XIII в. приходится пик гумидизации Урало-Поволжских степей, в процессе которой происходил рост увлажненности и сдвиг ландшафтных рубежей к югу. То есть, прикаспийские пустыни и полупустыни представляли собой хотя и сухую, но степь (Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010, с. 62).

Еще более удалены могильники на Узенях от Мавлибердинского городища на р.Уил (320–340 км по прямой), на месте которого отмечены остатки кирпичных стен 30–40 построек и оросительные каналы (Егоров, 1982, с. 127 и сл.).

Возле города Хаджитархан (гор. Шареный Бугор), возникшего в XIV в. (Пачкалов, 2010, с. 349–351), кочевнических могильников не могло появиться по определению. Во-первых, сам город расположен в дельте Волги, поэтому самый ближайший к нему курганный могильник – Сеитовский (30 км к северо-востоку)² – расположен на левом берегу Ахтубы, в зоне полупус-

¹ Включая и те не идентифицированные городища, на которых, по данным В.Л. Егорова, присутствуют остатки кирпичных построек.

² Могильник не исследовался, поэтому его золотоордынская принадлежность определяется только по находкам на памятнике кирпичей (Недашковский, 2010. С.154).

тынь.¹ Во-вторых, сама эта зона (в рассматриваемое время – сухая степь) едва ли располагала кочевников к ее интенсивному освоению. Поэтому абсолютное большинство известных на территории современной Астраханской области кочевнических погребений XIII–XIV вв. (Никольское, Черный Яр, Кривая Лука, Солёное Займище, Старица и др.) найдены значительно севернее, за пределами Прикаспийских пустынь и полупустынь.

Естественно, мы не можем не упомянуть о 528 бескурганых погребениях золотоордынского времени, открытых и исследованных в окрестностях городища Шареный Бугор (Недашковский, 2010, с. 137–154). Но что в данном случае означает «в окрестностях»? Самое крупное скопление бескурганых захоронений золотоордынского времени (более 370 погребений) – могильники Барановка (Калмацкий Бугор), Вакуровский Бугор I и II, Маячный Бугор I–III, Мечетный Бугор I и II находится в 30 км к востоку от городища, на левом берегу протоки Бузан (Недашковский, 2010, с. 124, рис. 4). Такая территориальная удаленность очень затрудняет восприятие перечисленных могильников, как элемент социокультурной структуры города Хаджи-Тархан (несмотря на то, что погребения в основном мусульманские).

Город Сарай ал-Махруса (гор. Селитренное) в своей округе кочевнических курганов не имел вообще. Ближайшее (единственное) кочевническое погребение – Енотаевское – находится в 35 км к северо-западу на правом берегу Волги (Недашковский, 2010, с. 91, рис. 3) и к городскому комплексу отношения явно не имеет.

Здесь не лишне вспомнить о том, что первая столица Золотой Орды была основана ханом Бату в начале 50-х годов XIII в. (Измайлов, Зеленева, 2009, с. 217), когда ислам отнюдь не являлся еще основополагающей религией этого государства. Поэтому с точки зрения конфессиональных «тонкостей» для пребывания в окрестностях города кочевников-язычников препятствий не было.

В ближайших окрестностях г. Бельджамен (Водянское гор.) (Егоров, 1985, с. 109 и сл.) кочевнические курганы золотоордынского времени также не выявлены. Шесть погребений из могильника у с. Верхнее Погромное расположены на левом, противоположном от городища берегу Волги. Погребение в кургане у с. Гусевка – в 70 км севернее Водянского городища (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 83).

Аналогичная картина наблюдается и в окрестностях г. Увек (окраина совр. г. Саратова). Ближайшие к городу курганные захоронения – Покровск, Зауморие, Скатовка – расположены на левом берегу Волги, а Аткарский грунтовый могильник – в 70 км к северо-западу.

На территории современного Восточного Татарстана, где сосредоточено наибольшее количество городов, существовавших в эпоху Золотой Орды, известны всего четыре кочевнических захоронения из Балымерского могильника, которые могут трактоваться не более как случайное явление на данной территории.

В степях к западу от Волги наблюдается аналогичная картина: в ближайших окрестностях золотоордынских городов Маджары, Азак, Шехр-аль-Джадид (Старый Орхей), Ак-Керман, Килия кочевнических курганов не выявлено.²

На этом фоне необычно выглядят окрестности города Сарай ал-Джадид (Царевское городище), возникшего не ранее 40-х годов XIV в. (Блохин, Яворская, 2006, с. 80). В радиусе 20 км от него вверх и вниз по левому берегу Ахтубы (чуть более часа верховой езды рысью) расположены 18 курганных могильников золотоордынского времени: Заплавное II, Бахтияровка I–III, Ленинск I и II, Маляевка I, V, VI, Солодовка I–III, Царев, Колобовка I–IV, Зубовка. В общей сложности 158 погребений (85,2% от всех золотоордынских кочевнических погребений Нижнего Поволжья).

Данному «феномену» имеются несколько объяснений. Первое – «некоторая часть некрополей начала функционировать в золотоордынское время еще до образования крупного города на месте Царевского городища. Основным занятием населения на этой территории до возник-

¹ Тогда, видимо, еще сухой степи.

² Самые ближайшие к г. Азаку курганы Русский Колодец и Мануйловка расположены в 50 км от него через Таганрогский залив, а самый близкий к г. Килия Траповский могильник расположен в 60 км к северо-востоку на восточном берегу оз. Сасык (Кундук).

новения города было, по-видимому, кочевое скотоводство. С возникновением и развитием города совпадает трансформация хозяйства кочевников к полукочевому» (Блохин, Яворская, 2006, с. 97). Второе – «в округе Царевского городища зафиксировано значительное преобладание количества подкурганых погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых), что является уникальным для округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, в окрестностях Царевского городища доминировали представители кочевого мира...» (Недашковский, 2010, с. 237).

В принципе оба эти предположения не противоречат друг другу, а никакой другой альтернативы мы предложить не можем.

Л.Ф. Недашковский рисует обоснованную и убедительную схему динамики потенциальных экономических зон поселений округи Царевского городища.¹ Из приведенных исследователем данных следует, что на всем протяжении истории этого города (с 1266 по 1395 гг.) очертания границ его экономических зон менялись незначительно и кочевники, представленные большим скоплением погребений в этом районе, стабильно находились рядом с этими зонами. Это и привело автора к совершенно справедливому выводу «о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой» (Недашковский, 2010, илл. 10–14, с. 246). Едва ли есть смысл сомневаться в том, что так оно и было, и в том, что связи эти имели выраженный экономический, но не социальный характер. Под последним подразумеваются различия в динамике социального развития золотоордынских городов и «кочевой степи».

В этом плане весьма показательны золотоордынские погребения с монетами, составляющие 10,1% от всех погребений нашей выборки. Главным образом это монеты ханов Узбека (1312–1341), Джанибека (1342–1357) и Бердибека (1357–1359), на время правления которых приходится утверждение ислама, как государственной религии Золотой Орды. 8,8% от указанных погребений – языческие, т.е. содержат конские захоронения и сопутствующие погребенному вещи (табл. 2). Они встречаются в могильниках, расположенных в окрестностях городов (Бахтияровка II, III, Царевский, погребение в Саратове), но преобладают в степи.

Вопрос об утверждении ислама в Улусе Джучи рассматривался неоднократно с привлечением как письменных, так и археологических источников. Основной вывод исследователей сводится к тому, что у кочевников степной периферии Золотой Орды язычество (шаманизм) сохранялось и в XIII, и в XIV вв. Для степей Южного Приуралья это, в частности, подтверждается сохранением здесь языческих святилищ типа Акимбетовского кургана, могильников Система I, Анненское-12 и др. (Костюков, 2010, гл. II).

Таблица 2

Языческие погребения с монетами золотоордынских ханов

№ п.п.	Могильник	№ погр.	Сопутствующие вещи
1	Абганерово III	1	Бусы, браслет, ножницы
2	Августовка	1	Удила, стремяна, кресало, нож
3	Андреевский	1	Стремяна, удила, нож, кости животного
4	Афанасьевский	1	Наконечники стрел, берестяной колчан
5	Ают	2	Серьги, ножницы
6	Балкин Хутор	1	Стремяна, удила, поясные накладки, стрелы, колчан, нож, кресало, кости овцы
7	Бахтияровка II	46	Шкура коня, кости овцы, стремяна, удила, стрелы, лук, колчан, нож, кресало
8	Бахтияровка II	47	Шкура коня, кости овцы, нож, кресало
9	Бахтияровка II	49	Шкура коня, кости овцы, стремяна, удила, седло, бокка
10	Бахтияровка II	51	Нож
11	Бахтияровка II	61	Кости овцы, нож, кресало, бока
12	Бахтияровка II	63	Кости овцы, стремяна, накладки, нож, колчан
13	Бахтияровка II	72	Шкура коня, удила, стремяна, седло, бокка, зеркало, ножницы, пряслице

¹ Он ее рисует для всех крупных городов Нижнего Поволжья, но нас в данном случае интересует именно Царевская.

№ п.п.	Могильник	№ погр.	Сопутствующие вещи
14	Бахтияровка II	30	Стрелы, сабля, нож, кресало
15	Бахтияровка II	25	Кости овцы, пряжка, нож, кресало
16	Бахтияровка II	70	Серьги, «бокка», зеркало, бусы, амулет, ножницы, пряслице
17	Бахтияровка II	24	Стремена, стрелы, колчан, нож, медный сосуд
18	Бахтияровка III	95	Шкура коня, удила, седло, стрелы, колчан, пряжка, нож
19	Бахтияровка III	87	Серьги, бусы, амулет, нож
20	Бахтияровка III	110	Серьги, бусы
21	Бахтияровка III	108	Нож, кресало
22	Бахтияровка III	92	Серьги, бусы, ножницы
23	Белокаменка	Д-40	Кости жив., колчан, нож
24	Бережновский I	43	Остов коня, стремяна, удила
25	Блюменфельд, гр. Б	2	Кости жив., удила, стремяна, стрелы, нож, кресало
26	Боаро	Д-26	Удила, стремяна, седло, нож, стрелы
27	Большой Царын I	2	Кости овцы, стремяна, удила, седло, стрелы, колчан
28	Геленджик	4	Глиняный сосуд, стрелы, нож
29	Городище Бозок	оградка, п. 3	Стрелы
30	Градешка	0	Остов коня, бусы, бокка, амулет
31	Гува I	2	Стремена, глиняный сосуд, стрелы, колчан, кресало
32	Гува II	4	Кости овцы, удила, стремяна, стрелы, пряжка, нож, кресало
33	Гува II	5	Кости овцы, стремяна, удила, стрелы, колчан, пряжка, нож, кресало, гребень
34	Гува II	7	Удила, стремяна, седло, стрелы, колчан
35	Давыдовка III	4	Наконечники стрел, колчаные накладки, пряжка
36	Даниловка	1	Остов коня, стремяна, седло, стрелы, сабля
37	Джангала	1	Зеркало, нож
38	Джангала (Нов. Казанка)	1	Зеркало, нож
39	Джангала. Сарайдин	1	Зеркало, нож
40	Дюна Лапас	0	Поясная пряжка
41	Жарсуат I	4	Нож
42	Жартас	5	Кости жив., стремяна, удила, седло, лук, стрелы, нож, сумка, пояс
43	Зауморье	3	Стрелы
44	Зергента II	3	Серьги
45	Иловля	2	Шкура коня
46	Королевка	0	Кости жив., стремяна, удила, пряжка, стрелы, колчан, нож
47	Кривая Лука	5	Стремена, стрелы, колчан, пряжка, бусы, нож, медный сосуд
48	Купцын-Голга	12	Кости овцы, стрелы
49	Лески	0	Шкура коня, кости овцы, серьги
50	Марьевка	0	Стремя, жел. наконечники стрел
51	Марьевка	0	Стремена, костяная пуговица
52	Маячный бугор	мавзолей	Серьги, перстень, «бокка»
53	Маячный-I	93	Кости овцы, зеркало, гребень
54	Маячный-I	94	Колчан, серьга, кресало, сумка
55	Маячный-I	103	Кости овцы, серьги
56	Маячный-I	105	«Бокка»
57	Маячный-I	106	«Бокка», зеркало, ножницы
58	Маячный-I	163	Пряжка, гребень
59	Маячный-I	188	Серьги, перстень, «бокка», зеркало
60	Маячный-I	189	Серьги
61	Маячный-I	215	Серьги, «бокка»
62	Миновка	3	Остов коня, стремяна, удила, кости жив., пряжка, стрелы, колчан, нож, кресало
63	Миновка	3	Остов коня, кости овцы, стремяна, удила, стрелы, пряжка, нож
64	Мокринский I	10	Бусы, берестяная бока
65	Мокринский I	13	Шкура коня, серьги
66	Мокринский I	14	Шкура коня, серьги, бусы, перстень, амулет

№ п.п.	Могильник	№ погр.	Сопутствующие вещи
67	Мордово	0	Остов коня, сосуд, сабля
68	Новая Меловатка	1	Удила, стремяна, стрелы, колчан, нож
69	Новая Меловатка	6	Ножницы
70	Новая Молчановка	6	Ножницы
71	Новоорский II	1	Пряжка и др.
72	Озеро Раим	1	Зеркало, нож
73	Плоское	15	Шкура коня, седло, стрелы, сабля
74	Пскент	0	Стремяна, седло, бусы, нож, ножницы, зеркало
75	Пскент	0	Стремяна, седло, стрелы, колчан, нож, кресало, медный сосуд
76	Ровное	Д-40	Нож
77	Саратов	0	Стремяна, удила, стрелы, накладки, нож, кресало
78	Сенной	5	Кости овцы, стремяна, удила, пряжка
79	Совхоз им. Луначарского	0	Шкура коня, стремяна, стрелы, кресало
80	Суслы	40	Серьги, бусы, нож
81	Тасмола IV	2	Удила, стремяна, стрелы, колчан, серьги, нож, кресало
82	Тлягуловский	1	Остов коня, стремяна, удила, седло, стрелы, нож, медный сосуд
83	Халчаян	0	Стремяна, седло, стрелы, накладки, медный сосуд
84	Харьковка I	13	Удила, стремяна, стрелы, нож, кресало
85	Харьковка, гр. Б	2	Удила, стремяна, колчан, нож, кресало, сумка, медный сосуд
86	Царевский	16	Пояс, бусы, амулет, кости животного
87	Шахтерск	8	Шкура коня, удила, стремяна, стрелы, нож, кресало
88	Шихан на р. Иловле	2	Остов коня, зеркало
89	Шихан на р. Медведице	1	Кожаная сумка и др.

Наиболее адекватно объясняющим причину «конфессионального запаздывания» золотоордынской кочевой степи по сравнению с золотоордынским городом нам представляется заключение В.П. Костюкова о том, что «кочевой быт вообще не создает подходящей почвы для глубокого укоренения прозелитических религий. Хорошо известно, что там, где степняки оказывались более или менее прочно привязанными к монотеистическим государственным центрам, таким как Хорезм или Византия, процесс утверждения мировых религий совершался значительно скоротечнее и глубже. В иной ситуации каноны новой веры, не напоминаемые регулярным миссионерским наставлением, самым причудливым образом преломлялись в сознании кочевников и либо вовсе не допускались в важнейшие области ритуальной практики, либо присутствовали в них фрагментарно, в парциальном виде (Костюков, 2010, с. 82).

Впрочем, данный небольшой экскурс в проблемы конфессиональной истории Золотой Орды мы совершили для того, чтобы показать, что «исламский фактор» также мог способствовать территориальному отдалению кочевников от города: мы не знаем, насколько «толерантны» были городские мусульмане к своим соседям-язычникам. И наоборот.

Что касается концентрации кочевнических курганов в округе Царевского городища (город Сарай ал-Джедид), то здесь уместно будет вспомнить и о том, что в предшествующее время, в частности, в X–XI вв. на этой территории наблюдалась аналогичная картина – могильники Бахтияровский, Калиновский, Царевский, Солодовка, Ленинск (в общей сложности 20,1% от всех учтенных погребений огузо-печенежского времени). Это дает нам основание предполагать, что данное место издревле являлось местом традиционных зимовок кочевников Урало-Поволжья¹. И не стоит исключать и того обстоятельства, что появление здесь города (и вообще степных городов Нижнего Поволжья) явилось дополнительным (если не основным) диссонансом в отношениях «кочевой степи» с центральной ордынской властью. На наш взгляд, все это исчерпывающе объяснено Э.С. Кульпин-Губайдуллин: «Появление человека сделало степной гомеостаз менее устойчивым по ряду причин. Степные города создавались на пустом месте.

¹Так же, как и все Ахтубинско-Волжское левобережье.

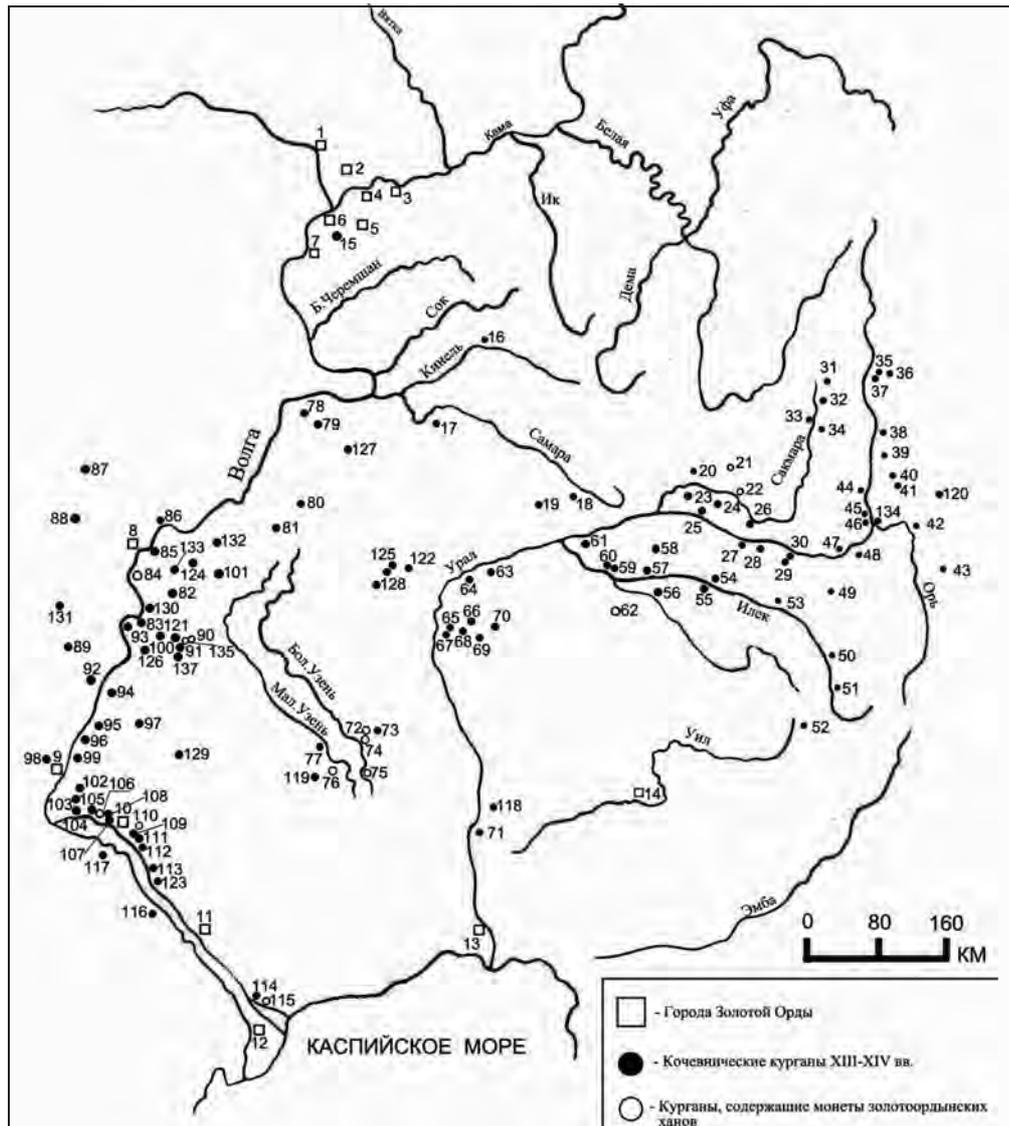

Рис. 1. География Волго-Уральской части Золотой Орды (Улуса Джучи) в XIII–XIV вв. 1 – Казан; 2 – Керменчук; 3 – Джукетау; 4 – Кашан; 5 – Биляр; 6 – Булгар; 7 – Сувар; 8 – Увек; 9 – Бельджамен; 10 – Сарай ал-Джедид; 11 – Сарай ал-Махруса; 12 – Хаджи-Тархан; 13 – Сарайчик; 14 – Мавлибердинское гор.; 15 – Бальмерские; 16 – Бугуруслановский; 17 – Гвардейцы; 18 – Белый Ключ; 19 – Мустаево; 20 – Имангулово; 21 – Андреевский; 22 – Тлягуловский; 23 – Башкирское стойло; 24 – Каменно-Озерный; 25 – Россыпинский; 26 – Жанаталапский I, II; 27 – Мертвевский; 28 – Новочеркасский VII; 29 – Казенная мельница; 30 – Алабайтал; 31 – Ишкуловский; 32 – Тавлыкаевский II; 33 – Башкир-Беркутово; 34 – Ивановский IV; 35 – Агаповский I; 36 – Агаповские горы 10; 37 – Агаповские горы 19; 38 – Покровский IV; 39 – Березовский V; 40 – у пос. Большевик II; 41 – у пос. Большевик III; 42 – Комсомольский VI; 43 – Озерновский III; 44 – Новый Кумак II; 45 – Новый Кума III; 46 – Новый Кумак; 47 – Хабарный I; 48 – Худай-Берген III, IV; 49 – Салтак I; 50 – Жаксы-Каргала; 51 – Шпаки II; 52 – Новая База; 53 – 2-я верста от Илецкой Защиты; 54 – Урал; 55 – Тамар-Уткуль; 56 – Покровка I; 57 – Пчельник; 58 – Лиман; 59 – Линевский одиночный; 60 – Линевский; 61 – Буранчи I; 62 – Жарсуат I; 63 – Жарсуат; 64 – Алебастрово II; 65 – Челкар IV; 66 – Жаман-Каргала I; 67 – Челкар V; 68 – Лебедевка VIII; 69 – Лебедевка II, VI; 70 – Лебедевка IV; 71 – Базар-Тюбе I; 72 – Джангала (Новая Казанка); 73 – Джангала (Кара-Оба); 74 – Джангала (Сарайдин II); 75 – Мокринский I; 76 – Джангала; 77 – Джангала (Сарайдин); 78 – Александровский; 79 – Абашевский; 80 – Пугачев; 81 – Потемкино; 82 – Визенмиллер II, III; 83 – Ровное; 84 – Узморье; 85 – Покровск, Покровск – южн. Группа; 86 – Усть-Курдюм; 87 – Петровск, Выгон г. Петровска; 88 – Аткарский; 89 – Иловля; 90 – Блюменфельд; 91 – Штрасбург; 92 – Камышин; 93 – Бережновский; 94 – Никольское I; 95 – Калиновка; 96 – Верхне-Погромное; 97 – Красный Октябрь; 98 – Мечетное; 99 – Осадная балка; 100 – Фриденберг; 101 – Ново-Липовка; 102 – 15-й поселок; 103 – Заплавное I; 104 – Зяря; 105 – Заплавное II; 106 – Бахтияровка I–III; 107 – Ленинск I, II; 108 – Маляевка I, V, VI; 109 – Солодовка I–III; 110 – Царев; 111 – Колобовка I–IV; 112 – Зубовка; 113 – Дмитриевка; 114 – Сеитовка; 115 – Маячный Бугор; 116 – Никольское I; 117 – Барановка; 118 – Мамбеталы; 119 – Озеро Раим; 120 – Баджигит; 121 – Курнаевка; 122 – Зеленый; 123 – Золотушинская; 124 – Мариенталь; 125 – Мечей-Киров; 126 – Молчановка I, III; 127 – Новопавловский; 128 – Ногай-Чижен; 129 – Сайхин; 130 – Скатовка; 131 – Слобода Рудня; 132 – Суслы; 133 – Тонкошуровка; 134 – у Обелиска Славы (г. Орск); 135 – Харьковка; 136 – Шипово (Каменный); 137 – Шульц

Люди, их заселившие, не знали, как вести себя в степи, не знали, что навыки, выработанные предками в других природных условиях, могут оказать на новом месте плохую услугу (выделено нами. – Авт.). Зачастую не знали новую степь и кочевники. Она казалась им несравнимо более богатой их прежних родных мест, но они не знали границ ее возможностей, за которыми следует экологический кризис или локальная экологическая катастрофа» (Кульпин, 2008, с. 71).

В целом же совершенно очевидно, что в географическом и, соответственно, ментально-психологическом отношении золотоордынские города и «кочевая степь» представляли собой два параллельных явления в социально-политической и этноконфессиональной жизни Золотой Орды (рис. 1). Связь между ними была чисто экономической: материальная культура кочевников регулярно «подпитывалась» продуктами городского ремесла (что и превратило золотоордынскую культуру в имперскую, т.е. надэтническую), тогда как «золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи» (Недашковский, 2010, с. 221). Что же касается духовной связи между золотоордынским городом и степью, то ее вряд ли стоит преувеличивать. И «ордынская заматня» 60-х – 80-х годов XIV в. – наглядный тому пример.

Литература

Атавин А.Г. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности юга России. – М., 2008.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2006.

Бурханов А. Сарайчук и поселения Волго-Уральского междуречья // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья. – Уфа, 1998.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Н., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев, 1990.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). – Пушино, 2010.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1982.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Казань, 2010.

Кульпин Э. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. – М., 2008.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М., 2010.

Пачкалов А.В. О времени возникновения города Хаджи-Тархан // Культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII УАС. – Уфа, 2010.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1976.

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ АРХИТЕКТУРА КРЫМА (ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ)

В.П. Кирилко

*Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
г. Симферополь*

Основные стилевые направления, на начальном этапе определявшие развитие и становление архитектуры крымского улуса Золотой Орды, получили свое воплощение в трех наиболее ранних мусульманских постройках Солхата.

Древнейшая из крымских мечетей находилась в центральной части города, рядом с рынком, и была возведена по приказанию Бея-Хаджи Умара эль-Бухари в месяце зюль-када 661 г.х. (= 1262/63 гг.). Данные о конструктивных, архитектурных и декоративных особенностях сооружения неизвестны (Челеби, 2008, с. 168). В самой Золотой Орде, расположенной на окраине мусульманского мира, первые культовые здания, вероятно, начали возводиться также во второй половине XIII в., при хане Берке (1257–1266), который был правоверным и способствовал городскому строительству (Зиливинская, 1998, с. 18).

Сооружение данной мечети именно выходцем из Бухары, возможно, обусловлено тем, что, по свидетельству Ибн Халдуна, Берке принял ислам от жившего там Шемседина Эльбахерзи, после чего «отправил к нему грамоту с представлением ему полной свободы делать в прочих его владениях все, что пожелает» (Золотая Орда, 2003, с. 170). Примечательно, но и позднее, судя по отдельным историческим эпизодам, золотоордынский Крым продолжал испытывать влияние бухарских духовных наставников и проповедников ислама (Абдульвапов, 2006, с. 141, 142, 143, 146). Есть основание предполагать, что возведение одной из первых крымских мечетей было осуществлено при непосредственном участии мастеров из Средней Азии и, возможно, с использованием характерных для данного региона архитектурных форм и конструкций.

Вторая культовая постройка Солхата, появление которой обычно связывается с деятельностью одновременно нескольких египетских правителей, также известна исключительно по письменным источникам и до сих пор не локализована. Ал-Макризи сообщает: «В 687 году [1287/88 г.] султан отправил к Берке [чит.: Берковичам] дорогой подарок и более 2000 динаров, предназначавшихся для постройки мечети в Крыме, на которой должны были быть начертаны титулы султана; он послал [также] своего каменотеса, для иссечения их [титулов] и для расписания их красками» (Золотая Орда, 2003, с. 194). Согласно второму свидетельству, Ибн ал-Фората, «отправлено множество разных припасов для мечети, которая строилась в Крыму [Солгате], ценою в 2000 динаров. На этой мечети были начертаны прозвища султана Эльмелик-Эльмансура. Был также послан... каменщик-каменосек, для иссечения на упомянутой мечети султанских титулов. Посланы были с ними [послами] масляные краски» (Золотая Орда, 2003, с. 167–168). Событие произошло после 13 шевваля 686 г.х. (= 21 ноября 1287 г.), а, следовательно, в пункте назначения делегация оказалась не ранее начала 1288 г. Отправка каменотеса, красок и разных припасов, по сути, свидетельствуют о завершающем этапе возведения здания. Помимо упомянутого мастера, достаточно большой представляется вероятность участия в строительных работах и других египетских специалистов.

Ибн Баттута, посетивший Крым в 734 г.х., сообщает как о действующей, «соборной мечети, построенной в этом городе Эльмелик-Эннасыром» (Золотая Орда, 2003, с. 126). Опираясь на данную информацию, В.А. Сидоренко считает, что в 1287 г. мечеть начал строить египетский султан ал-Мансур Сайф ад-дин Кала'ун ал-Алфи (1280–1290), а достраивал уже ал-Мелик ан-Насыр ад-Дин Мухаммед (Сидоренко, 1988, с. 116), но подобное развитие событий, учитывая содержание первых двух источников, маловероятно. Поскольку визит Ибн Баттуты приходится на время правления последнего (1292–1341), речь может идти либо о характерном для восточной литературной традиции восхвалении действующего правителя¹, либо о возведенной при

¹ Соотносимо с тем, как Эвлия Челеби, посетивший Эски Кырым в 1666–1667 гг., при Гераях, описывая тарих Улу-джами, соответственно расширяет и имя правителя: «Построил это здание благословенной мечети в дни

нем, скорее всего, в 1314 г., совершенно иной мечети – достойной того, чтобы привлечь внимание путешественника и быть отмеченной таким образом.

Со временем свидетельства летописцев обросли подробностями, отсутствующими в первоисточниках. С легкой руки Дегиня (Jos. de Guignes), в 1756 г. сообщившего о том, что «султан Бейбарс, государь Египта, желая увековечить свое имя и прославить место рождения, с дозволения хана Кыпчакского построил в Крыму великолепную мечеть, коей стены были покрыты мрамором, а верх порфиром» (Кеппен, 1837, с. 340–341), вымышленные им детали убранства здания в дальнейшем стали обязательным атрибутом при описании памятника для многих исследователей и краеведов (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 34; Старокадомская, 1974, с. 166). Данные сведения весьма скептически оценил еще А.Л. Бертье-Делагард, отметив, в частности, что выполнить облицовку потолка порфиром «физически не возможно» (Бертье-Делагард, 1920, с. 100). В наше время Е.В. Крикун, посвятивший изучению крымскотатарской архитектуры монографию, дополнил уже неоднократно адаптированную информацию новыми нюансами: «В 1277 г. высокий египтянин-кипчак, помня свои корни, послал «землякам» через хана Берке 2000 динаров «для постройки мечети в Крыму». Подготовительные работы тянулись долго: завозили мрамор, порфир, другие материалы, тесали, пилили, шлифовали, полировали... И лишь в 1287–1288 гг. мечеть Бейбарса «в Крыму» была построена. Стены ее были облицованы мрамором, потолок – порфиром» (Крикун, 1998, с. 11). На самом деле, достоверных свидетельств о возведении мечети в Крыму египетским султаном Бейбарсом (1260–1277) нет, следовательно, речь может идти лишь о здании, появившемся благодаря Эльмелик-Эльмансуру (1280–1290).

Во время правления Берке-хана, в 1263–1264 гг., произошло историческое событие, которое ощутимо повлияло на дальнейший ход культурного развития региона – освобождение Иззад-Дина Кейкавуса II из византийского плена, получившего затем в икта Солхат и Судак, где образовалась мощная сельджукская диаспора, возможно, существовавшая здесь и прежде (Смирнов, 2005, с. 56–64; Айбабина, 2001, с. 174–175).

Третья культовая постройка Солхата, мечеть золотоордынского хана Узбека (1313–1342), представлена фрагментарно – порталом с датированной надписью и отдельными, предположительно, первоначально принадлежавшими ей архитектурными деталями, прежде всего, михрабом и минаретом, а также, возможно, аркадой, которые были вторично использованы при восстановлении здания на новом месте в конце XV – начале XVI вв. (рис. 1: 2; 2; 3) (Кирилко, 2009, с. 192–196, рис. 2).

Посвящение над входом сообщает: «Слава Богу за Его благодеяния, и да благословит Бог Мухаммеда и преемников его! Повелено было воздвигнуть эту благословенную мечеть в дни царствования великого хана, Мухаммед-Узбек-хана – да продлит Бог владычество его! – рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердие Господа своего и на всепрощение Его, Абду-ль-Азиз-бен-Ибрагиму Аль-арбели, в год 714 лунный» (Смирнов, 1887, с. 281).

Упоминание в надписи портала имени конкретного правителя обусловило закрепление за данной постройкой названия «мечеть Узбека», а сама она была отождествлена с первой мечетью этого хана, известной по сообщениям арабских историков (Смирнов, 2005, с. 107). На самом деле ее появление здесь, на окраине Золотой Орды, следует считать заслугой, видимо, не столько хана Узбека (1313–1342), но, прежде всего, главного инициатора его взошествия на престол и обращения в ислам, а также наиболее преданного из эмиров – Кутлук-Тимура, бывшего тогда наместником «в землях Румских» (свидетельство Ибн Халдуна, как-то обойденное вниманием исследователей, см.: Золотая Орда, 2003, с. 178), откуда тот вполне мог направить для участия в работах опытного архитектора, а само строительство обеспечить необходимыми мастерами и материалами. В свое время М.Г. Сафаргалиев, ссылаясь на неверно интерпретированный им письменный источник (сведения Ибн ал-Фората о деятельности Эльмелик-Эльманн-

правления великого хана Мухаммеда Узбек Герай-хана» (Челеби, 2008, с. 167). Причём, в самой надписи на портале ни одним из известных к настоящему времени её переводов патроним Герай даже не упоминается (Бороздин, 1926, с. 24).

сура), в качестве подтверждения слабого развития местного ремесла отметил как исторический факт то, что «при постройке Узбеком мечети в городе Солхате в 1313 г. строительный материал, а также и мастера были привезены сюда из Египта» (Сафаргалиев, 1996, с. 357), чем, по сути, не сильно погрешил против истины.

Портал представляет собой прямоугольное в плане монументальное сооружение, немного выступавшее за плоскость стены здания. Его основные размеры: ширина – 4,05 м, вынос – 1,03–1,06 м, реконструируемая высота – около 7,50 м. Входная ниша с боков ограждена массивными пилонами толщиной 0,77 м. Сверху она имеет сталактитовый полукупол, частично утраченный еще до установки на новом месте, но затем, при реконструкции XVI в., восполненный стрельчатой аркой. Дверной проем завершается арочной перемычкой из пяти клинчатых блоков с уступами на стыках. Боковые поверхности портала ровные, спереди и внутри он богато декорирован изысканной резьбой по камню – растительным орнаментом и арабской вязью. Входная ниша на внешних углах украшена обработанными под жгут трехчетвертными круглыми в сечении колонками с изящными двухъярусными капителями, на уровне которых, по ее внутреннему обводу, расположена посвятельная надпись.

Михраб представляет собой двойную нишу с прямоугольным наличником, каждый из уступов которой завершался сталактитовой конхой (рис. 3). Его общие размеры: ширина – 2,58 м, высота – 4,88 м, глубина – 0,98 м. За плоскость стены он выступает на 0,20–0,25 м. Внутренняя выемка в плане пятигранная с октагональной основой, внешняя – прямоугольная. Наружные края обоих сводов на углах поддерживались трехчетвертными колонками с рифленой наискось, под жгут, поверхностью. Передние опоры имели двухъярусные капители и базы в виде ламп, которые являются характерными для архитектурного декора золотоордынского Крыма, дальние – отличаются упрощенными формами. Лицевая поверхность михраба с боков и сверху обрамлена арабской вязью. Внутренняя часть композиции украшена сложным растительным орнаментом с симметрично расположенными медальонами и акцентирована коранической надписью. Сооружение увенчано тремя каменными навершиями.

Портал и михраб мечети являются произведениями сельджукского декоративного искусства (Башкиров, 1926, с. 111–116). Обе споллии относятся к анатолийскому типу, находят аналогии в резном камне памятников архитектуры северной части Центральной Анатолии (Крамаровский, 1990, с. 125). Поскольку «наблюдается большая разница, как в технике выполнения, так и в транскрипции сельджукских арабесков», Б.Н. Засыпкин считает, что михраб построен значительно позднее портала (Засыпкин, 1927, с. 131). Со ссылкой на обмеры и графический анализ данные детали М.Г. Крамаровским определены как подлинные элементы первоначального здания 1314 г. (Крамаровский, 2005, с. 115). В восстановленной мечети михраб и пиштак появились не одновременно, а, значит, прежде они могли принадлежать разным строениям (Кирилко, 2009, с. 189–190, 197–198, рис. 2).

Минарет, известный по фотографиям рубежа XIX–XX вв. (рис. 2), относительно синхронен обновленной мечети. Был ли он таким изначально, в настоящий момент однозначно судить сложно, поскольку в верхней части отложений культурного слоя, представлявших собой скопление строительного мусора, у его подножия при археологических раскопках и реставрационных работах были найдены многочисленные детали от другого шерфе – остатки сталактитового карниза и резного парапета. Стилиевые характеристики обнаруженных фрагментов минарета и портала между собой соотносимы, следовательно, ранее оба они вполне могли принадлежать одному строению – собственно, первоначальной мечети Узбека 1314 г. Еще более близкой аналогией им являются детали декоративного оформления внешних поверхностей монументального пиштака, обрамлявшего вход в расположенное по соседству медресе 733 г.х. (= 1432/33 г.). Остается невыясненным, были ли использованы эти остатки минарета на новом месте при возведении данного здания или так и остались лежать у его стен нереализованным строительным припасом.

Подножие минарета снаружи выполнено из тщательно обработанных блоков известняка вторичного использования, тыльная сторона кладки бутовая с внешними деревянными поясами. На высоте около 6,80 м от уровня земли основание оканчивалось немного выступавшим за плоскость стены пирамидальным объемом, срезанную вершину которого венчал круглый в се-

чении минарет. Вход устроен в скошенной части основания, со стороны помещения, в 6,45 м от пола¹. Судя по тому, что остатки плит перекрытия над ним образуют консоль, мечеть, которой прежде принадлежал данный минарет, вполне могла завершаться сводом.

Ствол минарета цилиндрический с каменной винтовой лестницей внутри. В нижней и верхней части он опоясан декоративными валиками. Конструкция выполнена из тщательно обработанных блоков и плит известняка, уложенных рядами высотой 0,20–0,40 м. Между собой камни соединены железными скрепами с заливкой гнезд свинцом. Площадка, башенка и парапет шерфе в плане круглые, находятся на высоте 14,25 м от уровня земли. Карниз, поддерживавший балкончик, массивный с криволинейным профилем и гладкой лицевой поверхностью. Он завершался плоским ободком, заподлицо с которым расположено ограждение. Выход на площадку расположен с южной стороны. Основные диаметры сооружения: ствола – 1,56 м, шерфе – 2,75 м, башенки – 1,43 м. Общая реконструируемая высота минарета составляла около 23 м.

Внутреннее пространство здания разделено на три продольных нефа двумя одинаковыми каменными аркадами с четырьмя стрельчатыми пролётами. Перемычки двуцентровые, по своим очертаниям соотносимы со сводчатыми конструкциями сирийского типа (Шуази, 1937, с. 109, рис. 82). В качестве промежуточных опор использованы восьмигранные в сечении колонны (по три в каждой) с кубовидными капителями и базами, украшенными сталактитами. Пяты крайних арок на стыке со стеной поддерживались профилированными кронштейнами. Базы колонн между собой отличались формой. Первые две, расположенные перед михрабом, выделяются усложнённой пластикой². Остальные четыре базы – обычного вида однообразные: три из них – одинаковые, одна (средняя в восточной аркаде) – имела более массивные пропорции. Все капители однотипные. Из них две, крайняя пара у входа, отличаются от остальных деталями – отсутствием декора на дугах угловых срезов нижнего яруса сталактитов. Поверхность капителей и верх колонн дополнительно были украшены растительным орнаментом, нанесённым на поверхность камня черным пигментом. Остатки подобной росписи местами отмечены также и на михрабе, что позволяет предполагать одновременность её появления, при ремонте 1512–1513 гг.

Как выглядела первоначальная мечеть Узбека, использованная в качестве донора, достоверных данных нет. В настоящий момент известно, по меньшей мере, три попытки хотя бы частично реконструировать архитектуру здания.

О.И. Домбровский и В.А. Сидоренко, исходя из наличия аркад и утраты завершения портала, представляют себе строение в виде базилики с верхним светом над средним пролётом, прямоугольный короб которого со всех сторон был пронизан окнами (Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 45, 47).

На подобной версии настаивает также М.Г. Крамаровский, считающий, что в первоначальном варианте аркада центрального нефа мечети «должна была поддерживать систему деревянных (?) стропил высокого фонаря, перекрытого двускатной крышей», упразднённого на новом месте после переноса конструкции (Крамаровский, 2005, с. 114). Им же предпринимается попытка реконструировать и отдельные элементы строения (Крамаровский, 2005, с. 114–116). В частности, по мнению М.Г. Крамаровского, портал здания завершался «подтреугольной нишей, заполненной сталактитами (мукарнас) из ганчевых элементов», что несколько не соответствует истине, ибо все части сооружения вытесаны из известняка и применение здесь гипсовых деталей, более характерных для, собственно, золотоордынского архитектурного декора, не наблюдается. Сама графическая реконструкция пиштака местами нелогична – неоправданно укрупняется членение завершения свода, что приводит к восьмиярусной структуре ячеистого полукупола, который, вероятнее всего, был девятирядным, и предлагается черепичная кровля,

¹ Подобное расположение входа – на значительной высоте от пола, под самым перекрытием – является характерной особенностью всех известных минаретов Солхата. Данное архитектурное решение имело, прежде всего, конструктивную основу, поскольку позволяло обеспечить подножию, равно как, углу здания необходимую массивность и прочность, не ослабляя его пустотами, что, в свою очередь, было немаловажным при ограниченной мощности фундаментов.

² В сопоставлении с мечетью Сарая (Селитренного городища в Астраханской области) данное обстоятельство позволило Э.Д. Зиливинской сделать вывод о том, что «для мусульманского культового зодчества весьма характерно более пышное оформление колонн перед михрабом» (Зиливинская, 1998, с. 24).

в чем нет особой необходимости. Спорным является также утверждение исследователя, из которого следует, что портал обрамлен «парой полуколонн» с «базами в форме ламп». На самом деле, упомянутые опоры трехчетвертные и имеют основания в виде усеченного конуса, украшенного растительным декором. Неверно, по сути, и его предложение считать перемычку дверного проема «полуаркой (? – В.К.) входа», ибо та представляет собой полноценную сегментивную (сегментную, лучковую) арку (Башкиров, 1926, с. 112). М.Г. Крамаровским также допущена ошибка при изображении конхи малой ниши михраба, где вместо трех показано четыре яруса сталактитов. Отмечая наличие позолоты на капителях и следов синего тона в листовых композициях михраба, он предполагает вероятность появления его подцветки уже в XIV в. С исходным строением, по мнению исследователя, соотносимы и «узоры, выполненные черным (первоначально, возможно, синим) цветом», которые сохранились на капителях аркады. Последнее не бесспорно, ибо раскраска резных деталей интерьера, позволявшая придать определённую цельность восприятия разным по времени и формам сполням, вполне могла быть принята при восстановлении мечети в начале XVI в. (Кирилко, 2009, с. 195, 199, рис. 2).

В контексте изучения архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма, весьма оригинальный вариант реконструкции данной постройки ввёл в научный оборот В.А. Сидоренко. Основываясь на сведениях Эвлии Челеби (в интерпретации А.П. Григорьева), якобы сообщавшего о том, что в середине XVII в. мечеть Узбека уже не имела купола¹, он предположил: «Возможно, ко времени преобразования ее в соборную и относится сохранившаяся планировка с двускатным перекрытием, заменившим обрушившийся купол» (Сидоренко, 1988, с. 118, рис. 1: 2). Свои размышления исследователь иллюстрирует графической реконструкцией плана здания с купольным завершением, которое выглядит совершенно нелепым, поскольку несущие стены мечети были слишком тонкими и слабыми, чтобы выдержать подобную нагрузку, а ее аркады при этом являются цельным сооружением (Кирилко, 2009, с. 195, рис. 2).

Еще одна постройка, вероятнее всего, этого же времени, представлена единственной, но весьма выразительной, архитектурной деталью – спolieй, которая была получена в ходе ремонтно-реставрационных работ при разборке поздних наслоений т.н. мечети Узбека. Имеется в виду замковый камень с резной двустрочной надписью «Ахуд ибн Осман аль-Ирбили» (чтение А.А. Иванова) на лицевой стороне (рис. 4). Он был найден в кладке западной стены мечети, соотносимой с третьим строительным периодом здания. Настоящее уточнение необходимо, поскольку во всех без исключения публикациях место обнаружения данной архитектурной детали обычно указывается произвольно, но непременно в одном контексте с расположенным по соседству мавзолеем (рис. 1: 1, 2): «у развалин мавзолея XV в.» (Крамаровский, 1989, с. 150), «мавзолей... датирован концом XV – нач. XVI вв. и, судя по надписи на замковом камне, найденном, к сожалению, вне слоя, возможно, построен Махмудом ибн Османом аль-Ирбили» (Крамаровский, 1990, с. 125), она представлена в совокупности с другими артефактами из раскопок дюрбе в 1985 г. – «Обращает на себя внимание находка замкового камня из арочной конструкции (вероятно, принадлежащей порталной части мавзолея)» (Крамаровский, 1995, с. 30)², «имя строителя сохранилось на замковом камне, найденном в слое разрушения мавзолея XV в.» (Крамаровский, 1997, с. 104), «замковый камень с именем Махмуда ибн Османа аль-Ирбили найден нами при исследовании мавзолея в слое разрушения XV в.» (Крамаровский, 2005, с. 115, 207, кат. 211)³.

Неоднократно предпринимаемые М.Г. Крамаровским попытки объединить данную находку с мавзолеем, несмотря на заманчивость идеи, не совсем удачны, поскольку, по его же собственному мнению, дюрбе упрощенно повторяет структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц, тогда как форма замкового камня с профилировкой боковых поверхностей является характерной для малоазийской архитектурной традиции. Более того, в самом первом, информационном, сообщении о результатах археологического изучения данного мавзолея зам-

¹ В новых переводах источника эта информация отсутствует (Книга путешествия, 1999, с. 83; Челеби, 2008, с. 167).

² Подобное предположение о происхождении детали имеется ещё в одной публикации того же автора, где мавзолеем датируются монетами Баязида I и Тохтамыша временем начала XV в. (Крамаровский, 1994, с. 164–165).

³ Сама архитектурная деталь при этом отнесена к XIV в.

ковый камень с надписью, будучи несомненным раритетом, странным образом (хотя, и по вполне понятным причинам) даже не упоминается (Крамаровский, 1987, с. 131–132). Исказив сведения об истинном месте обнаружения артефакта, М.Г. Крамаровский, по сути, устранил предпосылки для какой-либо иной интерпретации находки, кроме одной единственной – своей собственной, причем отнюдь не бесспорной. Судя по форме и приведенным в каталоге размерам замкового камня, реконструируемый пролет арки составлял всего 46,0–48,0 см. Следовательно, данная архитектурная деталь могла принадлежать либо световому проёму (например, окну в портале), либо входу в минарет.

Единственная, относительно неплохо сохранившая свой первоначальный вид, крымская постройка времени правления золотоордынского хана Узбека также находится в бывшей столице улуса и представляет собой руинированное здание средневекового мусульманского университета. Медресе построено по инициативе Инджи-бей Хатун – дочери эмира эмиров и бея Кыл-Буруна, которая, вероятнее всего, была супругой ханского наместника Толуктумура. Дату его возведения, по свидетельству Эвлии Челеби, в свое время указывал утраченный впоследствии тарих над входом в здание – 733 г.х. (= 1332/33 гг.) (Челеби, 2008, с. 167).

Медресе представляет собой почти квадратное в плане здание с внутренним двором (рис. 1: 3). Фасадами оно четко ориентировано по сторонам света. Размеры строения (уменьшаются к западу и северу): ширина – 28,70–29,50 м, длина – 27,95–29,25 м, высота – 6,5–8,50 м. Толщина стен – 0,80–0,82 м. Площадь двора – $14,40 \times 15,93 = 229,4$ кв. м. Вход – один, вел с востока. Снаружи он оформлен монументальным порталом сельджукского типа, с внутренней стороны к нему примыкала расчленённая нишами глубокая экседра (рис. 5, 6). Медресе имело три больших айвана. Один из них расположен на оси входа в западной части строения, два других – у северной и южной стен, в восточной половине здания. Между ними, вдоль коридоров, размещены худжры и, возможно, административная зона – две комнаты с прихожей и малый айван. Двор был обрамлен арочной колоннадой, соединявшей края экседр. Основные опоры аркады восьмигранные со сталактитовыми базами и капителями, ее углы поддерживались квадратными в сечении столпами. К западному айвану с боков примыкали большие помещения для проведения занятий в ненастную погоду. Одно из них, северное, позднее было приспособлено под дюрбе основательницы медресе (Бороздин, 1926, с. 28–29). В интерьере мавзолея использовались майоликовые изразцы, украшенные арабесками в виде звезд и плетенок с растительными побегами. Все помещения, галереи и экседры завершались сводами, покрытыми сверху хоросаном. Внешние формы здания монументальные со ступенчатым силуэтом стен. Главный и дворовые фасады были украшены профилированными наличниками и карнизами. Все богатство декоративного убранства строения было сосредоточено в оформлении портала, в настоящее время почти полностью утраченного. Остальные фасадные поверхности стен были ровными и лишь несколько оживлялись водосточными желобами, а также ритмично расположенными узкими окнами худжр и коридоров.

Планировочная структура солхатского медресе предельно функциональна и отвечает требованиям дифференцирования учеников по уровню подготовки, которое традиционно применялось в подобных заведениях (Ихсаноглу, 2006, с. 271). По своей объемно-пространственной организации оно может быть отнесено к дворовым, 4-х айваным сооружениям с галерейно-секционной структурой периметральной застройки двора и определено как принадлежащее к восточному варианту анатолийско-сельджукского типа (Сющук, 1999, с. 122–123), истоки которого берут свое начало в иранском культовом зодчестве.

По мнению П.И. Голландского, медресе возведено греческими мастерами из Малой Азии, представляющими византийскую архитектурную школу (Голландский, б.д., с. 10–11, 14–15, 17–18, 20). А.И. Маркевич считает, что «оно сооружено египетскими мастерами мамлюкской эпохи, по египетским образцам и приемам» (Маркевич, 2005, с. 321). Стилиевые характеристики и региональные особенности здания, обозначенные другими исследователями, обычно не выходят за рамки традиционной версии о сельджукском происхождении постройки (Башкиров, 1926, с. 122–124; Бороздин, 1927, с. 18; Сидоренко, 1988, с. 124–127).

Анализ плана медресе, его архитектурного декора, конструктивных особенностей и порезки портала и михраба мечети 714 г.х., сопоставление меток на облицовочных блоках позво-

лили М.Г. Крамаровскому прийти к выводу об анатолийской строительной артели, работающей в Солхате в первой половине XIV в. Причем, судя по характерным деталям архитектурного декора, наиболее существенным при формировании новой для Таврики традиции оказался вклад Амасьи. По мнению исследователя, пилоны парадных экседр здания имеют сложную профилировку, восходящую по абрису к стилистике позднего эллинизма, сам же прием типичен для строительного дела Малой Азии XII–XIII вв. Установлено, что, по существу, план солхатского университета повторяет с небольшими изменениями планировку медресе Борисийе (Burgisiye) в Сивасе, датированное 1271–72 гг., а угловые срезы баз в виде стилизованного аканта являются деталью, которая находит аналогии в резном камне Кониин (Крамаровский, 1984, с. 282; 1990, с. 126–127).

Завершение эпохи Узбека в мусульманской архитектуре Крыма отмечено монументальным мемориальным сооружением – безымянным дюрбе на окраине Солхата, которое появилось уже при преемниках хана, во время правления его сына Джанибека (1342–1357). Предположительно, мавзолеем был построен около середины XIV в., став в 1346/47 гг., когда в городе свирепствовала чума, последним прибежищем для наиболее «почтенных (почитаемых? – В.К.)» граждан мусульманской общины (Крамаровский, 1994, с. 164).

Дюрбе сохранилось на уровне нижних кладок и представляет собой квадратное в плане строение с сильно выступавшим наружу прямоугольным пештаком (рис. 7: 3). Размеры здания: основного объема – $10,7 \times 10,7$ м, усыпальницы – $4,5 \times 4,5$ м, поминального помещения – $6,0 \times 5,9$ м, внешние ширина и вынос входного айвана – соответственно, 9,0 и 5,0 м. Толщина: стен – около 2,5 м, пилонов – 2,35 и 2,15 м. Вход был расположен с юга, имел парадное крыльцо с пятью ступенями. Доступ в усыпальницу осуществлялся с восточной стороны, просвет проема – 1,25 м. В западной стене склепа находится вентиляционное отверстие. Пол погребальной камеры выстлан плоским кирпичом. Для стилизованной интерпретации объекта особое значение приобретают выявленные раскопками декоративные детали. В заполнении внутреннего пространства основного помещения здания найдены обломки поливных изразцов из кашина с полихромной росписью под глазурью и лёгким рельефом, которые имеют аналогии в золотоордынском материале Поволжья XIII–XIV вв. Вторая группа декоративных изделий представлена фрагментированными изразцами бирюзового цвета из хорошо обожжённой красной глины. Они были обнаружены по всему раскопу и за его пределами, что, вероятно, указывает на их использование в декоре экстерьера, предположительно, для облицовки купола дюрбе. По мнению М.Г. Крамаровского, данное строение принадлежит к типу однокупольных мавзолеев, упрощённо повторяющих структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц (Крамаровский, 1994, с. 163–165).

В мусульманской архитектуре Крыма второй половины XIV в. культовые постройки представлены прямоугольными в плане мечетями с продольной ориентацией здания двух типов – базиличными и купольными. Внутреннее пространство первых делилось на три нефа стрельчатыми аркадами, использовавшими в качестве опор каменные восьмигранные колонны со сталактитовыми базами и капителями. Перекрытие сооружения, предположительно, было стропильным на два ската со шипцовым завершением торцов. Постройки второго типа состояли из двух смежных помещений, разделенных между собой трехпролетной аркадой на прямоугольных в сечении столпах. Вход в здание один. Как правило, он вел с севера и выделялся монументальным порталом сельджукского типа – со скамейчатым цоколем и нишами в пилонах либо обычным массивным обрамлением, с небольшим выносом наличника. Имеются примеры расположения дверного проема сбоку, с восточной либо западной стороны строения, что обуславливалось особенностями рельефа и градостроительной ситуацией. Михраб устанавливался на продольной оси здания (обычно – напротив входа) в южной стене, мог проявляться снаружи в виде полукруглого выступа. Минареты золотоордынских мечетей Таврики встроены. Их монолитные основания занимали северо-западный либо северо-восточный угол здания. Окна главного фасада размещались по сторонам от двери в один или два яруса. Предположительно, подобным образом внутреннее пространство освещалось и от михраба. Отдельные строения имели также небольшой оконный проём в портале, над входом. Основное место в убранстве

мечетей занимала высокохудожественная резьба по камню. Архитектурные формы строений и их декор указывают на связи Солхата с Анатолией.

Показательным примером базиличных культовых строений этого времени является мечеть на ул. Красноармейской (более известна под условным названием «мечеть Бейбарса»), которая находится в 80–100 м к северо-востоку от солхатского медресе (рис. 1: 4). Согласно данным стратиграфии дата сооружения определена концом XIII – началом XIV вв. (Крамаровский, 1981, с. 266), но с учетом нумизматического материала мечеть датируется началом правления Тохтамыша (1376–1395) и отнесена к 1382–1385 гг. (Крамаровский, 1989, с. 149; 2005, с. 116). Размеры здания – 19,20 × 16,83 м. Судя по особенностям плана, его объем оказался «буквально втиснутым в уже сложившуюся застройку» (Крамаровский, 1987, с. 132), что вполне могло обусловить определённое усложнение конфигурации сооружения – излом восточной стены и сужение помещения с западной стороны в южном направлении. Поскольку при раскопках строения не было найдено ни одного резного камня от портала и михраба, исследователем была высказана «мысль о целенаправленном изъятии их (деталей декора. – В.К.) для вторичного использования» (Крамаровский, 1981, с. 266), которая в научном обороте со временем неожиданно обрела качества факта – «М.Г. Крамаровский выяснил, что этот портал (т.н. мечети Узбека. – В.К.) вначале украшал мечеть базиличного типа, раскопанную на улице Красноармейской» (Айбабин, 2003, с. 287). Подобной идентификации помимо датировки не меньше противоречит существенная разница в размерах и особенно архитектонике обрамления входа обоих сооружений. Более того, т.н. мечеть Бейбарса имела окно над дверным проемом, отсутствующее в портале другого, отождествляемого с ней, здания. Спорными являются также иные опубликованные архитектурные наблюдения исследователя. В частности, М.Г. Крамаровским в ходе археологического изучения данной постройки были выявлены отпечатки баз опор на поверхности фундаментов и определены шаг колоннады – 4,10 м, а также ширина крайних пролетов(?) аркады: северных – 4,20 м, южных – 3,70 м, что в свою очередь, исходя из вывода о совпадении габаритов, позволило ему «предположить в ней первоначальную «Мечеть Узбека» (Крамаровский, 1987, с. 132)¹. Однако те же величины подобной аркады, появившейся после ремонта, в т.н. мечети Узбека равны, соответственно, 3,93–4,28 м, 3,72 м, 3,74 м, а, значит, речь может идти о вторичном использовании лишь отдельных архитектурных деталей, происходивших из соседней руины – преимущественно, штучных изделий: баз, колонн и капителей. Примечательно то, что кронштейны крайних арок обоих зданий, один из которых в т.н. мечети Бейбарса представлен *in situ*, между собой различаются формой и профилировкой.

Судя по архитектонике и сполиям (Акчокраклы, 1928, с. 172–178), к базиличному типу могла принадлежать также кырк-ерская мечеть (рис. 1: 5, 6) – как поздняя постройка XV в., так и предшествовавшее ей сооружение, датируемое лапидарным источником 1346 г. По крайней мере, Эвлия Челеби, сообщая о возведении Хаджи Гераем в 859 г.х. (= 1454/55 г.) на Чуфут-Кале соборной мечети, особо обратил внимание на то, что та была «старинной архитектуры» (Челеби, 2008, с. 83).

Выразительным примером купольных культовых сооружений золотоордынского Крыма является солхатская Куршум-Джами, сохранившаяся до уровня нижней части перекрытия. М.Г. Крамаровский со ссылкой на свидетельства Эвлии Челеби (в интерпретации А.П. Григорьева) датирует ее концом XV в. и считает, что первоначально это была «дервишская обитель, построенная, очевидно, при хане Тимур-Кутлуге (1394–1400), перестроена в мечеть в 1398 г.» (Крамаровский, 1989, с. 149)². Позднее обстоятельства и время возведения данного здания тем же исследователем с указанием того же источника подверглись уточнению: «Куршум-Джами была построена в 1395 г. как дервишская обитель текие благодаря благотворительной деятельности внучки правителя города Кутлуг Тимура Бай Буглы Хатун», а «в 1398 г. здание текие было обращено в квартальную мечеть и получило новую облицовку михрабной ниши» (Крамаровский, 2005, с. 116). Обе довольно конкретно обозначенные даты, надо полагать, небесспорны, поскольку

¹ Надо полагать, не без сомнения, давшего о себе знать позднее (Крамаровский, 2005, с. 116).

² Согласно переводу А.П. Григорьева, бывшая дервишская обитель перестроена в квартальную мечеть 15 марта 1398 г. (Григорьев, 1974, с. 27).

ку в новых переводах источника они не упоминаются вовсе (даже в качестве примечаний). По крайней мере, ни в одном из двух последних его изданий их нет. Возведение текие Эвлия Челеби действительно связывает с именем Бай Буглы-хатун, но по времени оно им соотнесено с правлением некоего сына Тахир-бей-хана и точной хронологической характеристикой не сопровождается. Мечеть же, обычно отождествляемая с Куршум-Джами, имеет совсем иную дату, о которой однозначно сообщает тарих: «Построил здание этого храма с Божией помощью шейх по имени Али, Али эль-Бекри, да осятит Бог покровительствующее ему созвездие. Было это в году восьмьсот двадцать пятом (= 1421/22 г.), в дни месяца джумада уль-ахыра». Сама постройка Эвлией Челеби представлена следующим образом: «Она достойна стать большой соборной мечетью. Эта большая мечеть крыта рубиново-красной черепицей, выложена из камня и обладает огромным куполом» (Книга путешествия, 1999, с. 83; Челеби, 2008, с. 168). Вероятнее всего, культовое здание, которое упомянуто турецким путешественником в контексте с дервишской обителью и, возможно, ей принадлежавшее, судя по содержанию строительной надписи и его плановой схеме, изначально возводилось в качестве мечети.

Куршум-Джами представляет собой прямоугольную в плане постройку с монументальным пиштаком и пятью массивными контрфорсами, с боков (по два) и сзади (один) противодействовавших распору купола (рис. 7: 1)¹. Размеры мечети – 12,5 × 17,7 м. Она состоит из двух помещений, разделенных между собой трехпролетной аркадой. Основная, южная, часть здания была перекрыта сферическим куполом на тропях тройной пирамидальной формы². Примыкающий к ней с севера трехчастный притвор завершался стрельчатыми сводами. Портал имел скамейчатый цоколь, возможно, ниши в пилонах и окно над входом. В качестве выразительной особенности Куршум-Джами следует выделить конструкцию купольного перекрытия здания, тропы которого сложены в *opus mixtum* – кладке с истоками в античном (римском) и византийском зодчестве.

По мнению Э.Д. Зиливинской, именно превращением текие в мечеть, вероятно, объясняется «не совсем обычная для подобных сооружений планировка» Куршум-Джами (Зиливинская, 1998, с. 29). Данный вывод, по меньшей мере, субъективен, поскольку в Крыму известна еще одна аналогичная постройка – мечеть Судакской крепости (рис. 7: 2), о существовании которой та знает, более того, считает ее очень близкой по планировке и размерам (Зиливинская, 1998, с. 34; 2011, с. 25). Причем тождество обоих строений проявляется не столько в этом, но главным образом в конструкции перекрытия – использовании тропов пирамидальной формы, которые в судакском строении отличались лишь более сложной пластикой (пятикратным изломом) гофрированной поверхности (Засыпкин, 1927, с. 134–138, черт. 8–10). Сама мечеть была возведена накануне захвата Судака генуэзцами в 1365 г., оставшись местами недостроенной (Джанов, 2005, с. 667).

Строительные традиции золотоордынского Крыма вполне определенно проявились также в гражданской архитектуре региона, представленной в основном предельно лаконичными свидетельствами источников и фрагментарными остатками отдельных сооружений.

Относительно достоверной реконструкции поддается лишь одно здание – т.н. каравансарай на южной окраине Солхата. Строение имело вид пятигранного в плане (параллелепипед со срезанным углом) монументального сооружения фортификационного типа – с мощными внешними стенами и несколькими башнями (рис. 7: 4). Внутри оно представляло собой мощный камнем («из слабо обработанного известняка») большой двор с фонтаном в центре

¹ Из научного оборота непременно должен быть исключен опубликованный недавно (Зиливинская, 1998, рис. 10, с. 29) совершенно безобразный план данной мечети, который существенно искажает представление о здании. Ошибочной является также сопровождающая его информация о том, что помещение с михрабом было «увенчано куполом на парусах», а остатки минарета сохранились «в северо-восточном углу» строения, тогда как в конструкции перекрытия использованы тропы, а подножие минарета находилось с западной стороны.

² По мнению Б.Н. Засыпкина, прототипом данной конструкции может служить завершение гробницы в Никее, где переход к восьмиграннику осуществлен при помощи пирамидального двухъярусного тропы, но в более чистом виде он представлен в ханской усыпальнице в Болгарах (Засыпкин, 1927, с. 137–138; Шуази, 1927, с. 97, рис. 71А).

и двухъярусными постройками с галереями по периметру (Бороздин, 1926, с. 17–22). По свидетельству старожилов, «ворота находились на юго-западном углу здания и были украшены резными косяками». Косвенным подтверждением того, что вход мог быть выделен богато декорированным порталом, является найденный в своё время неподалеку от объекта «огромный, в сажень или более, камень, весь испещренный резьбой» (Смирнов, 1886, с. 283).

Известно несколько письменных свидетельств о жилых сооружениях столицы крымского улуса. Судя по бытовавшим в XIV в. названиям одного из кварталов Солхата, населенного армянами («Верхний участок с землекрытыми жилищами», «Чхбнис»), для массовой застройки, по меньшей мере, этой части города были характерны грунтовые кровли и турлучная конструкция стен (Кирилко, 2008, с. 37, прим. 1), тяготеющие к малоазийской и кавказской строительным культурам. Позднее, в третьей четверти XVII в., Эвлия Челеби сообщает об усадебных зданиях «с верхним и нижним этажами, каменной кладки и крытых черепицей» (Книга путешествия, 1999, с. 82), соотносимых с домами понтийского типа, разносторонне представленных в Малой Азии, Средиземноморье и на Балканах. Городской пейзаж Солхата, который, по мнению М.Г. Крамаровского, «не отличался высокой плотностью застройки», также дополняли юрты, упоминаемые Перо Тафуром при посещении Крыма в 30-х годах XV в. (Крамаровский, 1989, с. 144).

В целом архитектурный облик золотоордынского Крыма во многом был подобен тому, что приходилось наблюдать путешественникам и в других местах государства, разнясь при этом отдельными более или менее выраженными региональными чертами (Крамаровский, 2009, с. 582, 585, 586). Наряду с местными строительными традициями своеобразие ему придавало влияние культуры ближайших соседей, которые имели к тому времени вполне установившееся искусство и школу мастеров (Засыпкин, 1927, с. 130).

Важнейшей составляющей частью золотоордынской архитектуры Крыма, во многом определявшей ее самобытность, является весомый малоазийский (сельджукский) компонент. Первоначально основными носителями новых для региона архитектурных форм были анатолийские строительные артели и отдельные иноземные мастера, нисбы которых, по меньшей мере, двоих – Абдуль-Азиза и Ахуда указывают на происхождение из районов Северной Месопотамии (аль-Ирбили). Достаточно вероятным, что в отдельных случаях подтверждается письменными источниками, является прибытие специалистов непосредственно из Египта и, возможно, Средней Азии. Причём, если на начальном этапе заказчики могли рассчитывать главным образом на приезжих зодчих, владевших необходимыми знаниями о новых типах сооружений, то со временем их, несомненно, сменили местные умельцы, преимущественно, армяне, весьма искусные в строительном деле и обработке камня. Показателен пример монастыря Сурб-Хач близ Солхата, резной декор и отдельные архитектурные детали которого (сегментные арки проёмов, сталактитовые конхи) подобны тем, что применялись в относительно одновременных исламских постройках соседнего с ним города и имеют общее происхождение.

В зодчестве мусульманского Крыма представлены, как минимум, две архитектурно-строительные школы, одна из которых связана с анатолийской традицией, а другая – собственно золотоордынская – с культурой поволжских столиц, куда, как и в другие районы государства от Булгар до Северного Кавказа, этот стиль приходит из Средней Азии (Крамаровский, 1997, с. 104). Причем, если первая проявляется повсеместно и практически во всем, то вторая присутствует лишь в отдельных ее компонентах, таких как мавзолеи и майоликовый архитектурный декор.

При выяснении соотношения общего и особенного в архитектуре разных регионов Улуса Джучи важным является наблюдение М.Г. Крамаровского, согласно которому масштабы империи и разнообразие ландшафтных, исторических и цивилизационных особенностей предшествующих (надо полагать, и не только) эпох не могли не повлиять на формирование различий в облике городов и культурных провинций, складывающихся вокруг них, что, в свою очередь, позволяет избежать в дальнейшем явной идеализации отдельных положений в целом правильных, его же, итоговых выводов: «Расцвет золотоордынских городов приходится на эпоху ханов Узбека и Джанибека (1313–1357 гг.), во время правления которых в Хорезме, Крыму и на Северном Кавказе были созданы лучшие произведения исламской архитектуры Золотой Орды. С 1360 г. проявляются первые признаки «сползания» к затяжному кризису, закончившемуся

военно-политической катастрофой 1395 г., после которой вместе с заказчиками исчезают и наметившиеся, было, локальные архитектурные завоевания» (Крамаровский, 2009, с. 586). Последнее утверждение не бесспорно. Во-первых, Крым вполне мог избежать вторжения Тимура, равно как, позднее, и Едигея (Мыц, 2010, с. 45–63). Во-вторых, не приостановилось и культовое строительство. По свидетельству Эвлии Челеби, только в начале XV в. в столице крымского улуса появилось, по меньшей мере, две мечети – Эль-Хаджи Мухаммеда у Кефинских ворот (месяц реджебе 807 г.х. = 1404/05 гг.) и Али эль-Бекри рядом с текие Тахир-бея (месяц джумада уль-ахыра 825 г.х. = 1421/22 гг.) (Книга путешествия, 1999, с. 83). В-третьих, несмотря даже на дальнейшее осязательное изменение политической ситуации в регионе – возникновение относительно самостоятельного Крымского ханства и его включение впоследствии в состав Османской Порты, в результате чего «на смену левантийской толерантности пришла монокультура османской идеи» (Крамаровский, 1997, с. 105–106), нет ни малейших оснований для довольно категоричного вывода о полной утрате характерных особенностей культурного наследия, обозначенных как исчезнувшие «локальные архитектурные завоевания». Сельджукские строительные традиции, которые изначально были определяющими для золотоордынской архитектуры Крыма, оказались весьма устойчивыми и в новых условиях, что в той или иной степени получило свое выражение на самых разных по времени мемориальных строениях Бахчисарая – от раннего мавзолея Хаджи-Гирея (1501 г.) до поздней усыпальницы Бен-Юде-Султан (около 1778 г.), а также в предельно корректном отношении к сподвижкам, использованным при восстановлении солхатской мечети Узбека (1512/13 гг.). Упомянутые сооружения появились уже в период доминирования османской строительной культуры.

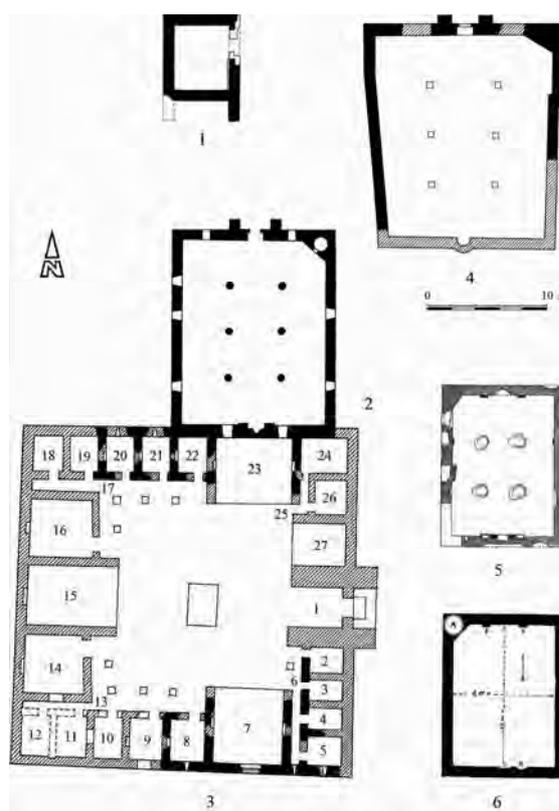

Рис. 1. Планы средневековых строений г. Старый Крым и Чуфут-Кале: 1 – безымянный мавзолей, 2 – т.н. мечеть Узбека, 3 – медресе Инджи-бей Хатун, 4 – т.н. мечеть Бейбарса, 5 – мечеть Чуфут-Кале (Боданинский, Засыпкин, 1929, рис. 2), 6 – мечеть Чуфут-Кале (Акчокраклы, 1928, рис. 9)

Рис. 2. Т.н. мечеть Узбека. На заднем плане – южный айван медресе. Общий вид с северо-востока. Фото И.Ф. Барщевского. 1888–1889 гг. (ГНИМА. № МРА-1620)

Рис. 3. Михраб т.н. мечети Узбека. Общий вид с севера. Фото И.Ф. Барщевского. 1888–1889 гг. (ГНИМА. № МРА-1623)

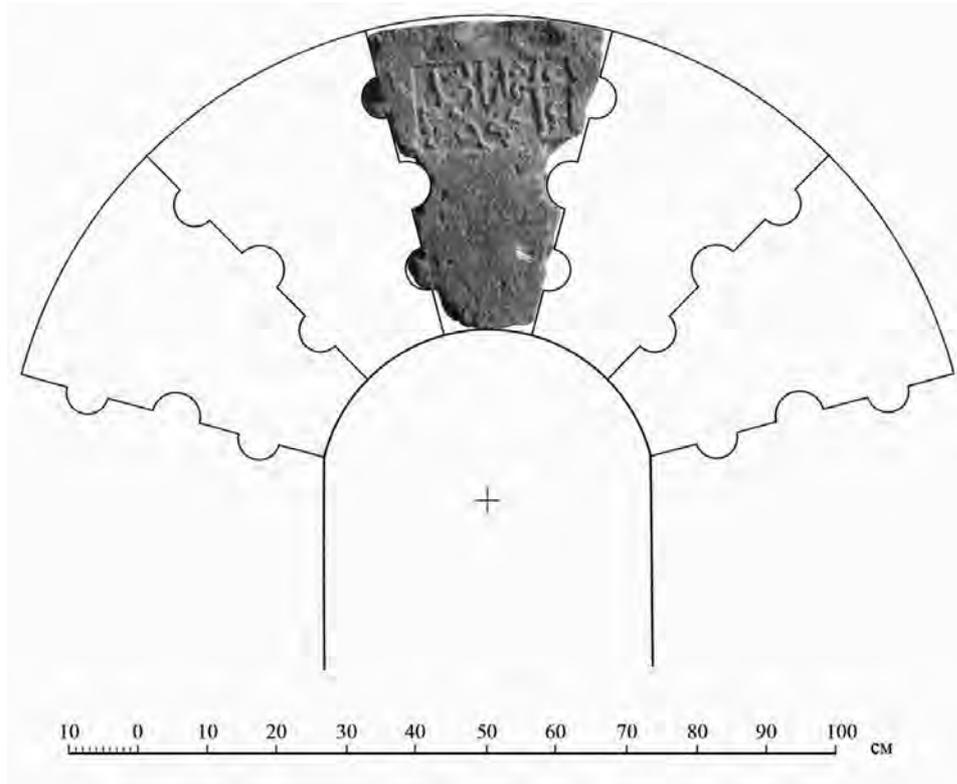

Рис. 4. Реконструкция арки с надписью на замковом камне
«Ахуд ибн Осман аль-Ирбили»

Рис. 5. «В Старом Крыму. Остатки школы» (Портал медресе, вид с юго-востока). Акварель М.М. Иванова. 1783 г. (РМ. № Р-30072)

Рис. 6. «В Старом Крыму. Остатки школы» (Внутренний двор медресе, вид с юга). Акварель М.М. Иванова. 1783 г. (РМ. № Р-30073)

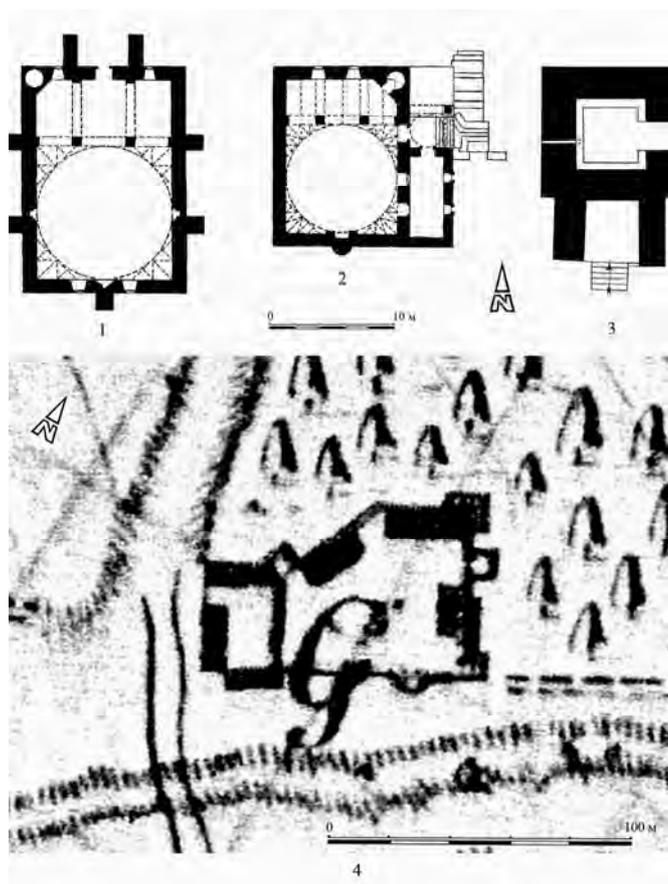

Рис. 7. Планы средневековых строений г. Старый Крым и Судак: 1 – Куршум-Джами (Засыпкин, 1927, черт. 8), 2 – мечеть Судакской крепости (Засыпкин, 1927, черт. 9), 3 – безымянный мавзолей на склоне г. Агармыш, 4 – т.н. караван-сарай, фрагмент плана 1783 г. работы И. Лютова (РГВИА. Ф. 846 ВУА. № 22608)

Литература

- Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. – Симферополь, 2001.
- Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 277–306.
- Абдульвапов Н.* Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. № 79. – Симферополь, 2006. – С. 140–149.
- Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. – 1928. – Т. 2. – С. 158–172.
- Башикиров А.С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. № 2. – М., 1926. – С. 108–125.
- Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 1–135.
- Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н.* Чуфут-Кале. (По материалам раскопок 1928–29 гг.) // ИТОИАЭ. – 1929. – № 3. – С. 170–178.
- Бороздин И.Н.* Солхат. – М., 1926.
- Голландский П.И.* Солхатские медресе и мечеть Абдуль-Азиза и особенности их архитектурных форм и техники / Научный архив КФ ИА НАНУ. – Симферополь, б.д.
- Григорьев А.П.* «Книга путешествия Эвлии Челеби» – источник по истории Крыма XIII–XVII вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. – Л., 1974. – С. 19–28.
- Домбровский О.И., Сидоренко В.А.* Солхат и Сурб-Хач. – Симферополь, 1978.
- Джанов А.В.* «Храм с аркадой» в Судак // Сугдейский сборник. Вып. II. – Киев; Судак, 2005. – С. 654–669.
- Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2 (4). – М.; Л., 1927. – С. 113–168.
- Зиливинская Э.Д.* Мечети Золотой Орды (Общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1998.
- Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. – Астрахань, 2011.
- Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. Т. 1. – М., 2003.
- Ихсаноглу Э.* Османские учебные и научные институты // История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2. – М., 2006. – С. 263–372.
- Кептен П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. – СПб, 1837.
- Кирилко В.П.* Памятника армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. – Симферополь, 2008. – С. 37–43.
- Кирилко В.П.* Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. – Азов, 2009. – С. 187–200.
- Крамаровский М.Г.* Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – М., 1987. – С. 131–132.
- Крамаровский М.Г.* Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 141–157.
- Крамаровский М.Г.* Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры. – М., 1990. – С. 124–127.
- Крамаровский М.Г.* Мавзолей и зияреты средневекового Солхата // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. – Екатеринбург, 1995. – С. 28–30.
- Крамаровский М.Г.* Исследование средневекового Солхата // АИК. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 164–165.
- Крамаровский М.Г.* Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // ТА. – 1997. – № 1. – С. 101–106.
- Крамаровский М.Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. – СПб., 2005.
- Крамаровский М.Г.* Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен. Т. III. – Казань, 2009. – С. 567–589.
- Крикун Е.В.* Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII–XX вв.). – Симферополь, 1998.

Маркевич А.И. Археологические исследования и раскопки в Крыму // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь, 2005. – С. 317–321.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2010.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М., 1996.

Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // ААИК. – Киев, 1988. – С. 115–128.

Смирнов В. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // ЗВОИРАО. Т. 1. – СПб, 1887. – С. 273–302.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. М., 2005.

Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII–XIV вв. // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев, 1974. – С. 162–173.

Сющук Ю.Г. Крымские медресе: типологическая атрибуция, структурные связи // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Вып. 1. – Одесса, 1999. – С. 121–125.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь, 2008.

Шуази О. История архитектуры. Т. 2. – М., 1937.

О ПОЛИХРОМИИ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ КЕРАМИКЕ: РЕАЛИИ И ФАНТОМЫ

В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, г. Москва

Полихромия – один из ярких признаков глазурованной художественной керамики, производившейся в золотоордынских городах Поволжья. Она составляет яркий феномен синкретичной золотоордынской культуры, впитавшей в себя традиции многих стран Ближнего и Среднего Востока. Заметно выделяясь на фоне других (ординарных) разновидностей посуды, изготавливавшейся в Восточной Европе, полихромная керамика Золотой Орды в то же время органично вписывается в художественную полихромную керамику Востока, что было очевидно для всех исследователей этой керамики (А.Ю. Якубовского, Э.К. Кверфельдта, Н.Н. Вактурской, Г.А. Федорова-Давыдова, Н.М. Булатова, К.М. Байпакова, Л.Л. Галкина, А.Н. Масловского, О.В. Кузнецовой, Н.Ф. Лисовой и др.). Вместе с тем, не так давно появилась новая гипотеза М.Г. Крамаровского, пытающегося расширить границы золотоордынской полихромной керамики, которая требует пристального внимания.

Поводом для появления упомянутой гипотезы стала атрибуция кубка с полихромной надглазурной росписью (рис. 1), обнаруженного при раскопках в г. Азове (золотоордынском Азаке). М.Г. Крамаровский, отвергнув атрибуцию этого изделия в качестве иранского фаянса «минаи», предложенную в первой и последующих публикациях памятника (Белинский, Масловский, 1998; Масловский, 2006), стал рассматривать этот кубок в качестве шедевра золотоордынских мастеров, синтезировавших в нем разнородные традиции керамического производства – иранских полуфаянсов «ладжвардина» и китайской керамики «цычжоу» (Крамаровский, 2005; 2007).

Концепция М.Г. Крамаровского была сразу же подвергнута критике (Волков, 2005; 2007; Коваль, 2009), после чего появилась новая статья, посвященная той же самой теме и проводящая те же идеи, что и две предыдущих, причем ответа на возражения оппонентов в ней не последовало, однако эти возражения все же не остались незамеченными (Крамаровский, 2010). В новой работе, которая была декларирована не как защита прежней концепции, а как «анализ основных линий генезиса и нового синтеза» этой же самой концепции, не только повторяются прежние аргументы (подвергнутые нашей критике), но и приводятся новые «линии» гипотезы. Главная из этих новых «линий» базируется на информация о двух кашинных изразцах с полихромной надглазурной росписью (относящихся к позднему варианту фаянсов «минаи») (рис. 2: 2), украшавших надгробие, обнаруженное недавно под мавзолеем Пирйар Вали (XIV–XVI вв.) в Куны-Ургенче (Хорезм), на основании чего сделано далеко идущее предположение о появлении нового полихромного золотоордынского стиля первоначально в Хорезме, а потом переносе его в Поволжье. Заявление о существовании «хорезмской полихромии» сделано, повторяем, на основании всего двух находок изразцов и приведенных аналогий им в декоре нескольких кашинных чаш «минаи» из раскопок Сарайчика (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 218–221). Далее автором концепции ставится вопрос об истоках этой «новой полихромии». Ответ дается сразу: «Кажется очевидным, что на формирование основных цветовых компонентов хорезмийских кашинных чаш повлияла поздняя двухцветная китайская керамика из печей Цычжоу пров. Хэбэй периода династии Цзинь (1115–1234), пришедшая в Хорезм на волне монгольской экспансии» (Крамаровский, 2010, с. 13). Далее дается пространное описание одной из разновидностей керамики Цычжоу и приводятся данные о ее находках в Китае и образцах из коллекций в музеях мира. На этом доказательный ряд гипотезы завершается. Не указано, известны ли находки керамики Цычжоу в Хорезме и имеются ли конкретные данные о том, каким образом волна монгольской экспансии донесла до Хорезма одну из многочисленных в Китае разновидностей керамики или хотя бы как эта разновидность оказала влияние на прикладное искусство страны, разоренной монгольским завоеванием.

Согласиться с этим заявлением невозможно. Предполагать на основании двух находок каких угодно артефактов их производство в месте (или регионе) обнаружения непозволительно

ни по каким логическим основаниям. Такое предположение требует развернутой аргументации, которая должна включать как минимум четыре позиции:

1) Наличие кроме этих двух находок значительной массы иных, подтверждающих неимпортный характер данной разновидности артефактов.

2) Наличие артефактов импортного происхождения, послуживших прототипами для изготовления тех предметов, для которых декларируется местное производство.

3) Обсуждение вопроса о конкретных местах производства (факты фиксации такого производства или объяснение их отсутствия).

4) Обсуждение вопроса о времени начала и продолжительности производства, а также условиях, способствовавших его появлению (миграция производителей, копирование собственными силами под мощным культурным влиянием и т.п.).

Рассмотрим каждую из этих позиций:

1. М.Г. Крамаровскому остались неизвестны другие находки изразцов «минаи» из раскопок Куня-Ургенча, которых на самом деле там больше, чем 2 – не менее нескольких десятков¹. Однако и такое число находок еще не может служить доказательством их производства именно на территории Хорезма, поскольку эти дорогие и высокотехнологичные изделия вполне могли быть предметом импорта (этот вопрос мы рассмотрим подробнее ниже). Что касается аналогий из Сарайчика, то они не могут подтверждать наличие «хорезмской полихромии», поскольку Сарайчик исторически не входил в состав Хорезма. Никаких следов производства этой керамики в Сарайчике не обнаружено, а предполагать ее привоз сюда из Хорезма можно ровно с такой же степенью достоверности, как и из Ирана, Азербайджана, Поволжья и т.д.

2. О наличии полихромной разновидности китайской керамики «цычжоу» на территории Хорезма ничего не известно, но даже если такие образцы найдутся (в чем не будет ничего удивительного – торговые связи внутри империи Чингисхана были весьма развитыми), это не изменит общей ситуации – единичные находки импортов, даже самых высокохудожественных, еще не являются свидетельствами «заимствования» и восприятия чуждой орнаментики (или колористических схем), которые требуют личных контактов художников, украшавших керамику своей росписью и мощного культурного синтеза, который ни на каких других материалах для Хорезма и Китая не прослеживается. Более того, как справедливо замечено И.В. Волковым, в золотоордынских столицах на Волге хорошо известна другая разновидность «цычжоу», с черно-коричневой росписью по белому фону, ввозившаяся сюда из Китая, но не найдено ни одного образца местной керамики, копировавшей декор или хотя бы цветовую гамму этой разновидности «цычжоу-яо» (Волков, 2007, с. 10).

3. Места производства изразцов «минаи» в Хорезме не обнаружены и даже нет никаких гипотез о возможных пунктах таких производств.

4. Керамика «цычжоу» эпохи Цзинь (1115–1234 гг.) вряд ли могла повлиять на хорезмские керамические традиции, поскольку она производилась в эпоху, предшествовавшую монгольскому завоеванию Хорезма и в период этого завоевания. Поэтому здесь правильнее было бы говорить о «цычжоу-яо» эпохи Юань, продолжившей более ранние традиции эпох Сун и Цзинь. Однако нет никаких реальных свидетельств, указывающих на переплетение китайских и хорезмских традиций в гончарстве или художественной культуре. Рассуждения же о «бивалентной палитре» китайской росписи, которая «не прижилась» (а с чего бы ей приживаться?) в Хорезме, но будто бы вызвала принятие китайской техники надглазурной росписи (которая применялась не только в Китае, но и в Иране, других странах Азии и Европы) и двухцветной схемы, к которой «добавились» кобальт и золото (как произошло это «добавление», не разъясняется) выглядят слишком умозрительно, чтобы им доверять.

Таким образом, гипотеза М.Г. Крамаровского о Хорезме как родине «новой полихромии», воспринявшей колористическую схему китайской керамики «цычжоу», не находит никакого реального подтверждения в конкретном материале. Критику этого формального и чисто искусствоведческого подхода, оторванного от каких бы то ни было материальных свидетельств, уже приходилось высказывать (Коваль, 2009, с. 142–144). Можно к этому лишь добавить, что срав-

¹ Благодарю Е.А. Армарчук (ИА РАН) за информацию об этих находках.

нение обнаруженных в Ургенче изразцов «минаи» (равно как и находок столовой посуды с таким декором в Поволжье, Азаке и Сарайчике) с китайской «цычжоу-яо» показывает, что вся стилистика их орнаментики не имеет между собой ничего общего: китайская посуда расписана в натуралистичной манере, мастерами, виртуозно владевшими кистью, тогда как «минаи» с территории Золотой Орды – методом тиражирования отдельных старательно выписанных типовых элементов в стиле, который М.Г. Крамаровский метко назвал «аппликативным» – эти элементы действительно похожи на графаретные элементы, как бы «наклеенные» на орнаментальное поле (рис. 2). Между «цычжоу-яо» и «минаи» XIV в. есть только одна черта сходства – это широкое использование в рисунке красного тона. Однако на китайской керамике он сочетается только с зеленой краской, а в «минаи» – с синей и аппликациями золотой фольги (зеленый тон встречается и здесь, но крайне скупо). Думается, что рассматривать одно-единственное совпадение в качестве решающего аргумента для определения каких бы то ни было культурных влияний, недопустимо. Тем более что красная краска широко использовалась в «минаи» и до монгольского завоевания (рис. 3: 1, 2), так что ни о каком ее «появлении» в XIII в. не может быть и речи. Правда, в домонгольскую эпоху применялся в основном красный цвет темного тона (иногда почти коричневый), тогда как в XIV в. стал использоваться яркий «коралловый» оттенок. Можно назвать и иные различия между «минаи» XII и XIV вв., к которым китайская керамика не имеет отношения.

Итак, никакого вопроса о влиянии китайской керамики «цычжоу» на фаянсы «минаи» просто не существует, поскольку нет ровно никаких свидетельств этого влияния. Конечно, никому нельзя запретить думать, что широкое использование ярко-красного тона творцы «минаи» восприняли из «цычжоу-яо», но если использовать такой формальный подход, то это неизбежно приведет к самым фантастическим результатам. В частности, почему бы тогда не утверждать, что красная краска на иранской «ладжвардине» также заимствована из «цычжоу-яо», ведь она имеет такой же яркий тон. Китайская художественная керамика оказывала мощное влияние на орнаменту фаянсов Ближнего и Среднего Востока на протяжении долгого времени – от эпохи Тан до эпохи Мин, т.е. более 600 лет, и прослеживается по целому ряду самых популярных на Востоке изделий (вспомним, хотя бы сине-белый фарфор и аналогичные восточные фаянсы, технику декора «грэндери», селадоны и их дериваты), однако это влияние ощущали далеко не все разновидности восточного керамического производства. В частности, такие самобытные для Востока типы керамики, как люстровые фаянсы, «минаи», «ладжвардина», в наименьшей степени испытали на себе воздействие китайской *керамической* орнаментики (именно керамической, поскольку другие линии воздействия, в частности, со стороны декора китайских шелков, ощущаются очень сильно). В этой связи важно авторитетное мнение А. Лэйна, который еще в середине прошлого века предостерегал от чрезмерного увлечения поисками китайского влияния в керамическом производстве на гончарство Ближнего и Среднего Востока (Цит. по: Волков, 2006, с. 420, 421).

Поиски цветовых совпадений и извлечение из них выводов о различных «влияниях» увели М.Г. Крамаровского еще дальше – в область гипотез о воздействии «ордынской керамики нового стиля» (читай: «минаи» середины XIV в.) на «сложение цветового строя изникских фаянсов стиля Дамаск (Турция, ок. 1550 г.)» (Крамаровский, 2010, с. 17). Поскольку между изделиями стиля «Дамаск» (с сине-бирюзово-марганцевой гаммой росписи) и рассматриваемой здесь керамикой «минаи» (или, если угодно, «полихромными фаянсами») нет вообще никаких черт сходства, надо полагать, что на самом деле М.Г. Крамаровским имелись в виду изделия стиля «Родос», в декоре которых стал широко применяться красный тон. При этом исследователя не смутил 200-летний хронологический разрыв между «минаи» XIV века и турецкими фаянсами стиля «Родос» второй половины XVI в., а также разная технология нанесения красной краски (надглазурная эмалевая роспись в «минаи» и подглазурная ангобная в турецких фаянсах), равно как и полное отсутствие стилевых совпадений в орнаментике. Применение красной краски – важный, но в данном случае формальный признак – затмил собой все остальные. Не ясно только, почему истоком турецкой красной колористики названа золотоордынская керамика, а не китайская «цычжоу-яо»? Если строго следовать предложенной «логике», то вывод нужно бы делать именно такой. Здесь неуместно отвлекаться для рассмотрения данной про-

блемы, но, конечно же, истоки османской полихромии надо искать не в формальных совпадениях использовавшихся оттенков росписи, а в технологии производства керамики и нанесения декора, наконец, в стилистической преемственности орнаментальных традиций, а все эти признаки, безусловно, уведут оттоманские фаянсы к сирийским истокам, а вовсе не к фантастическим трансвременным связям с золотоордынским художественным гончарством, занимавшим, при всей своей яркости и индивидуальности, безусловно, маргинальную позицию в искусстве стан Востока.

Однако вернемся к «новой ордынской полихромии» М.Г. Крамаровского, новые «линии» которой не ограничиваются «хорезмской гипотезой». Так, прокламируется некая таинственная связь «монгольской хорезмской» (!)¹ и поволжской керамических школ. Ничего конкретного об этой связи не говорится, но делается заявление, о том, что из Хорезма «эта технология [надглазурной полихромной росписи. – В.К.] попадает в золотоордынские города Поволжья». Как и когда это происходит, кто были носители такого переноса технологии, являвшейся главным секретом средневековых мастеров, не объясняется, но для того, чтобы эта «линия» не выглядела реставрацией старой гипотезы А.Ю. Якубовского о хорезмских мастерах, как зачинателях поволжского керамического производства, М.Г. Крамаровский заявляет, что разделяет наблюдение Г.А. Федорова-Давыдова о самостоятельном, независимом от Хорезма, развитии поволжской керамики в Золотой Орде (Крамаровский, 2010, с. 15). Однако, несмотря на это заявление, такую «линию» трудно рассматривать иначе, чем полную ревизию взглядов Г.А. Федорова-Давыдова. В науке допустимы любые ревизии, но они должны подкрепляться системой доказательств. В данном случае не представлена не только система, но и сами доказательства. Если обратиться к конкретному материалу, то станет очевидным, что у А.Ю. Якубовского было в сотни раз больше оснований для выдвигавшейся им гипотезы, поскольку сходство между поливной керамикой золотоордынского Поволжья и Хорезма прослеживается не по двум (как в «новой линии») и не по сотням экземпляров (если учитывать все находки «минаи» на территории Золотой Орды), а по тысячам и десяткам тысяч образцов гончарной продукции, относившейся к самым массовым разновидностям столовой посуды – кашинной керамике с полихромной (черно-синей, зелено-синей) росписью, а также с росписью ангобом, с бирюзовой глазурью и др. Логика рассуждений А.Ю. Якубовского, по крайней мере, понятна и базировалась на массовом материале.

Дискуссия о происхождении золотоордынского художественного стиля, видимо, еще будет продолжаться, по мере накопления нового материала. Но пока нет достаточных оснований для пересмотра глубоко продуманной позиции Г.А. Федорова-Давыдова, рассматривавшего хорезмскую керамику в качестве сегмента золотоордынской (наряду с поволжским сегментом), развитие которой происходило в едином русле трансформаций. Правда, поволжское керамическое производство сегодня изучено несравнимо лучше хорезмского, так что корректных сравнений между ними проводить невозможно. К великому сожалению, единичные находки с территории Хорезма, спорадически попадающие сейчас в публикации, не способны всерьез преобразовать представления об этом, несомненно, своеобразном производстве взамен того, которое было сформулировано более полувека тому назад Н.Н. Вактурской (1959).

Попутно остановимся еще на одной неточной атрибуции, прозвучавшей в новой статье М.Г. Крамаровского, которая способна ввести в заблуждение читателей. Речь идет об отнесении глазурей рассматриваемого типа керамики к «свинцовым» на основании исследования двух образцов методом рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) в отделе научно-технической экспертизы Эрмитажа (Крамаровский, 2010, с. 16, прим. 15). Глазури иранской и золотоордынской керамики изучаются уже продолжительное время разными исследователями, установившими, что они относятся к классу щелочных, причем среди них выделяется группа **щелочно-свинцовых** глазурей, к которой принадлежат все непрозрачные поливы фаянсов (люстровых, «минаи» и иных типов). Свинцовыми же глазурями называют такие покрытия, которые практически не содержат щелочных элементов (натрия и калия) и которые на кашинной основе никогда не применялись. Поскольку интерпретация результатов анализа содержалась в заключении лаборато-

¹ Видимо, так неудачно названо хорезмское гончарство золотоордынской эпохи.

рии, такая явная ошибка требует объяснения. Разумеется, не зная самих результатов (данные лаборатории в табличной форме не опубликованы), а имея только вывод, нельзя дать однозначный ответ, на каком этапе была допущена эта ошибка, но можно предложить наиболее вероятный вариант такого объяснения. Поскольку метод РФА предусматривает исследование тонкого поверхностного слоя глазури, а именно ее поверхность подвержена процессу выщелачивания (потери глазури атомов натрия и калия) под действием естественных причин при долгом нахождении в земле с агрессивной средой, можно думать, что на поверхности исследованных образцов щелочных элементов почти не осталось, а доля свинца за счет этого сильно повысилась. Подобные ошибки хорошо известны в археометрии (Френкель, 2011, с. 9). Интересно, что называя в одном месте глазури «минаи» свинцовыми, в другом они расцениваются как щелочные (по отношению к образцам из Сарайчика и исходя из наблюдений за внешними признакам глазурного покрытия) (Крамаровский, 2010, с. 13, прим. 4), чем вносится окончательная путаница в этот и без того сложный вопрос¹. Наконец, без всякого объяснения оставлено в публикации таинственное выражение «бесфлюсная краска» (Крамаровский, 2010, с. 15) относительно черного контура рисунка, так называемого «мертвого края». Отмечено только, что РФА показал красителем в ней окись кобальта (Крамаровский, 2010, с. 16, прим. 15).

Теперь обратимся к той критике, которая была ранее уже высказана в адрес концепции М.Г. Крамаровского и которая не получила ответа с его стороны. В отношении формы азакского кубка И.В. Волковым было высказано экспертное суждение о полном отсутствии аналогий его форме (и в особенности – высокому коническому поддону) среди продукции мастерских поволжских городов Золотой Орды, а также указаны прямые аналогии этой форме среди однозначно иранских (в частности, люстровых) изделий и даны ссылки на соответствующую литературу (Волков, 2006, с. 418, рис. 1, 2). Более того, сам М.Г. Крамаровский в своих собственных статьях приводит аналогии форме азакскому кубку в керамике Ирана, Сирии и Египта (Крамаровский, 2005, с. 230; 2010, с. 16), но не дает ни одной подобной аналогии с территорией Золотой Орды. И не удивительно – их просто нет.

Второе важное наблюдение состояло в том, что на золотоордынской керамике нет изображений птиц («фениксов») в той манере исполнения, которую демонстрирует азакский кубок – с крыльями «в изломе», хохолком, длинным хвостом, зато такие изображения известны на персидской посудной керамике «султанабадского типа» (Волков, 2006, с. 418–419) и изразцах ильханской эпохи (люстровых и типа «ладжвардина») (рис. 3: 3–6). Сами же эти изображения фениксов, как и пионы, присутствующие на азакском кубке, копировались в Персии не столько с керамики², сколько китайских шелковых тканей, широко распространенных на всем Востоке (Шелковый путь..., 2007, с. 110). Именно для иранской керамики XIV в. (люстровой, полихромной «султанабадского» типа и др. разновидностей) как раз и было характерно широкое использование китайских мотивов – фениксов (рис. 3: 3–6), пионов, лотосов, «китайских облаков», что является характерной чертой искусства ильханского Ирана (Масленицына, 1976, с. 175, 176; Стародуб, 1983, с. 12). М.Г. Крамаровский назвал сравнение «фениксов» на азакском кубке и на иранской керамике XIV в. «школярским» (Крамаровский, 2010, с. 16), с чем трудно не согласиться – ведь оно очевидно любому, даже не слишком искушенному, исследователю. Однако этой пренебрежительной ремарки недостаточно для того, чтобы его игнорировать или опровергать. Попробуем разобраться в этом вопросе более подробно.

Если фениксы на азакском кубке стилистически идентичны фигурам этих фантастических, но обладающих вполне устоявшейся иконографией (хохолком на голове удлинённых пропорций, распрямленные крылья с изломом посередине, концы которых опущены вниз, длинный хвост из отдельных «ленточных» перьев) птиц на «султанабадских» сосудах (рис. 3: 3–4), то феникс на ургенчском изразце (рис. 2: 2) выполнен в очень своеобразной манере. Его фигура стилизована

¹ См. рассмотрение аспектов этой проблемы (Коваль, 2010, с. 19)

² Нельзя сказать, что фениксы вообще не встречаются на китайской посуде. Напротив, они известны, например, на изделиях «коричневой» разновидности цычжоу-яо, где их изображения сопровождаются обязательно рисунком дракона (Li, 2006, fig. 389, p. 206). Однако на «красно-зеленой» разновидности этой керамики такие рисунки обнаружить не удалось. Совершенно очевидно, что в Персии копировался образ, а не конкретные сюжетные композиции.

и огрублена до предела, при этом она заметно отличается от трактовки фениксов на иранских звездчатых изразцах всех типов (люстровых, «минаи», «ладжвардина», монохромных – рис. 3: 5, 6; 4: 2, 4), где фениксы всегда изображались с очень пышным хвостом, занимавшим до половины площади изразца. На ургенчском изразце феникс похож на изображения таких птиц на азакском кубке и «султанабадских» чашах (рис. 1; 3: 3, 4), однако в еще более примитивизированной форме. Конечно, эта форма отличается от известных на других иранских изделиях трактовок феникса, но надо иметь в виду, что фаянсы «минаи» эволюционировала своим собственным путем, не повторяя «султанабадские» образцы, а развивая те же исходные импульсы, что перерабатывались всей керамикой Ближнего Востока в XIII–XIV вв. Сравнение ургенчского изразца, например, с бирюзовым «минаи» из Тахт-и-Сулеймана (рис. 3: 5) показывает совпадение многих деталей (например, трактовки концов крыльев феникса). Нельзя также не отметить композиционного сходства с люстровым изразцом из Тахт-и-Сулеймана (рис. 4: 3). Значит, творец ургенчского изразца был осведомлен об основных канонах таких изображений, но показал птицу все же в привычной для рисунков на чашах манере. Значит, сам этот сюжет был для него делом новым, не ставшим еще привычным. В то же время, растительный декор на ургенчском изразце имеет множественные параллели с орнаментацией посудной керамики (рис. 4: 5, 6).

Почему же все-таки «попытка омоложения верхней даты иранской керамики минаи», предпринятая В.Ю. Ковалем, оказалась, по мнению М.Г. Крамаровского, безуспешной (Крамаровский, 2010, с. 17)? По одной простой причине – из-за различия между искусствоведческим и археологическим подходами к определению самой дефиниции фаянсов «минаи». С точки зрения антикваров XIX в. и ряда искусствоведов XX в., «минаи» – это фаянсы домонгольской эпохи с полихромной надглазурной росписью в 7 красок с почти «обязательными» изображениями людей и животных, ведь именно так («минаи») называли эти изделия иранские кладочискатели, поставлявшие свою добычу на антикварные рынки Европы и Америки. Соответственно, вся более поздняя керамика, изготовленная по той же технологии, к фаянсам «минаи» не относится, а выделяется в некую группу полихромных изделий. Г.А. Федоров-Давыдов также отделял «подражания керамике типа «минаи» с надглазурной полихромной росписью по белой опакующей поливе и позолотой от «собственно иранской керамики типа «минаи» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 126; 1994, с. 122, 123), однако специально вопросами генезиса фаянсов «минаи» он не занимался и вынужденно ориентировался на авторитет искусствоведов, кроме того, в его распоряжении были некоторые основания для предположения о местном поволжском производстве поздней разновидности фаянсов этого типа (см. ниже).

С точки зрения ряда современных исследователей (автора, И.В. Волкова, А.Н. Масловского), «минаи» – это фаянсы с особой технологией нанесения росписи, стилистика и колористическая схема которой менялась на протяжении времени и особенно сильно – в ходе монгольского завоевания Ирана (правда, не благодаря привнесению китайских технологий и стилистики, а из-за изменений в ментальности персидского общества и соответствующих им трансформаций в художественной культуре). Интересно, что те же искусствоведы, отделяя домонгольскую «минаи» от более поздних образцов, не проводят такого же разделения для люстровой керамики, т.е. не отрицают того очевидного факта, что люстровая роспись производилась в XIII–XIV вв. (и позже, до XVIII в.) по той же самой технологии, что и в XII в., несмотря на огромные трансформации в орнаментике и стилистике декора люстровых фаянсов.

Разумеется, искусствоведческая традиция разделения «минаи» на «чистые», «настоящие», домонгольские фаянсы и изделия более поздней эпохи, впитанная сотнями современных исследователей, вряд ли может быть поколеблена нашими аргументами. Однако абсурдность этой традиции настолько очевидна, что отказ от нее неизбежен. Сегодня самый поздний образец, признаваемый искусствоведами за «минаи», датируется 1242 г. (Soustiel, 1985, p. 96), т.е. отделен всего 10 годами от захвата Ирана монголами и 58 годами от составления трактата аль-Кашани, в котором дается подробнейшее описание керамики с росписью в 7 красок (на фарси – «хафт ранг»), которую еще Фридрих Сарре идентифицировал с «минаи». Фактически континуитет «минаи» уже не вызывает сомнений. Ведь сложнейшая технология изготовления такой керамики не могла «забываться» и «вспоминаться» с интервалами в 50 лет.

Теперь мы вплотную подошли к вопросу о самой возможности изготовления фаянсов с надглазурной полихромной росписью в Золотой Орде. В прошлой работе (Коваль, 2009) уже отмечалось, что хотя такая возможность, безусловно, не может отбрасываться, производителями этой керамики могли быть только персидские мастера, где бы они не проживали в момент производства такой керамики. Каковы же действительные аргументы против иранского производства поздних фаянсов «минаи» и за золотоордынское их происхождение (специально подчеркнем, что эти аргументы М.Г. Крамаровский не приводит)?

1. В опубликованных коллекциях из музеев мира и музейных собраниях Ирана не известны образцы поздней керамики «минаи», идентичные находкам посуды и изразцов в Поволжье и Хорезме. Это сильный аргумент в пользу золотоордынского происхождения такой керамики, но он не должен абсолютизироваться. Во-первых, в каталоги музеев попадают далеко не все сосуды, а только наиболее интересные, как правило, с сюжетными изображениями. Сосуды с растительным декором на этом фоне явно проигрывают, хотя количественно именно они всегда преобладали в продукции гончарных центров. Именно такая разновидность «минаи» домонгольской эпохи абсолютно преобладает в археологических коллекциях из Рея, хранящихся в Тегеранском музее «Ирани Бастан» (рис. 3: 2). Раскопки памятников ильханского времени в Иране стали проводиться лишь в недавнее время и в небольшом числе пунктов, а публикации этих материалов малоизвестны. Даже материалы из раскопок германской экспедицией дворца ильханов в Тахт-и-Сулеймане опубликованы крайне фрагментарно. Между тем, результаты новейших раскопок, например, мавзолея ильхана Олджейту (правил в 1304–1316 гг.) в Султанье, показали, что в начале XIV в. здесь широко применялись изразцы с полихромной надглазурной росписью по бирюзовой глазури¹, составлявшие относительно редкую разновидность фаянсов «минаи». К сожалению, не известно, встречены ли здесь при раскопках другие разновидности этих фаянсов. Поскольку в ильханский период могли произойти перемещения мастеров из одних городов в другие, нельзя исключать того, что производители «минаи» не оставались в Кашане, а могли переезжать вслед за правителями в чередовавшиеся столицы Ильханов (Багадад, Марагу, Тебриз, Султанью), либо оказаться в других частях Ирана (например, в Гиляне, археологические материалы средневековой эпохи из которого вообще не известны). Иначе говоря, пока данных о керамике Ирана ильханского периода явно недостаточно для формулирования вывода об отсутствии производства фаянсов «минаи» на территории Персии в XIV в.

2. Многочисленные находки поздних фаянсов «минаи» в золотоордынских городах Поволжья и, как теперь выясняется, в Ургенче. Но каково это количество? По подсчетам Н.М. Булатова, на Селитренном и Царевском городищах они составляли 4–5%, преобладая даже над «ладжвардиной» (Булатов, 1968, табл. 2), т.е. несколько сот обломков от сотен различных сосудов и изразцов. Это действительно очень большое количество, заставляющее задуматься о возможности производства части такой керамики в Поволжье, однако его нельзя считать настолько большим, чтобы исключалась сама возможность ввоза этой керамики из-за границы (Ирана). К тому же, вызывает сомнения столь высокая доля «минаи» в керамических комплексах, которая не фиксировалась при последующих раскопках никем из исследователей и может объясняться спецификой тех раскопок, материал которых был использован Н.М. Булатовым. Меньший же процент находок вполне сопоставим с импортным происхождением такой керамики.

3. Находки браков фаянсов «минаи» около горна 12 в гончарной мастерской раскопа II на Селитренном городище (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 199). К сожалению, эти браки не были отражены в публикации – нет не только их фотографий, но и хотя бы краткого описания. Г.А. Федоров-Давыдов и Н.М. Булатов были убеждены в том, что в данной гончарной мастерской были найдены браки всех видов керамики, за исключением люстровой. Однако настораживает обилие этих браков – ведь производство кашинной посуды, относившееся к сфере высокого мастерства, не должно было давать массового брака. Тем более редок должен быть брак фаянсов «минаи» на финальном этапе их производства², когда надглазурная роспись уже нане-

¹ Эти образцы представлены во временной экспозиции, развернутой внутри мавзолея Олджейту.

² Браки кашинной керамики, зафиксированные при раскопках в разных странах Востока, относятся к изделиям, требовавшим только одного обжига (с подглазурной росписью, подглазурным рельефом и т.п.). Именно

сена и надо лишь провести последний обжиг при относительно невысокой температуре. Конечно, малейшее отклонение в температурном режиме могло привести к появлению брака – «потекла» бы надглазурная роспись. Но таковы ли были те «браки» фаянсов «минаи», которые были найдены около горна 12? К тому же отличить этот брак от результата любого пожара можно было бы только при наличии печного припаса, слипшегося с поврежденными сосудами. Если же речь шла о разрушении всего сосуда, то оно не могло возникнуть при низкотемпературном обжиге и является как раз свидетельством вторичного, не связанного с производством, пережога изделия. К сожалению, именно эти важнейшие детали и не были отражены в публикации, даже в виде описания. Если же в данном случае за браки были приняты следы пожара, повредившего склад или кладовую богатой усадьбы, то единственный твердый аргумент в пользу местного производства фаянсов «минаи» исчезнет. Случаи же ошибочной трактовки обожженных в пожаре изделий в качестве «браков» слишком хорошо известны в отечественной историографии – достаточно вспомнить мнимое «открытие» производства люстровых фаянсов в Мерве (Пугаченкова, 1960).

4. Сходство профилировки и качества кашинной массы большинства поволжских (по месту находки) сосудов «минаи» с характерными изделиями поволжского производства. Действительно, такое сходство прослеживается для многих образцов, однако имеются также сосуды, кашин которых был приготовлен с гораздо более высоким качеством (мелкопористый, «мягкой» текстуры), отличающимся от поволжской продукции. Надо также учитывать общее снижение качества кашина в ильханском Иране на протяжении XIV в., из-за чего иранский и золотоордынский кашины часто визуально неразличимы. Более значимо сходство массовой золотоордынской кашинной керамики профилировки (слегка отогнутые края чаш) и некоторых изделий «минаи». Однако и оно не может служить решающим аргументом в пользу местного производства.

5. Перевозка значительных объемов хрупкой кашинной керамики и, в особенности, – тяжелых фаянсовых изразцов, на большие расстояния, из Ирана в Хорезм и Поволжье, считается маловероятной. Действительно, такие перевозки – дело непростое. Но они все же производились, и притом – на очень большие расстояния. Начиная с Ирана, где эти перевозки исчислялись сотнями километров по пересеченной гористой местности, и заканчивая Русью, куда иранская керамика регулярно привозилась с XII по XVIII вв., хотя острой потребности в ней там не существовало вовсе. Среди прочих импортов, на Руси известны и 18 обломков от 9 различных сосудов «минаи» XIII–XIV вв. (Коваль, 2010, с. 50–51). Доставка же в Поволжье этой керамики шла, вероятно, в основном по морю, где опасность ее повреждения была ниже. Нельзя забывать и о том, что в самой Золотой Орде керамика и изразцы перевозились на большие расстояния: первая – при перекочевках, а вторые – в тех случаях, когда строительство проводилось вдалеке от Поволжья. Яркий пример последнему – мавзолей у пос. Красный в Среднем Подонье с богатым внешним декором из кашинных мозаик и штампованных плиток, привезенных из Поволжья, т.е. за несколько сот километров (Цыбин, 2007, с. 114, 115)¹.

Итак, надежных аргументов, подтверждающих реальное существование производства фаянсов «минаи» на Селитренном городище пока нет, хотя косвенные данные указывают на возможность такого производства. Впрочем, есть и иные, тоже косвенные, признаки изготовления такой керамики исключительно иранскими мастерами. Прежде всего, это близкое сходство сарайских изразцов бирюзового варианта «минаи» с несомненно иранскими изделиями, найденными при раскопках мавзолея Олджейту и в других местах Ирана, судя по коллекции музея Мосаллы Мохаддама (Тегеран).

Второй признак – присутствие именно на фаянсах «минаи» не стилизованных (как в поволжской керамике), а вполне грамотных, читаемых, арабских надписей. В частности, на уже

при этом первом обжиге нарушения температурного режима приводили к деформации сосудов, появлению на них трещин, делавших их непригодными к использованию. Поэтому и в данном случае следовало бы ожидать появления браков белых (или белых с синей внутриглазурной росписью) заготовок будущих сосудов «минаи», на которые еще не была нанесена надглазурная роспись эмалями и красками.

¹ Раскопки этого памятника проводились М.В. Цыбиным (г. Воронеж), которому пользуюсь случаем выразить признательность за ценную консультацию.

упоминавшейся чаще из Сарайчика была нанесена надпись, содержащая персидские стихи и дату изготовления сосуда (764 г.х. = 1362/1363 гг. Р.Х.). Среди керамики золотоордынского Поволжья и Хорезма не известно местных изделий с подобными грамотными надписями, тем более, включавшими персидские стихи. Все изделия такого рода (включая изразцы) всегда справедливо рассматривались исследователями как продукция персидских мастеров (Федоров-Давыдов, 1976, илл. 82). Нет оснований делать исключение и для находок из Сарайчика. В иранской стилистике выполнены и редчайшие изображения людей и животных, встречающиеся на поздней «минаи», во всяком случае, никаких аналогий в золотоордынской орнаментике им не известно.

Подведем некоторые итоги. Поздние фаянсы «минаи», обнаруженные в Ургенче, Сарайчике, Маджаре и поволжских столицах Золотой Орды составляют единое художественное явление, непосредственно связанное с иранской школой фаянсов «минаи», существовавшей в XII–XIV вв. Никакого влияния китайской керамики «цычжоу» на них не прослеживается, хотя орнаментика их связана с популярными на шелковых китайских *тканях* мотивами фениксов и пионов. Фаянсы «минаи» XIV в. не принадлежат к синкретическому по происхождению стилю декора золотоордынской кашинной керамики, а демонстрируют последовательное развитие иранских орнаментальных схем, выполнявшихся высокообразованными художниками, знавшими персидские стихи и прекрасно владевшими арабским письмом. Где размещалось производство фаянсов «минаи» в 1230–1360-х годах, не вполне ясно. Бирюзовая разновидность «минаи» несомненно производилась в Иране (судя по находкам в Султание). Только в Иране могло сохраняться и производство фаянсов «минаи» с белой непрозрачной поливой, как фоном росписи, однако в каком именно из городов Ирана продолжалось такое производство, пока неясно. Нельзя исключать и того, что на какое-то, очень непродолжительное, время (не более 10–15 лет) производство этой керамики могло переместиться из Ирана в Золотую Орду. Непродолжительное, поскольку оно не успело воспринять местную, уже вполне сложившуюся, орнаменттику. Когда, где и почему могло произойти такое перемещение? Единственным временным отрезком для этого можно считать период между смертью девятого ильхана Абу Саида в 1335 г. и гибелью последнего ильхана Туга-Тимура в 1353 г., либо сразу после этого, т.е. в период крайней дестабилизации положения в Иране, где происходили кровавые столкновения в ходе развала государства ильханов. Спасаясь от этих событий, изготовители «минаи» могли перебраться в столичный ордынский Сарай. Может быть, именно по этой причине все датированные (по надписям или стратиграфическим данным) находки этой разновидности «минаи» относятся к 1360-м годам (находки в Азове, Сарайчике, Великом Новгороде). Однако 1360-е годы оказались далеко не самыми благоприятными для сохранения высокого керамического искусства в Орде. Наступившая феодальная война не только дезорганизовала внутренний рынок государства Джучидов, но и принесла гибель массам городского населения. Финал производства фаянсов «минаи» можно видеть в физическом уничтожении (или новом бегстве) мастеров, владевших технологическим секретом «минаи» (надглазурной росписи эмалями и прозрачными глазурями).

Где именно закончилась жизнь последних носителей традиции изготовления «минаи», неясно, но вряд ли они пережили 1370–1380-е годы, поскольку в более позднюю эпоху такая керамика уже более никогда и нигде не производилась. В XV в. изготавливались облицовочные плитки и посуда, украшенные накладным декором из золотой фольги – они известны в Турции, в отделке мавзолей султана Мехмета I в Бурсе (1419 г.) и в Иране (Голубая мечеть в Тебризе), однако этот декор уже никогда не сопровождался росписью полихромными глазурями. Богатая полихромия османской Турции и сефевидского Ирана пользовалась либо подглазурной росписью, либо отдельным нанесением разноцветных глазурей (техника «*cuerta seca*»). Секреты и навыки изготовления «минаи» оказались забыты навсегда.

Литература

Белинский И.В., Масловский А.Н. Некоторые редкие импорты поливной керамики Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. – Симферополь, 1998

- Булатов Н.М.* Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. – 1968. – № 4.
- Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. 4. – М., 1959.
- Волков И.В.* Об определениях керамики и азовском сосуде в технике минаи // ИАИАНД в 2005 г. Вып. 22. – Азов, 2006.
- Волков И.В.* Массовая керамика золотоордынских городов: информативные возможности и проблема сохранения наследия // Средневековая археология евразийских степей. Т. II. – Казань, 2007.
- Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др.* Древнемонгольские города. – М., 1965.
- Кверфельдт Э.К.* Керамика Ближнего Востока. – Л., 1947.
- Коваль В.Ю.* О керамике «минаи» // Средневековая археология Поволжья (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 4). – Йошкар-Ола, 2009.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. – М., 2010
- Крамаровский М.Г.* Алые пионы Эдема. О полихромии в керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // АДСВ. – 2005. – Вып. 36.
- Крамаровский М.Г.* Кубок из Азака. О полихромии в керамике Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Т. I. – Казань, 2007.
- Крамаровский М.Г.* Феникс из Ургенча. К проблеме полихромии в керамике Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010.
- Масленицына С.П.* Начало нового периода средневековой керамики Ирана (XIV в.) // Искусство и археология Ирана. Вып. II. – М., 1976.
- Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. – Азов, 2006.
- Носкова Л.М.* Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976.
- Пугаченкова Г.А.* К открытию люстровой керамики Мерва // Изв. АН Туркм. ССР. Серия общественных наук. № 4. – Ашхабад, 1960.
- Самашев З., Кузнецова О.В., Плахов В.В.* Керамика Сарайчика. – Алматы, 2008.
- Стародуб Т.Х.* Иранская керамика с надглазурной полихромной росписью (минаи) // Музей. Вып. 9. – М., 1988.
- Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайчик. – Алматы, 2001.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1976.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989.
- Френкель Я.В.* Методические проблемы интерпретации результатов археометрических анализов древних стекол // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. – М., 2011.
- Цыбин М.В.* Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. – Ялта, 2007.
- Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. – СПб., 2007.
- Allan J.W.* Islamic Ceramics. – Oxford, 1991.
- Dschingis khan und seine erben.* – München, 2005.
- Fehervary G.* Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum. – L.; N.Y., 2000.
- The Legacy of Genghis Khan.* New York – London. 2002.
- Li He.* Chinese Ceramics. – L., 2006.
- Mota M.M.* Loucas Seljucas // Catalogo das Loucas Islamicas. – Lisboa, 1988.
- Persian Ceramics.* – Milano, 2006.
- Watson O.* Ceramics from Islamic lands. – Dar al-Athar, 2005.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ АЗАК И ЕГО ОКРУГА. КРАТКИЙ ОЧЕРК

А.Н. Масловский

*Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей заповедник*

В изучении исторической географии Золотой Орды Нижнее Подонье выглядит белым пятном, особенно если сопоставить его с Поволжским регионом (Недашковский, 2000; 2006а; 2006б; 2006в) или Крымом (Бочаров, 2011). До недавнего времени материалы золотоордынских памятников за исключением самого Азака и нескольких, преимущественно кочевнических могильников были очень слабо исследованы и практически не опубликованы. За последние годы в результате более или менее планомерных разведок были выявлены десятки новых памятников. На нескольких поселениях и могильниках проводились раскопки или шурфовки. Однако нельзя сказать, что округа Азака хорошо изучена. Большинство поселений известно только по сборам. За единственным исключением весьма фрагментарно изучались могильники. К тому же, основной объем материалов не введен в научный оборот и не обобщен. Поэтому предлагаемое ниже исследование является только кратким обзором имеющейся в настоящее время информации в виде коротких очерков освещающих отдельные аспекты темы. Оно отчасти является продолжением предыдущей работы автора (Масловский, 2009).

Заселение низовьев Дона в предмонгольский период. В период существования салтовско-маяцкой культуры в низовьях Дона существовали сотни небольших поселений. Можно с уверенностью говорить, что после их исчезновения традиции оседлой жизни в данном регионе прерываются. Единственным пунктом, для которого можно предполагать непрерывность обитания с X по XIV в., является Новомаргаритовское поселение. Керамика второй половины X – первой половины XI вв. в заметном количестве была обнаружена только на поселении Переволочный Ерик, которое существовало непродолжительный период времени в самой глубине дельты Дона (рис. 1А). Для конца X – начала XII вв. есть данные о пребывании здесь огузско-печенежского населения. Помимо грунтовых погребений на дюнном массиве северного острова дельты Дона и на территории с. Павло-Очаково, есть и подкурганые погребения (рис. 1А). В.В. Чалым были проведены небольшие по площади раскопки на огузском поселении Рогожино XII.

Ситуация существенно меняется в XII в., когда в низовьях Дона, преимущественно в дельте, возникает ряд поселений. Еще на ряде пунктов найдены немногочисленные находки, не позволяющие установить характер памятников. Учитывая их местоположение и данные письменных источников (Скржинская, 1971, с. 42–43), можно предполагать их хозяйственную специализацию на рыбной ловле. Судя по керамическому комплексу, на поселениях проживало этнически пестрое население, включавшее в себя русский компонент и этносы, продолжавшие изготавливать керамику в салтовских гончарных традициях. Высказано предположение о возникновении этой группы памятников в результате переселения сюда населения из дельты Кубани (Волков, 2003, с. 109). Это представляется весьма вероятным. Возможно, в освоении дельты Дона участвовали выходцы и из других регионов. Например, сюда могла переселиться часть обитателей Белой Вежи. Не исключено и участие жителей юго-восточных окраин Древней Руси. Обращает на себя внимание малочисленность на левобережье низовьев Дона памятников, которые можно было бы связывать с половцами. Известно несколько одиночных погребений и единственное святилище (Кугейская падь). На территории Азовского района не найдено ни одного половецкого каменного изваяния.

Возникновение Азака, его сельской округи и их развитие. Из сообщения Рубрука (Путешествия, 1957, с. 89) ясно, что уже в середине XIII в. в низовьях Дона существовала развитая сеть рыболовецких поселений. Это допускает два объяснения. Либо существовавшее здесь в домонгольский период население безболезненно перенесло период установления власти монгол, либо новая власть очень оперативно, в течение нескольких лет, организовала переселение

сюда рыбаков из других регионов. Первое объяснение все же представляется более вероятным. Рыбная ловля в низовьях Дона требует специфических профессиональных навыков, которые сложно приобрести за несколько лет, даже если власти целенаправленно вели отбор профессиональных рыбаков. К тому же маловероятно, что восстановление рыболовецкого промысла было в числе приоритетов новой власти.

Становление сети оседлых поселений в низовьях Дона приходится на середину – третью четверть XIII в., когда практически одновременно возникает несколько десятков поселений вдоль побережья Таганрогского залива, в долине Кагальника и вдоль левого берега Дона (рис. 1Б). Отмечены материалы этого времени и на ряде памятников предшествующего периода (Донской 1, Казачий Ерик, Узьяк). В некоторых случаях на месте незначительного населенного пункта возникает крупное поселение (Новомаргаритовское, Мартышкина балка). Некоторые из вновь возникших поселений имеют площадь в десятки гектаров (Пешково I–V, Платоно-Петровское I–II, Новомаргаритовское). Это становление сети поселений происходит практически одновременно с возникновением золотоордынского города Азака (Карпов, 1997, с. 14–15; Масловский, 2006А, с. 291–292) и даже несколько опережает его. Столь быстрый рост поселенческой сети был бы невозможен без массовых переселений организованных государственной властью. Эти мероприятия, проводившиеся в период правления Берке и Менгу-Тимура, хорошо увязываются с политикой укрепления Золотой Орды как самостоятельного государства. Основным источником, откуда шел поток переселенцев, очевидно, выступали регионы Закубанья и Центрального Предкавказья, насколько это возможно судить по керамическому комплексу. Какое-то число колонистов было перемещено сюда и с территории Древней Руси, хотя этот компонент фиксируется пока только на поселениях северного берега Таганрогского залива (Волков, 2003, с. 111; Ларенок, 2005, с. 105–109) и в самом Азаке XIII в. (Масловский, 2006, с. 287–288).

Качественно новым этапом становится развитие округа Азака в XIV в. Количество поселений увеличивается минимум в 2–3 раза. Резко вырастает их площадь. В непосредственной близости от города поселения расположены на расстоянии нескольких километров друг от друга. Правда, некоторые из них оказываются заброшенными. Особенно необъяснимо выглядит запустение северного побережья Таганрогского залива. К сожалению, пока ничего нельзя сказать о том, какое влияние на сельские поселения оказала эпидемия чумы и события «великой замятни». Можно только говорить, что вплоть до 1395 г. вокруг Азака продолжает существовать сеть поселений. О том, что поселения округа Азака погибли в 1395 г., говорят клады, найденные на территории поселений Задонье (Федоров-Давыдов, 1974, с. 179–180) и Платоно-Петровское. Но какие-то поселения эту катастрофу пережили, и в первую очередь это, вероятно, были рыбацкие деревушки дельты Дона. Об этом можно судить по данным письменных источников о рыбацких тонях в окрестностях Таны (Барбаро, 1971, с. 42–43). На это же указывает клад начала XV в., найденный рядом с грунтовым могильником Рогожкино X (Федоров-Давыдов, Фомичев, 2004).

Золотоордынский Азак и кочевники. Среди донских археологов распространено мнение о широком распространении памятников кочевников в округе Азака (Ларенок, 1998, с. 128). Между тем достоверных памятников, которые можно было бы увязать с кочевниками, очень немного. Это два грунтовых погребения кочевников в самом Азаке, единичные подкурганые погребения на водоразделе Дона и Кагальника, несколько грунтовых погребений на могильнике Пятибратный 10. Никаких курганных могильников, которые мы видим в окрестностях, скажем, Царевского городища, нет. Несколько иная ситуация фиксируется на северной периферии округа Азака, на правом берегу Нижнего Дона (рис. 2А). Здесь число кочевнических погребений больше на порядок. Отмечены и курганные могильники (Русский колодец, Ливенцовский VII, Аглос и др., см. рис. 2Б). В самом городе кочевники появляются относительно поздно и заселяют его восточные окраины. Можно с уверенностью говорить, что на территории наиболее заселенной части сельскохозяйственной округа Азака значительные группы кочевого населения отсутствовали. При этом небольшая инфильтрация кочевников в среду оседлого населения все же отмечается.

Топография поселений и структура округи. Хотя выявление сельских поселений округи Азака далеко от завершения, нетрудно заметить закономерности в их размещении и приуроченности их к определенным топографическим условиям (рис. 2 Б).

1. Юго-восточное побережье Таганрогского залива. Поселения привязаны к песчаным косам. Выделяется две группы поселений. Первая тянется от косы Долгенькой до Чумбур косы. При этом самое крупное поселение группы расположено в устье Мокрой Чубурки (Новомаргаритовское). Вероятно, именно оно обозначено на портоланах под названием *Zasagia* (Волков, 2003, с. 109). Вторая группа поселений расположена рядом с Павло-Очаковской косой. Эти памятники выделены совсем недавно и структура этой группы пока неясна. Вероятно, привязка поселений к косам связана с тем, что одной из функций этих поселений было служить портовыми стоянками, о которых говорят письменные источники (Скржинская, 1971, с. 52). Именно в районе кос крупные корабли могли подходить ближе всего к берегу.

2. Долина реки Мокрая Чумбурка. Кроме поселения в устье в долине выявлено еще несколько памятников, к сожалению, за единственным исключением (поселение Приморское) известных по крайне немногочисленным находкам.

3. Долина реки Кагальник. Наиболее многочисленная группа поселений. Они приурочены к нижней части берегового склона до места его перехода в пойму и расположены на расстоянии не более 1–3 км друг от друга. В местах выраженных террас и, наоборот, при слишком слабом уклоне берега поселения отсутствуют. Наиболее крупные поселения возникают в местах сужения поймы Кагальника, где переправа через нее наиболее удобна. Самым крупным памятником является Платоно-Петровское поселение площадью около 70 га, несколько меньше размерами Ново-Николаевка I–II, Пешково I–V и, возможно, Еремеевка. Площадь этих поселений составляет несколько десятков гектаров. Наряду с ними существуют десятки более мелких поселений площадью от 1–2 га. Они часто расположены недалеко друг от друга.

4. Пойма реки Кагальник. К сожалению оба известных здесь поселения (Калмыцкий бугор, Пеленкино) обнаружены «черными археологами» и практически не известны науке, но сам факт их обнаружения позволяет предполагать, что пойменные острова долины Кагальника также были заселены.

5. Особняком стоит Кагальницкое поселение. Оно занимает мыс, крайнюю оконечность левого коренного берега Дона, разделяющую донскую и кагальницкую пойму. Этот мыс является хорошим ориентиром для навигации при входе в гирло Дона и, вероятно, отмечен на итальянских портоланах под названием *Magromixi*. Кроме того, в случае низкого уровня воды в Дону, что случалось нередко и в новое время, здесь должна была осуществляться разгрузка и выгрузка морских судов.

6. Левый берег Дона. Поселения вытянуты цепочкой вдоль края надпойменной террасы, а затем высокого коренного берега (Батай, Мартышкина балка, Скопин курган, Кулешовка 2, Кулешовка-кладбище, Новоалександровка, Подазовское, Кагальницкий карьер). Крупные поселения здесь отсутствуют, вероятно, из-за близости к Азаку.

7. Дельта и пойма Дона. Назвать этот район хорошо изученным трудно, но очевидно, что поселения занимают практически все удобные прирусловые всхолмления и вдоль основных русел Дона, и вдоль небольших ериков, которые возвышаются над уровнем воды хотя бы на 1 м. Своими размерами выделяется два поселения – Донской и Узьяк 3–4, но, возможно, это просто следствие плохой изученности данного микрорегиона. Возможно, к поселению Донской следует отнести топоним *Casale li Rossi*, *Casal Deliroso*, *Casar di Rossi*, отмеченный на портоланах. Во всяком случае, именно на этом поселении в домонгольское время фиксируется славянское население.

8. Северное побережье Таганрогского залива. Памятники приурочены также в основном к косам и устьям небольших рек. Большинство выявленных здесь поселений после краткого расцвета в середине XIII в. забрасывается еще до конца XIII в.

9. Северная периферия. К сожалению, весь правый берег Дона до самого слияния Дона и Аксая плотно застроен, и все существовавшие здесь поселения в настоящий момент трудно доступны для науки. Но случайно выявленное поселение Ростов-Сиверса у устья Генеральной

балки, впадающей в реку Темерник, и поселение Тузлов указывает на то, что и в этом микрорегионе имелись оседлые поселения.

Домостроительство. Несмотря на небольшие масштабы раскопочных работ в настоящий момент имеется информация о конструкции жилых построек на сельских поселениях. На северном берегу Таганрогского залива найдено несколько наземных и земляночных жилищ с печами различной конструкции (Рязанов, 1991, с. 113; Волков, 2003, с. 113; Ларенок, 2005.). На поселении Узьяк 3–4 шурфами были обнаружены два жилища с турлучными стенами. Куски турлука встречены при сборах подъемного материала и на других поселениях. На Новомаргаритовском поселении зафиксированы глинобитные полы и остатки сгоревших деревянно-глиняных конструкций от наземного жилища.

Данные о хозяйственной деятельности. До проведения значительных по масштабам раскопок на ряде поселений все наши наблюдения по этой теме будут, конечно, предварительными. Помимо сообщений письменных источников о вывозе зерна из Таны (Еманов, 1995, с. 110), и самого факта необходимости снабжать продукцией земледелия крупный город, на существование земледелия указывает целый ряд других находок. На Куричанском поселении был найден плужный нож (Рязанов, 1994, с. 128, рис. 39, 1) и остатки зерен различных видов (Рязанов, 1991, с. 114). О существовании поливного, т.е. интенсивного земледелия говорят находки фрагментов дигирных сосудов на ряде поселений (Азовка I, Петровский, Донской, Узьяк 3, Платоно-Петровское I). Причем на последнем зафиксировано их местное производство. Использование дигирных колес, как кажется, указывает на развитое огородничество.

Невозможно точно установить источник продуктов животноводства, о вывозе которых говорится в письменных источниках (Еманов, 1995, с. 110, 149). Но на широкое развитие животноводства косвенно указывает абсолютное преобладание в рационе жителей Азака говядины (Байгушева, Тимонина, 2006, с. 140). При полной зависимости от поставок кочевников мы были бы вправе ожидать большего процента баранины и конины в их рационе, как мы можем это видеть на примере ряда нижеволжских городищ (Недашковский, 2006Б, с. 81).

На развитый рыбный промысел указывают многочисленные упоминания письменных источников (Еманов, 1995, с. 110, 122, 123). Археологические свидетельства рыболовства зафиксированы на поселениях Дюнное V, Ростов-Сиверса, Узьяк 3, Семеновская крепость. Для большинства поселений дельты это занятие должно было быть основным. О масштабных заготовках рыбопродуктов говорят и находки амфор. Уже высказывалось предположение об их использовании для перевозки рыбьей икры (Волков, 2002, с. 58). Недавно была обнаружена еще одна интересная категория находок, свидетельствующая о рыбном промысле. «Черными археологами» были найдены две бронзовые печати матрицы (рис. 5: 3–4), принадлежавших представителям итальянского купечества. Одну из них (Бартоломея де Пичинаса) Азовскому музею удалось приобрести. Обе они были найдены на пойменных поселениях рядом с рекой. находка печати капитана Крита Бертуцци Контарини ставит ряд вопросов, которые требуют отдельного рассмотрения. О факте организации заготовки рыбы в низовьях Дона итальянским купечеством хорошо известно по данным письменных источников (Барбаро, 1971, с. 144).

На сельских поселениях существовали и ремесла. Больше всего информации имеется о гончарном производстве. В двух пунктах на северном побережье Таганрогского залива исследованы гончарные горны (Рязанов, 1990, с. 108–112; Ларенок, 2005, с. 105, 108), еще минимум пять мастерских можно локализовать на поселениях долины Кагальника и устья Мокрой Чубурки. Эти производства генетически родственны гончарному ремеслу Азака, отличаясь от него главным образом более низким индивидуальным мастерством и более высоким процентом архаичных орнаментов (налепных валиков, наколов зубчатым штампом, см. рис. 3: 7–10). Наиболее развитым выглядит гончарное производство Платоно-Петровского поселения (Масловский, 2006Б, с. 408). Только здесь керамика местного производства преобладает над продукцией мастеров Азака. Местные мастера производили широкий ассортимент изделий, включая даже афтобы, амфоры и дигирные сосуды. Их продукция иногда в заметном количестве встречается и в самом Азаке. Известно и о существовании других ремесел. На Платоно-Петровском поселении локализуется место, откуда происходит значительное количество обрывков и небольших фрагментов медных сосудов, а также оплески и изделия из свинца. Это позволяет

предполагать существование здесь мастерской, где как минимум производился ремонт медной посуды. Найдены здесь и железные крицы. На Куричанском поселении обнаружены отходы кузнечного производства, литейные формы, обрезки медных пластин (Рязанов, 1994, с. 128–129, рис. 40, 1–2).

Развитие монетного обращения и торговли. В связи с предыдущей темой отдельно следует остановиться на развитии денежного обращения в округе Азака. До недавнего времени монеты были известны в основном из погребений. В настоящее время с появлением целой сети частных «искателей» на рынок г. Ростова начал поступать настоящий вал монет. К сожалению, лишь небольшая часть находок становится доступной для научного изучения. Сейчас можно говорить о находке многих тысяч монет. На одном только Платоно-Петровском поселении найдено уже более тысячи монет. По несколько десятков и сотен монет найдено и на других памятниках. К ранее известным кладам из Задонья и Рогожкино добавились кладовые комплексы с Малаховского Ерика, окрестностей х. Курганы. Вполне возможно, что о ряде кладов ученым просто не стало известно. Имеющаяся картина указывает на чрезвычайно развитое монетное обращение, в которое была вовлечена масса сельского населения, на значительной территории (рис. 2Б), причем с преобладанием медной монеты. Из данных, сообщаемых Ф.Б. Пеголотти, известно, что медная монета использовалась только в мелкой городской торговле (Федоров-Давыдов, 1958, с. 69). Наиболее интенсивно монетное обращение протекало от начала правления Узбека до начала «великой замятни». Однако известные кладовые находки и находки медных монет указывают, что монетное обращение продолжало существовать до 1395 г. и даже позднее. Интересно, что на сельских памятниках найдены и западно-европейские и византийские монеты.

В связи с предыдущей темой встает вопрос о размере имущественного достатка населения сельской округи. Встреченные клады слишком малочисленны, чтобы служить надежным ориентиром. Состав вещевого инвентаря, происходящий из сборов и погребений сельской округи (рис. 4; 5: 1–2) в целом сходен с аналогичным набором из самого Азака и в значительной части состоит из изделий городских ремесленников. Изделия из золота в сельской округе Азака не найдены, но и в самом Азаке они единичны. Изделия из серебра немногочисленны. При этом, например перстень с Платоно-Петровского поселения сильно потерт. Наиболее объективным критерием представляется процент импортной и прежде всего поливной керамики. Как уже было сказано, на большинстве поселений преобладает керамика произведенная в Азаке. Процент тарной керамики (рис. 3: 14, 15, 17) в комплексе не только не ниже, а порой и выше чем в самом городе. Процент поливной керамики не превышает 1–2% (рис. 3: 11–13, 16, 18), что сопоставимо с материалами раскопов на окраинах золотоордынского Азака. При этом встречена достаточно дорогостоящая продукция мастерских Константинополя (рис. 3: 11, 12) и кашинная керамика, не частая и в самом Азаке. Таким образом, судя по тем данным, которыми мы располагаем на настоящий момент, сельское население по своему благосостоянию мало чем отличалось от рядового городского населения.

Военное дело. Очень важным представляется вопрос о наличии предметов вооружения на сельских памятниках. При этом мы не имеем в виду кочевников и их комплекс вооружения. Граненые наконечники стрел встречены на поселении Платоно-Петровское, Кагальник 5 (Широченко, 2010, с. 245, рис. 2: 9), Куричанском поселении (Рязанов, 1994, с. 127, рис. 37). Подобные наконечники типичны для Азака, но не отмечены в погребениях кочевников. На Куричанском поселении найдено перекрестие сабли и панцирная пластинка (Рязанов, 1994, с. 127, рис. 37). На Платоно-Петровском поселении обнаружен шип от бронзовой булавы (рис. 4: 12). Известно также о находке как минимум двух боевых топоров на Платоно-Петровском поселении. Таким образом, можно говорить о наличии в округе Азака прослойки вооруженного населения очевидно с более высоким социальным статусом. При этом намечающийся комплекс их вооружения сильно отличается от вооружения кочевников.

Могильники. На настоящий момент известно 10 могильников и одиночных погребений золотоордынского времени в округе Азака, если не считать грунтовых погребений кочевников в окрестностях Недвиговки. Из них более или менее полно исследованы только могильники Мартышкина Балка и Дюнное I. Значительные выборки погребений получены также для мо-

гильников Пятибратний 10 и Узьяк. Материалы только одного из могильников опубликованы полностью (Рогудеев, 2005, с. 275–284). О трех могильниках была опубликована краткая информация (Ларенок, 1987, с. 27–28). Материалам могильника Мартышкина балка было посвящено две аналитических статьи (Масловский, 1997; Прокофьев, 2009). Большинство могильников обнаружено при раскопках курганов или в приустьевых возвышениях. Но это скорее характеризует случайный характер выявления могильников. Заметен определенный разнородностью в погребальном обряде. Преобладают погребения с западной ориентировкой, но отмечены кочевнические погребения с северо-восточной ориентировкой. Погребальный инвентарь скуден, но встречен в значительном проценте погребений. Достаточно часто в погребениях встречаются монеты. Из других категорий инвентаря отмечены зеркала, ножницы, ножи, серьги, бусы, кресала и др.

Конфессиональная принадлежность. Естественно, вопрос о религиозных верованиях сельского населения при нынешней степени изученности памятников однозначно решен быть не может. Однако некоторые данные в нашем распоряжении все же имеются. На Куричанском поселении найдены энколпион и мраморный крестик (Рязанов, 1991, с. 114; 1994, с. 129, рис. 40: 3, 4). На Платоно-Петровском поселении найдено два креста вырезанных из медного листа (рис. 4: 14–15). Еще один крест был найден в погребении на Мартышкиной балке (Дмитриенко, 2000). Учитывая редкость находок крестов в средневековых христианских погребениях, данный могильник в целом можно считать христианским. На Пятибратнем 10 могильнике встречены как языческие, так и христианские и мусульманские погребения. Причем последние составляют наиболее малочисленную группу. Единственное полностью исследованное погребение на могильнике Чумбур-коса совершено по мусульманскому обряду. Таким образом, на настоящее время можно говорить о поликонфессиональности сельского населения низовьев Дона с явным преобладанием христианского населения, что неудивительно, учитывая, что большинство колонистов были переселены с территорий с достаточно прочными к этому моменту христианскими традициями.

Подводя итог, приходится констатировать, что, несмотря на длительный период исследования, изучение сельской округи Азака находится только в самом начале пути.

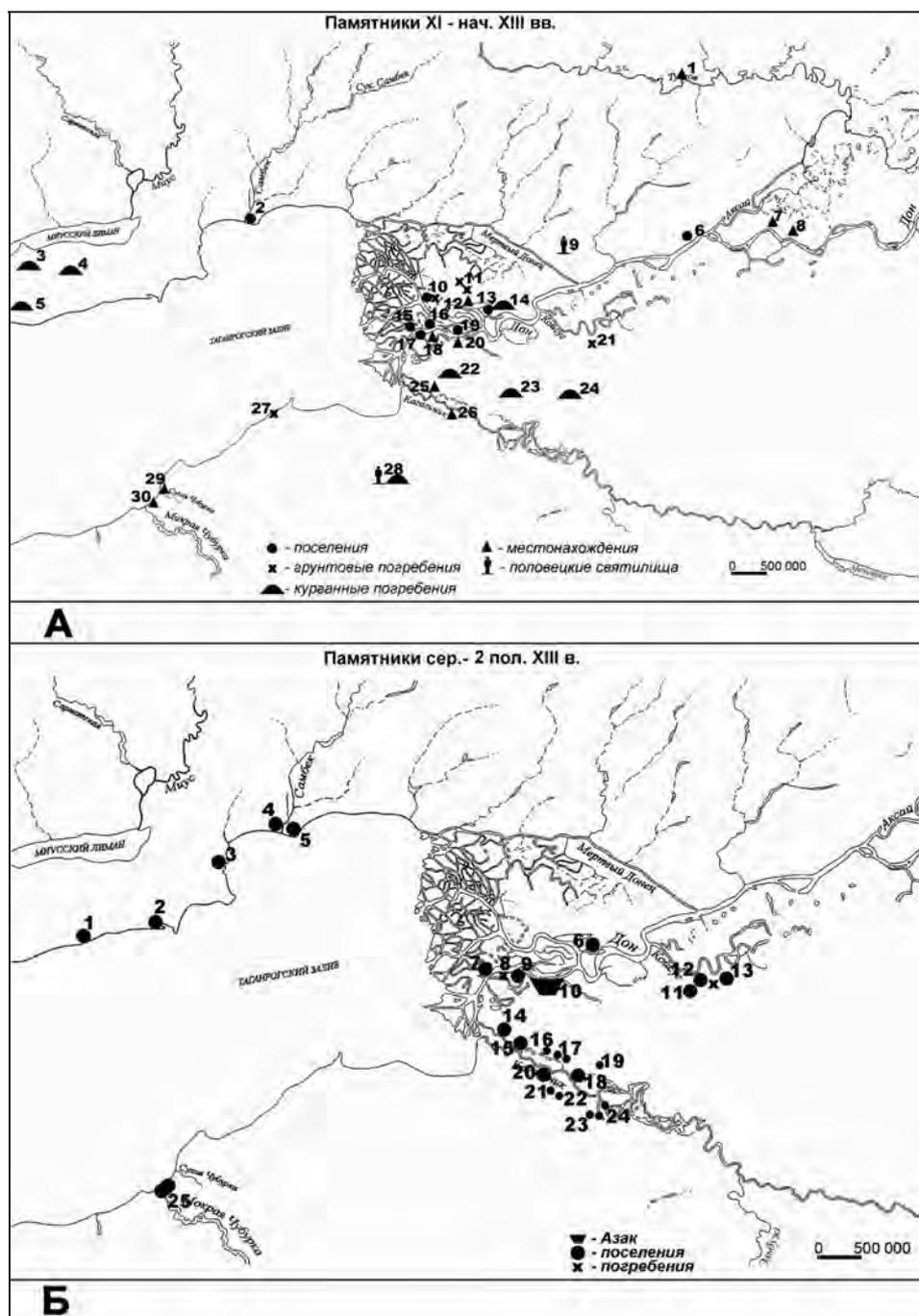

Рис. 1. Сельская округа Азака. А – памятники XI–XIII вв.: 1. Тузлов; 2. Самбек; 3. Лакедемоновка 4. Русский колодец; 5. Беглица; 6. Кобяково городище; 7. Дюнное IX–XII; 8. Дюнное V; 9. Переволочный Ерик; 10. Рогожкино XII; 11. Бубнов Ерик; 12. Дугино – дюны; 13. Казачий Ерик; 14. Пятибратний; 15. Донской I; 16. Петровский; 17. Узяк I; 18. Узяк III; 19. Задонье; 20. Азак; 21. Мартышкина балка; 22. Аэродром; 23. Новоалександровка; 24. Высочино; 25. Зеленый I; 26. Пешково; 27. Павло-Очаково; 28. Кугейская падь; 29. Маргаритово II; 30. Новомаргаритово;

Б – памятники середины – второй половины XIII в.: 1. Ново-Золотовское; 2. Петрушина коса; 3. Таганрогская лестница; 4. Самбек; 5. Куричанское; 6. Казачий Ерик; 7. Донской I; 8. Донской II; 9. Узяк; 10. Узяк III; 11. Скопин курган; 12. Свинячье озеро; 13. Мартышкина балка; 14. Кагальник II; 15. Зеленый I–III; 16. Сельхозучилище III; 17. Попов Ерик-III –Попов Ерик IV; 18. Павловка III; 19. Мило-Яковлевка VIII; 20. Пешково I–V; 21. Пешково VII; 22. Пешково VI; 23. Зеленый мыс I; 24. Платоно-Петровское I, Платоно-Петровское II; 25. Новомаргаритовское

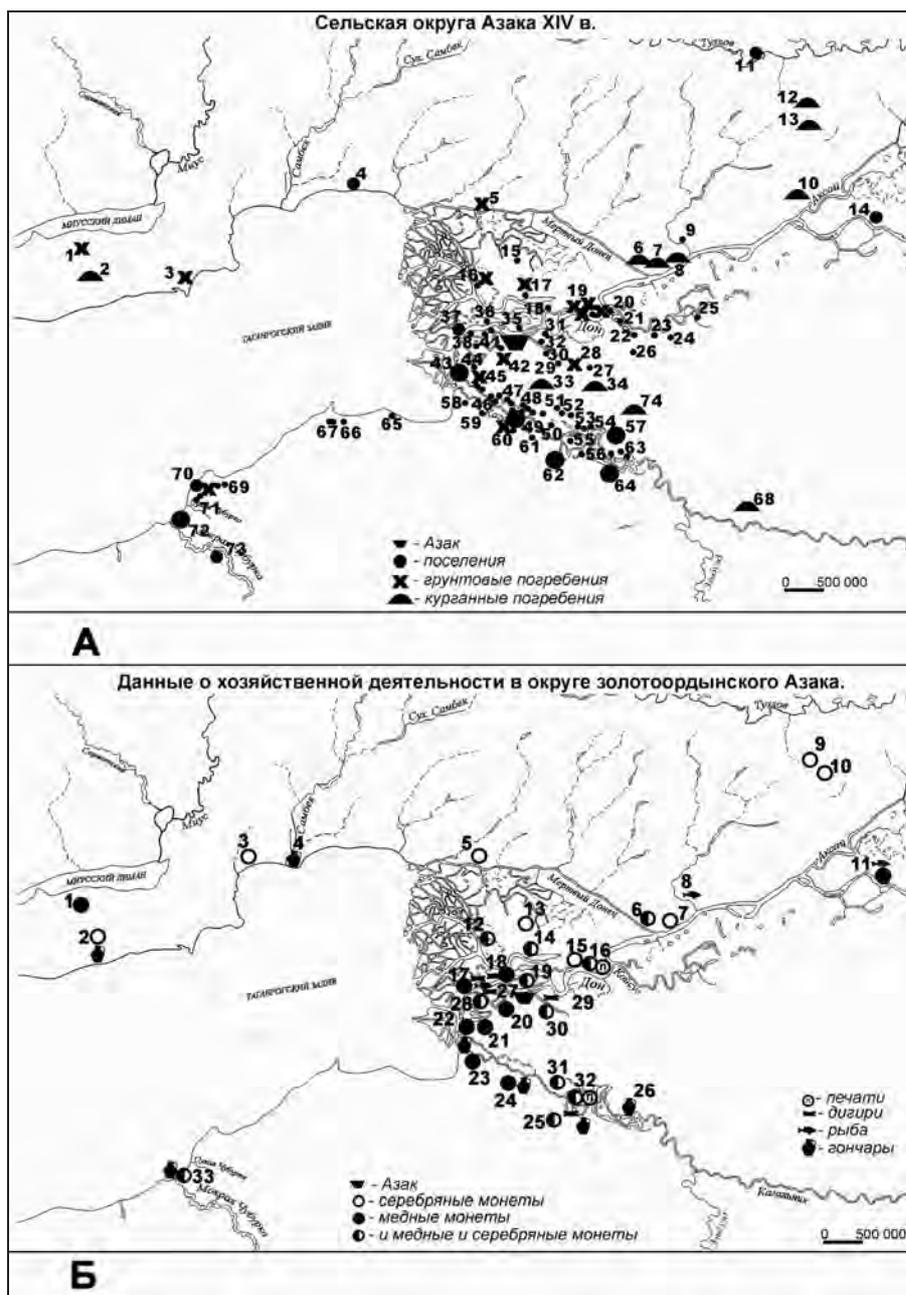

Рис. 2. А – сельская округа Азака XIV в.: 1. Гаевка; 2. Русский колодец; 3. Новозолотовское; 4. Морская I; 5. Недвиговка; 6. Ливенцовский VII; 7. Мехзавод; 8. Телецентр; 9. Ростов-Сиверса; 10. Мухин; 11. Тузлов; 12. Красный IV; 13. Аглос; 14. Дюнное V, Монастырский IV, Дюнное I; 15. Малахов Ерик; 16. Рогожкино X; 17. Дугино X; 18. Казачий Ерик; 19. Пятибратний, Колузаево, пескьера у Пятибратнего; 20. Усть-Койсуг I–II; 21. Усть-Койсуг IV; 22. Лисовин; 23. Свинячье озеро; 24. Мартышкина балка; 25. Батай I; 26. Кулешовка 2; 27. Кулешовка – Кладбище; 28. Кулешовка; 29. Новоалександровка; 30. Азовка II; 31. Машинный пляж; 32. Азовка I; 33. Красногоровка; 34. Новоалександровка курган № 48; 35. Задонье; 36. Петровский; 37. Донской; 38. Узьяк I; 39. Узьяк III; 40. Узьяк IV; 41. Узьяк V; 42. Подазовское; 43. Кагальник (Кагальницкий мыс); 44. Кагальницкий карьер; 45. Кагальник II–VI; 46. Зеленый I–V; 47. Попов Ерик I–II, Сельхозучилище II–III; 48. Попов Ерик III–IV; 49. Павловка I–III; 50. Павловка IV–V; 51. Павловка VIII; 52. Мило-Яковлевка VIII; 53–54. Мило-Яковлевка IX–XI, I–V; 55. Пеленкино; 56. Калмыцкий бугор; 57. Новониколаевка, Высочино III, 1379 км, Дачи III, Новониколаевка II–IV; 58. Береговой; 59. Головатовка – Луговое; 60. Пешково I–V; 61. Пешково XII, Петровка I, V; 62. Платоно-Петровское I; 63. Зеленый мыс I–III; 64. Еремеевка; 65. Волошкова балка; 66. Павло-Очаково; 67. Павло-Очаковская коса; 68. Новобатайск; 69. Чумбур-коса II–III; 70. Чумбур-коса; 71. Чумбур-коса 4–5, Маргаритово II; 72. Новомаргаритовское; 73. Приморский; 74. Высочино II.

Б – данные о хозяйственной деятельности в округе золотоордынского Азака; 1. Новозолотовское; 2. Гаевка; 3. Бессергеновка III; 4. Куричанское; 5. Танаис; 6. Ливенцовский VII; 7. Мехзавод; 8. Ростов-Сиверса; 9. Красный IV; 10. Аглос; 11. Дюнное V, Монастырское IV, Глинище I; 12. Рогожкино X; 13. Малахов Ерик; 14. Дугино X; 15. Пятибратний; 16. Пескьера к югу от Пятибратнего; 17. Донской I; 18. Петровский; 19. Задонье; 20. Подазовское; 21. Кагальник; 22. Кагальницкий карьер; 23. Береговое; 24. Пешково I; 25. Платоно-Петровское; 26. Новониколаевка; 27. Узьяк III; 28. Узьяк V; 29. Азовка I; 30. Азовка II; 31. Пеленкино; 32. Калмыцкий бугор; 33. Новомаргаритовское

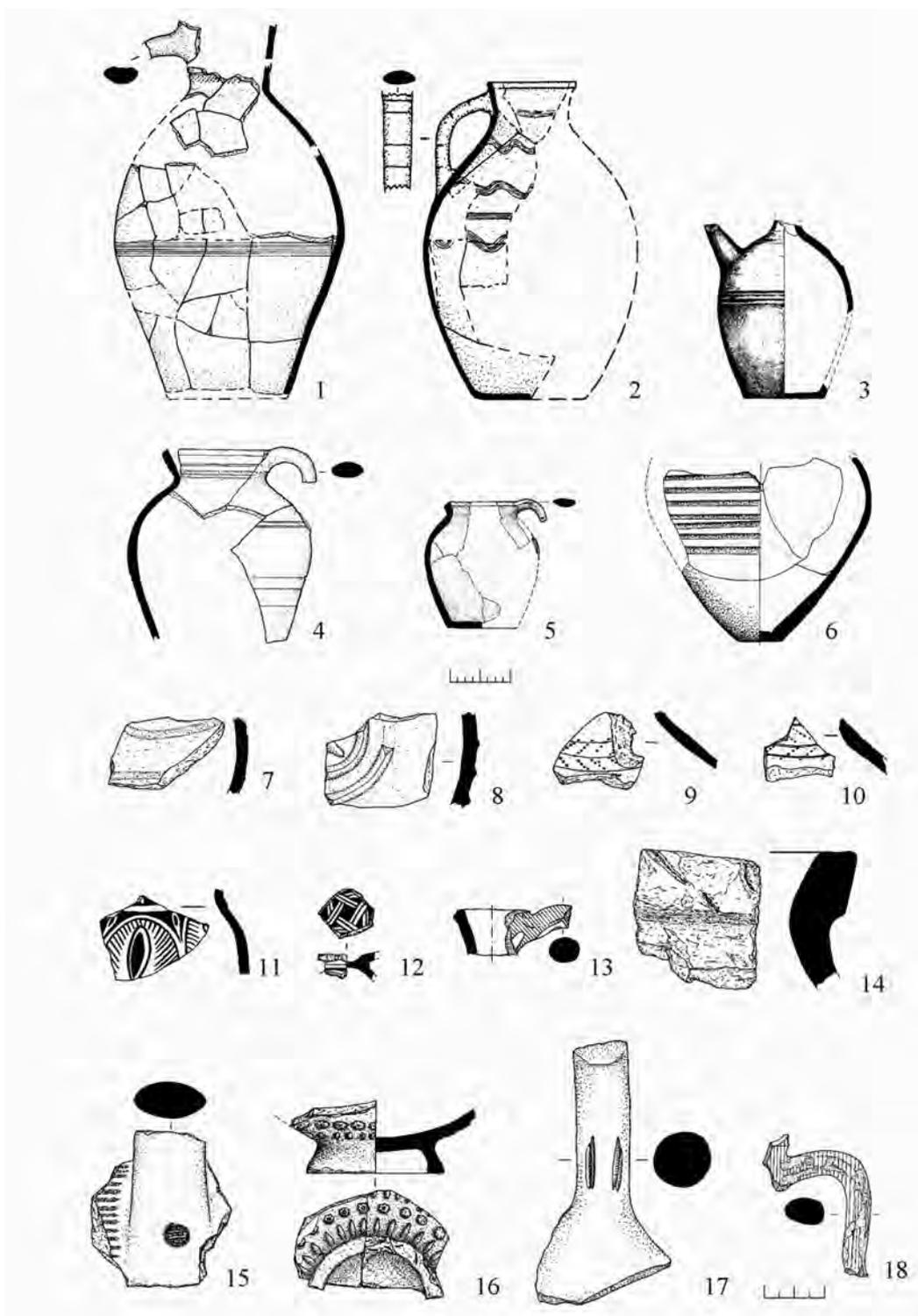

Рис. 3. Платоно-Петровка (1–5): 1, 2 – кувшины, 3 – афтоба, 4, 5 – горшки, 6 – амфора; Новомаргаритовка (7–10,13): 7–10 – стенки с орнаментом; 13 – фрагмент поливного кувшина (Византия); Узьяк (11): 11 – фрагмент поливного кувшина (Византия); Донской I (12, 17, 18): 12 – донце поливной чаши (Византия); 17 – ручка кувшина (Хорезм); 18 – фрагмент поливного кувшина (ЮВ Крым); Пешково I (14–16): 14 – венчик пифоса (неизвестный центр); 15 – ручка амфоры с клеймом (Трапезунд); 16 – штампованный поливной кувшин (ЮВ Крым)

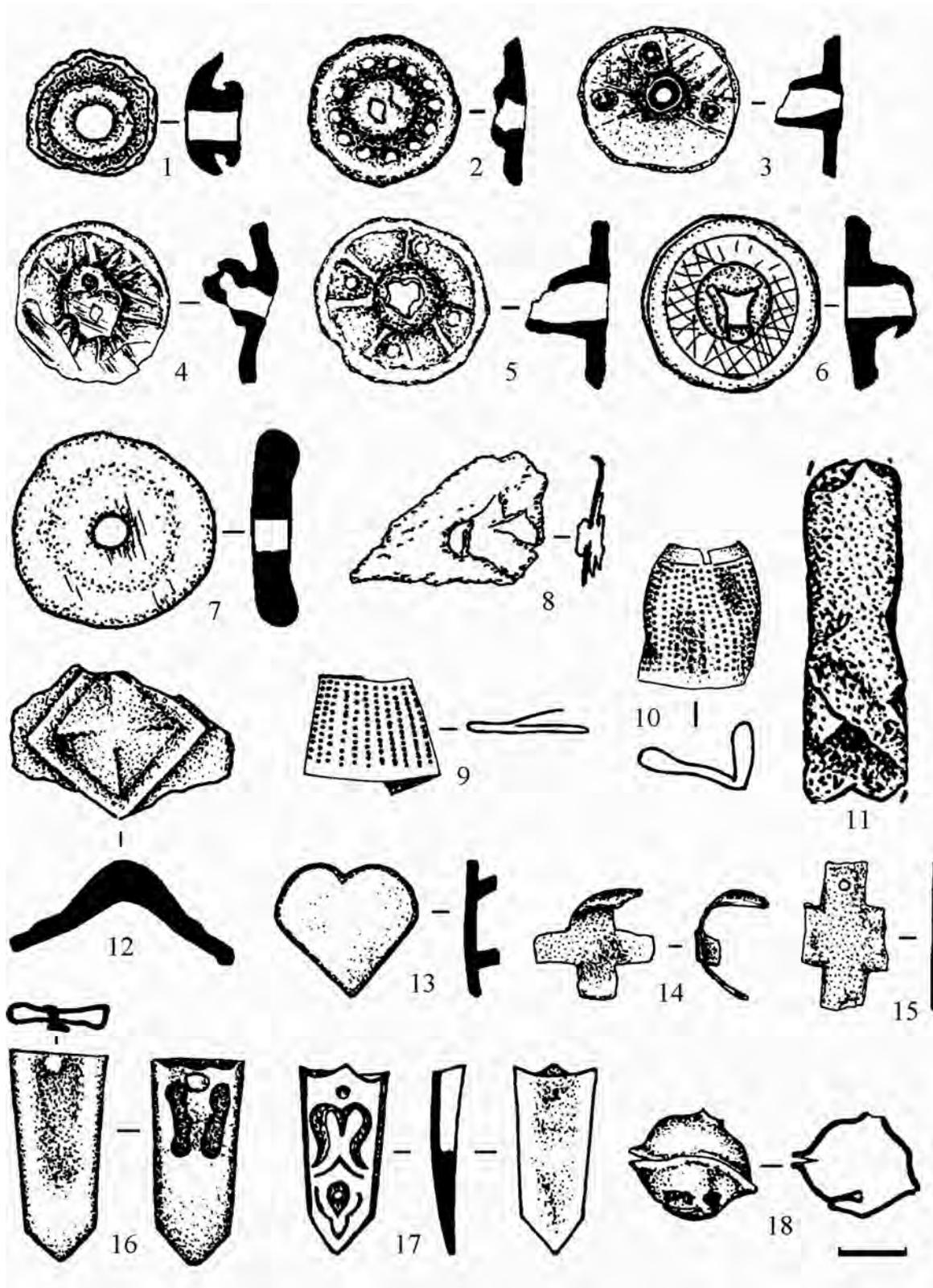

Рис. 4. Платоно-Петровка (1-18): 1-6 – свинцовые пуговицы; 7 – свинцовый грузик; 8 – фрагмент медного сосуда с заклепкой; 9-10 – медные наперстки; 11 – свинцовая ампула; 12 – шип от бронзовой булавы; 13 – бронзовая сердцевидная бляшка; 14-15 – медные кресты; 16-17 – бронзовые ременные наконечники; 18 – бронзовый бубенчик

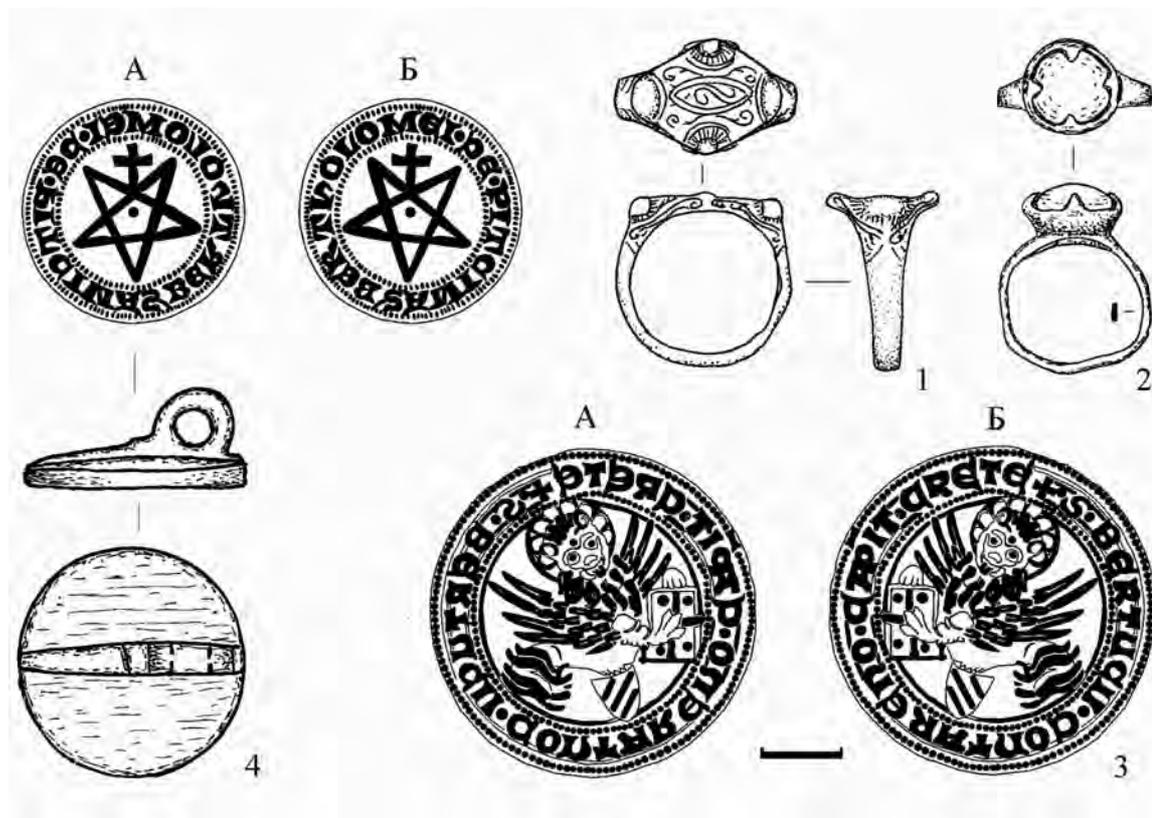

Рис. 5. Калмыцкий бугор (1–2, 4А, Б): 1, 2 – перстни (серебро, медь); 4А – печать-матрица, 4Б – оттиск печати; пос. Пятибратнее (3А, Б): 3А – печать-матрица, 3Б – оттиск печати

Литература

- Байгушева В.С., Тимонина Г.И. Зооархеологические комплексы Азака XIV века (данные 2005 года) // ИАИАИАНД в 2005 г. Вып. 22. – Азов, 2006.
- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – Л., 1971.
- Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии геноузской Газарии XIV–XV веков (кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань; Астрахань, 2011.
- Волков И.В. Местные амфоры Азака // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. Вып. 135. – М., 2002.
- Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени. – М., 2003.
- Дмитриенко М.В. Христианское погребение домонгольского времени средневекового могильника Мартышкина Балка // ИАИАИАНД в 1998 г. Вып. 16. – Азов, 2000.
- Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень, 1995.
- Ларенок В.А. Кочевнические могильники золотоордынского времени в низовьях р. Дон // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году. – Азов, 1987.
- Карпов С.П. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // ВВ. – 1997. – Т. 57.
- Ларенок В.А. Кочевнические могильники золотоордынского времени в низовьях р. Дон // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году. – Азов, 1987.
- Ларенок В.А. Археологические памятники Нижнего Дона золотоордынского времени // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. (Тез. док. VII Донской археол. конф.). – Ростов-на-Дону, 1998.
- Ларенок В.А. Средневековые поселения Нижнего Дона // Археологические записки. Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 2005.

Масловский А.Н. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // ИАИАИАНД в 1994 г. Вып. 14. – Азов, 1997.

Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // ИАИАИАНД в 2005 г. Вып. 22. – Азов, 2006а.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД в 2004 г. Вып. 21. – Азов, 2006б.

Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Донские древности. Вып. 10). – Азов, 2009.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000.

Недашковский Л.Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // РА. – 2006а. – № 3.

Недашковский Л.Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. – 2006б. – № 4.

Недашковский Л.Ф. Хронология золотоордынского города и его округа: на материалах Нижнего Поволжья // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международ. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тез. док. – М., 2006в.

Прокофьев Р.В. Средневековый грунтовый могильник Мартышкина балка на Нижнем Дону // РА. – 2009. – № 3.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957.

Рогудеев В.В. Поселение и грунтовый могильник Колузаево I // Археологические записки. Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 2005.

Рязанов С.В. Гончарная печь на Куричанском поселении // ИАИАИАНД в 1989 г. Вып. 9. – Азов, 1990.

Рязанов С.В. Славянское поселение близ г. Таганрога // ИАИАИАНД в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991.

Рязанов С.В. Металлические изделия Куричанского поселения // ИАИАИАНД в 1993 г. Вып. 13. – Азов, 1994.

Скржинская Е.Ч. Вводные очерки // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – Л., 1971.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // СА. – 1958. – № 3.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.

Федоров-Давыдов Г.А., Фомичев Н.М. Клад дирхемов конца XIV – первой четверти XV вв. из Рогожкино // ИАИАИАНД в 2002 г. Вып. 19. – Азов, 2004.

Широченко Э.Б. Археологические разведки в бассейне реки Кагальник в Азовском районе в 2007 году // ИАИАИАНД в 2007–2008 гг. Вып. 24. – Азов, 2010.

КРЫМ В «ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ»**Ю.М. Могаричев, С.Г. Бочаров**

*Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования
Крымский филиал Института археологии НАН Украины, г. Симферополь*

История Крымского полуострова VIII–X вв. во многом определялась взаимоотношением двух мощнейших государств средневековья – Византийской империи и Хазарского каганата.

К моменту появления Восточно-Римской империи в Крыму сложилась следующая политическая ситуация. В конце IV в. гуннские племена проникли на полуостров и заселили степи его восточной части (Айбабин, 1999, с. 77). Столица Боспорского царства и поселения европейского Боспора не пострадали от этого нашествия, здесь продолжало существовать государство и править местная династия (Сазанов, 1999, с. 21–30). Правители Боспора, находившиеся в гуннском окружении, вероятно, состояли с Византией в союзнических или вассальных отношениях (Айбабин, 1999, с. 77–80; Виноградов, 1998; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 35–36). Горный Крым населяли готы и пришедшие сюда под натиском гуннов, аланы (Айбабин, 1999, с. 82; Храпунов, 2005, с. 168). Что касается другого античного центра – Херсона, то по вопросу, входил ли город официально в состав империи или находился с ней в союзнических отношениях, среди исследователей существуют различные мнения. Нет окончательной ясности о статусе города и в конце V в. Одни авторы считают, что в период правления императора Зинона (474–491) город все же стал управляться византийской администрацией (Айбабин, 1999, с. 88), другие с этим положением не согласны, определяя Херсон как «формально независимый» от империи (Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 24–38; Храпунов, 2004, с. 526–530).

Согласно замечанию Прокопия Кесарийского, содержащемуся в его произведении «Война с персами» (кн. 1, раздел XII), к империи Боспор был присоединен в период правления Юстина I (518–527). Однако, или это произошло на очень короткий период, или данный отрывок не совсем верно отражает реальную ситуацию (Храпунов, 2002). По крайней мере, в начальный период правления Юстиниана I городом снова владели гунны. Окончательно в лоне империи Боспор оказался при Юстиниане, и связано это было с историей местного гуннского правителя Грода или Горда, отраженной в нескольких византийских источниках (Феофан, Малала, Псевдо-Дионисий, Иоанн Никиусский, Михаил Сириец, Кедрин). Данный правитель, вероятно, под влиянием византийских эмиссаров, решил стать христианином. Он прибыл в Константинополь, где был с почетом принят императором. Разумеется, приняв новую религию, Грод стал вассалом империи. В его владениях были размещены византийские гарнизоны, а местное население стали спешно христианизировать. Не желавшие мириться с насаждением новой религии, и надо думать с византийским присутствием, гунны организовали заговор, убили Грода, напали на Боспор и перебили византийский гарнизон. В ответ Юстиниан I отправил на берега Боспора Киммерийского карательную экспедицию, которая изгнала гуннов и включила Боспор в состав империи ромеев. Произошло это между 527 и 534 гг. (Айбабин, 1999, с. 94–95; Болгов, 1998, с. 116; Сазанов, 1991, с. 20–21).

О масштабах деятельности администрации Юстиниана I в Крыму Прокопий Кесарийский сообщает в трактате «О постройках» (кн. 3, разд. VII). Он пишет, что Юстиниан вернул под власть империи Боспор, укрепив и восстановив оборонительную систему города. Причем для укрепления имперской власти на Боспоре был размещен гарнизон, состоящий из готов-федератов (Айбабин, 1999, с. 100). Одновременно византийская власть распространилась на земли и на восточной стороне современного Керченского пролива (Сазанов, 1991, с. 25; 1999, с. 33–35; Болгов, 1998, с. 117–118).

Другой крупный город, Херсон, при Юстиниане I становится форпостом империи на полуострове. В этот период, согласно Прокопию (упоминавшийся трактат «О постройках»), были восстановлены или реконструированы все важнейшие объекты оборонительной системы города. Это подтверждают и результаты многолетних археологических исследований (Антонова, 1976; 1990; 1996; Романчук, 2000, с. 50–54). В период правления преемника Юстиниана I – Юс-

тина II (545–578) здесь разместился дука – командир всех византийских войск в Крыму (Соломоник, 1986, с. 213–214; Айбабин, 1999, с. 132).

Уже с V в. Херсон становится центром христианства, через который православие распространялось и на горную Таврику. В период правления Юстиниана I и его ближайших преемников в городе началось широкомасштабное церковное строительство, отражением которого стало появление ряда крупных базилик (Романчук, 2000, с. 60–85, 222–234; Завадская 2000; 2001).

При Юстиниане I под властью Византии находился и южный берег Крыма. Из упомянутого сочинения Прокопия мы знаем, что здесь были сооружены две крепости: Алушта и в Гозубитах, вероятно, на территории современных Алушты и Гурзуфа (Домбровский, 1974, с. 9–13; Мыц, 1997). Появление византийских укреплений на южном берегу полуострова означало, с одной стороны, что империей полностью контролировался морской путь из Херсона в Босфор, а с другой стороны, надзор за всем побережьем. Очевидно, с появлением упомянутых крепостей была восстановлена римская система контроля за крымским побережьем и каботажным плаванием.

Из сочинения Прокопия мы также узнаем о сооружении Юстинианом так называемых «длинных стен» для защиты страны Дори «де с давних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию... Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды» (цит. по: Прокопий, 1939, с. 349–350). Где находилась эта загадочная страна – вопрос дискуссионный. Учеными высказывались различные версии как локализации Дори, так и «длинных стен». Страну помещали на южном берегу Крыма (Соломоник, Домбровский, 1968), в Юго-Западном Крыму (Якобсон, 1964, с. 11; Тиханова, 1953а, с. 319–333; Фирсов, 1979), одновременно Юго-Западном и Южном Крыму (Айбабин, 1999, с. 107–122), на плато горы Мангуп (Пиоро, 1990, с. 57–89), в долине реки Черной, в районе современного Инкермана (Сидоренко, 1991, с. 114–115), на высокогорных равнинах Главной гряды Крымских гор (Новиченков, Новиченкова, 2002). С «длинными стенами», соответственно, ассоциировали остатки каменных стен на перевалах Главной гряды (Веймарн, 1980; Соломоник, Домбровский, 1968, с. 33–34) или так называемые «пещерные города» (наличие на ряде поселений горного Крыма – Каламите и округе, Чилтер-Мармаре, Чилтер-Кобе, Шулдане, Мангупе, Эски-Кермене, Чуфут-Кале, Качи-Кальене, Тепе-Кермене, Бакле, – вырубленные в скале пещерных сооружений, в основном XI–XV вв., позволило исследователям выделить их в особую группу памятников – так называемые «пещерные города», см.: Якобсон, 1964, с. 11; Тиханова, 1953а, с. 320–324).

В настоящий момент большинство исследователей склоняются к мысли, что страна Дори – это территория, которая впоследствии стала называться Готией или Климатами, то есть горный Юго-Западный Крым, а возможно, и часть Южного, а «длинные стены» – реально существовавшие оборонительные сооружения, перекрывавшие наиболее легкодоступные ущелья Юго-Западной Таврики и препятствовавшие проникновению крупных военных отрядов кочевников из степей вглубь Дори и к Херсону. Один из таких фортификационных узлов был выявлен в первой половине 80-х гг. в ходе археологических работ, проводившихся в балке Каралез под Мангупом (Сидоренко, 1991, с. 114–115).

Однако, были ли «длинные стены» надежным укреплением? Учитывая обстановку того времени, когда политическая ситуация в Крыму была относительно стабильной, и набеги кочевников, по всей видимости, не представляли акции, направленной на завоевание земель, они представляли вполне приемлемую оборонительную систему. Но при целенаправленном наступлении противника, стоило ему прорвать такую линейную оборону в одном месте, так она теряла свое значение. Поэтому с изменением политической обстановки с начала последней четверти VI в. византийским наместникам приходится укреплять систему защиты своих владений на полуострове.

Это время характеризуется периодом кризиса империи. Огромные финансовые затруднения, военные неудачи выразились в потере практически всего, что было завоевано при Юстиниане I, усилился нажим на границы.

Не обошел стороной этот процесс и Крым. Сюда вплотную подступают военные отряды тюрков. В 576 г. они разграбили Босфор, а в 581 г. оказались у стен Херсона, правда, взять город

не смогли. В том же году, после смерти кагана Арсилы, их государство распалось, тюрки были вынуждены уйти из Крыма и здесь восстанавливается византийская власть (Айбабин, 1999, с. 133–142; Сазанов, 1999, с. 35–36). От вторжений тюрков пострадали Боспор и его округа; в Юго-Западном Крыму разрушений, связанных с их походом не выявлено.

Появление новой опасности поставило византийские власти перед необходимостью модернизации системы обороны в Крыму, и в первую очередь Херсона. При Юстине II в городе сооружается еще одна оборонительная стена или башня (Соломоник, 1986, с. 213–214). Но этого было явно недостаточно. Нужно было укрепить и дальние подступы – территорию Дори. В конце правления Юстиниана I, по мнению А.Г. Герцена, начинается сооружение крепости в столице Дори – Доросе (на плато современной горы Мангуп) (Герцен, 1990, с. 136). Вскоре после этого Византия продолжает осваивать дальнюю округу Херсона путем строительства опорных пунктов. Пик этого строительства, вероятно, приходится на правление Маврикия (582–602), когда стало возможным, освободившись от персидской опасности, обратить внимание на западные и северные регионы. О деятельности Маврикия в Крыму известно из надписи 590 г., найденной на Боспоре (Тамань). Согласно ей, византийскими владениями на полуострове управлял дука Херсона Евпатерий, который, вероятно, восстановил на Боспоре византийское правление и возобновил «кесарское здание» (Латышев, 1894, с. 671–672).

Возможно, в этот период или близкое время, происходит сооружение в горной Юго-Западной Таврике крупных крепостей – Эски-Кермена (Айбабин, 1999, с. 143) и Чуфут-Кале (Герцен, Могаричев, 1992; 1993, с. 28–31), а также более мелких опорных пунктов – Баклы (Айбабин, 1999, с. 145), Тепе-Кермена (Талис, 1976, с. 98–103; Могаричев, 1992, с. 67–69, Сазанов, 1994), Каламиты (Веймарн, 1958б, с. 56–62; Филиппенко, 1997, с. 143–146).

Вероятно, на всех новых крепостях для вовлечения местного населения в лоно христианства, а следовательно, для более тесной «привязке» к империи, возводились храмы. Раннесредневековые базилики известны на Мангупе и Эски-Кермене. С большой долей вероятности существование христианских храмов можно предполагать на Чуфут-Кале и, возможно, на других византийских крепостях.

О влиянии христианства на местное население свидетельствует изучение погребального обряда. В могильниках этого времени хоть и производят захоронения по языческому обряду – в склепах, но уже были и широко распространяются различные христианские символы на перстнях и амулетах, а над могилами устанавливают христианские надгробия (Айбабин, 1999, с. 161).

В VII в. Византийская империя переживает кризис. Об истории Крыма этого времени сохранилось мало письменных источников. Наиболее интересные данные содержатся в письмах римского папы Мартина I из Херсона, где он находился в ссылке, своим соратникам в Константинополь, написанных в 655 г.

Ряд пассажей, содержащихся в письмах, повествует о ситуации в Крыму: «...голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят. Поэтому, если нам не пришлют содержания из этой страны или из области Понта, жить здесь мы вовсе не сможем. ...Ведь в этой стране невозможно ни за какую цену, найти... хотя бы умеренное пропитание» (Бородин, 1991, с. 178). «Ведь те, кто обитает в этой области, все являются язычниками и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь; они не имеют совершенно никакой человечности, кою природа людей, даже среди самих варваров постоянно обнаруживает... если бы не с суденышек, которые приходят из пределов Романии, ...не смог бы я купить хлеба, происходящего из этой страны» (Бородин, 1991, с. 179).

В историографии нет однозначного толкования сообщений Мартина. Одни исследователи считают, что слова папы Мартина надо понимать буквально, и, следовательно, экономика Херсона, и соответственно Крыма, находилась в глубоком упадке (Якобсон, 1964, с. 28). Другие же отмечают, что содержание писем несет значительный налет субъективности, тем более, что они написаны старым, больным человеком, попавшим в опалу. Из этого следует вывод, подкрепленный и археологическими данными, что в VII в. Херсон хоть и находился в некотором упадке, но все же продолжал оставаться значительным городским центром (Романчук, 1972, с. 42–55; Романчук, Седикова, 1991, с. 31).

Очевидно, в конце VI в. на восточном побережье Крыма появляется новый укрепленный византийский пункт – Сугдея (совр. Судак), который впоследствии стал крупным городом (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 134).

Во второй половине VII в. в Крыму появилась новая политическая сила – хазары, которые в значительной степени внесли изменения в этнополитическую ситуацию на полуострове.

Основные вопросы истории Крыма «хазарского периода», по которым разворачиваются дискуссии, это: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период» – хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум; основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой культуры на полуострове.

Традиционно начало хазарского проникновения в Крым связывается с последней четвертью VII в. (Васильев, 1927, с. 168; Артамонов, 1962, с. 196; Якобсон, 1964, с. 28–35; Баранов, 1990, с. 148; Айбабин, 1999, с. 185; 2003, с. 55–59, и др.). А.И. Айбабиным даже был выявлен слой пожара, который, как он считает, связан с захватом Боспора хазарами. В самом Боспоре, по мнению автора, хазары разместили гарнизон, а в приморской части построили цитадель (1999, с. 188–189). Правда, выводы А.И. Айбабина в отношении «хазарских слоев» Боспора были подвергнуты критике со стороны В.Е. Науменко (2001, с. 249–250), С.Б. Сорочана (2001, с. 146–147) и В.В. Майко (2000, с. 187–90), Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова (2002).

Древнейшими свидетельствами хазарского присутствия на территории Боспора, равно как и всего Крыма, являются данные «Хронографии» Феофана и «Бревиария» Никифора, касающиеся знаменитой истории о ссылке в Херсон свергнутого императора Юстиниана II, его бегстве к хазарам, возвращении на константинопольский престол и последовавших за тем карательных мерах против Херсона (Чичуров, 1980, с. 62–65, 163–166).

Эти источники неоднократно анализировались различными исследователями. Правда, выводы были противоположными – от мнения о полном подчинении Крыма или большей его части хазарам (Кулаковский, 1906, с. 63; Васильев, 1927, с. 194–195; Якобсон, 1964, с. 28–35; Артамонов, 1962, с. 196–198; Плетнева, 1986, с. 22–23; 2000, с. 151–169; Айбабин, 1999, с. 185–189), до констатирования установившегося здесь кондоминиума между Хазарией и Византией (Баранов, 1990, с. 148; Сорочан, 1998, с. 41; 2001; 2005, с. 322–396; Науменко, 2001, с. 346–350). Попытаемся проанализировать их еще раз.

Обратимся к вопросу о присутствии хазарского наместника на Боспоре (в данном случае мы имеем в виду собственно город Боспор). В соответствии с сообщениями византийских летописцев, после бегства к кагану Юстиниан женился на сестре последнего и жил в Фанагории. Каган, подавшись уговорам правившего в Константинополе Тиверия III Апсимара, решил выдать опального императора византийцам. По Феофану: «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а (сам) приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только дадут им знать. Но, как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, (все) стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же (Юстиниан поступил) и с архонтом Валгицем. (Затем) он немедленно отправляет Феодору в Хазарию, а сам тайно сбежал из Фанагории» (Чичуров, 1980, с. 62–63). По Никифору: «Он (каган – *авт.*) послал людей для охраны Юстиниана под видом того, как бы он не подвергся козням со стороны своих соплеменников, а на самом деле – стеречь Юстиниана, чтобы он не скрылся, стремясь заранее себя обезопасить. Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее. Но об этом извещает Феодору один из слуг ее отца, а она донесла о заговоре мужу. Тогда Юстиниан, призвал того местного хазарина (к себе) и уединившись с ним, задушил его петлей; таким же образом он убивает и архонта Боспора» (Чичуров, 1980, с. 163).

Обычно современные исследователи интерпретируют Папаца как хазарского наместника Фанагории, а Валгица – как правителя Боспора из местного населения, но подчиненного хазарам (Чичуров, 1980, с. 124–126; Науменко, 2001, с. 347–348).

Очевидно, Папац к управлению Фанагорией отношения не имеет. На расплывчатое сообщение о нем Феофана «*бывшему в Фанагории от его (кагана – авт.) лица*», имеется однозначное пояснение Никифора: «*Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане*». То есть Папац – хазарский чиновник, приставленный каганом к Юстиниану.

Кроме того, что Юстиниан был женат на родной сестре правителя Хазарии, он не скрывал и своих претензий на Константинопольский престол. Поэтому нахождение рядом с Юстинианом доверенного лица кагана было необходимо. Таким доверенным лицом и был Папац. Что касается Валгица, то здесь ситуация несколько сложнее. Феофан называет его «архонт Босфора», а Никифор – «архонт Скифского Боспора». То есть, из источника следует, что Валгиц был наместником кагана на Боспоре. Причем именно кагана, и никоим образом не подчинялся императору. При двойном подчинении Боспора (на чем настаивают С.Б. Сорочан и В.Е. Науменко) Тиберий III мог сам, без кагана, «убедить» архонта избавиться от Юстиниана (уж очень неординарный был случай). То, что византийцы искусно владели данными приемами, хорошо известно. А раз Апсимар просит об услуге кагана и тот приказывает архонту Боспора (на чем настаивают источники), то вывод может быть один: данный чиновник подчинялся исключительно хазарам.

Однако, о каком Боспоре идет речь? Обычно исследователи или просто констатируют, что Валгиц был наместником на Боспоре, или уточняют, что под Боспором подразумевается бывший город Пантикапей, который в византийских источниках известен как Боспор.

Судя по данным как Феофана, так и Никифора, Юстиниан постоянно проживал в Фанагории. В связи с этим присутствие в ней архонта города Боспора выглядит крайне странным. Можно, конечно, допустить, что под Боспором понимался не город, а область с центром в Фанагории. Однако это не дает ответа на вопрос: кому принадлежал собственно город Боспор? Вероятно, чиновник, известный как «архонт Боспора», по крайней мере, прямого отношения к городу Боспору не имел. Как представляется, ключ к пониманию должности Валгица можно найти в пояснении Никифора: «архонт Скифского Боспора». И.С. Чичуров предположил, что данное уточнение связано с желанием автора отличить Скифский Боспор от Фракийского (Чичуров, 1980, с. 179). Возможно, Босфор Скифский есть калька с древнегреческого топонима Боспор Киммерийский, то есть современный Керченский пролив. В подтверждение нашей гипотезы отметим тот факт, что патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) называет Черное море именно "Скифским" (Байер, 2001, с. 118).

Таким образом, «архонт Боспора» – это чиновник, который от имени кагана контролировал пролив и, возможно, осуществлял сбор податей с территории бывшего Боспорского царства. Ставка же его находилась в Фанагории. На наш взгляд, данная точка зрения позволяет снять многие противоречия и объясняет нахождение «архонта Боспора» на противоположном от города берегу пролива.

Таким образом, произведения Феофана и Никифора в эпизоде с бегством Юстиниана из Херсона и его пребыванием в Фанагории не содержат прямых сведений о непосредственном контроле хазар над Боспором. В связи с изложенным рассмотрим вопрос о военном присутствии хазар в Фанагории и на Боспоре.

Напомним, что, пытаясь устранить Юстиниана, каган отправил в Фанагорию охрану, надо думать военный отряд, под предлогом того, чтоб местные соплеменники Юстиниана его не убили. Находясь в Фанагории или в окрестностях значительные военные силы хазар, кагану не было бы необходимости посылать туда дополнительные войска, а достаточно было направить одного или несколько чиновников с соответствующими полномочиями, которые и обеспечили бы Юстиниану необходимую «охрану». Причем появление данного контингента не должно было вызвать недоверия со стороны беглого императора. Он должен был поверить, и вероятно поверил бы, если бы не Феодора, что отряд направлялся именно для его охраны. Таким образом, источники позволяют говорить об отсутствии в Фанагории на тот момент значительных военных сил хазар. И если на азиатской стороне Боспора, в крайне важном для хазар месте, была такая ситуация, то можно ли говорить о наличии хазарского гарнизона в городе Боспоре? Отметим, что "жители крепостей", куда, несомненно, входил и Боспор, боясь репрессий со сто-

роны Юстиниана, просили прислать им войско для охраны из Хазарии. А Никифор и Феофан однозначно отделяют Хазарию от Крыма и Фанагории.

Единственный хазарский чиновник, который в это время фиксируется в Крыму – это херсонский тудун. Возникает вопрос, а не связано ли его появление в Херсоне с попыткой выдачи Юстиниана византийцам. Несомненно, что тудун появился в городе после бегства оттуда опального императора. Если бы он находился там в период ссылки Юстиниана, тому не было необходимости искать «выход» на кагана за пределами Херсона (Чичуров, 1980, с. 130). Тудун появился там после 705 г., фиксируется в 711–712 гг. и больше ни по каким источникам не известен. Вероятно, правы те авторы, которые определяют функции тудуна контролем за выплатой дани и доходами от торговли (Науменко, 2001, с. 349). Когда тудун покинул город, не известно. Скорее всего, надобность в нем отпала после прихода к власти в Константинополе Вардана Филиппика, который, как известно, добился этого во многом благодаря хазарам.

Как уже неоднократно отмечалось различными исследователями, Херсон, Боспор, и Климаты, несомненно, выступают в истории с Юстинианом II как местности, подчиненные Византии. Ссылка Юстиниана в Херсон, участие «херсонитов, босфориан и остальных климатов» (Чичуров, 1980, с. 63) в заговоре против него, желание последнего истребить весь народ «в Херсоне, Босфоре и других архонствах» (Чичуров, 1980, с. 164), провозглашение императором Вардана Филиппика «херсонитами и жителями других крепостей» (Чичуров, 1980, с. 164) указывают, что как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались как ромейские. Какова же роль хазар во всех этих событиях? Встретится с каганом Юстиниан смог только за пределами Крыма. Боясь репрессий со стороны Юстиниана, «жители крепостей... послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны», Юстиниан, когда узнал о заговоре Ильи и Вардана, возвращает тудуна и отправляет послов «оправдаться перед каганом». За возвращение бежавшего к кагану и только что провозглашенного императором Вардана, «ромей» обязаны были выплатить значительную сумму. То есть хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение. Ни один источник не упоминает о каких-то территориальных или политических претензиях со стороны хазар, акцентируя внимание на исключительно материальных требованиях.

Детальное изучение известных в настоящее время на территории Крымского полуострова захоронений кочевников, обычно датируемых концом VII – первой половиной VIII в, показывает, что на долю тюрко-протоболгарского или салтовского населения приходится не более 9–10 могил.

Анализ керамического материала поселений Пташкино, Героевка, Эльтиген Западное, Тау-Кипчак, Кордон-Оба, Меловое, Фронтовое, Ак-Кая, на м. Ойрат, в Лазурном и других, как правило, связываемых с так называемой «первой волной» хазарского проникновения в Крым, позволяет сделать вывод, что надежные материалы, позволяющие датировать их основание периодом до середины VIII в., отсутствуют (Сазанов, Могаричев, 2006; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 103–166).

Таким образом, данные археологии также не подтверждают точку зрения о заселении в конце VII – начале VIII вв. территории Крыма пришлыми протоболагарами или салтовцами – хазарами. Погребения же, которые, в какой-то мере могут быть связаны с собственно хазарами, вообще единичны и при этом спорны. Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого по сравнению с VI – первой половиной VII вв. существенно не изменился. Города Боспор, Судак и Херсон, крепости-климаты Юго-Западного Крыма, несомненно, по-прежнему контролировала Византия.

Можно сделать вывод, что в начале VIII в. Боспор наравне с Херсоном и Климатами оставался частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары не по своей воли оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории

полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими.

Современный уровень источниковедческой базы не позволяет говорить об изменении византийско-хазарских взаимоотношений в Таврике до середины – второй половины VIII в. Археологические материалы и письменные источники не фиксируют ни серьезных вооруженных конфликтов, ни изменений в составе населения.

В середине – второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно «разбросаны» по Северо-Западному, Центральному, и Юго-Восточному регионам (Могаричев, 2004; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 139–145). Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих поселений, в частности, городов Боспора и Сугдеи, окруженных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников (Тепсень, Кордон-Оба, Героевка, Пташкино) – а большая часть их археологически не изучалась – были выявлены христианские культовые сооружения.

Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших по территории полуострова.

Скорее всего, пришельцы появились с территории Хазарского каганата. Надо думать, данное перемещение населения в Крым происходило параллельно с другими миграционными процессами в Хазарии, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона (Плетнева, 1989, с. 268; несколько другую интерпретацию см.: Гадло, 1984, с. 25–26; Петрухин, Раевский, 1998, с. 201, и др.). Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722–737 гг.) (Плетнева, 1986, с. 41). Практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии (Афанасьев, 2001, с. 52). В.Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 – началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани (Ковалевская, 2002, с. 66–67).

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских памятников. Учитывая обстоятельства появления новых поселений, можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей Крыма.

Вероятно, данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее; однако современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяют сделать более конкретные выводы).

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству (см., напр: Иванов, 2001, с. 18–19; Константин Багрянородный, 1989, с. 137, 141). Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского или согласившегося принять христианство населения из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

Готия или Климаты (причем, Готия – название более распространенное в церковной литературной традиции, Климаты же – термин, используемый в официальных источниках VIII–IX вв., см.: Науменко, 1998, с. 693–696) до середины VIII в. находилась в подчинении Византии, которая управляла данной областью через Херсон. В церковном плане Херсон и Готия так же входили в одну церковно-административную единицу (Васильев, 1927, с. 189). Зависимость ее населения от хазар не выходила за пределы выплаты дани.

Однако уже в 80-х гг. VIII в. здесь меняется административное устройство. Во главе Готии появляется Господин (Кир), которому подчинены архонты. Нет оснований утверждать, что до конца третьей четверти VIII в. хазары имели возможность влиять на административное устройство Юго-Западной Таврики. По мнению Н.А. Алексеенко, Господин Готии – "кир", скорее всего, по должности являлся наместником пограничной византийской области с особым статусом управления. Подобная должность появилась в конце VIII в. и в Херсоне (1996; 2004: см. также: Сорочан, 2003, с. 306; 2005, с. 610–613). Вероятно, подобные преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской угрозы, которая к 80-м гг. стала очевидной.

Такая ситуация могла сложиться только при условии изменения отношений между Византией и Хазарией. При императорах-иконоборцах между государствами установились самые дружеские отношения. Но наметившийся в правление Ирины поворот идеологического и политического курса в сторону восстановления иконопочитания, ослабление арабской угрозы на фоне заметного упадка Византии не могли не вызвать реакции со стороны каганата, усилившего натиск на византийские владения в Таврике и на Кавказе (Новосельцев, 1990, с. 151).

Серьезное столкновение между хазарами и местным населением, известное как восстание Иоанна Готского, произошло в Готии в период между концом 784 и 786 гг. (Герцен, Могаричев, 1999, с. 115). О нем сообщает «Житие Иоанна Готского»: «А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владельцем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании. Чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам. Ибо каган, отправив войско, захватил их крепость по имени Дорос, расположив в ней гарнизон, который изгнал (затем) упомянутый преподобный епископ со своим народом и силой овладел клисурами. Затем, видя, что архиерей выдан одним местечком (селением), они (его народ, старшины и владелец) перебежали к кагану, который пощадил владельца Готфии, семнадцать же рабов каган замучил невинными. Преподобный же, заключенный под стражу, сбежав, сумел переправиться в Амастриду – христоробивый город. И обретаясь там, на четвертом году, услышав о кончине кагана, рек: «И я, братия, через сорок дней отхожу судиться с моим преследователем пред ликом Судии и Бога!».

Источник фиксирует однозначную последовательность событий. Хазары заняли главную крепость Готии – Дорос и разместили там вооруженный отряд. В ответ Господин Готии, его архонты, епископ Иоанн поднимают восстание, изгоняют хазар и захватывают Клисуры. Однако восстание было подавлено, Иоанн, преданный одним селением и заточенный в фульскую тюрьму, бежал в Амастриду. Господин Готии был помилован, казнены лишь 17 человек (по крайней мере, такую цифру называет источник, см.: Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 12–13).

Сведениям письменного источника имеется археологическое подтверждение. На Мангупе обнаружен участок оборонительной системы, перестроенный хазарами после его завоевания (Герцен, 1990, с. 111–120; 2002).

Вероятно, антихазарское выступление не было масштабным. И после его подавления хазарам удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. Сложно определить, какие территории в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосыгаем, их гарнизон появился на Мангупе. Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом, в частности, Эски-Кермен и Каламита? С одной стороны там могли также разместиться хазарские гарнизоны, с другой – после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев, с третьей – есть вероятность сохранения этих террито-

рий за византийскими (херсонскими) властями. Н.И. Репников, Е.В. Веймарн, И.А. Баранов (Репников, 1932, с. 140; Веймарн, 1958, с. 25–26, 54; Баранов, 1990, с. 151–152) предполагали захват Эски-кермена хазарами и разрушение ими оборонительной системы городища. Однако, как показал А.И. Айбабин, для таких выводов нет никаких оснований (1999, с. 210).

В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и в церковной структуре. Собственно византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия (Герцен, Могаричев, 1999; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 177–179).

Надо думать, Доросом хазары владели относительно недолго. Интересно в ракурсе рассматриваемой проблемой упоминание правителя Готии в связи с известным событием из жизни императора Константина VI, который в 795 г. заточил свою жену Марию в монастырь и женился на некоей кувикларии Феодоте. Согласно Житию Феодора Студита, «это зло сделалось известным не только в столице, но и в отдаленнейших странах. Так король Лонгобардский, король Готский и наместник Боспорский, основываясь на этом нарушении устава, предались прелюбодейным связям» (Васильев, 1927, с. 217–218). Этот факт отражен и в письме Феодора Студита, датированном 808 г. Его же зафиксировало и Житие патриарха Никифора (Васильев, 1927, с. 218).

Если в данном случае короля Готии воспринимать как правителя одной из имперских окраин, можно предположить, что к этому времени хазарский гарнизон покинул Мангуп. То есть господство хазар там продолжалось 10–15 лет. Правда, с другой стороны, если предположить, что статус короля Готии был аналогичным статусу короля Лонгобардии, а источники ставят их в один ряд, то можно утверждать, что Готия в это время была фактически независима от Византии (известно, что византийское господство с середины VIII в. в Северной и Средней Италии практически перестало осуществляться: местные лидеры стали фактически независимыми от империи, см.: Бородин, 2001, с. 341).

Однако в любом случае уже в начале IX в. хазары постепенно начинают терять контроль сначала над юго-западной частью, а впоследствии и над всем полуостровом. В середине IX в. Византийское правительство создает здесь новую территориально-административную единицу – фему.

По мнению одних исследователей, фема Климатов (таким было ее первоначальное название) была создана летом 841 г, в ответ на появление в припонтских степях венгров (Цукерман, 1997, с. 320; Айбабин, 1999, с. 215–216; Дагрон, 2000, с. 297–298), которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера, и те более не могли удерживать подвластные им территории. Другие исследователи сомневаются, что фема была создана именно в 841 г. (Никифоров, 2009; Сорочан, 2010) и не считают «венгерскую угрозу» причиной ее создания ((Петрухин, 2002; Сорочан, 2005, с. 565). Однако, несомненно, что это произошло между 834 и 842 гг. Создание фемы однозначно свидетельствует о переходе Готии (мы не знаем границы фемы Климатов. Входил ли в нее Восточный Крым и Боспор, однако, Юго-западный Крым, и, скорее всего Южный – несомненно) к началу 40-х гг. под полный контроль Византии.

Сложную политическую обстановку в Крыму в начале второй половины IX в., передает нам житие Константина Философа. В 860 г. он был послан императором Михаилом III (856–867) с миссией к хазарскому кагану. Путь миссии лежал через Крым.

В Херсоне Константин организовал поиск и перенос мощей папы Климента в городской собор (а впоследствии и в Рим). Там же он узнал, что: «Пришел же с войском хазарский полководец, окружил христианский город и осадил его. Узнав же об этом, Философ пошел к нему без колебаний, и, беседуя с ним и поучая, укротил его, и обещавшись ему креститься, отошел, не причинив никакого вреда этим людям. Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу он молился, напали на него венгры, воя как волки, желая убить его. Он же не испугался, не прервал своей молитвы, лишь взывая "Господи помилуй" ибо кончал уже службу. Они же, увидев (это), по божьему повелению стали кроткими, и начали кланяться ему, и, выслушав из уст его слова поучения, отпустили его со всеми сопровождающими» (Сказания, 1980, с. 77–86).

Как представляется, несмотря на всю историческую ценность Жития, сюжеты о "чудесном спасении" Константина сначала от хазар, а затем и венгров вряд ли имели места в действительности и являются данью агиографической традиции того времени (Могаричев, 2002, с. 52). Однако указанное выше никак не отрицает факта пребывания в округе (ближней или дальней) Херсона хазарских и венгерских военных отрядов, которые в какой-то мере могли угрожать и самому городу.

Анастасий Библиотекарь в одном из писем, основываясь на тексте Константина Философа, а также на устном сообщении сосланного в то время в Херсон митрополита смирнского Митрофана, сообщает: «место лежит на окраине царства и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда... место опустело и сделалось необитаемым... вся та часть Херсонской страны пришла в упадок, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить. ...Этот город (Херсон – *авт.*) пограничен с хазарской землею» (Ягич, 1893, с. 9–11).

На основании этого фрагмента обычно следовал вывод о прохождении границы хазарских владений в непосредственной близости от Херсона или византийских территорий в его округе (Айбабин, 1999, с. 221). Но если рассматривать данные слова Анастасия, не вырывая их из контекста источника (одной из задач которого было показать выдающуюся роль Константина Философа в деле обнаружения забытого местным населением захоронения папы Климента), то напрашиваются иные выводы. Для Константина, во время его путешествия, Херсон был ближайшим к хазарам византийским городом, перевалочной базой, где перед поездкой непосредственно в Хазарию можно было запастись всем необходимым и узнать обстановку на границах византийских владений. Поэтому слова Митрофана, переданные Анастасием ни в коем случае не следует понимать буквально. Херсон по источнику не пограничный (буквально), но ближайший к хазарам византийский город, откуда Константин начинал свое путешествие, занимался миссионерской деятельностью и куда вернулся на обратном пути.

Также представляется несколько преувеличенной угроза Херсону со стороны врагов, о которой обычно говорят, ссылаясь на письмо Анастасия. Действительно, с одной стороны он пишет о жителях Херсона, как о заключенных в тюрьме. Но с другой, сам информатор Анастасия, Митрофан проживал не в самом городе, а «недалеко» от него (Ягич, 1893, с. 10), Константин, светское и церковное руководство Херсона организовали торжественную церемонию перенесения мощей Климента в город, при этом мощи на ночь оставили в одном из загородных храмов. Все это не соответствует утверждениям о постоянном нахождении врагов в ближайших окрестностях.

Очевидно, какие-то походы в попытках вернуть себе владения или получить дань совершали хазары; периодически угрожать византийским владениям в Таврике могли отряды венгров, но прямой угрозы захвата Херсона и, надо думать, поселений всей остальной фемы не существовало.

К. Цукерман, на наш взгляд, убедительно показал, что ко времени путешествия Константина Философа у хазар на полуострове уже не оставалось опорных пунктов (Цукерман, 1998, с. 667). А.И. Айбабин считает, что хазар изгнали из Крыма «спустя некоторое время» после 861 г, а именно, ближе к 873 г. Основанием для такой хронологии послужил как анализ археологического материала, так и письмо константинопольского патриарха Фотия архиепископу Боспора с поддержкой желания последнего крестить проживавших там иудеев (1999, с. 222). Возможность неоднозначного толкования письма Фотия (его следует рассматривать в контексте византийской истории того времени; известно, что в период правления Македонской династии при Василии I (867–886), после ряда попыток убедить византийских евреев принять христианство, был издан декрет об обязательном и насильственном их крещении, см.: Васильев, 1998, с. 437; Хазанов, 1994, с. 25; мы не знаем, были ли крещены местные евреи и что произошло с непокорными, но вероятнее всего, желание Антония крестить иудеев можно рассматривать в большей степени как «рапорт с мест» о поддержке политики императора), не исключает факта прекращения хазарского господства на Боспоре к началу 70-х годов IX в. Отметим, археологический анализ упомянутых ранее «хазарских» поселений показывает, что они закан-

чивают свое существование в пределах второй половины IX в. (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 226; Сазанов, Могаричев, 2008).

К указанному времени хазары, в попытке вернуть крымские владения или получить дань, могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов (Цукерман, 1998, с. 678–679), но укрепиться здесь у них больше не получилось.

Необходимо отметить, что один источник все же сообщает о вхождении части Крыма в состав Хазарии в X в. Это так называемая Пространная редакция письма царя Иосифа, согласно которой в состав каганата около 950–960 г (различные авторы датируют источник в пределах этих хронологических рамок) входил весь полуостров, за исключением Херсона и его ближайшей округи. Однако, как отмечалось исследователями, данные Пространной редакции в отношении крымских владений хазар сильно преувеличены (Герцен, 1993, с. 63). Поэтому, вероятнее всего, если крымские пункты Пространной редакции и не являются поздней вставкой – а такое мнение высказывалось (Коковцов, 1932, с. 108–109; Хвольсон, 1884, с. 500), равно как и гипотеза, что «Пространная редакция» вообще фальсификация (Бушаков, 1994; 2005; обзор лит-ры и опровержение см.: Артамонов, 1962, с. 9–10, 30), по крайней мере, по мнению современных авторов, рукопись вплоть до XIX в подвергалась многочисленным исправлениям и подчисткам или была составлена только в конце XI в. (Кизилов, 2001, с. 81) – то они отражают более желаемое, нежели реальное. Отметим, что, по сообщению Кембриджского документа, поселения между Боспором и Херсоном в период правления того же Иосифа являлись «городами Романа» (Голб, Прицак, 1997, с. 141), то есть византийскими.

Подтверждением вышесказанному является и договор, заключенный между Империей и Киевской Русью в 944 или 945 гг. после похода Игоря на Византию. Согласно ему, русские обязуются не нападать на подвластные Константинополю области в Крыму (ст. 8) и защищать их от походов черных болгар (ст. 11) (Полное собрание, 1926, с. 51; Левченко, 1956, с. 162). Здесь нет ни слова о хазарской угрозе. Надо думать, если бы таковая имелась, византийцы не преминули бы вменить в обязанность русским и защиту «Корсунской страны» и от хазар¹.

Власть венгров в степной части Крыма была недолгой, уже к 80 гг. IX в. они были вытеснены печенегами, и в истории полуострова начинается новый исторический период. Наиболее полные сведения о нем содержатся в произведении византийского императора Константина Багрянородного (945–959) «Об управлении империей», составленном в 948–952 гг. (1989, с. 5).

Херсон и Климаты подчинялись Византии, но власть империи не была здесь особо прочной, ибо Крым находился под постоянной угрозой вторжения неприятеля. В частности, это и хазары, которые, хотя уже и покинули Крым, но, вероятно, не оставляли надежды его вернуть и всячески угрожали набегам. Чтобы сдерживать хазар от нападения, византийские власти всячески обхаживали их соседей – алан, которые, так же будучи грозной военной силой, могли препятствовать тем, угрожая ударить с тылу. По словам Константина, необходимо дружить с эксусиократором (правителем) Алании, потому что «он может сильно вредить им (хазарам – авт.), и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты» (1989, с. 53).

Описанную Константином Багрянородным ситуацию подтверждают и не византийские источники. Это уже упоминаемый Кембриджский документ, написанный хазарским евреем на древнееврейском языке² (Голб, Прицак, 1997, с. 138–142). В нем повествуется, что преследования императором Романом Лакапином (919–945) евреев, вызвали напряженность в отношениях между христианской Византией и иудейской Хазарией. Известно, что хазары в 861 г. в качестве официальной религии приняли иудаизм (103, 237–259). Император Роман заручился поддержкой русского князя Олега, послав тому богатые подарки. Олег захватил и разгромил город

¹ Отметим, что нет никаких оснований отождествлять хазар с черными булгарами. Константин Багрянородный однозначно разделяет эти два политических образования (1989, с. 53).

² Хотя этот источник является проблемным, большинство современных исследователей склонны верить как в подлинность самого документа, так и в правдивость описанных в нем событий.

Самкерчь (Тмутаракань), воспользовавшись отсутствием в нем хазарского военачальника Песаха. Песах, в свою очередь, начал войну с византийцами. Он завоевал три города и много селений. Затем, он напал на Херсон и разгромил византийцев в сражении, убив 90 человек, многих взял в плен, а остальных рассеял. Описанные в истории события произошли в период между 920–940 гг. (Zuckerman, 1995, p. 127–129). Однако, вероятно, закрепиться в Крыму хазары не смогли.

В ряде работ современных авторов активно разрабатывается гипотеза о «Крымской Хазарии» в X–XI вв. Они основываются на двух источниках: письме патриарха Николая Мистика (№ 68), вероятно, херсонскому стратигу, о командировании в Хазарию архиепископа Херсона; информации Иоанна Скилицы об отправке в 1016 г. византийского флота в Хазарию для ее подчинения.

Письмо № 68 Николая Мистика, вероятно, херсонскому стратигу Иоанну Воге или его преемнику датируется различными авторами в пределах 914–первой половиной 920 г. (Иванов, 2003, с. 183; Цукерман, 2010, с. 424). «...О епископе Херсона: помнит, конечно, твое благоразумие, что наказывали мы своими устами и теперь письменно объявляем, именно, так как прибывшие из Хазарии испрашивали себе епископа для совершения хиротонии пресвитеров и трудов, приемлемых на соблюдение чистой христианской веры, то [наше смирение] отправило новоназначенного архиепископа Херсонского; ему то с Божьим содействием следует отправиться в Хазарию и что нужно там совершить, и затем возвратиться к кафедре, на которую назначен, то есть к кафедре Херсонской; и так промысли обо всем этом, как подобает сыну церкви, содействуя делу в Хазарии и возведению и упрочению архиепископа на собственной его кафедре, после того как он совершит путь в Хазарию; да явит же тебя Христос Бог наш в деле этом достохвальном и дарует тебе благополучное возвращение сюда» (цит. по: Сорочан, 2005, с. 1487–1494).

Византийские авторы VIII–X вв. (Феофан, Никифор, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана и др.) четко отделяли Хазарию от Крыма. Следовательно, Николай Мистик под термином «Хазария» мог понимать только одно государственное образование – Хазарский каганат. Тем более что он называет эту территорию просто «Хазария», а не «малая», «новая» и т.д., что можно было бы предполагать, если бы речь шла о какой-то области расселения хазар отличной от «главной» Хазарии.

Аргументом в пользу отправки херсонского архиепископа именно в Хазарский каганат могут быть письма того же Николая Мистика № 51 эксусиасту Авагсии Константину III (914–916) и № 46 – следующему правителю Абхазии, Георгию II (916–917) в которых идет речь о помощи тамошних князей в деле недавней христианизации Алании (подробнее см.: Иванов, 2003, с. 181–183). Сохранились и письма патриарха (№ 52, 118, 133, 134, 135) архиепископу Алании, датирующиеся 914–918 гг. (Иванов, 2003, с. 184–190). Учитывая, что адресатом Николая Мистика были и правители Абхазии, не остается сомнений, что речь идет об кавказских аланах, а не возможном аланском анклавом в Крыму или еще где-либо. Раз патриарх проводил миссионерскую деятельность в Алании, почему он не мог это же делать в Хазарии?

Согласно письму Николая Мистика, задача херсонского иерарха заключалась не в миссионерской деятельности, а в помощи по организации церковной структуры для проживающих в Хазарии христиан. Отметим, что, согласно источникам, христиане, равно как и мусульмане, составляли значительную часть населения Хазарского каганата (Новосельцев, 1990, с. 144–164). Напомним известное свидетельство Ал-Масуди (около 896–956 гг.) о семи судьях хазарской столицы: «Два из них – для мусульман; два – для хазар, судят законом Торы; два – для тех, кто (есть) в ней из христиан, судят законом Евангелия; а один из них – для славян, руссов и других идолопоклонников, судят языческим законом, а это – право разума» (Древняя Русь, 2009, с. 113).

Абсолютно понятно и логично командирование в Хазарию именно херсонского иерарха. Традиционно контакты между Византией и Хазарией осуществлялись через Херсон.

Отрывок из хроники Иоанна Скилицы: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем Василевса, он подчинил страну,

когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении» (цит. по: Степаненко, 2008, с. 27). Описываемые события относятся к 1016 г., хотя сам Скилица жил и писал свои произведения во второй половине XI – начале XII в.

Все предположения о локализации Хазарии в той или иной части Крымского полуострова основаны на допущении, что Георгий Цула Скилицы и Георгий Цула, известный по моливдовулам, – одно и то же лицо.

Согласно печатям, выделяется не менее 7 представителей рода Цул, датирующихся серединой X – второй половиной XIII в. Причем большинство печатей имеют Крымское происхождение, хотя отдельные экземпляры были найдены в Фесалониках и Болгарии. Печатей с именем Георгий Цула атрибутировано 12 экземпляров. Они трех типов: императорский протоспафарий и стратиг Херсона; императорский протоспафарий и стратиг; протоспафарий Боспора (Алексеевко 1995; 2000, с. 256–257; 2010). Все три вида печатей близки между собой и по сфрагистическому типу датируются первой половиной XI в. (Алексеевко, 2010, с. 4).

Даже Георгий Цула всех четырех источников – одно и то же лицо, что маловероятно; по нашему мнению, это ни как не отвечает на вопрос – о какой Хазарии писал Скилица? Учитывая, что Скилица – византийский автор, он должен был отражать именно византийское представление об исторической географии и топонимике того времени (скорее всего, времени жизни самого автора, то есть второй половины XI в.).

Какие земли в Крыму он мог называть Хазарией? *Херсон и его округа?* Скорее всего, нет. Все источники традиционно называют эту территорию Херсоном, фемой Херсона, печати фиксируют стратига Херсона. *Готия или Климаты?* Константин Багрянородный называет эту территорию Климатами, которые наряду с Херсоном подчинялись Византии. Концом X – началом XI в. (временем близким, к рассматриваемому) датируется печать Льва, императорского спафария и турмарха Готии, что свидетельствует о вероятном вхождении этой территории фему Херсона (Алексеевко, 1998). *Боспор* – официальное византийское название. Приблизительно к 971–976 гг. на Боспоре была создана византийская фема, выделенная, вероятно, из состава фемы Херсон (Степаненко, 2008, с. 31). Следовательно, византийский автор называть Боспор Хазарией не мог. *Сугдея?* Судя по сфрагистическим источникам, фема в Сугдее была учреждена в конце X – начале XI в. (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 188). В середине XI в., судя по надписи патрикия и стратига Херсона Льва Алиата 1059 г. (Латышев, 1898, с. 15–19), она вошла или была объединена с фемой Херсон. Причем из всех найденных в Сугдее порядка 500–600 печатей больше половины относятся именно к периоду X – первой половины XII вв. Город, как и в более раннее время, оставался византийским и поддерживал тесные связи с Херсоном (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 175–189). Сохранившиеся письменные источники (приписки на полях Сугдейского синаксаря, Житие Стефана Сурожского и др.) не дают никаких оснований отождествлять город и округу с Хазарией.

Таким образом, Готию, Херсон, Боспор и Сугдею можно исключить из претендентов называться Хазарией.

Вероятнее всего, Хазария, упоминаемая Иоанном Скилицей, находилась вне пределов Крымского полуострова. Помочь в ее локализации, по нашему мнению, могут хорошо известные источники, а именно, печати (выявлено 4 экз.) тмутараканского князя Олега Святославовича (1083–1094), надпись на которых гласит: «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии (Булгакова, 2008, с. 231–232; Степанова, 2005, с. 542–543). Русские летописи в связи с тмутараканским княжеством несколько раз упоминают неких хазар. В 1023 г. дружина тмутараканского князя Мстислава, воевавшего с Ярославом Мудрым за отцовское наследство, состояла из касогов, которых он покорил за год до этого, и хазар (отметим хронологическую близость и возможную логическую последовательность между покорением Хазарии в 1016 г. и появлением хазар в войске тмутараканского князя в 1023 г., см.: Повесть временных лет, 1950, с. 299). В 1079 г. того же Олега Святославовича захватили и отправили в Константинополь именно хазары. И власть в княжестве перешла к посаднику Ратибору, назначенному Всеволодом (Повесть временных лет, 1950, с. 336). В 1083 г. Олег вернулся в Тмутаракань из

Константинополя и первым делом «перебил хазар»¹ (Повесть временных лет, 1950, с. 339). Таким образом, Повесть временных лет в XI в. последовательно связывает хазар с Тмутараканским княжеством. Позволим высказать предположение, что появиться некая Хазария (не вдаваясь в подробности о ее политическом статусе) на территории бывшего азиатского Боспора могла в результате мощнейших ударов, нанесенных Хазарскому каганату в 60-х гг. X в. Святославом и последующим угасанием этого государства. В итоге приходим к выводу: Хазария, архонтом которой был Георгий Цула и которая была покорена Монгом, находилась на Северном Кавказе, вероятно, на бывшем Азиатском Боспоре.

В заключении остановимся на упоминании Хазарии авторами XII в. Традиционно считается, что достоверным отождествлением Хазарии с Крымом является сообщение некоего рабби Петахии, около 1173 г. путешествовавшего из Регенсбурга на Восток. Приведем отрывок из его Путешествия: «Р. Петахия всю землю кедарскую во всю ширину ее прошел в шестнадцать дней. Кедары живут в шатрах ... Земля их не гориста и вся состоит из равнин. На пространстве одного дня ходьбы в стране кедарской тянется рукав морской, отделяющий страну эту от земли хазаров... Р. Петахия прошел землю хазарскую в восемь дней. В конце этой земли семнадцать рек соединяются в одну, и в этом пункте собираются все желающие пуститься в морское путешествие. Там с одной стороны есть море, которое издает большое зловоние, а с другой море чистое, без запаха, и расстояние между тем и другим около одного дня ходьбы. Кто переезжает вонючее море, тот непременно умирает; из едущих же по другому морю, если ветер дует со стороны вонючего моря, также многие погибают. Поэтому последнее море переезжают тогда только, когда ветер дует в противоположную сторону» (Три еврейских путешественника, 2004, с. 265). Конечно, заманчиво в данном описании видеть Крым, а в описании морей – Сиваш и Азовское море. Однако оригинала сочинения Петахии к нам не дошло. Источник о нем говорит в третьем лице. При этом рассказ о путешествии Р. Петахии записан, вероятно, с его слов, неким Иудою Хасидом, а потом кем-то неизвестным сокращен (Три еврейских путешественника, 2004, с. 361–263). Отсюда, скорее всего, и приблизительность описаний, и явное преувеличение о вреде Сивашского воздуха. Поэтому к данному источнику нельзя относиться как к оригинальному и точному описанию.

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII.

Айбабин А.И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. – М., 2003.

Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсона // Древности. – Харьков, 1995.

Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V.

Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1998. – Вып. 9.

Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII.

Алексеенко Н.А. Имперская администрация на византийско-хазарском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004.

Алексеенко Н.А. Херсон и хазарско-византийское пограничье в начале IX в. Печати Киров // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып. IX.

Алексеенко Н.А. Род Цулы: варвары на византийской службе? // II Международный Византийский семинар Херсонская фема: «империя и «полис». Тез. док. – Севастополь, 2010.

¹ Возможно, именно после этого он стал именоваться «архонтом всей Хазарии».

Алексеевко Н.А. Взаимовлияния в русско-византийских отношениях на Боспоре и Тамани во второй половине XI столетия по данным нумизматики и сфрагистики // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011.

Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. – 1976. – Вып. 13.

Антонова И.А. Рост территории Херсонеса // Византия и сопредельный мир. – АДСВ. – 1990.

Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1996. – Вып. VII.

Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. – 2001. – № 2.

Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев, 1990.

Болгов Н.Н. Боспор Византийский: очерки истории // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. VI.

Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001.

Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. – Вып. III.

Бушаков В. Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. – К., 1994. – № 1–2.

Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хозарського царя Йосипа // Хазарский Альманах. – 2005. – Т. 4.

Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Вып. 5.

Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. – СПб., 1998.

Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958.

Веймарн Е.В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958б.

Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов «длинные стены» // Античные традиции и византийские реалии. – АДСВ. – 1980.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. – 1998. – № 1.

Гадло А.В. Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дис... д-ра ист. наук. – М., 1984.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1.

Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-западного Крыма. – Симферополь, 1992.

Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский Альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1.

Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – 2003. – Вып. 34.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – 1999. – Вып. 30.

Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997.

Дагрон Ж. Двуликий Крым // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Восточные источники. – М., 2009. – Т. 3.

Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. – Киев, 1974.

Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7.

Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8.

- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. – Киев, 2000.
- Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10.
- Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – М., 2003.
- Кизилов М.* Крымская Иудея. – Симферополь, 2011.
- Ковалевская В.Б.* Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. – Киев, 1906.
- Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1894. – Т.1.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1898.
- Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956.
- Майко В.В.* К вопросу о хазарах на Боспоре во второй половине X в. // Пантикапей. Боспор. Керчь. Материалы конф. – Керчь, 2000.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992.
- Могаричев Ю.М.* К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2002. – № 4 (152).
- Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины-второй половины XI в. // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2004. – Вып. XIII.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007.
- Мыц В.Л.* Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. – 1997. – № 57(82).
- Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI.
- Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2.
- Никифоров М.А.* К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV.
- Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г.* Об исторической топографии «готской земли» в ранне-средневековом Крыму // Восток-Запад: межкультурный диалог. Тез. док. – Севастополь, 2002.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
- Плетнева С.А.* Хазары. – М., 1986.
- Петрухин В.Я.* Хазария, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию // Хазары. Тез. док. – М., 2002
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и средневековье. – М., 1998.
- Пиоро И.С.* Крымская Готия. – Киев, 1990.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. – М., 1989.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000.
- Повесть временных лет. – М.; Л., 1950. – Ч. 1.
- Полное собрание Русских Летописей. – Л., 1926. – Т. 1.
- Прокопий Кесарийский.* О постройках // ВДИ. – 1939. – № 4.
- Репников Н.И.* Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. XII. – Вып. 1–8.
- Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000.
- Сазанов А.В.* Боспор у ранневизантийский час // Археология. – 1991. – № 2.
- Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994.
- Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис... докт. ист. наук. – М., 1999.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII–начале VIII в. 1. Проблемы «хазарских слоев» Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. XII.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2006. – Вып. XVI/1.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. – Вып. XXI.

Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып.2.

Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981.

Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47.

Соломоник Э.И. Домбровский О.И., О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев, 1968.

Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков. Этюды рынка. – Харьков, 1998.

Сорочан С.Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001.

Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. – Симферополь, 2003.

Сорочан С.Б. Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления» // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2003. – Вып. XII.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1–2.

Сорочан С.Б. К вопросу о времени создания фемы Климата // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. – Харьков, 2010.

Степанова Е.В. Печати из Судак (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2005. – Вып. 11.

Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008.

Талис Д.Л. Городище Тепе-Кермен. – КСИА. – 1976. – Вып. 148.

Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953а. – № 34.

Тиханова М.А. Базилика // МИА. – 1953б. – № 34.

Три еврейских путешественника. – М., 2004.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1.

Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcoporum // МАИЭТ. – 2010. – Вып. XVI.

Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // Херсонесский сборник. – Севастополь, 1997. – Вып. VII.

Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. – 1979. – Т. 40.

Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского университета в Москве. – М.; Иерусалим, 1994. – № 1 (5).

Хвольсон Д.А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а также образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. – СПб., 1884.

Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. – Симферополь, 2005.

Храпунов Н.И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002.

Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М., 1980.

Ягич И.Ф. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок Императорской академии наук. – 1893. – № 6.

Яacobson A.Л. Средневековый Крым. – М.; Л., 1964.

Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Etudes Byzantines*. – Paris, 1995. – Т. 53.

ВТОРОЕ ИМЯ БУЛГАРА?

Р.Ф. Набиев

Казанский юридический институт МВД РФ

Одной из проблем средневековой истории нашей Страны является локализация ее столицы во второй половине XIV в. Дело в том, что уже два века не могут быть разрешены споры о том, где же на самом деле располагалась столица Империи Джучидов (Золотой Орды) – г. Сарай. В настоящее время пока считается, что было два города с таким названием: *Сарай Бату* (Сарай ал-Махруса/Старый Сарай) и *Сарай Берке* (Сарай ал-Джадид/Новый Сарай). Остатки обоих расположены в низовьях Волги под Астраханью (с. Селитрянное) и Волгоградом (р. Ахтуба) соответственно.

Многих ученых не устраивает такая локализация городов. Сведения исторических источников заставляют задуматься над вопросом: исчерпываются ли этими ойконимами все названия столиц Империи Джучидов? Ограничивается ли только этими городами месторасположение ставки великого хана?

Например, до недавнего времени считалось, что дворцовый район Нового Сарая назывался *Гюлистаном*¹, который также был важным финансовым центром и местом чеканки государственной монеты – серебряного дирхема. Получается, что три крупных центра государственной чеканки монет (три экономических центра) располагались практически в одном регионе? Причем, рядом чеканил свою монету *Хаджитархан*. Необычность ситуации заключается в том, что центр чеканки серебряного дирхема обслуживал определенный экономический район, а в данном случае четыре крупных центра чеканки располагались на небольшом расстоянии друг от друга.

В этом отношении особо примечательны монеты хана Тохтамыша, чеканенные в Сарае ал-Джадид в 777–781 гг. (1375/1376 – 1379/1380 гг.) и Урус-хана в Сарае за тот же период. Получается, что два великих хана, два выдающихся полководца, постоянно (с переменным успехом) воюющих друг с другом на огромных пространствах, устроили себе ставки на расстоянии трех дней пути? И на протяжении нескольких лет «наслаждались» соседством, воюя друг с другом? Кроме того, в Хаджитархане по-прежнему держался Хаджи Черкес.

Представляется, что эти лидеры, возглавляющие мощные контингенты профессиональных войск, состоящих из кланов наследственных воинов, разрешили бы спор между собой за неделю-другую, если бы постоянно базировались в одном регионе. Это соображение ставит под сомнение нахождение обоих столиц по соседству.

Мы не ставим перед собой задачи пересмотра господствующих мнений о расположении этих центров и не рассматриваем иные версии о вероятной локализации этих топонимов. Вышеуказанное противоречие может оказаться важным фоном для понимания сути интереснейшего явления – с середины XIV в. «пропадают» монеты, чеканенные в Булгаре. При том что сам город испытывал расцвет и оставался центром хозяйственной округи. Такие центры, как правило, являлись и центрами «нумизматических провинций». К тому же Булгар был первым центром джучидской чеканки.

Некоторые исследователи отмечают отсутствие булгарского чекана ханских монет за период после хана Узбека и до Шадибека (Янина, 1958, с. 170; Мухамадиев, 1983; 2011). А.Г. Мухамадиев считает возможным оценивать этот факт как трагичный (в аспекте утраты ряда характерных черт булгарской материальной культуры): «исчезает... вообще название монетного двора «Булгар» из монет. Судя по монетам, они чеканились, как и ранее в Булгаре, но уже с обозначением места чеканки как «Гюлистан»... Об этом можно догадаться лишь по редким монетам «Гюлистана», чеканенным с именем эмира Булгара Булат-Тимура...»² По его

¹ Страна цветов? Некоторые историки склонны поддерживать версию о том, что Гюлистаном назывался город, ранее считавшийся Сараем ал-Джадид (Новый), а Сарай и Сарай альДжадид – один город.

² Д.Г. Мухаметшин отмечал булгарскую монету Булат-Тимура. По летописям в это время Булат-Тимур захватил Булгар и «перекрыл» Волжский путь.

мнению, традиция монетного дома «Булгар» продолжилась уже в Казани (Золотоордынская, 2008, с. 159).¹

Но возможно ли в принципе прекращение чекана в то время, когда г. Булгар испытывал бурный рост и развитие экономики? К тому же известно, что Булгар выполнял функцию летней столицы Империи Джучидов еще со времен хана Батыея.² Отсутствие собственного чекана в таком важном центре, как г. Булгар (на фоне общего роста численности городов-эмитентов), представляется нам невозможным.

Этот факт может косвенно свидетельствовать как в пользу особых условий, которыми был наделен Булгар в рамках Империи Джучидов, так и в пользу существования иных обозначений города Булгара в XIV в.

Некоторые ученые (Е. Арсюхин и др.) давно пришли к выводу о том, что в этот период Булгар использовал сарайскую монету, причем как высококачественную, так и очевидные подделки, подражания и перечеканки. Но не решались сделать следующий шаг – сам город Булгар мог называться и Сараем, т.к. именно он был первым столичным городом Империи Джучидов, а затем – летней столицей.

В пользу этого предположения, в частности, можно расценивать сведения некоторых средневековых карт, отмечавших Сарай значительно севернее современной локализации, что российские ученые пытались объяснить еще в XIX в. (Золотоордынская, 2008, с. 41). Так, Ф.К. Брун предполагал, что великий хан Джанибек перенес столицу из Сарая на Север (Брун, 1878, с. 10).

В легенде об основании Казани в переводе А. Рахима имеется примечательная фраза, подтверждающая статус Булгара: «Золотым тронем называли город Болгар» (Мустакимов, 2008, с. 157). Таким образом, мы не можем исключать возможности отражения в чекане части сарайских дирхемов (Сарай ал-Джадид?) не нижеволжской, а северной столицы Империи – города Булгара. В пользу такого предположения имеется ряд свидетельств и доводов. Например, специалист по данному периоду нумизмат из г. Булгара Д.Г. Мухамедшин отмечает сарайские монеты с рамкой, характерной для болгарских монет, но, к сожалению, не мог высказаться более определенно, т.к. работал с ограниченным объемом материала.

По нашему мнению, термин *сарай* в ранних упоминаниях следует понимать не столько как конкретный топоним, а как 'столицу, ставку, дворец, двор', который не заменял полностью традиционного названия города. Известны, например, еще *Мамаев Сарай*, *Кок-Сарай* Тимурленга, *Гюлистан-Сарай*, *Сарайчик*, *Ак-Сарай*, основанный в Кеше Тимуром³ и *Ак-Сарай* на Белосарайской косе азовского побережья, *Арханг-Сарай* в Тохаристане (Махмуд, 1977, с. 19, 27), *Сарай Маджар* XIV в. (Маджар/Будденовск) (см.: Продолжатель), возможно, *Баба Сарай*, *Биль-Сарай*⁴, джунгарский *Кубаксарай* (Барфилд, 2009, с. 220). Их сопоставление позволяет утверждать, что термин применялся именно в значении 'дворец, столица, ставка': столица (дворец) Мамаев, Синяя (северная?) столица (дворец), «белая» (восточная) столица (дворец), Малая столица (дворец).

В пользу нашего предположения можно трактовать сведения ата-Мелика Джувеини: «Бату жил в своем собственном лагере, который называется *Сарай*...» (Джувеини, 2004, с. 183).

Учитывая, что одной из главных баз Тохтамыш-хана была Булгария (и Тимурленг даже «унизительно» называл его каном Булгара, см.: Григорьев, 2004, с. 21–26), можно предположить, что город Булгар оставался центром чеканки монет – Сараем. Возможно, и «Сарай ал-Джадид».

Учет нашей версии позволяет не только более рационально трактовать сведения монетного материала, но и глубже проникнуть в суть событий, происходивших в XIV в. Например, весьма странная, на наш взгляд, информация о рейдах северных разбойников-ушкуйников по Волге

¹ Эта точка зрения ранее была выдвинута А.П. Григорьевым.

² Интересно, например, сообщение «Повести о московском взятии» из состава ряда русских летописей о том, что Тохтамыш-хан пришел на третий год царствования в Сарае и Булгаре.

³ См.: Аксарай под Астраханью, Ак-Сарай в Турции, и др.

⁴ Балысыра/Бабасара из т.н. «Первого ярлыка Джанибека венецианцам» (Григорьев, 1992, с. 33–86).

«до Сарая». Более того, в летописях передана легенда о том, что в 1471 г. Сарай якобы взяли вятчане! Кроме того, указывается, что и в 1472 – вятчане зимой пограбили Сарай и на обратном пути погибли в буре.¹ Очевидно принципиальное непонимание обстановки и соотношения потенциалов.²

Для того чтобы осознать невозможность подобных походов нужно помнить, что ни одно войско не могло пройти к низовьям Волги, не разгромив Булгарию. Булгарский флот контролировал Волгу до самого падения Казани.

В XV в. на Идели/Волге были десятки городов, и берега реки еще не были окончательно опустошены. Даже если флот нападавших насчитывал многие сотни кораблей, им пришлось бы около месяца плыть, не выходя на берег, находясь под непрерывным обстрелом с берегов (уже применялось огнестрельное оружие) и давлением болгарского флота.³

У ушкуйников не было никаких шансов пробиться до «астраханского» или «волгоградского» Сарая. На наш взгляд, это, скорее всего, означает, что под названием *Сарай* вятчане в тот период понимали иной город, находящийся выше по течению Волги.

Конечно же, при наличии противоречивых данных делать однозначное утверждение было бы опрометчиво. Не исключено, что автор данной статьи ошибается, и монеты «Сарай ал-Джадид» не чеканились в Булгаре. Но примечательны наблюдения известного археолога и нумизмата А.Г. Мухамадиева, который, опираясь на известную закономерность наибольшей плотности находок монет вокруг центра их эмиссии, предполагал, что Гюлистаном XIV в. должен был быть город Булгар. Гюлистанские монеты появляются с прекращением болгарской эмиссии (Мухамадиев, 1983, с. 63, 145; 2011, с. 135–136]. Эти аргументы достаточно весомы и учитываются специалистами.

Применительно к заявленной теме данная версия весьма продуктивна, т.к. Гюлистан именовался *сараем* в подлинных документах XIV в. В этом отношении достойно особого внимания письмо ханши Тайдуллы венецианцам, написанное в *Гюлистан-Сарае* (Григорьев, 1996, с. 18–23). И если, например, ставка хана находилась в Булгаре, то именование его Сараем в этот период вполне закономерно.

Сведения источников подобного рода и монетный материал дают нам основания предполагать, что город Булгар мог именоваться Сараем во время нахождения там ставки великого хана.

Подобное толкование проблемы хронологического разрыва в монетной эмиссии Булгара в период экономического роста Империи Джучидов XIV в. позволяет иначе взглянуть на многие события и процессы. Так, например, длительное противостояние ханов, находящихся в «Булгар-Сарае»⁴ и Сарае в низовьях Волги становится вполне реальным.

¹ И это после того, как (по Никоновской летописи) в 1469 г. были разгромлены сразу два огромных флота, напавшие на Казань (через Волгу и Каму)? Оставшихся в живых после битвы болгары преследовали до нижегородских земель.

² Вятка в то время называлась еще Колын > Хлынов. Она представляла собой небольшую торговую республику, заселенную выходцами из Новгорода Великого, предками современных удмуртов, болгаро-татар и марийцев. До подчинения Казанского ханства Москве в 1487 г. Вятка неуклонно выполняла союзнические обязательства по отношению к Казани. На стороне Москвы они условно выступили только после полного уничтожения элиты Хлынова Иваном IV. Город процветал на транзитной торговле между болгарским Поволжьем и Уралом с Новгородом Великим, поэтому их агрессивные действия против своих «кормильцев» выглядят совершенно невозможным. Обычно вятчане сами пресекали нападения ушкуйников. Но вполне вероятен успешный торговый поход, из которого они в первый раз вернулись с большой прибылью. Случаи продажи ушкуйниками своей добычи в Булгаре в летописях отмечаются.

³ О силе болгарского флота может свидетельствовать, например, такой факт: даже после двух опустошений Булгарии полчищами Тимур-ленга, объединенный флот лесных княжеств в 1396 г. не смог пройти далее Булгара. Интересно также, что сведения о походе московских войск на суда к Сараю 1480 г. и взятии его признаны ошибочными и являются следствием переноса событий 1502 г., когда Сарай уже был разгромлен совместным нападением крымцев и ногайцев. Даже в XVI в. С. Герберштейн упоминал «сотни» московских кораблей, потерянных при нападениях на Казань (Герберштейн, 1908, с.156).

⁴ Это понятие автор статьи указал в кавычках не только потому, что оно пока еще условно, но и потому, что подобное сочетание, кажется, встречалось в источниках или восточных историях.

Литература

Арсюхин Е. Монеты Булгара «темных десятилетий» // webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:OFIJQJPCBYJ:archeologia.narod.ru/bulnum.htm+%D0%BD%D0%B5%D1%82+%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%82+%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B0+%D0%B2+XIV&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&source=www.google.ru. – Дата обращения: 15.11.2005.

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д.В. Рухлядева. – СПб., 2009.

Брун Ф.К. О резиденции ханов Золотой Орды до времени Джанибека I // Тр. III АС. – Киев, 1878.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб, 1908.

Григорьев А.П., Теплицына Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. 21. – СПб., 2004.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 2, вып. 4.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.) // Востоковедение. Вып. 19. – СПб., 1997.

Джувейни А. Чигисхан: история завоевателя... / пер. Дж. Бойла, Е. Харитоновой. – М.: Магистр-пресс, 2004.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.. – М.: Наука, 1985.

Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008.

Махмуд ибн Вали. Море тайн. – Ташкент: Фан, 1977.

Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) // www.vostlit.info/Texts/rus8/Fasihi/ frametext2.htm (дата обращения: 2.08.2011).

Мустакимов И. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (к вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Эхо веков. – 2008. – № 1.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М.: Наука, 1983.

Мухамадиев А.Г. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2011.

Настич В.Н. О методах датировки средневековых арабографических памятников эпиграфии Ферганы и Семиречья // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. – М., 1995.

Продолжатель Рашид ад-Дина // vostlit.info. (Дата обращения: 1.09.2010).

Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958) // МИА. – 1958. – № 111.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОРОМАШКИНСКОГО КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Н.Г. Набиуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Староромашкинским археологическим комплексом традиционно называют расположенную в окрестностях с. Старое Ромашкино Чистопольского муниципального района РТ группу памятников – одноименное городище с прилегающими к нему селищами, а также кладбище «Ташбилге» («Ханское») с надмогильными камнями XIV в. (рис. 1, 2).

Городище впервые упомянуто в прошлом веке и описано следующим образом: «Расположено на южной окраине села. Площадь 20 000 кв. м., форма вытянутая, туфлеобразная, что и нашло отражение в названии памятника. С севера и юга городище ограждено валами и рвами. Слой более 40 см. Материал – разнообразная болгарская керамика домонгольского периода» (Булич, 1926; Хлебникова, 1962; Фахрутдинов, 1975, с. 147, № 1137; Археологические памятники Центрального Закамья, 1988, № 477).

В 1989 г. памятник разведочно исследовался К.А. Руденко, описание которого приводим ниже: «Площадь его (110 × 230 м) подпрямоугольной формы, вытянута с юга на север, задернована. В западной части памятника отмечено разрушение культурного слоя осыпями... С севера и юга городище защищено валами и рвами. В южной части три вала и два рва, глубина последнего достигает 2, а ширина 8 м. По дну первого рва сделан спуск для машин. Высота валов до 2,5 м, ширина – 8 м. В середине имеется проезд. Второй и третий валы частично разрушены (в западной части) при строительстве дамбы через реку. В северной части – два вала и два рва. Наибольшая глубина рва 2, ширина 7 м. Валы высотой от 0,5 до 1,5 и шириной до 11 м... Площадь памятника около 20000 кв. м. Подъемный материал представлен невыразительными фрагментами круговой керамики общеболгарского типа... Городище относится к болгарской культуре» (Руденко, 1990, л. 11).

Предыдущими исследователями на основании собранного с поверхности городища материала городище отнесено к числу болгарских памятников и датировано домонгольским временем, что по абсолютной хронологии болгаро-татарских древностей соответствует времени в пределах X – начала XIII вв.

В известных на сегодняшний день письменных источниках памятник не упоминается; средневековое название его не сохранилось. Высказывалось мнение о том, что вытянутая, «туфлеобразная» форма городища нашла отражение в названии памятника местным населением «Калюш» (тат. *калуш*, рус. *галоши*, *калош*). Однако современное татарское население это городище называет «Кала», т.е. «город». Старожилы сообщают предания о том, что раньше существовал мост, который назывался «Кала күпере» (рус. *городской мост*)¹.

В разное время на площадке городища и в его окрестностях (разделить этот материал уже невозможно) местные жители находили различные предметы, часть из которых хранится в музее средней школы дер. Татарские Сарсазы: железный топор, ножи, наконечники стрел, лемех, глиняные светильники. Местные жители говорят о наличии в недавнем прошлом «каменных кладок» со стороны реки и оврага, которые предназначались «для укрепления берегов от оползней»; ныне они растащены для хозяйственных нужд. В восточном овраге сохранялись остатки «колодца», при «раскопках» которого были обнаружены глиняные «горшки» с органическими остатками. Ценными являются сведения о нескольких участках, где в обнажениях зафиксированы «множество скелетов»; останки людей лежат сравнительно неглубоко, примерно 0,5 м от современной поверхности.

¹ Информация Гайфутдинова Агдыля Минзакировича – старожилы села Каргали 1933 г.р. и других старожилов с. Каргали, с. Старое Ромашкино, дер. Татарские Сарсазы.

Городище относится к широко распространенному типу памятников, подчиненных рельефу местности. С южной, напольной стороны сохранившаяся длина оборонительной линии составляет 150 м, ширина – до 45 м. Посередине линии укреплений находится ее разрыв, по которому проходит современная дорога. Она с одной стороны ведет на площадку городища, а с другой проходит по дну внутреннего рва и выходит на правый берег оврага, ограничивающего площадку городища с востока. Отмеченная предыдущими исследователями «северная» оборонительная линия ныне значительно оплыла; через нее также проходит дорога. На восточном склоне имеется углубление, напоминающее спуск к мосту (старая дорога?).

Площадка городища относительно ровная, его поверхность задернована. Есть следы кладоискательства; рядом с поврежденными участками культурного слоя – выброшенные на поверхность металлургический шлак, окалина. На обнаженных участках встречаются фрагменты неполивной керамики в основном общеболгарского облика, а также фрагменты лепной керамики с добавлением в тесто толченой раковины; последние орнаментированы оттиском шнура, ногтевыми вдавлениями.

При осмотре осыпающегося западного склона городища вдоль обрыва была выявлена прогрессирующая трещина, которая угрожала обрушением участку культурного слоя. Сам участок с точки зрения характера формирования напластований был оценен как относительно перспективный для начала разработки стратиграфической шкалы памятника, и здесь была проведена углубленная зачистка (раскоп I) интенсивно разрушающегося берегового обнажения. Здесь прослежена следующая стратиграфия культурных напластований (рис.3).

Общая мощность культурных напластований вне объектов составляет 60–80 см. Характер напластований спокойный, слоистый, особенно в нижней части. Предварительно выделяются следующие слои.

Слой I. Дерн и слои распашки XIX–XX вв. Мощность 30–45 см. Находки немногочисленны и представлены в основном фрагментами неполивной керамики домонгольского и общеболгарского облика, костями животных. В позднейшей распашке изредка встречаются современные предметы.

Слой II. Слои распашки XVII–XVIII вв. и/или напластования, сформировавшиеся после окончания функционирования средневекового памятника до распашки в новое время. Рыхлая (рассыпчатая) серая супесь с включениями известняка, золы. Мощность до 12–15 см. Прослежена на уч. Б, В/1.

Слой III. Культурный слой болгарского городища. С X–XI вв. по начало XIII в.

Горизонт 1. Напластования, связанные с окончанием функционирования средневекового городища (условно «слой пожарища» начала XIII в.?). Древесная зола (пепел), уголь, обожженная глина. Мощность до 20–22 см; прослежен на уч. А, Б/1. Здесь фиксируется самая высокая концентрация культурных остатков (неполивная глиняная посуда), причем, в отличие от других напластований, встречаются средние и относительно крупные фрагменты, развалы. Стратиграфическое расположение, характер структуры отложений, облик вещевого материала позволяют рассматривать эти напластования как следы какого-то пожара (разрушения); менее вероятный вариант – признаки интенсивной хозяйственной деятельности. Таким образом, эти напластования предварительно интерпретированы как связанные с окончанием функционирования средневекового городища (условно «слой пожарища» начала XIII в.?).

Горизонт 2. Напластования и объекты времени функционирования городища (с X–XI вв. по начало XIII в.). Плотная темно-серая слоистая слабо гумусированная супесь. Прослежена на всех участках. Мощность до 30 см в северной части; уменьшается в южной части раскопа. Находки немногочисленны и представлены в основном фрагментами неполивной керамики домонгольского и общеболгарского облика, костями животных.

К слою III восходит несколько выявленных объектов типа столбовых ямок.

Ниже культурного слоя находится погребенная почва и материковая глина.

Культурные остатки представлены в основном неполивной посудой и соотносятся с имеющимися систематизациями керамики (Казаков, 1978, с. 83; он же, 1987а, с. 26; он же, 1987б, с. 67–75; он же, 2007, с. 52, 53, 58; Хузин, 1986, с. 20–23; Хлебникова, 1984, с. 106, 108–112, 158, 160, 167–170, 191, 192, 194–198, 229–231; она же, 1988; Васильева, 1993, с. 74, 75,

100, 115, 116, 134, 184; Кокорина, Хлебникова, 1993, с. 109; Кокорина, 2002, с. 21–48, 82, 84, 85, 88–94, 107–110, 180).

Более трех четвертей керамики относится к «общebolгарской» посуде (группа I) по классификации Т.А. Хлебниковой – Н.А. Кокориной. Эта гончарная посуда обычно имеет самые разные формы – кувшины, горшки, корчаги, миски, светильники, кружки, блюда и пр. Мелкофрагментарность керамики не дает возможности определить формы; но, по крайней мере, реконструируются обломки кувшинов, чаш, небольших горшков.

Интерес представляет лепная, так называемая традиционная посуда. Она представлена группами «прикамско-приуральских истоков»; небольшую ее часть можно сопоставить с чашевидными сосудами групп VII и VIII по указанной классификации («постпетрогромско-булгарская» или «гибридная» по Е.П. Казакову). Бытовала в болгарских памятниках преимущественно в X–XI вв., хотя встречается до начала XIII в.

Группа XIII (керамика «джукетау»; «постпетрогромско-булгарская» или «гибридная» по Е.П. Казакову) представлена фрагментами чашевидных или горшковидных сосудов лепной техники изготовления.

Интересны смешанные, «гибридные» экземпляры, несущие признаки, характерные для разных групп посуды, в том числе «общebolгарской» и «джукетау».

В коллекции – стенка лепного толстостенного сосуда с примесью шамота, органики. Истоки ее усматриваются среди группы керамики салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья VIII–IX вв.

Индивидуальные находки представлены обломками жернова, железного ножа и др.

* * *

Как было сказано выше, городище традиционно рассматривается как часть Староромашкинского археологического комплекса вместе с прилегающими к нему селищами, а также расположенным в 2 км к юго-западу от него кладбищем «Ташбилге» («Ханское») с надмогильными камнями («Староромашкинское кладбище с надгробиями», см.: Юсупов, 1960, с. 20; Булатов, 1967; Фахрутдинов, 1975, с. 147, № 1138; Хакимзянов, 1978; Археологические памятники Центрального Закамья, № 478)¹.

К.А. Руденко зафиксировал около городища три селища, а также еще одно кладбище с надмогильными камнями без определенной датировки (Руденко, 1990, лл. 11–13). При проведении исследований около городища выявлены новые участки распространения культурного слоя и домонгольские (?) могильники, на Староромашкинском кладбище – еще несколько надмогильных памятников. Кроме этого, в школьном музее дер. Татарские Сарсазы хранится выразительный материал из случайных находок, переданных местными жителями². Все это создает картину достаточно интересной группы памятников, которая требует научного исследования.

На основании полученных материалов городище можно в целом датировать в пределах домонгольского времени, что не противоречит и имеющейся датировке. Датировка, а также определение площади прилегающих к нему достаточно обширных селищ и нововыявленных могильников требует уточнения. Прогнозируется открытие новых памятников, о чем свидетельствуют материалы разведочных исследований, сведения местных жителей. Критически обрабатывая эту информацию, уже сейчас, пусть и несколько забегаая вперед, можно предполагать наличие ремесленной деятельности, обширных посадок, нескольких больших могильников и т.д. Поэтому не исключается, что Староромашкинское городище с прилегающими селищами в исторической действительности могли являться остатками города с административными, ремес-

¹ Памятник федерального значения. Постановление СМ РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»; Указ Президента РФ от 20.02. 1995 № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

² Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить городскую и районную администрацию, организаторов и участников исследований – В.Н. Бахматову, Д.Г. Газизова, к. ист. наук А.А. Гайфутдинова, к. ист. наук Н.Г. Гарифа, А.Р. Давлетшина, к. пед. наук О.В. Добронравову, В.Ф. Колесникова, д. ист. наук К.И. Корепанова, Г.И. Лыкова, Р.П. Смирнову за содействие и помощь в работе.

ленно-торговыми и другими присущими для средневекового города функциями, а не военной крепостью или замком, как традиционно считается.

Еще один из открытых вопросов – как в исторической действительности были связаны городище с прилегающими к нему селищами и находящееся в некотором отдалении от них Староромашкинского кладбище с надмогильными камнями. В золотоордынское время городище, скорее всего, не используется, о чем свидетельствует и отсутствие на нем и прилегающих селищах материалов второй половины XIII–XIV вв. Возможно, в эту историческую эпоху население оседает в окрестностях города, что археологически отмечено Староромашкинским (Юсупов, 1963, лл. 19, 20, 22–26, 28, 29; Хакимзянов, 1978, с. 112–117, 130–131, 170–175, 182, 183)¹, а также Исляйкинским (Юсупов, 1963, лл. 15–17; он же, 1972, с. 49, 50; Хакимзянов, 1978, с. 176, 177, 186, 187), Тукмаклинским (?) и другими некрополями. Относительно недавно в окрестностях Старо-Ромашкинского кладбища открыто Р.Н. Хамзиным и исследовано раскопками А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенковым селище, датированное авторами XIII–XIV вв.

Материалы и предварительные результаты пока еще небольших исследований показывают перспективность их продолжения. Они также представляют ценность для создания научной основы обеспечения сохранности и надлежащего использования историко-культурного наследия, а также природного ландшафта. Следует особо отметить, что памятники Староромашкинской группы памятников на сегодняшний день абсолютно не защищены от хозяйственной деятельности человека, кладоискателей, воздействия сил природы. На осыпающихся склонах городища, в том числе участках оборонительных сооружений, а также селищах необходимо проведение укрепительных работ и охранно-спасательных археологических исследований. Отдельная тема – сохранение и изучение Староромашкинского кладбища с надмогильными камнями.

Литература

Археологические памятники Центрального Закамья. – Казань, 1988.

Булатов А.Б. Эпиграфические памятники Закамья XIV в. // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИ. – 1967. – Вып. 36.

Булич А. К. Булгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР // Вестник Научного общества татароведения. – 1926. – № 4.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. – Екатеринбург, 1993.

Казаков Е.П. Памятники болгаро-татарского времени в восточных районах Татарии. – М., 1978.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007.

Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987а.

Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987б.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культуры). – Казань, 2002.

Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Болгарии X–XIII вв. // Археология Волжской Болгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993.

Руденко К.А. Отчет о разведках в Чистопольском р-не Татарской АССР в 1989 г. – Казань, 1990 // Архив ИА РАН. – № 12730.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Болгарии и ее территория. – Казань, 1975.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. – М., 1978.

¹ Опубликованы памятники 1318, 1320, 1323, 1333 гг. (по р. Х.). Кроме этого, два из хранящихся в Музее уездного города Чистополя надмогильных камней, по мнению Ф.С. Хакимзянова, происходят из Староромашкинского кладбища (Хакимзянов, 1978, с. 134, 135, 166, 167; см. также: Юсупов, 1963, лл. 12–14; он же, 1972, л. 49; Булатов, 1967, с. 199, 200). Один памятник датирован 1335 г., другой не датирован. Есть также точка зрения о том, что один из находящихся в Государственном Историческом музее (г. Москва) эпиграфических болгаро-татарских памятников происходит из Староромашкинского некрополя.

Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. – 1962. – № 111.

Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М., 1984.

Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.

Хузин Ф. Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. – Казань, 1986.

Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М. – Л., 1960.

Юсупов Г. В. Отчет об исследованиях эпиграфических памятников в закамских районах ТАССР в 1962–1963 гг. – Казань, 1963 // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. – Ф. 72.

Юсупов Г. В. Итоги полевых эпиграфических исследований 1961–1963 гг. в Татарской АССР // Эпиграфика Востока. – 1972. – Вып. XXI.

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ XIII–XV вв.: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Е.И. Нарожный

*Центр археологических исследований
Армавирской государственной педагогической академии
г. Армавир*

Обозначенная проблема давно, но лишь эпизодично, привлекает к себе внимание специалистов, требуя не только комплексного подхода, но и дальнейшей активизации полевых исследований.

Первые шаги по выявлению и осмотру городищ региона и поселений Золотой Орды на Северном Кавказе были предприняты еще астраханским губернатором В.Н. Татищевым. Уже в 1742 г. он снаряжает первую «экспедицию» на территорию золотоордынских Маджар (Нарожный, 2003а, с. 111–117; Зиливинская, 2010а, с. 230–232 и сл.) для составления карты округа городища «на пять верст» и зарисовки развалин мавзолеев этого городища. В конце февраля 1743 г., получив «три чертежа древнего строения на реке Куме, имянуемого Маджар», В.Н. Татищев вместе с «проспектами Астрахани, Кизляра и Брагунской Деревни» отправляет их в Российскую Академию наук (Василий Никитич, 1990, с. 290, док. № 200). Спустя еще один год, губернатор снаряжает уже вторую «экспедицию»¹, в составе которой был геодезист С. Счелков, специально присланный РАН в распоряжение В.Н. Татищева (Нарожный, 2003а, с. 111–114). По всей вероятности, именно с Сергеем Счелковым и следует связывать появление еще одной литографии с видом маджарских мавзолеев,² на которой были помещены планы и разрезы нескольких мемориальных памятников этого городища (Нарожный, 2011б). Именно их в архивах Академии наук (1841 г.) и обнаружит впоследствии академик К.М. Бэр (Волкова, 1971, с. 44–46).

Экспедиция С. Счелкова достигнет не только территории современного Дагестана, но и побывает в «Тартубе» (Татартупе – Деякове – Верхнем Джулате) в Северной Осетии, а также и в «Юлате», ныне отождествляемом с карачаевским селением Улу-Эльт на Верхней Кубани (Мамаев, 1986, с. 86; Виноградов, Нарожный, 1994, с. 4–6).

На всем протяжении последующих десятилетий XVIII в. и вплоть до конца XX столетия интерес исследователей был сконцентрирован в основном вокруг Маджар.³ Вместе с тем уже в первой половине XX в. и в последующий период были произведены археологические разведки в бассейне р. Сунжа (Минаева, 1958, с. 413–432) и в Терско-Сулакском междуречье (Гамзатов, 1982, с. 220–222 и сл.), а также и небольшие раскопки городищ Верхний и Нижний Джулаты на Верхнем Тереке (Крупнов, 1963; Милорадович, 1963а, б; Кузнецов, Милорадович, 1964а, б; Кузнецов, 2002; Чеченов, 1969). Кроме того, небольшие по масштабам раскопки проводились в нижнем течении Терека (Даутова, 1981, с. 44–46). Археологические разведки проводились и позднее, приведя к выявлению других памятников Золотой Орды и золотоордынского времени на Северном Кавказе.

В литературе предпринимались попытки создания исчерпывающих сводок таковых памятников в регионе (Егоров, 1977, с. 112–125; 1985, с. 120–125; Нарожный, 1998, с. 6–7; 2010, с. 28–29; Зиливинская, 2010а, с. 230–236; 2010в, с. 63–67), но не все из них в полной мере отра-

¹ Косвенно на это указывает документ 1758 года с автографом Екатерины II (Два исторических, 1907, с. 348, 242; Виноградов, Нарожный, 1994, с. 3–8).

² История появления различных литографий с видом на руины маджарских мавзолеев запутанна, и ее авторство приписывается различным людям (историографию см.: Нарожный, 2011а; 2011б). На наш взгляд, предпочтительнее это авторство связывать именно с С. Счелковым.

³ Историографические обзоры см.: Архипов, 1882; Минаева 1953, с. 150–152 и др.; Волкова, 1972, с. 40–46; Ртвеладзе, 1972, с. 156–157; Доде, 2008, с. 457; Аджимамедов, 1991, с. 46–48; Нарожный, 2003а., с. 111–116; Зиливинская, 2010а, с. 230–236; 2010б, с. 52–53).

жают известные к настоящему времени реалии.¹ Отсутствие сводки известных памятников² порождает разнотолки как определения времени, так и причин появления таковых объектов, в датировке времени «затухания» и возрождения некоторых «домонгольских» памятников и пр.

Рассматривая известные нам сведения о бытовых памятниках XIII–XV вв. на Северном Кавказе, следует указать на их протяженность от Дербента до Нижнего и Верхнего Терека, расположенность в бассейне р. Кумы, в нижней части Кубани, а также и на их существование вдоль Азовского и Черного морей, хотя в последних случаях из-за плохой их изученности статус таких объектов не всегда понятен. К сожалению, не все сведения об интересующих нас объектах в достаточной степени получили освещение в литературе, что не позволяет на сегодняшний день составить исчерпывающую их сводку; тем не менее, доступная информация позволяет составить предлагаемую ниже сводку сведений об объектах XIII–XV вв. на Северном Кавказе.

Среди интересующих нас объектов г. *Дербент*, расположенный не только в месте «стыка Европы и Азии», но и в месте максимального сближения Главного Кавказского хребта и Каспийского моря, является одним из древнейших крепостных и городских центров Кавказа, существовавших и в золотоордынскую эпоху, что хорошо подтверждают находки поливной и неполивной керамики, остатки архитектурных объектов и единичные находки различных предметов материальной культуры (Гаджиев, 1996; 1997; Кудрявцев А.А., 1976; 1982; 1985; 2003; Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., 2005; Кудрявцев Е.А., 2002). Севернее Дербента ныне выявлено еще несколько бытовых памятников, «вытянутых» вплоть до впадения р. Сулака в Терек.

Это *Тарки* (в черте г. Махачкалы). Памятник датируется временем от «середины I тысячелетия до н.э. и вплоть до позднего средневековья». Занимал площадь 700 × 900 м. Вокруг городища имелись оборонительные стены (Абакаров, Давудов. 1993, с. 146, № 390). Тарки упоминает Афанасий Никитин, описывая гибель своих судов у прибрежной полосы этого города (Хождение, 1980, с. 120–130).

Городище *Исти-Су* (площадь 300 × 100 м) с двучастной структурой – имеет «цитадель, ограниченную с востока выходами кладки, и шахристан, огражденный с западной стороны оборонительной стеной». Выделяется (по подъемному материалу) два хронологических периода – хазарский (VII–IX вв.) и позднесредневековый (XIV–XVI вв.) (Гамзатов, 1982, с. 221).

Бараганчинское поселение расположено на расстоянии 2 км к северо-востоку от с. Бараганчи Хасавюртовского р-на Дагестана. Площадь памятника более 1 кв. км. Культурный слой испорчен плантажной распашкой. Подъемный материал относится к хазарскому и золотоордынскому времени (Гамзатов, 1992, с. 222–223).

Сигитминское поселение на правом берегу р. Сулак является однослойным памятником. Керамика представлена в основном обломками красноглиняных золотоордынских сосудов (Гамзатов, 1982, с. 223).

Акташское поселение находится на правом берегу р. Акташ. Оно ограничено с запада крутым и извилистым берегом реки, а с востока – склонами небольшого хребта. Поверхность поселения представляет собой ровную пойменную террасу размерами 500 × 300 м. По обрывистым склонам прослеживается культурный слой, достигающий местами 0,5 м мощности. Поселение однослойное, золотоордынского времени (Гамзатов, 1982, с. 223–224).³

В бассейне р. Сунжа известны следующие поселения. Алхан-Калинское городище расположено близ современного города Грозного, у селения Алхан-Кала. Часть исследователей идентифицирует городище с раннесредневековым городом Магасом письменных источников, хотя существуют и иные, альтернативные точки зрения, локализирующие Магас на территории Кабардино-Балкарии, в Карачаево-Черкесии и на территории Краснодарского края (историо-

¹ В сводках В.Л. Егорова упоминаются около полутора десятка интересующих нас объектов с Северного Кавказа. Э.Д. Зиливинская учитывает лишь верхнетерские бытовые объекты, учтенные И.М. Чеченовым и, отчасти В.А. Кузнецовым.

² Предлагаемая ниже сводка в силу объективных обстоятельств также не может являться исчерпывающей.

³ Данным перечнем список известных бытовых памятников на территории Дагестана не исчерпывается. Здесь известно еще более десятка археологических бытовых памятников, датированных временем от хазарского периода до XIV в. (Магомедов, 1984, приложения), однако их отношение к системе золотоордынских владений не ясно.

графию см.: Виноградов, 2003, с. 99–104). Как известно, Магас осаждался полтора месяца войсками Чингизидов в конце 1230-х годов. Археологические материалы XIII–XIV вв. отсюда не очень многочисленны, в основном это маловыразительная керамика, обломки различных изделий из рога, кости и железа. Упоминается находка русского энколпиона и пр. (Виноградов, 1968, с. 62–71, прим. 1; 1970, с. 30–45; 1981, с. 50–54; 1996, с. 13–21, прим. 1). Иные индивидуальные находки с Алхан-Калинского городища, за редким исключением, были собраны за внешними валами памятника (Нарожный, 2008, с. 525–542). Близ цитадели исследовано впускное позднекочевническое захоронение, датированное монетой конца XIII в., и поднята медная монета с маджарской (?) надчеканкой периода «великой замятни» (Нарожный, 2008, с. 525–542). Последние артефакты заставляют считать, что внутренняя структура заброшенного городища, если и использовалась в XIV в., то эпизодически.

В литературе была опубликована и версия о возможной датировке золотоордынским временем Гудермесского поселения (Арсанукаев, 2002, с. 152, 155), находящегося у места слияния рек Сунжа и Терек. Поселение исследовалось нами в 1988–1989 гг. и было отнесено к числу поселений хазарского времени (Нарожный, 1989; 1990). Никаких серьезных аргументов в пользу такого «омоложения» данного археологического объекта нет.

Ново-Энгеновское поселение. Выявлено случайно к югу от одноименного селения в Гудермесском районе Чечни. Границы и площадь памятника неизвестны. В обвалах обрывистой террасы собраны материалы из двух обрушившихся хозяйственных ям. Среди остатков их заполнения собраны фрагменты керамических сосудов, в т.ч. и от крупной корчаги, аналогичной таким же сосудам из золотоордынского Азака, а также половинка подставки-сипаи. Материалы не опубликованы.

Поселение у с. *Курчалой* в Шалинском районе Чеченской Республики выявлено случайно к югу от гравийной дороги, начинающейся у восточной окраины села и ведущей к с. Майртуп. Поселение не обследовалось. Собранная у дороги коллекция поливной керамики представлена фрагментами «азербайджанской» керамики XII–XIII вв., вперемешку с золотоордынской (Виноградов, Нарожный, Голованова, 1990, с. 3–12, прим.).

Округа селения Майртуп Шалинского района Чеченской Республики. В разных уголках селения (участок от южной окраины до мусульманского кладбища, на территории Майртупского могильника эпохи поздней бронзы–раннего железа и др.) в разные годы были подняты: монета грузинской царицы Русудан (Нарожный, 2007а, с. 78–80), серебряный дирхем эпохи Золотой Орды, коллекция предметов мелкой христианской пластики, железные топоры, поливной, закавказской и золотоордынской керамики (Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 68–79; Виноградов, Куза, Магомадова, 1984, с. 76–84; рис. 1, 9; Виноградов, Нарожный, Голованова, 1990, с. 3, 10–15, прим.). Отношение данной округи и поселений на ее территории к системе владений Золотой Орды не совсем ясно.¹

Закан-Юртовское 1 и 2 поселения и *Самашкинское* поселение эпохи Золотой Орды были выявлены в 1945 г. Т.М. Минаевой на левом высоком берегу Сунжи. На всех трех памятниках был собран подъемный материал, типичный для «золотоордынских поселений Нижнего Поволжья», отмечены следы ирригационных сооружений (Минаева, 1958, с. 413–450). Археологическими разведками 1986 г. на этом участке сунженского побережья было обнаружено лишь одно из указанных поселений (Виноградов, Савенко, Нарожный, 1988, с. 114–115; Нарожный, 1991, с. 11–13; 2008, с. 942).

В бассейне р. Терек располагаются городища Нижний и Верхний Джулаты. Золотоордынское название памятников неизвестно. Название «Джулатов» они получили с «легкой руки»

¹ Ранее, опираясь на этимологию топонима «Майртуп» в переводе с чеченского языка как «стан храбрецов, мужественных», высказывалось предположение о возможности расположения здесь своеобразной «буферной зоны», находившейся между золотоордынскими владениями и высокогорной зоной обитания средневековых предков чеченцев, куда и стекались группы разноэтничных выходцев из золотоордынского плена, включая и русских (Виноградов, Куза, Магомадова, 1984, с. 76–84). Позднее появилась иная версия, рассматривавшая топоним «Майртуп» как «ограниченное во времени и в пространстве», этимология которого предусматривает обозначение «временного места, военного лагеря» и пр. (Мамаев, 1984, с. 90, прим. 48). Но и в этом варианте авторы версии указывают на золотоордынский период возникновения интересующего нас топонима.

Х.М. Френа, прочитавшего его на одной золотоордынской монете (Френ, 1832, с. 43). И. Благрамберг, автор компилятивного труда о Северном Кавказе, пытается отделить сведения о двух золотоордынских памятниках на Тереке друг от друга, хотя и сбивчиво, именует их как «Нижний» и «Верхний Джулаты» (Благрамберг, 1992; Нарожный, Нарожная, 2004, с. 328).

В округе городища *Верхний Джулат* еще в конце 1950-х годов В.А. Кузнецовым было выявлено несколько поселений и селищ, суммарно представленных в литературе как поселения «алано-золотоордынские». Подробнее о них не известно (Кузнецов, Милорадович, 1964а, с. 107–112; 1964б, с. 103–111; Чшиев, 2001, с. 30–35; Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., 2006, с. 142–143; Нарожный, 2008б, с. 274–276).

Городище *Нижний Джулат* (Кабардино-Балкария) расположено в 60–70 км ниже Верхнего Джулата по течению Терека, многослойное, исследовано слабо. На его территории описано основание минарета, раскопана мечеть с несколькими десятками мусульманских захоронений внутри и вокруг нее, а также с подпольным склепом (Чеченов, 1968а, с. 129–160; 1968б, с. 112–130; 1969, с. 78; Чеченов, Зиливинская, 1999, с. 201–210; Зиливинская, Чеченов, 2004, с. 135–159). Небольшая площадь на памятнике была вскрыта И.М. Чеченовым, «разрезавшим» и часть оборонительного вала вокруг цитадели (Чеченов, 1968а, с. 129–160; 1968б, с. 112–130; 1969, с. 78). С территории памятника есть и выразительный подъемный материал: латунный светильник – чирог, два миниатюрных поливных сосудика (Нарожный, 2004а, с. 263–274; 2004б, с. 263–272; Березин, Нарожный, 2004, с. 314–317) и железный крест «византийско-кавказского типа» (Ложкин, Малахов, 1998)¹; в материалах раскопок встречено несколько монет Тохтамыша и его времени (Чеченов, 1969, с. 78).

Городище Верхний Джулат (Северная Осетия), близ Дарьяльского горного прохода уверенно отождествляется с летописным городом Дедяковым (Пчелина, 1963, с. 153–161); в фольклорно-этнографических материалах горцев Северного Кавказа называется «Татартупом» (Семенов, 1947, с. 3–18). В дагестанской хронике XVII в. «Дербенд-наме» оно именуется как «Шехри-Татар», т.е. «город татар» (Дербенд-наме, 1992). Существовало оно на месте более раннего населенного пункта, на территории которого упоминаются и остатки рва (История Северо-Осетинской, 1987, с. 113). В середине – начале второй половины XIII в. эта территория контролировалась аланской «удивительной женщиной» по имени Лимачав и двумя ее малолетними детьми-«царевичами» – Бакатаром и Пареджаном, в распоряжении которых было и окружение из «князей» (Цулая, 1980, с. 199–203; Джигоев, 1982, с. 112–134 и сл.; Нарожный, 2010, с. 27). Тем самым подтверждаются сведения об опосредованном здесь характере власти Джучидов, осуществлявшейся «местными аланскими царями». В начале 1260-х годов, после столкновения Хулагуидов и Джучидов, Лимачав уходит в Закавказье, где «сам Хулагу» награждает ее «за службу», а царь Грузии определяет места для постоянного проживания (Цулая, 1980, с. 200–202). Аналогичная ситуация продолжает сохраняться в округе Придарьялья и позже, что и спровоцировало известный русско-ордынский поход 1278 г. против Дедякова отрядов Менгу-Тимура (историографический обзор см.: Нарожный, 2009, с. 154–162.). В середине 1290-х годов упоминается очередное «изгнание стражи татарской» из его округа (Нарожный, 2010, с. 26–27), после чего Золотая Орда отстраивает здесь город, активность строительства которого связывают с временем правления Узбека или Джанибека (Кузнецов, 2002).

Силами Северо-Кавказской археологической экспедиции во главе с Е.И. Крупновым на городище была исследована христианская церковь № 1 с прилегающим христианским кладбищем (Крупнов, 1963, с. 59–65; Милорадович, 1963а, с. 81–102). Кроме того, были исследованы Малая и Большая (Пятничная) мечети (Милорадович, 1963б, с. 70–89), минарет Большой мечети возвышался над округой вплоть до начала 1980-х годов. Впоследствии небольшие по площади раскопки были продолжены здесь В.А. Кузнецовым, их материалы он ввел в научный

¹ Учитывая то обстоятельство, что такие кресты использовались в литургии, можно предполагать, что на городище могла быть и христианская церковь.

оборот лишь недавно (Кузнецов, 2002). Небольшие раскопки на памятнике (в районе минарета и Большой мечети) были проведены Р. Фидаровым (Фидаров, 2004, с. 16–45).¹

Терекское городище расположено близ одноименного поселка в Кабардино-Балкарии (Чеченов, 1969, с. 63). Памятник датирован находками, начиная с эпохи раннего железа и вплоть до золотоордынской эпохи.

Хамидиевское городище выявлено близ сел. Хамидие в Кабардино-Балкарии. Возникло в раннесарматскую эпоху. К золотоордынскому времени относятся находки керамики и квадратного кирпича (Чеченов, 1969, с. 98).

Булунгуевское городище расположено близ с. Булунгу в Кабардино-Балкарии. Возникло в эпоху раннего средневековья и имеет материалы золотоордынского времени (Чеченов, 1969, с. 89).

В средней части течения Терека было выявлено *Старогладовское* поселение эпохи Золотой Орды, на территории которого был заложен лишь небольшой разведочный раскоп (Даутова, 1981, с. 41–44; 2010, с. 85–104; Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., 2010, с. 119, № 58).

В низовьях Терека, на валах и участке (Гумилев, 1996, с. 130–131), подстилающем русский город Терки 1588 г., обозначенный Е.И. Крупновым как «Трехстенный городок» (Крупнов, 1935, с. 124)², были выявлены следы крупного населенного пункта золотоордынского времени (Голованова, Нарожный, 2005, с. 253–276.). Эта территория вплоть до строительства здесь первого русского города в 1588 г. являлась и центром «Тюменского княжества», известного по различным письменным источникам (Лавров, 1970, с. 165).

На территории Ставропольского края находится известное городище Золотой Орды, самое крупное из которых – город Маджар. Сведения о нем, вернее, о группе развалин, располагавшихся на значительном удалении друг от друга, известны в литературе еще с XVIII в. Несмотря на существование значительного количества исследований, посвященных данному объекту, археологические раскопки здесь проводились нерегулярно. Помимо В.А. Городцова (1907 г.) здесь работал Н.М. Булатов, раскопochная коллекция которого до сих пор не разобрана и не опубликована, хотя она была им частично использована при подготовке кандидатской диссертации (Булатов, 1969). Результаты раскопок В.А. Городцова использовались В.Л. Егоровым в его кандидатской диссертации (Егоров, 1973). Несколько полевых сезонов на Маджаре были проведены Э.В. Ртвеладзе вместе с пятигорским краеведом А.П. Руничем (Ртвеладзе, 1975). Обобщенные им выводы общеприняты, хотя следует обратить внимание на тот факт, что используемую источниковую базу Э.В. Ртвеладзе характеризовал следующим образом: «с 1961 по 1970 годы автор совместно с археологом А.П. Руничем и группой краеведов совершил 20 полевых выездов на городище Маджары. Во время этих исследований было заложено восемь стратиграфических шурфов; изучались остатки былого микрорельефа, особенно в тех местах, где он подвергался разрушению вследствие планировки и строительных работ, произ-

¹ На существование в Придарьялье нескольких крупных бытовых памятников Золотой Орды указывают и письменные источники, в частности, описывая внезапный рейд хулагуидского эмира Чупана, в 1325 году прорвавшегося из Грузии через Дарьял во владения Золотой Орды, «не пощадив никого из деревень, городов и кочевников» этих мест (Тизенгаузен, 1941, с. 105; Нарожный, 2011, с. 21).

² Е.И. Крупнов, отождествляя открытый им памятник – городище подтрапециевидной формы с тремя валами-стенами, в своей идентификации исходил из упоминаний письменными источниками какого-то «Трехстенного городка» на Нижнем Тереке. Как выясняется теперь, собственно «Трехстенный городок» – это казачье укрепление XVIII в., которое действительно напоминало треугольник и находилось еще ниже по течению Терека, прямо у впадения одного из его рукавов в Каспийское море). Городище подтрапециевидной формы, обследованное Е.И. Крупновым – это русские Терки, построенные в 1588 г. на месте крупного золотоордынского поселения. Отсутствие у городища четвертой, самой длинной, стены объясняют письменные источники, описывая «страшный шторм» на Каспии, разразившийся в 1668 г. Высокими волнами, вошедшими в рукав Терека, не только смыло стену, но и затопило весь город. После этой трагедии город был отстроен на новом месте. Сведения об этой трагедии вполне объясняют причины нахождения Л.Н. Гумилевым на валах городка не только соленоводных моллюсков, но и золотоордынской поливной керамики, попавшей сюда, вероятно, в момент насыпки валов под стены. Существование некогда четвертой, самой длинной, стены подтвердили и более поздние геолого-разведочные работы на памятнике (подробнее см.: Голованова, Нарожный, 2005, с. 253–276).

водился сбор подъемного археологического и нумизматического материала; все данные фиксировались на чертежах, опрашивались старожилы, снимались оттиски с надписей, высеченных на камнях, осматривались у местных жителей хранящиеся находки» (Ртвеладзе, 1975, с. 7). Сегодня полученных таким образом данных кажется не совсем много¹.

После Э.В. Ртвеладзе ограниченные по площади раскопки здесь были проведены и Э.Д. Зиливинской (1995, с. 120–123; 2003, с. 144–147 и др.). Однако заметно бросается в глаза, что свои обобщения золотоордынских материалов с территории Маджара и Северного Кавказа указанная исследовательница всегда представляет, апеллируя лишь к материалам раскопок В.А. Городцова и Э.В. Ртвеладзе, игнорируя наблюдения и вышеуказанные работы В.Л. Егорова и Н.М. Булатова, а также и публикации В.А. Бабенко (Бабенко, 1998, с. 16–17), который, в частности, представил раскопочные материалы, полученные самой Э.Д. Зиливинской. С территории золотоордынского Маджара происходит серия случайных и выразительных находок – две створки, возможно, от одного энколпиона (Ртвеладзе, 1965; Полубояринова, 1978), вставка от другого креста с изображением Богоматери (Обухов, 2008; Обухов, Полубояринова, 2008) и другие металлические предметы, включая поясную накладку с изображением Бахрам Гура (Нарожный, 2005б, с. 140–143). Хорошо ныне разобрана монетная коллекция Маджара и его округа (Лебедев, Павленко, 2008, с. 415–476)², хотя этот «монетный комплекс» по-прежнему оставляет открытым вопрос о причинах и путях распространения на Маджарах золотых монет индийских султанов (Ртвеладзе, 1968; 1972, с. 269–271; Калмыков, 1990, с. 27; Зиливинская, 1994, с. 65; Волков, 2001, с. 109–113, Нарожная, 2003, с. 173–188; Лебедев, Павленко, 2008, с. 415–476)³.

В последнее время появились аналитические обзоры сведений дореволюционных краеведов, сообщавших о находках поселенческих древностей Золотой Орды и в других местах Ставрополья. Определенный интерес вызывают и сведения о других археологических материалах эпохи Золотой Орды на Ставрополье. В частности, исследования мавзолеев на Кавминводах (Палимпсестова, Рунич, 1974, № 2, с. 209–219; Рунич, 1972) позволили предположить возможность существования вблизи этих мавзолеев золотоордынского поселения, связанного с местом сезонных перекочевок ставки Узбек-хана, которое, якобы, «видел Ибн Баттута» во время своего посещения «области Бишдаг» (Зиливинская, 2010б). К сожалению, предполагаемый объект до сих пор так и не выявлен, да и сам контекст описаний Ибн Баттуты, «опоздавшего» к моменту прибытия указанного золотоордынского хана в Бишдаг, указывает на то, что выходец из средневековой Эфиопии вынужден был покинуть данную область и двинуться «наперерез» маршруту движения ставки. Можно предполагать, что ставку он застал не в самом Пятигорье, а в непосредственной близости от него, в районе современного г. Новопавловска, в окрестностях которого некогда находился выразительный курганный могильник (Нарожный, Охонько, 2007). Судя по всему, в непосредственной близости от них располагалось и обширное *Новопавловское* поселение эпохи Золотой Орды⁴. От этого памятника сохранилась лишь гончарная печь для обжига неполивной красноглиняной керамики эпохи Золотой Орды (материал не опубликован) и одно мусульманское захоронение, находившееся перед топкой печи.

Отсутствие поселения в районе мавзолеев, раскопанных в Пятигорье, тем не менее, не означает, что таковых там не было. На реальное существование последних, но не в районе мавзолеев, а в других уголках Кисловодска, указывают небольшие коллекции керамики из Кисло-

¹ Тем не менее, накопленные к этому времени сведения о микротопографии Маджара используются при сравнении с микротопографией других городов Золотой Орды (Блохин, 1999, с. 251–299; 2001).

² Вместе с тем, несмотря на обстоятельность проделанной указанными авторами работы, представленная ими коллекция монетных находок вряд ли можно рассматривать как «монетный комплекс». Скорее это массовая выборка, которая, тем не менее, учитывает лишь современный объем монетных находок с городища. Судя по сведениям XVIII–XX вв., их было гораздо больше и, вероятно, среди них были, как отмечал Ю. Клапрот, «европейские» монеты. Впрочем, могли быть и многие другие, которые в подъемном материале ныне отсутствуют.

³ Особенно актуальной, эта проблема становится в связи с находкой на Селитренном городище штемпеля для чеканки золотых индийских монет (Евстратов, 2005, с. 72–74).

⁴ К сожалению, памятник безвозвратно уничтожен современным карьером.

водска, собранные там А.П. Руничем (Нарожный, 1992, с. 47–51; 2011б). Сегодня выявлены и золотоордынские монеты (Волков, 2011, с. 116–120), происхождение которых (могильник или поселение) непонятно.

Городище *Рим-гора* находится на территории Кавказских Минеральных Вод. Больше известно под названием «Рим-Гора» или «Боргустан», «Боргусань» (Михайлов, Рунич, 1976, с. 76–89). Время запустения памятника относят к 30-м годам XIII в. Между тем в последние годы появились случайные находки (Рудницкий, Фоменко, 2005, с. 86–90; Фоменко, 2005, с. 23–30), позволяющие предполагать, что и в золотоордынское время памятник мог еще существовать.

Поселение «*Козьи скалы*» у подножия горы Бештау¹ хорошо известно по выразительной коллекции разновременных предметов, происходящих отсюда (Кузнецов, Рудницкий, 1996, с. 297–331). Считается, что «гибель поселения и его запустение» следует «рассматривать на фоне событий XII века», когда на Северном Кавказе появляются половцы (Кузнецов, Рудницкий, 1996, с. 310). Однако, публикуя материал с поселения, В.А. Кузнецов и Р.Р. Рудницкий (на что в литературе уже указывалось, см.: Березин, 2003, с. 188–192) приводят и весьма массовый археологический материал XIII–XIV вв., а это свидетельствует в пользу того, что памятник мог функционировать и в золотоордынское время.

«*Развалка*» – городище, расположенное на одноименной горе близ г. Железноводска. Отсюда происходит несколько уникальных предметов: детали поясной гарнитуры, имеющие тождественные аналогии в материалах «аскизской культуры» Южной Сибири XIII–XIV вв. (Рудницкий, 1998, с. 89–90; Нарожный, 2000, с. 16–20), древнерусские предметы мелкой христианской пластики (Рудницкий, 2005, с. 21–22; Прокопенко, 2011, с. 99–107). Несмотря на то, что городище обычно датируют «домонгольским» временем, можно предполагать продолжение жизни здесь и в золотоордынское время.

Нижний Архыз – городище в верховьях реки Кубани. В.А. Кузнецов расценивает его как раннюю столицу Алании – г. Магас и центр «Аланской епархии» с епархиальным поселком. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие исследователи. На территории городища есть несколько крупных христианских храмов, рядом с одним из которых раскопан значительный участок могильника, содержавшего инвентарь явно золотоордынского времени (Кузнецов, 1996). С городища происходят русские кресты, датированные золотоордынским временем (Кузнецов, 1996, табл. 30–40; Нарожный, 1996, с. 119–121), а также две золотоордынские монеты (Тебуев, Хатуев, 2002, с. 13). Однако отношение городища к системе золотоордынских владений пока не ясно. Этот памятник, тем не менее, иногда включают в число золотоордынских городов Улуса Джучи. Между тем В.А. Кузнецов, являясь одним из исследователей данного объекта, оценивает его крайне противоречиво: в одном случае он указывает на то, что находившиеся здесь христианские епархии были «слугами не двух, а трех господ» – зависели от Византии, местных феодалов и Золотой Орды. В другом случае он категорически настаивает на том, что «современная наука» никакими сведениями о пребывании здесь «татар или русских пленников Золотой Орды» не располагает.

Ильичевское городище в верховьях р. Урупа (Отраденский район Краснодарского края)² – обширное раннесредневековое поселение, на территории которого отмечены остатки фортификационных сооружений и около десятка христианских храмов (Цокур, 2003, с. 142–150). В последние годы на территории городища выявлены золотоордынские монеты (Маслова, 2001, с. 13–14), эпиграфические памятники и железные кресты «византийско-кавказского типа», датированные золотоордынским временем (Ложкин, Малахов, 1998, с. 136–140).

На территории нынешней Адыгеи известен пока единственный памятник этого времени – поселение «*Руфабго*». Расположено близ сел. Каменноостское. Н.Г. Ловпаче приводит мате-

¹ Интересно заметить, что на вершине Бештау, насколько это позволяют делать сведения источников XVIII в., находилось сооружение, позволяющее связывать его с остатками монгольских обо (Нарожный, 1997, с. 34–35).

² Второе одноименное городище античного времени находится на черноморском побережье Краснодарского края.

риалы, свидетельствующие о многослойном характере памятника, верхние слои которого отнесены им к периоду XIV–XVI вв. (Ловпаче, 1995, с. 235–244).

Большеголубицкое городище – крупный, многослойный и многочастный памятник. Ранее отождествлялся с «домонгольской» Руссией (Десятчиков, 1985, с. 8–13). Позднее указывалась и возможность идентификации городища с итальянским городом Копа (Волков, 1998, с. 14–42.), хотя сегодня не исключаются и иные места расположения этого города. Расположено городище близ современного города Темрюка Краснодарского края, занимает площадь в несколько десятков гектаров (Чхаидзе, 2004, с. 234–244). Материалы золотоордынского времени эпизодичны; с территории городища происходит большой клад – 1,5 тысячи монет Менгли-Гирея (1466–1513 гг.) (Десятчиков, 1985, с. 8 и сл.).

Таманское городище расположено на берегу Азовского моря близ ст. Тамань Краснодарского края. Памятник многослойный (функционировал с эпохи античности и до позднего средневековья). Известно несколько золотоордынских монет отсюда (ВДИ, 1967, № 2, с. 120), находки керамики XIII–XIV вв., остатки жилищ с каном и суфой (Устаева, 2004, с. 25–26).

Упомянуты несколько селищ XIV–XV вв. в бассейне р. Афипс (Анфимов, Джимом, Емтыль, 1993, с. 60–61). Предполагается существование поселения, с территорией которого связываются остатки христианской церкви св. Георгия, исследованной еще в XIX в. на р. Белой (Виноградов, Нарожный, Нарожная, 2001, с. 125–126), а также на берегу Ейского залива (Виноградов, Нарожный, Нарожная, 2001, с. 132–133), откуда происходит небольшая коллекция керамики и джучидских монет (Федоров-Давыдов, 1960, с. 175).

Наиболее крупный городской памятник, известный здесь – это «поселение» или «городище» Ангелинский ерик, в свое время обследовавшийся Н.В. Анфимовым, Н.Я. Мерпертом, а в последние годы И.В. Волковым (Мерперт, 1955, с. 338–339; Волков, 2005, с. 348–379; Волков, Лопан, 2009, с. 43–48). С территории данного объекта происходит каменная иконка для отливки крестов, крест, а также коллекция монетного материала. В литературе указывается на раскопки мечети; основной костяк населения представлен как «адыгский», предпринята попытка идентификации городского центра с «городом Шахрак» (Волков, 2005, с. 348–379; Волков, 2009, с. 85–93; Волков, Лопан, 2009, с. 43–48).

Крайне противоречиво представлена локализация итальянской Копы. А.Г. Еманов локализует на азовском и черноморском побережьях серию итальянских поселений, поселков и якорных стоянок, упоминаемых в разнообразных итальянских источниках (Еманов, 1995, с. 110–113.). Слабо выраженные остатки культурного слоя или же отдельные археологические находки XIII–XIV вв. были отмечены и во время исследований различных античных городищ на азовском и черноморском побережьях – на античной Патрее (Волков, 1991, с. 27–29; Волков, Петерс, 2003, с. 244–261), на Раевском городище (Мальшев, 2005, с. 173–175), близ Темрюка (Воронов, Паромов, 1977, с. 93–98) и в других местах побережья. Определенный интерес вызывают и «11 крепостей» на отрезке между Туапсе и Сочи. Несмотря на предварительную «домонгольскую» их датировку, археологические исследования крепости «Мамай-Кале» (материал не опубликован) и, в особенности, крепости у с. Годлик (хазарского времени и периода XIII–XIV вв.), введенных в научный оборот почти полностью (см. материалы сб.: Археология, архитектура, 1997), позволяют видеть в них не собственно золотоордынские, а итальянские (?) укрепления.

На интересующей нас территории известны и другие объекты рассматриваемого времени, однако сведения о них не опубликованы, что сильно снижает информационный характер общего представления о географии бытовых памятников XIII–XV вв. Заметно снижаются и возможности обобщающего характера, тем не менее в существующей литературе накопилось немало дискуссионных проблем, требующих к себе самого пристального внимания. Остановившись лишь на некоторой части из них, следует обратить внимание на следующее.

Слабая археологическая изученность бытовых памятников золотоордынского времени на Северном Кавказе, к сожалению, заметно тормозит процесс объективного изучения проблем, связанных с динамикой их бытования, планировкой, этнокультурной спецификой и пр.

К сожалению, за исключением нескольких бытовых памятников (Дербент, Тарки, Маджар, Маджар-ал-Джедид, Демяков-Татартуп, Копа), нам неизвестны реальные названия остальных

бытовых памятников XIII–XIV вв., хотя ныне предпринята попытка идентификации Ангелинского Ерика с «городом Шахрак» (Волков, 2009, с. 85–93; Волков, Лопан, 2009, с. 43–48). В литературе была предпринята попытка этимологии и происхождения названия «Деякова–Титякова». В.А. Кузнецов увязал это название (в варианте «Титяков») с именем баскака Тютяка (Кузнецов, 2002, с. 36–37), хотя, кроме близкого фонетического звучания сопоставляемых имени и названия города, эта версия ничем больше не подкреплена.

Неизвестными остаются и исторические названия групп развалин, соседствующих с золотоордынскими Маджарами, нередко упоминаемых как «Малые», «Средние» Маджары, хотя данные названия указывают лишь на масштабы того или иного памятника. Аналогичным образом в литературе используется и название «Бургун (Бургон) –Маджары», также не являющееся историческим. Еще Г.Н. Прозрителев подчеркивал: «селение «Кавказский Усвят» впоследствии было переименовано в «Бургон-Маджары». Нынешнее название Бургон-Маджары дано было Екатериною II, которой, по преданию, было доставлено прекрасное вино, выделявавшееся в то время русскими жителями..., притом настолько хорошее, что напоминало «бургонское» (Прозрителев, 1906, с. 15; 1908, с. 3).

Археологическими исследованиями на северокавказских городищах были выявлены остатки культовых, христианских и мусульманских сооружений. Несколько христианских церквей было выявлено на Верхнем Джулате (Крупнов, 1963, с. 49–56; Милорадович, 1963а, с. 87–102; Кузнецов, 2002, с. 121–136). В непосредственной близости от Верхнего Джулата – у сел. Эльхотово раскопана еще одна синхронная церковь (Чшиев, 2001, с. 46, рис. 1, 1) и сопровождающий ее могильник (Нарожный, 2008, с. 274–276). Согласно летописным данным, христианская церковь была и в Маджарах, в которой намеревались отпеть тело убитого в Орде¹ М.Я. Тверского, но в чем свите тверского князя было отказано. В литературе приводятся разнообразные свидетельства в пользу версии о реальности существования там церкви (Прозрителев, 1906, с. 15–17; 1908. С. 3, 7 и сл.). В то же время, И.В. Волков, публикуя хачкар с армянской эпиграфикой с Маджара, предположил и возможность того, что данная церковь могла удовлетворять духовные запросы не только православных христиан, но и представителей армяно-григорианской церкви (Волков, 1996, с. 213–214); предположение разделил и В.Б. Виноградов (Виноградов, 1997, с. 79–82). Между тем находка фрагмента креста с изображением Богородицы с территории Маджара заставила вновь вести речь о реальности бытования христианского православного храма на Маджарах (Обухов, 2009, с. 400–407; Полубояринова, Обухов, 2009, с. 501–505).² Как уже указывалось выше, железный клепаный крест византийско-кавказского типа на Нижнем Джулате, который обычно использовался в христианской литургии, косвенно документирует реальность существования христианского храма и на территории этом городища.

В литературе сохранились противоречивые сведения и об остатках армяно-григорианской церкви св. Георгия на р. Белой в Краснодарском крае, относимой нами к XIII–XIV вв. (историографию вопроса см.: Пьянков, 1995, с. 99–107; Виноградов, Нарожный, Нарожная, 2001, с. 125–126).

¹ Здесь следует указать на различные версии в локализации места трагических событий (Кусов, 1975, с. 3–19; Кузнецов, 2002, с. 156–170 и др.). Наиболее предпочтительной кажется версия В.Б. Виноградова, полагающего, что место трагедии – «на речке Севинце, аки речеце Горесть» – следует помещать на речке Ачалуки, притоке р. Сунжи, (Ингушетия), название которой с тюркских языков переводится как «Горькая» (Виноградов, 1968, с. 62–71; 1996, с. 13–21; 2008, с. 152–157).

² Однако такая постановка вопроса не противоречит возможности бытования на Маджарах и армяно-григорианской церкви.

На Верхнем Джулате ныне известно уже пять раскопанных церквей,¹ хотя в историко-культурной атрибуции данных построек и их датировке нет единой точки зрения. Е.И. Крупнов датировал храм № 1 «домонгольским» временем, предлагая искать истоки «архитектуры» данной церкви не только на Руси, но и в Закавказье (Крупнов, 1963, с. 45–56). Иной точки зрения на этот счет придерживаются В.А. Кузнецов (1975а, с. 23–25; 1975б, с. 223–225), В.Б. Виноградов и С.А. Голованова (1981, с. 148–159; 2008, с. 125–131). Указанных противоречий не сняла и недавняя публикация остальных христианских храмов Верхнего Джулата (Кузнецов, 2002, с. 131–146), требуя к себе самого пристального внимания и коллективного обсуждения.²

Помимо христианских церквей, в северокавказских городах Золотой Орды известны и мечети: на Маджарах, их остатки упоминают различные авторы – сначала Ибн Баттута, посетивший здесь Соборную мечеть (Тизенгаузен, 1884, с. 280), а затем авторы XVIII в. (Минаева, 1965, с. 150–165). В «Книге Большого чертежа» упоминаются развалины мечетей и в других местах по реке Куме (Нарожный, 2003а, с. 111–117).

В ходе охранно-спасательных археологических исследований на Старогладовском поселении была вскрыта часть стены и участок пола здания площадью 28,5 x 20,5 кв. м. Не исключалась возможность атрибуции этого строения как мечети (Даутова, 1981, с. 44–46; Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., 2010, с. 120, № 58), хотя сегодня речь ведется и о том, что данное строение могло быть и остатками мавзолея (Даутова, 2010, с. 100–105; Даутова, Мамаев, 2010, с. 128–131).³

¹ Общеизвестно, что все раскопанные здесь христианские храмы и мечети были отысканы на местности благодаря из описаниям XVIII века, сделанных И.А. Гюльденштедтом (Guldenschedt, 1767. S. 404. S. 503–506 и сл.), точно указавшим их удаленность (в шагах) от Татартупского минарета. Поэтому права Э.Д. Зиливинская, отмечающая, что И.А. Гюльденштедт, наверное, «видел храм № 1» на этом городище. Действительно, он видел не только храм № 1, но и другие архитектурные объекты, оставив точное описание их расположения друг от друга и расстояние до них от минарета. Е.И. Крупнов, О.В. Милорадович, а затем и В.А. Кузнецов использовали данную информацию, раскопав данные объекты. Х.М. Мамаев, опираясь на перевод текста информации И.А. Гюльденштедта, полагает, что Северо-Кавказская археологическая экспедиция все-таки отыскала далеко не все такие объекты (Мамаев, 1996, с. 94).

² Здесь, вероятно, следует, во-первых, отказаться от атрибуции некоторых архитектурных остатков церкви № 1, предложенной еще Е.И. Крупновым, поскольку кладка фундамента, обозначенная им как «ограда» церкви, скорее всего, галерея; «придел» можно рассматривать и как основание винтовой лестницы, ведущей вверх, к звоннице (?). Да и другие детали позволяют находить параллели им в церковной архитектуре Московской Руси золотоордынского времени, что делает заманчивым постановку вопроса о возможной юрисдикции данного культового объекта под эгидой Сарайской епархии. Не меньший интерес вызывает и характеристика «христианских захоронений», исследованных В.А. Кузнецовым близ храма № 3 на Верхнем Джулате (Кузнецов, 2002, с. 143). Одному типу из раскопанных здесь «саркофагов» он указывает аналогии с территории золотоордынского «Увека и Маджара», ссылаясь при этом на «Привожские Помпеи» Ф.В. Баллода (1923, рис. 86). Однако на указанном рисунке помещены профили сравниваемых Ф.В. Баллодом «типов мусульманских склепов» Маджара, исследованных там В.А. Городцовым и из Увека. Это должно существенно скорректировать предлагаемую В.А. Кузнецовым атрибуцию «храма № 3» Верхнего Джулата. Определенный интерес представляют и христианские храмы с территории Ильичевского городища в верховьях Урупа. Опубликованные отсюда христианские храмы, как считается, «домонгольские», со следами перестроек (Цокур, 2001, с. 257–262, табл.). Вместе с тем, среди до сих пор неопубликованных материалов из погребальных комплексов, исследованных близ нескольких церквей Ильичевского городища есть серьги в виде знака вопроса. Кроме того, О.В. Бубенок в качестве одной из аналогий им публикует рисунок пуговицы с Ильичевского городища на Верхнем Урупе (Бубенок, 1998, с. 607, рис. 4, 6). Пуговица эта происходит из тех же погребений, что и серьги в виде знака вопроса. По любезному сообщению одного из авторов раскопок интересующих нас храмов у хут. Ильич, данная пуговица «стекловидная». Судя по имеющимся многочисленным аналогиям, этот тип пуговиц – из кашина, XIII–XIV вв. (Нарожный, Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1990, с. 36, рис. 3: 4, 5: 21–22; Чахкиев, Нарожный, 1990, с. 26, рис. 2: 25, 4: 14; Жилина, 2007, с. 97–104, рис. 2, 1–26), покрыты полупрозрачной поливой различных оттенков. Таким образом, и эти материалы позволяют относить некоторые из церквей Ильичевского городища на Урупе к золотоордынскому времени, чему не противоречат и другие археологические материалы отсюда (Ложкин, Малахов, 1996; 1998).

³ Судя по раскопочным материалам, говорить о характере остатков участка раскопанного здания на Старогладовском поселении сложно. Что же касается еще одного, действительно забытого, археологического факта из раскопок Г.А. Вертепова (Даутова, Мамаев, 2010, с. 128–131), атрибуция подкурганного строения как «мавзолея» также вызывает определенные сомнения хотя бы по той причине, что «мавзолеи» – это наземные мемориальные памятники (Яблонский, 1975, с. 76–77).

Еще две мечети были исследованы на городище Верхний Джулат (Милорадович, 1963б, с. 68–88). И.А. Гюльденштедт упоминает минарет третьей мечети, виденный им в шести верстах выше Верхнего Джулата по Тереку (Güldenschedt, 1767, S. 505–506). Нижняя часть минарета с фундаментом, а также часть крупной мечети и сопровождающий ее мусульманский могильник исследованы на Нижнем Джулате (Чеченов, Зиливинская, 1999; Зиливинская, Чеченов, 2004). Упоминается и о частично раскопанной мечети на Ангелинском Ерике (в «г. Шахрак»), представляемой в качестве одной из самых ранних мечетей региона (Волков, 2009; Волков, Лопан, 2009).

Несмотря на хорошую известность указанных памятников ислама, рассматриваемых на фоне иных мусульманских культовых строений на территории Золотой Орды (Зиливинская, 1998), более или менее пристальное внимание было уделено мечетям Верхнего Джулата. В литературе представлены реконструкции обеих мечетей. Реконструкцию Большой мечети Верхнего Джулата опубликовал Ф.Г. Мамедов (1979, рис. 1), Малой мечети – В.А. Кузнецов (2002, с. 124, рис. 34). В первом случае реконструкция выглядит недостаточно достоверной.¹ Наибольшие возражения вызывают попытки соотнесения верхнеджулатских мечетей, впрочем, как и мавзолея Борга-Каш и целого ряда христианских памятников Северного Кавказа, с деятельностью различных «архитектурных школ средневекового Азербайджана» (Мамедов, 1988, с. 60–70). С этими выводами созвучны и наблюдения Э.Д. Зиливинской, видящей параллели архитектурным истокам северокавказских мечетей и минаретов Золотой Орды только в Азербайджане (Зиливинская, 1998, 2010а и др.). В такой постановке вопроса, на наш взгляд, совсем не учитывается то обстоятельство, что наряду со средневековым Азербайджаном существовали и другие территории в составе Золотой Орды, где еще в домонгольское время существовали исламские центры, активно участвовавшие, наряду с Средней Азией, в исламизации населения золотоордынских владений на Северном Кавказе (Нарожный, 2011а, с. 168–170; 2011в, с. 264–271).

Помимо вышеперечисленных, существуют и другие проблемы, требующие дальнейшего изучения. Наиболее актуальными, на наш взгляд, представляются проблемы изучения этнокультурного состава городского и кочевого населения Северного Кавказа, специфики его материальной культуры, хронологии отдельных категорий археологических материалов и пр.

Литература и источники

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. – М., 1993.

Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. – Буденновск, 1991.

Анфимов Н.В., Джимом Б.М., Емтыль Р.Х. История Адыгеи. – Майкоп, 1993.

Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. – Баку, 2002.

Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конф., посвящ. итогам исследований Лоовской археол. эксп. УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. – Екатеринбург, 1997.

Архипов А. Очерки исследований о развалинах древнего города Маджара // Кавказ. – 1882. – № 80.

Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. – М.; Петроград, 1923.

Березин С.Я. К изучению позднесредневековой истории и археологии современных Кавминвод // МИАСК. Вып. 1. – Армавир, 2003.

Березин С.Я., Нарожный Е.И. О находках архитектурных деталей XIII–XIV веков с территории Северного Кавказа // МИАСК. – 2004. – Вып. 3.

Бларамберг И. Кавказская рукопись. – Ставрополь, 1992.

¹ Во-первых, реконструкция Ф.Г. Мамедова не учитывает всех микродеталей из описания О.В. Милорадович раскопок этой мечети. Наличие у данной мечети плоской кровли вряд ли соответствует действительности (Нарожный, 2003б, с. 151–170). В.А. Кузнецов продолжает настаивать на том, что Татартупский минарет и Большая мечеть Верхнего Джулата – два отдельных объекта, в то время как мечеть соединялась с минаретом, что подтверждает не только план раскопа О.В. Милорадович, но и другие материалы. В частности, в этнографическом зале Пятигорского краеведческого музея на одном из стендов помещена фотография Татартупского минарета (фото конца 1930 – начала 1940-х годов), на котором четко видны такие стены, к моменту раскопок О.В. Милорадович уже отсутствовавшие.

Блохин А.Г. Градостроительные традиции Золотой Орды (на материалах Нижнего Поволжья). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Волгоград, 2001.

Блохин В.Г. Планировочная структура золотоордынского города // Научные школы Волгоградского госуниверситета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. – Волгоград, 1999.

Бубенок О.В. Относительно происхождения могильника XIII века у сел. Кайры Херсонской области // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI.

Булатов Н.М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1969.

Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / отв. ред. тома, автор вступ. ст. и прим. А.И. Юхт // Научное наследие. Т. 14. – М., 1990.

Вестник древней истории. – М., 1967. – № 2.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Плагиат Екатерины Второй // Российский исторический журнал. – Балашов, 1994. – № 3.

Виноградов В.Б. Военно-фортификационные аргументы Алхан-Калинского Магаса (актуальный конспект) // МИАСК. – 2003. – Вып. 2.

Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, «речке Горесть» и «славном граде яском Дедякове» // Уч. зап. Чечено-Ингушского госпединститута. Вып. 26. – Грозный, 1968.

Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, «речке Горесть» и «славном граде яском Дедякове» // Тверская старина. Вып. 14–15. – Тверь, 1996.

Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, «речке Горесть» и «славном граде яском Дедякове» // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. (К 70-летию со дня рождения) – Армавир, 2008.

Виноградов В.Б. Историко-культурное толкование Алхан-Калинского городища // Археология и краеведение – вузу и школе. Тез. док. 2-й Региональной конференции. – Грозный, 1981.

Виноградов В.Б. Михаил Ярославович Тверской и Северный Кавказ: новые грани северокавказского резонанса // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. – Тверь, 1997.

Виноградов В.Б. Через хребты веков. – Грозный, 1979.

Виноградов В.Б., Голованова С.А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата (Дедякова) // Мацне. – Тбилиси, 1981. – № 2.

Виноградов В.Б., Голованова С.А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата (Дедякова) // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (К 70-летию со дня рождения). – Армавир, 2008.

Виноградов В.Б., Куза А.В., Магомадова Т.С. Русские кресты XII–XV вв. из сел. Майртуп (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный, 1984.

Виноградов В.Б., Савенко С.Н., Нарожный Е.И. Работы Чечено-Ингушского госуниверситета // АО 1986 года. – М., 1988.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Голованова С.А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ. Проблемы историко-культурного единства. – Грозный: ЧИГУ, 1990.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // МИА Кубани. Вып. 1. – Краснодар, 2001.

Волков И.В. Нумизматические и эпиграфические находки на Маджарах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2. Археология. Антропология и палеоклиматология. – М., 2001.

Волков И.В. Возможности локализации золотоордынского города Шахрак // Донские древности. Вып. 10: Материалы IV междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Азов, 2009.

Волков И.В. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение) // МИАК. – 2005. – Вып. 5.

Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио – Ло Коба) // Древности Кубани. Вып. 12. – Краснодар, 1998.

Волков И.В. Средневековый керамический комплекс Патреи // Древности Кубани. – Краснодар, 1991.

Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах. Вып. 2. – Армавир; М., 1996.

Волков И.В., Лопан О.В. Работы на городище Ангелинский ерик и возможности локализации золотоордынского города Шахрак // Пятая Кубанская международ. археол. конф.. Тез. док. – Краснодар, 2009.

Волков И.В., Петерс В.Г. Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша // МИАК. – 2003. – Вып. 3.

Волков И.В. Случайные находки монет в районе Пятигорска // Историко-археологический альманах. Вып. 10. – Армавир; Краснодар. – М., 2011.

Волкова Н.Г. Маджары. (К истории городов Северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Т. 5. – М., 1972.

Воронов Ю.Н., Паромов Я.М. Локализация средневекового города Темрюка // СА. – 1977. – № 4.

Гаджиев Г.С. На стыке Европы и Азии. – Махачкала, 1997.

Гаджиев М.С. Археологические исследования в зоне Дербента: некоторые итоги // Вестник РГНФ. – 2005. – № 4.

Гаджиев М.С. Древний город Дербент. – Махачкала, 1996.

Гаджиев М.С. О зороастризме в средневековом Дербенте // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тез. док. международ. науч. конф., посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2004.

Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. Исследования в зоне Дербента // АО 2000 года. – М., 2001.

Гамзатов Г.Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья // СА. – 1982. – № 3.

Голованова С.А., Нарожный Е.И. Городище «Трехстенный городок» (XIII в. – 1668 г.) // МИАСК. – 2005. – Вып. 5.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии // Л.Н. Гумилев. Сочинения. Т. 6. – М., 1979.

Даутова Р.А. К изучению позднесредневековых мавзолеев Северного Кавказа (об источниках и историографии) // Вестник АН Чеченской Республики. – Грозный, 2010. – № 2 (13).

Даутова Р.А. Старогладовское поселение – новый памятник Золотой Орды на Тереке. Археология и краеведение – вузу и школе. – Грозный, 1981.

Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Об одном забытом археологическом факте (золотоордынский мавзолей из раскопок Г.А. Вертепова) // Вестник АН Чеченской Республики. – Грозный, 2010. – № 1 (12).

Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа (с примечаниями и предисловием Н. Катанова) // ИОАИЭ. – 1907. – Т. 23, вып. 3.

Дербенд-наме. – Махачкала, 1992.

Десятчиков Ю.М. Станица Голубицкая // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова на Тамани. Ч. 2. Тамань археологическая. – Тамань, 1985.

Джиоев М.К. Алания в XIII–XV веках. Дис. канд. ист. наук. – М., 1982.

Доде З.В. К истории изучения города Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. – М., 2008.

Евстратов И.В. Штемпель для чеканки индийской золотой танка с Селитренного городища // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. док. и сообщ. – М., 2005.

Егоров В.Л. Золотоордынский город (история возникновения, историческая география, домостроительство). // Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1973.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. – М., 1985.

Егоров В.Л. О географии городов Золотой Орды // СА. – 1977. – № 1.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции по материалам Кафы XIII–XV вв. – Тюмень, 1995.

Жилина Е.В. Кашинные изделия из Келийского могильника XIII–XIV вв. // Археологический журнал. – Армавир, 2007. – № 1.

Зиливинская Э.Д. Археологические исследования памятников Золотой Орды на Северном Кавказе // РА. – 2003. – № 2.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские города Северного Кавказа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. – Казань, 2010а.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010б.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские города Северного Кавказа по археологическим исследованиям // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород, 2010в. – № 7. – Вып. 4.

- Зиливинская Э.Д.* Мечети Золотой Орды. (Общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1998.
- Зиливинская Э.Д.* Раскопки на городище Маджары // АО 1994 года. – М., 1995.
- Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М.* Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа – М. 2004.
- Зиливинская Э.Д.* Археологические работы на городище Маджары в 1989–91 и 1993 гг. XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. док. – Кисловодск, 1994.
- История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. – Орджоникидзе, 1987.
- Калмыков А.А.* Исследования на городище Маджары в 1989 г. // Тез. док. и сообщ. Второй зональной Северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. – Грозный, 1990.
- Крупнов Е.И.* Трехстенный городок // СЭ. – 1935. – № 2.
- Крупнов Е.И.* Христианский храм XII века на городище Верхний Джулат // МИА. – 1963. – № 114.
- Кудрявцев А.А.* Великий город на Каспии. Дербент в эпоху феодализма. – Махачкала, 1982.
- Кудрявцев А.А.* Город не подвластный векам. – Махачкала, 1976.
- Кудрявцев А.А.* Пути развития северокавказского города. – Ставрополь. 2003.
- Кудрявцев А.А.* Феодальный Дербент. – М., 1985.
- Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Периодизация развития отраслей ремесленного производства средневекового города. Ч. 1. – Ставрополь, 2005.
- Кудрявцев Е.А.* Дербент в XV–XVI вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Ставрополь. 2002.
- Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII вв. – Ставрополь. 1996.
- Кузнецов В.А.* Церкви Верхнего Джулата, их время и интерпретация // Пятые «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Махачкала, 1975а.
- Кузнецов В.А.* Церкви Верхнего Джулата, их время и интерпретация // Новейшие открытия советских археологов. Тез. док. конф. Ч. 3. – Киев, 1975б.
- Кузнецов В.А.* Эльхотовские Ворота в X–XIV веках. – Владикавказ, 2002.
- Кузнецов В.А., Милорадович О.В.* Археологические исследования в Северной Осетии в 1957 г. // КСИА. – 1964. – Вып. 64.
- Кузнецов В.А., Милорадович О.В.* Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 г. // КСИА. – 1964. – Вып. 66.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р.* Поселение "Козьи скалы" у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. – Ставрополь. 1996.
- Кусов Г.Ф.* Записки краеведа. – Орджоникидзе, 1975.
- Лавров Л.И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала, 1970.
- Лебедев В.П., Павленко В.М.* Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. – Донецк. 2008.
- Ловпаче Н.Г.* Средневековые памятники Закубанской Адыгеи // Археология Адыгеи. – Майкоп. 1995.
- Ложкин М.Н., Малахов С.Н.* Железные кресты византийско-кавказского типа из Отраденского музея // Историко-археологический альманах. Вып. 2. – Армавир; М., 1996.
- Ложкин М.Н., Малахов С.Н.* Средневековые каменные кресты Поурупья // Историко-археологический альманах. Вып. 4. – Армавир; М., 1998.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – М., 1984.
- Мальшев А.А.* Раевское городище в эллинистическую эпоху // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2005.
- Мамаев Х.М.* Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // Поселения и жилища Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1984.
- Мамаев Х.М.* Чишминское «поселение» (Аргунское ущелье, Чечня) // Историко-археологический альманах. Вып. 9. – Армавир; М., 2009.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Археологические памятники Шелковского района ЧР. (Материалы к археологической карте) // Вестник АН Чеченской Республики. – Грозный, 2010. – № 2 (13).
- Мамаев Х.М., Нарожный Е.И.* Из истории русско-северокавказских военных контактов в XIII–XIV вв. // Итоги и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом: Тез. док. – Грозный. 1990.
- Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю.* О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. – Грозный. 1983.

Мамедов Ф.Г. О генезисе архитектуры Татартупского минарета и мавзолея Борга-Каш // Сб. материалов конф. молодых ученых: «Актуальные проблемы развития архитектуры и искусства Азербайджана». – Баку, 1979.

Мамедов Ф.Г. Архитектурные связи школ зодчества средневекового Азербайджана. – Баку, 1988.

Маслова Е.А. Монетные находки с Ильичевского городища // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы IX краевой межвузов. конф. – Армавир; Краснодар, 2001.

Мерперт Н.Я. Несколько средневековых памятников Северо-Западного Кавказа // СА. – 1955. – Т. XXIII.

Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. – 1963а. – № 114.

Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. – 1963б. – № 114.

Минаева Т.М. Археологическая разведка в долине р. Сунжи // Сборник трудов исторического факультета. Вып. 13. – Ставрополь, 1958.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. – Ставрополь, 1953.

Михайлов Н.Н., Рунич А.П. Городище Боргусант или Рим-Гора // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14. – Ставрополь, 1976.

Нарожная Ф.Б. О находках золотых индийских динаров на Маджарах (Ставропольский край) // МИАСК. – 2003. – Вып. 1.

Нарожный Е.И. О специфике денежного обращения на Северном Кавказе в первой трети XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. док. и сообщ. – СПб, 2007а.

Нарожный Е. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. – Казань, 2007б.

Нарожный Е.И. О находках поливной керамики на Верхнем и Нижнем Джулатах (Северная Осетия и Кабардино-Балкария) // МИАСК. – 2004а. – Вып. 3.

Нарожный Е.И. Новые случайные находки эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИАСК. – 2004б. – Вып. 4.

Нарожный Е.И. В.Н. Татищев как организатор первых исследований Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. Приложение. № 12. – Ростов-на-Дону, 2003а.

Нарожный Е.И. Вновь о мечетях Верхнего Джулата (Северная Осетия) // МИАСК. – 2003б. – Вып. 1.

Нарожный Е.И. К изучению бытовых памятников Среднего течения р. Сунжа // Тез. док. 3-й Зональной Северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. – Грозный, 1991.

Нарожный Е.И. А.П. Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й региональной конференции. – Кисловодск, 1992.

Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья. (Археолого-историческое исследование). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Воронеж, 1998.

Нарожный Е.И. Еще раз о предметах мелкой христианской пластики с Северного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). – М., 1996.

Нарожный Е.И. О локализации маршрута сефевидов шейха Хайдара на Северном Кавказе (80-е годы XV века) // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. 2. – Армавир, 2001.

Нарожный Е.И. Из истории изучения северокавказских владений Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2. – Казань, 2011а.

Нарожный Е.И. Из истории старинных литографий с видом маджарских мавзолеев // Археология и краеведение Кавминвод. Вып. 2. – Пятигорск, 2011б.

Нарожный Е.И. Из истории исламизации северокавказских владений Золотой Орды // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. Материалы Всерос. науч. конф. – Черкесск, 2011в.

Нарожный Е.И. Об одной «войне» против черкесов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. – Казань, 2011г.

Нарожный Е.И. О «пирамиде» П.С. Палласа на горе Бештау // Апрельские культурные чтения. Ч. 1. Проблемы сохранения и использования культурного наследия Кавминвод. – Кисловодск, 1997.

Нарожный Е.И. О находках дальневосточных и южносибирских предметов XIII века на Северном Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. 2. – Армавир, 2000.

Нарожный Е.И. О поясной пластинке с изображением Бахрам Гура с территории золотоордынского города Маджара (Ставрополье) // РА. – 2005. – № 3.

Нарожный Е.И. О случайных находках XIII–XIV вв. с территории Алхан-Калинского городища // Древности Юга России. – М., 2008а.

Нарожный Е.И. Погребения Эльхотовского могильника (Некоторые аспекты истории алан Восточного Придарьяля в XIII–XIV вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тез. док. – Владикавказ, 2008б.

Нарожный Е.И. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Тр. II (XVIII) Всерос. АС Суздале. Т. 2. – М., 2008в.

Нарожный Е.И. Самашкинское поселение XIII–XIV вв. (Ачхой-Мартановский район Чечни) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006 гг. – М., 2008г.

Нарожный Е.И. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях Гудермесского поселения (Гудермесский район ЧИАССР) в 1988 году. – Грозный, 1989 // Архив ИА РАН.

Нарожный Е.И. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях Гудермесского поселения (Гудермесский район ЧИАССР) в 1989 году. – Грозный, 1990. // Архив ИА РАН.

Нарожный Е.И. Русско-ордынский поход против «славного яского города Деякова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. – Казань, 2009.

Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дис... док. ист. наук. – Владикавказ, 2010.

Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полуподземные склепы Келийского могильника // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О монетных дворах Северного Кавказа XIII–XIV вв. // МИАСК. – 2004. – Вып. 4.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е. Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII–XIV вв. (Горная Ингушетия) // XXIV Крупновские чтения по археологии. Тез. док. – Нальчик, 2006.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е. Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII–XIV вв. (Горная Ингушетия) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006 гг. – М., 2008.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (МИАСК. Вып. 7). – Армавир; Ставрополь, 2007.

Обухов Ю.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Донские древности. Вып. 10: Материалы IV международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Азов, 2009.

Обухов Ю.Д., Полубояринова М.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Великий Новгород и средневековая Русь. – М., 2008.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О эссенгукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. – 1974. – № 2.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.

Прозрителев Г.Н. Мажары – один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь, 1906.

Прозрителев Г.Н. Развалины древнего хозарского города Мажары // Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского Статистического комитета. – Ставрополь, 1908.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о характере торговли и транспортных магистралях, связывавших Центральное Предкавказье и древнерусские княжества в X – начале XIII в. // Историко-археологический альманах. Вып. 10. – Армавир; Краснодар; М., 2011.

Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и историческим данным // МИА. – 1963. – № 114.

Пьянков А.В. О церкви святого Георгия, построенной армянским зодчим в XII веке на р. Белой // Армяне Северного Кавказа. – Краснодар, 1995.

- Рунич А.П.* Отчет о раскопках мавзолеев близ г. Ессентуки в 1971 году. Пятигорск, 1972 // Архив Кисловодского краеведческого музея. «Фонд А.П. Рунича».
- Ртвеладзе Э.В.* Динар Мухаммеда Туглака // Вокруг света. – 1968. – № 7.
- Ртвеладзе Э.В.* Два динара делийских султанов с городища Маджар // СА. – 1972. – № 1.
- Ртвеладзе Э.В.* Крест-энколпион из Маджар // СА. – 1965. – № 2.
- Ртвеладзе Э.В.* К истории города Маджара //СА. – 1972. – № 3.
- Ртвеладзе Э.В.* Из истории городской культуры XIII–XIV вв. на Северном Кавказе и ее взаимосвязей со Средней Азией. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Л., 1975.
- Рудницкий Р.Р.* Борисоглебский энколпион с Развальского городища близ Железноводска // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 2. – Пятигорск, 2005.
- Рудницкий Р.Р.* Поясные пластинки «аскизской культуры» с городища «Развалка» // Вторые Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тез. док. – Ставрополь, 1998.
- Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Новые находки эпохи средневековья из Кисловодской котловины // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 2. – Пятигорск, 2005.
- Семенов Л.П.* Татартупский минарет. – Дзауджикау, 1947.
- Тебуев Р., Хатуев Р.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.; Ставрополь, 2002.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб., 1884.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. – М.; Л., 1941.
- Устаева Э.Р.* Исследования Гермонассы-Тмутаракани // Археологические открытия на Кубани в 2004 году. – Краснодар, 2004.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Клады Джучидских монет // НЭ. – 1960. – Т. 1.
- Фидаров Р.* Мусульманские погребения алан XIII–XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. – Владикавказ, 2004. – № 1.
- Фоменко В.А.* Памятники XIII–XV вв. Кисловодской котловины // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 3. – Пятигорск, 2005.
- Френ Х.М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. – СПб., 1832.
- Хождение Афанасия Никитина за три моря. – Л., 1980.
- Цокур И.В.* Новые археологические материалы средневекового археологического комплекса аланской культуры в Краснодарском крае // МИАСК. – 2003. – Вып. 1.
- Цокур И.В.* О реставрации фундаментов христианских храмов у хут. Ильич Отрадненского района // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. – Краснодар, 2001.
- Цулая Г.В.* Грузинский «Хронограф» XIV века о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Т. VII. М., 1980.
- Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И.* Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990.
- Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1969.
- Чеченов И.М.* Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата // Вестник КБНИИ. Вып. 1. – Нальчик, 1968б.
- Чеченов И.М.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1967 году // Уч. зап. КБНИИ. Т. 25. – Нальчик, 1968а.
- Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д.* Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. – М., 1999.
- Чхаидзе В.Н.* Голубицкое городище. (К вопросу об исторической интерпретации) // МИАСК. – 2004. – Вып. 4.
- Чишев Х.Т.* Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // МИА. Вып. 3. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. – М., 2001.
- Яблонский Л.Т.* Типы погребального обряда на городских мусульманских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Сер. История. – 1975. – № 2.
- Güldenschedt I.A.* Reiscn durch Russland und in Kaukasischn Gebirge. Bd . I. – SPb., 1768.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЕГО ОКРУГА

Л.Ф. Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Средневековый город предполагал наличие округа, необходимой для обеспечения его продовольствием и ремесленным сырьем. Улус Джучи имел две основные экономические составляющие: мир степных кочевников и оседлые сельскохозяйственные земли с городами. Золотоордынский город и его округу важно изучать как необходимые, системообразующие элементы Улуса Джучи, тесно взаимосвязанные между собой.

Нижнее Поволжье являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей государства вплоть до его распада. Здесь был домен золотоордынских ханов, кочевали их ставки. С 40–50-х годов XIII в. начинается градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Нижнем Поволжье. Наряду с только что основанными городами монголами активно использовались и старые города Среднего Поволжья и Хорезма, бывшие наиболее значимыми в течение всей второй половины XIII в. Но постепенно новые, основанные самими Джучидами на Нижней Волге, крупнейшие города, а также их округа, начинают играть в золотоордынском государстве все большую роль.

Нами рассмотрены материалы 465 археологических объектов, группирующихся вокруг четырех крупнейших по площади (более 2 кв. км) золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (Увекского, Царевского, Селитренного и Шареного Бугра), являющихся остатками крупнейших городов региона.

Увекское городище и его округа. В округе Увекского городища, расположенного на южной окраине Саратова, известны 159 памятников: 53 поселения, 23 местонахождения, 18 грунтовых могильников, 31 курганная группа, 21 клад монет и 13 мест отдельных монетных находок.

Поселения. Преобладали мелкие (их 24, 45,3% всех поселений), с площадью менее 1 га, и средние (их 16, 30,2% поселений), площадь 1–7 га, селища. Крупных по площади памятников (более 7 га) всего четыре (7,6%) – Увекское городище, селища Хмелевка I, Шумейка и Советское – они являются остатками золотоордынских городов. Примечательно преобладание мелких и средних поселений (в других рассмотренных нами районах Нижнего Поволжья преобладают крупные памятники): это свидетельствует об аграрном характере округа Укека, в которой на наибольшем количестве памятников известны находки земледельческих орудий, а также древнерусских и мордовских материалов.

Грунтовые могильники. Имеются данные о 209 захоронениях с известной ориентацией. Зафиксированы 7 разновидностей ориентировки погребенных: северо-западная (33%), юго-западная (30,6%), западная (19,1%), северо-восточная (5,7%), южная (5,3%), северная (3,4%) и восточная (2,9%).

Склепы зафиксированы над 23 погребениями, расположенными на Увекском городище. Из захоронений, вскрытых в мавзолее, 3 было совершено без склепа. Все 26 погребений (12,4% от общего количества) в мавзолеях или в склепах мы можем отнести к захоронениям золотоордынской аристократии, а в 16 случаях из них – опираясь на северную или северо-восточную (с этой ориентировкой погребения вне склепов или мавзолеев вообще не встречены) ориентировку погребенных, можно предполагать и центральноазиатское (монгольское) происхождение этих высших слоев общества (Яблонский, 1975, с. 79–80, 84).

Наиболее характерны северо-западная, западная и юго-западная ориентировки погребенных (они составляют вместе 82,7% захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды (Яблонский, 1975, с. 79, 81–83).

Курганы. Есть данные о 97 подкурганых захоронениях с известной ориентировкой. Имеются 5 разновидностей ориентировки погребенных: западная (72,2%), северо-восточная (11,3%), юго-западная (7,2%), восточная (6,2%) и северо-западная (3,1%).

Широкое распространение погребений с западной и юго-западной ориентировкой в простых ямах без костей животных (60,8% захоронений) можно связывать с исламизацией нома-

дов Золотой Орды. Примечательно, что только в курганах с погребениями с западной и в одном случае с юго-западной ориентировкой фиксировались сырцовые конструкции в насыпях, связываемые исследователями с процессами исламизации кочевников и перехода их к оседлому образу жизни (Ракушин, 1993).

В 5 комплексах с западной ориентировкой (в 7,1% захоронений с данной ориентацией) отмечены кости коней. По характеру обрядности 3 захоронения (с остовом или с черепами и костями ног лошади) можно отнести к памятникам черных клобуков или половцев (Атавин, 1984, с. 135–139; Федоров-Давыдов, 1966, с. 150–152).

Погребения с северо-восточной и северо-западной ориентировкой, составляющие вместе 14,4% захоронений, связаны, очевидно, с племенами восточного, центральноазиатского происхождения (Федоров-Давыдов, 1966, с. 159–160).

Древнерусские материалы зафиксированы на 17 (32,1%) из 53 поселений. Эти данные свидетельствуют о заметной доле древнерусского населения не только в Укеке, но и в части окружающих его поселений.

Следует отметить и присутствие мордовских материалов на 7 (13,2%) поселениях. Однако они не столь многочисленны, как древнерусские, и встречены лишь на Правобережье Волги (причем только в северной и центральной части рассматриваемого района – ближе к собственно мордовским памятникам XIII–XIV вв.). Две находки сьюльгам отмечены в курганной группе у с. Зауморье, одна – в кургане у с. Большая Дмитриевка.

Царевское городище и его округа. В округе Царевского городища, располагающегося в Ленинском р-не Волгоградской обл., учтено 98 памятников: 17 поселений, 7 грунтовых могильников, 27 курганных групп, 46 кладов и 1 случайная находка джучидской монеты.

Поселения. Крупные поселения с площадью более 7 га (их 4, 23,5% всех поселений) преобладали над средними, с площадью 1–7 га (их 2, 11,8%). Для остальных селищ данных нет. Крупные по площади памятники – Царевское, Водянское, Мечетное городища и поселение у Колобовки – являются остатками золотоордынских городов.

Грунтовые могильники. Есть данные о 256 захоронениях с известной ориентировкой. Зафиксированы все разновидности ориентировки погребенных: западная (78,5%), юго-западная (12,5%), северо-западная (3,9%), северная (1,9%), южная (1,6%), восточная (0,8%), северо-восточная и юго-восточная (по 0,4%).

Склепы зафиксированы над 34 погребениями, расположенными на могильниках Водянского и Мечетного городищ. Из захоронений, вскрытых в мавзолеях, 17 были совершены без склепов. Данное 51 погребение (19,9% от общего количества) в мавзолеях или в склепах мы можем отнести к захоронениям аристократии.

Наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная ориентировки погребенных (вместе они составляют 94,9% захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды. Однако следует иметь в виду, что 56 из этих погребений (21,9% от общего количества) являются захоронениями некрополя древнерусского поселка Водянского городища.

Курганы. Есть данные о 387 подкурганных захоронениях с известной ориентировкой. Имеются все разновидности ориентировки погребенных: западная (72,6%), юго-западная (12,6%), северо-западная (7%), северо-восточная (3,6%), восточная (2,6%), юго-восточная (1%), северная и южная (по 0,3%).

Погребения с западной и юго-западной ориентировками в простых ямах без костей коня (40,8% захоронений) мы можем связывать с процессом исламизации номадов Золотой Орды. В курганах с погребениями с западной, юго-западной, северо-западной и северо-восточной ориентировками фиксировались сырцовые конструкции в насыпях.

В 41 комплексе с западной ориентировкой (14,6% захоронений с данной ориентацией) отмечены кости коней. По погребальной обрядности захоронения с черепами и костями ног лошади можно отнести к памятникам черных клобуков, а погребения с остовом коня – к памятникам половцев.

Погребения с северо-восточной, северной и северо-западной ориентировками, составляющие вместе 10,9% захоронений, очевидно, связаны с племенами центральноазиатского происхождения.

Древнерусские материалы зафиксированы на 3 (17,6%) из 17 поселений (Царевское, Водянское и Мечетное городища). Это свидетельствует о присутствии древнерусского населения не только на Царевском городище, но и на близлежащих к нему крупных золотоордынских поселениях Правобережья Волги.

Следует отметить наличие мордовских материалов на Водянском городище. Находки сьюльгам имеются в курганный группе у Зубовки.

Селитренное городище и его округа. В округе Селитренного городища, расположенного в Харабалинском р-не Астраханской обл., известны 108 памятников: 4 поселения, 57 местонахождений, 10 грунтовых могильников, 1 курган (?) и 36 кладов.

Поселения. Зафиксировано наличие лишь крупных поселений – остатков золотоордынских городов.

Грунтовые могильники. Есть данные о 576 захоронениях с известной ориентировкой. Зафиксированы все разновидности ориентировки погребенных: западная (72,2%), северо-западная (18,6%), юго-западная (6,2%), южная, восточная (по 1%), северная, северо-восточная (по 0,4%) и юго-восточная (0,2%).

Зафиксированы 65 погребений в склепах, расположенные только на 5 могильниках (Каменный Бугор, Комсомольский II–IV, Селитренное I). Из захоронений, вскрытых в мавзолеях, 13 совершенно без склепов. Перечисленные 78 погребений (13,5% от общего количества) в мавзолеях или в склепах можно отнести к захоронениям золотоордынской аристократии.

Наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная ориентировки погребенных (они составляют вместе 97,1% захоронений).

Древнерусские материалы зафиксированы на Селитренном городище.

Городище Шареный Бугор и его округа. В округе городища Шареный Бугор, располагающегося на северной окраине Астрахани, учтены 100 памятников: 16 поселений, 57 местонахождений, 20 грунтовых могильников, 1 курганный группа и 6 монетных кладов.

Поселения. Крупные поселения с площадью более 7 га (их 6, 37,5% всех поселений) преобладали над средними, с площадью 1–7 га (их 3, 18,8% поселений). Для остальных селищ данных нет. Крупные по площади памятники – городища Шареный Бугор, Красный Яр, Мошаик, Самосделка, а, возможно, также Чертово городище и поселение Маячное II – являются остатками золотоордынских городов.

Грунтовые могильники. Есть данные о 528 захоронениях с известной ориентировкой. Зафиксированы все разновидности ориентировки погребенных: западная (63,4%), юго-западная (13,1%), северо-западная (9,7%), восточная (6,8%), южная (2,7%), северо-восточная (2,5%), северная и юго-восточная (по 0,9%).

Склепы зафиксированы над 22 погребениями, расположенными на могильниках Красный Яр, Маячный Бугор I–II, Мечетный Бугор I, Мошаик I, Шареный Бугор. Данные 22 погребения (4,2% от общего количества) в склепах мы можем отнести к захоронениям аристократии.

Наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная ориентировки погребенных (они составляют 86,2% захоронений).

Древнерусские материалы зафиксированы на поселении Мошаик, а также на могильниках Маячный Бугор I–II.

Рассмотренные материалы позволяют доказать существование округи у крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья, в состав которой входили малые города и сельские поселения. Каждый крупный город имел свою более или менее развитую округу, в состав которой входили и малые города (число их достигало 3–5).

Нами была предпринята попытка экономического моделирования рассмотренных территорий в золотоордынское время путем выделения потенциальных экономических зон каждого поселения методами пространственного археологического анализа. Рассматривая полученные модели хозяйственной деятельности оседлого населения, можно заключить, что экономические ресурсы местности в округе Увекского городища были в значительной мере освоены, земле-

дельческое хозяйство там было наиболее развитым; не случайно, что только в данном регионе подавляющее большинство местонахождений располагается в пределах выделенных потенциальных экономических зон поселений. В округе Царевского городища были освоены берега Ахтубы и берега Волги до истока Ахтубы. Меньшей степенью освоения ресурсов отличается район вокруг городища Шареный Бугор, и минимальной – округа Селитренного городища.

В округе Увекского городища поселения ее центральной части (31 памятник) тесно связаны между собой; остальные поселения образуют еще 4 куста по 2-6 памятников в каждом, 7 селищ расположены вдалеке от экономических зон других памятников. В округе Царевского городища наблюдается 4 куста памятников по 2-5 поселений в каждом (кусты поселений равномерно расположены вдоль берега Ахтубы, а малозначительный Бахтияровский куст находится на середине расстояния между Царевским и Мечетным кустами с крупными по площади памятниками), 3 памятника расположены одиночно. В округе Селитренного городища к основному памятнику примыкает поселение Каменный Бугор, остальные 2 поселенческих памятника расположены раздельно. В округе Шареного Бугра зафиксировано 3 куста по 2–8 поселений в каждом, 2 памятника, включая крупнейший, расположены отдельно.

Для округи Увекского городища характерно раннее складывание центрального куста памятников, где еще во второй половине XIII – начале XIV в. имелся очаг урбанизации. Мощная агломерация, сложившаяся вокруг Увекского городища, интенсивно развивается в эпоху расцвета Золотой Орды, существует она и в начальный период междоусобных войн. В разгар междоусобиц экономическая зона Увекского куста памятников сильно сокращается, а в правление Токтамыша интенсивно эксплуатируются лишь территории, прилежащие к самому золотоордынскому Уеку.

Поселенческие памятники в окрестностях Царевского городища возникают в ранний период истории Улуса Джучи по отдельности, хотя сразу образуется куст памятников у истока Ахтубы. Агломерация вокруг Царевского городища складывается лишь в эпоху расцвета Золотой Орды, существует она и в период междоусобицы, и при Токтамыше.

В округе Селитренного городища раньше других возникает основной памятник, а в период расцвета государства Джучидов складывается и куст вокруг него, существующий вплоть до распада золотоордынского государства.

В дельте Волги первые поселенческие памятники возникают отдельно, а наиболее ранний их куст (Самосдельский) формируется лишь в первой половине – середине XIV в. В эпоху начала междоусобных войн этот куст распадается, а в период правления Токтамыша на короткое время складывается Красноярский куст памятников.

Во всех регионах по площади абсолютно доминируют крупнейшие городища, население которых, очевидно, преобладало над населением их округи, иногда, как в случае с Селитренным городищем и Шареным Бугром, – очень значительно. Население крупных по площади памятников, т.е. малых городов, было менее значительным (4,7%–36,7% от общей численности населения в рассмотренных нами группах памятников), а средних и мелких поселений, т.е. сельских памятников, – небольшим (суммарно для тех и других – от 0,5% до 13,1% в различных регионах).

Если сравнить площадь, а значит, и население средних и мелких поселений различных регионов, можно заключить, что среди сельского населения округи крупнейших городищ Нижней Волги доминировало население округи Увекского городища, за которым по численности следовало сельское население округи Шареного Бугра и Царевского городища. Население малых городов было более значительным в округе Шареного Бугра, за которой по количеству следовало население небольших городских памятников, окружавших Царевское, Увекское и Селитренное городища.

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (площадь каждого из них составляет несколько квадратных километров) позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступающими из соседних сел и деревень, гораздо меньших по суммарной площади. Следовательно, города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное – без своих собственных, городских – земледелия, скотоводства и промыслов.

Нельзя исключать и доставки сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье как средства обеспечения его городов пищевыми ресурсами. В связи с этим не представляется удивительным, что из всех рассмотренных нами поселений находки земледельческих орудий происходят с 6 городских и 2 сельских памятников, находки рыболовных принадлежностей – с 7 городских и 7 сельских.

Нами была предпринята реконструкция социального облика рассмотренных поселенческих памятников Нижнего Поволжья, для чего была осуществлена их сводная археологическая характеристика.

Все разделы таблицы «городских» археологических признаков, составленных на базе исследований А.В. Кузы (Куза, 1985, с. 46; 1989, с. 51), оказались заполненными только для крупнейших по площади памятников, которые мы считаем остатками крупных золотоордынских городов. На всех этих памятниках отмечены жилые постройки, принадлежащие представителям различных по уровню достатка социальных слоев (от землянок до дворцовых комплексов), зафиксированы следы разнообразных ремесленных производств, свидетельства разнонаправленных торговых связей и существования развитых сельского хозяйства и промыслов. Прочие показатели отмечены не менее чем на половине крупнейших по площади поселений.

Близкая картина наблюдается и для крупных по площади памятников (более 10 га), которые, по нашему мнению, являлись малыми городами. На исследованных раскопках поселений зафиксированы остатки различных ремесленных мастерских (гончарных, железоделательных, бронзолитейных), найдены свидетельства развитых торговых (в том числе и внешнеторговых) связей, в большинстве случаев отмечены свидетельства существования земледелия и промыслов. Менее половины раскапывавшихся поселений этой группы характеризуются находками эпиграфических памятников и орудий письма (предметы, связанные с письменностью, крайне редко встречаются в золотоордынских комплексах), имеют остатки культовой архитектуры и определимый характер застройки (последние два обстоятельства объясняются слабой изученностью этой группы памятников). Принципиальных отличий в археологических характеристиках крупных по площади памятников Нижнего Поволжья и крупнейших городищ региона не наблюдается. Данный факт позволяет уверенно относить крупные по площади золотоордынские поселения к остаткам малых городов, отличающихся от меньших по размеру селищ не только по площади, но и закономерностями социального порядка.

Для средних по площади памятников (1–7 га) следует отметить единичность монументальных архитектурных сооружений (мавзолее у Бахтияровского селища и развалины кирпичных зданий на поселении Квасниковка), отсутствие социальной дифференциации выявленных жилищ, а также отсутствие находок, связанных с письменностью; застройка территории огороженными дворами-усадебными на таких памятниках не фиксируется. Менее чем на половине от числа раскапывавшихся поселений найдены детали доспехов и украшения из драгоценных металлов. В числе ремесел на памятниках этой группы достоверно фиксируются лишь обработка железа и примитивные формы обработки цветных металлов. Торговые связи достаточно хорошо прослеживаются по находкам монет и импортных изделий. Число поселений с доказанным существованием собственных земледелия и промыслов превышает даже количество раскапывавшихся памятников этой группы. Такие поселения можно уверенно атрибутировать как сельские.

Малые по площади (менее 1 га) памятники характеризуются еще меньшим числом имеющих признаков. Ремесло здесь представлено исключительно обработкой железа (горн в урочище Мартышкино). На двух поселениях обнаружены свидетельства существования земледелия и рыболовства (керамические рыболовные грузила). На мелких по площади памятниках из свидетельств наличия торговли отмечены только находки золотоордынских монет, в одном случае в погребении (Чардымский могильник) были найдены остатки привозной шелковой материи; очевидна ориентация этой группы поселений на внутреннюю торговлю. Помимо зафиксированных данных об экономической деятельности населения этих памятников имеются лишь сведения о находках предметов вооружения и конского снаряжения, а также металлических сосудов (которые в Золотой Орде, безусловно, были в обиходе не только у представителей зна-

ти), причем все эти группы изделий представлены менее чем на половине от числа раскапывавшихся поселений. Данная группа памятников может быть отнесена к остаткам деревень.

Выделяются следующие основные этапы развития округа золотоордынских городищ Нижней Волги. Первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезаживания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша), пятый – с 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея), шестой – с 1420 по 1459 г. (период распада Золотой Орды). Данные периоды отражают закономерности денежного обращения в государстве Джучидов, каждый из этапов качественно отличен по составу обращавшихся в Нижнем Поволжье монет, что позволяет говорить о существовании того или иного памятника с монетными находками в определенный период времени.

Анализ количества памятников, существовавших в каждый из выделенных хронологических периодов, позволяет сделать вывод, что закономерности развития округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья были приблизительно одинаковыми. Наиболее ранние памятники повсюду возникают еще во второй половине XIII – начале XIV в., благодаря градостроительной политике Джучидов, закономерно затронувшей в первую очередь места кочевков ханской ставки. Период расцвета округа нижневолжских городищ, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312–1342) и Джанибека (1342–1357), а наметившийся на начальной стадии междоусобицы упадок еще не приобрел таких масштабов, как на следующем этапе (1365–1380 гг.), когда Нижнее Поволжье оказалось разоренным практически непрерывными междоусобными войнами, которые велись преимущественно на его территории. В период правления Токтамыша (1380–1395) наблюдался небольшой экономический подъем, вызванный восстановлением единства джучидского государства и его традиционной протекционистской политики по отношению к городам и торговле. Имеются лишь незначительные отличия на двух самых поздних этапах. Так, Увекское городище и памятники его округа, видимо, перестают существовать после похода Тамерлана 1395 г., с которым связан также полный упадок Царевского городища и окружавших его памятников (более поздние монеты происходят лишь с Водянского городища, где найден один пул этого периода, и из единственного кочевнического погребения на данной территории). Памятники же района Селитренного городища и городища Шареный Бугор существовали и в более поздний период – вплоть до распада Улуса Джучи, причем округа Селитренного городища, как и в XIV в., продолжала оставаться экономически более развитой (следует, однако, отметить, что традиции оседлости были в целом более присущи округе городища Шареный Бугор, нежели округе Селитренного городища, – это, очевидно, связано с более благоприятными природными условиями дельты Волги).

Охарактеризуем степень экономической мощи округа каждого из крупных городов домена Джучидов на различных этапах денежного обращения. В период расцвета Золотой Орды (первая половина – середина XIV в.) наблюдается рост значения округа Царевского (там известно наибольшее количество объектов этого времени) и Селитренного городищ по сравнению с ранним этапом, на котором уверенно доминируют памятники округа Увекского городища (поселения округа Увекского городища, тем не менее, количественно доминируют над поселениями других регионов вплоть до 1359–1365 гг. включительно), видимо, бывшей наиболее значимым для ранних Джучидов регионом. В период апогея междоусобных войн (1365–1380 гг.) экономика округа Укека была существенно подорвана, а в правление Токтамыша (1380–1395) наиболее значимым районом Нижнего Поволжья впервые становятся окрестности Селитренного городища (на более ранних этапах там всегда существовало меньше памятников, чем в округе Царевского городища); возможно, что именно на этот регион Нижней Волги было направлено основное внимание правительства Токтамыша при попытке возродить прежний уровень развития торговли и ремесла. В конце XIV – середине XV в. однозначное лидерство округа Селитренного городища по-прежнему сохраняется на фоне полного упадка других кустов памятников: только в округе Селитренного городища на последнем из выделенных нами хронологиче-

ских этапов (1420–1459 гг.) зарегистрированы находки единичных монет в культурном слое поселений.

Прослежено изменение количества поселений разных типов на выделенных нами хронологических этапах. На наиболее раннем этапе (вторая половина XIII – начало XIV в.) возникают памятники всех выделенных нами групп. В период расцвета Золотой Орды наблюдается увеличение числа поселений всех видов. В последующем, до правления Токтамыша (1380–1395) включительно, остается неизменным лишь число существующих крупных городов, количество же памятников остальных типов начинает убывать уже в первые годы междоусобных войн (1359–1365 гг.). В разгар междоусобицы (1365–1380 гг.) малые города и села приходят в еще больший упадок, а самые малые по площади (менее 1 га) поселения начиная с этого времени, вероятно, исчезают вовсе. В правление Токтамыша количество малых городов и сельских поселений несколько увеличивается, хотя их число не превышает данных для эпохи начала междоусобных столкновений. В конце XIV – середине XV в. наблюдается постепенное уменьшение количества крупных и малых городов; сельские поселения в эту эпоху уже не зафиксированы вовсе.

Была осуществлена классификация погребального обряда грунтовых могильников и курганных групп (у нас имеются данные о 1569 грунтовых и 483 подкурганных захоронениях с известными деталями обрядности). Выборка является вполне репрезентативной, что определяет высокую статистическую достоверность полученных результатов. Имеющаяся выборка, тем не менее, не позволяет выделить какие-либо хронологические группы погребений, а следовательно, и закономерности развития обрядности. Основная часть монетных находок из погребальных комплексов относится к XIV в., а четких хронологических отличий в погребальном обряде не улавливается.

Несмотря на ограниченность достоверной историко-культурной информации, которую можно получить при рассмотрении данных погребальных комплексов, имеющийся материал позволяет сделать некоторые выводы.

Значительное количество типов и вариантов погребений, выделенных нами (НеДашковский, 2000; 2010), наглядно показывает социальное, этническое и конфессиональное разнообразие золотоордынского общества (как городского, так и сельского, и кочевого).

Сравнивая аристократические (в мавзолеях и склепах) грунтовые захоронения низовьев Волги (рис. 1), можно заключить, что их процент был значительно выше в округе Царевского городища, а в округе Шареного Бугра – значительно ниже, чем в других рассмотренных регионах; эти данные позволяют предполагать наибольшую плотность проживания оседлой элиты Золотой Орды за пределами дельты Волги, с максимальными значениями для округа Царевского городища. Примечательно, что среди погребений в мавзолеях и склепах наибольшая доля комплексов с характерными для монголов северной и северо-восточной ориентировкой зафиксирована на могильниках Увекского городища (рис. 2), памятники округа которого доминируют на наиболее раннем из выделенных нами хронологических этапов, когда золотоордынская аристократия, преимущественно центральноазиатская по происхождению, еще была слабо затронута влиянием ислама. Процент захоронений с золотыми и серебряными вещами (рис. 3) выше для округа Увекского городища и Шареного Бугра. В рассмотренных регионах оседлая аристократия проживала преимущественно в городах. Только шесть (3,4%) из 177 известных аристократических захоронений в рассмотренных окрестностях крупнейших золотоордынских городов Нижней Волги располагались в сельской местности. Разумеется, социальная стратификация имела место и на селе, но очевидно доминирование именно городских погребений с престижными категориями инвентаря. На сельских могильниках Нижняя Студенка I и Татарская Башмаковка (в двух погребениях) найдены серебряные серьги, на могильнике Барановка – серебряная чашечка. Показательно не только отсутствие в сельских некрополях золотых изделий, но и то, что эти 4 захоронения составляют всего 10,3% от 39 грунтовых погребений с изделиями из драгоценных металлов. На сельских Болдыревском и Чардымском могильниках (в одном погребении на каждом из них) в округе Увекского городища обнаружены парчовые и шелковые ткани. Данные два захоронения составляют всего 8,3% от всех 24 грунтовых погребений с парчовыми и шелковыми одеяниями.

Доля захоронений с мусульманскими ориентировками везде приблизительно одинакова – 82,7–97,1% (рис. 4), однако она максимальна для округа Селитренного городища, где больше всего памятников хронологически наиболее поздних этапов (1380–1459 гг.), связанных с господством ислама в Золотой Орде. С этим же, очевидно, связаны и наименьшие доли погребений с инвентарем (рис. 5) и захоронений без склепов с немусульманскими ориентировками в округе Селитренного городища. Однако в целом мусульманская погребальная обрядность на Нижней Волге была достаточно выдержанной: гробы по имеющимся данным использовались от 44,9% (в округе Царевского городища) до 62,4% (в округе Увекского городища) случаев, а инвентарь встречался от 7% (округа Шареного Бугра) до 13,6% (округа Царевского городища) случаев в захоронениях с мусульманскими ориентировками.

Примечательно, что доля погребений без склепов с немусульманскими ориентировками максимальна для округа городища Шареный Бугор, где, вероятно, наблюдалась максимальная этническая пестрота населения, переходящего к оседлому образу жизни.

В округе Царевского городища зафиксировано значительное преобладание количества подкурганных погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых), что является уникальным для округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, в окрестностях Царевского городища доминировали представители кочевого мира. Практически все курганы здесь расположены в группах золотоордынского времени, большинство которых образовалось вокруг насыпей предшествующих эпох, что несколько отличается от ситуации в округе Увекского городища, где меньше курганов располагается в группах, а основная часть курганных групп представлена чисто золотоордынскими. Процент подкурганных захоронений с мусульманской обрядностью значительно выше для округа Увекского городища, чем для округа Царевского, где встречена большая доля кочевнических погребений с изделиями из драгоценных металлов.

Представляет несомненный интерес практически полное отсутствие зафиксированных курганных насыпей золотоордынского времени в низовьях Волги – в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор – по сравнению с округой Увекского и Царевского городищ. Приблизительно такая же ситуация зафиксирована для более ранних археологических эпох – курганы встречаются преимущественно в северных областях Нижнего Поволжья, а в низовьях Волги – преимущественно грунтовые могильники. Вероятно, не везде имелась возможность сооружения курганов из-за особенностей ландшафта, как в случае захоронений на песчаных дюнах или на бэровских буграх с очень твердым грунтом.

Но в золотоордынское время кочевники в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор, несомненно, обитали. Об этом свидетельствует, в частности, присутствие трех грунтовых захоронений с черепами и костями ног коней (Хошеутово, погр. 7, Комсомольский IV, погр. 10, Маячный Бугор I, погр. 253). Во всех этих случаях в инвентаре погребений имелись оружие и конское снаряжение (в других рассмотренных нами захоронениях низовий Волги они совместно не встречаются).

По письменным источникам нам хорошо известно о пребывании различных категорий древнерусского населения в Золотой Орде – князей, послов, представителей духовенства, купцов, воинов и пленных (Полубояринова, 1978, с. 8–48).

Древнерусские материалы, свидетельствующие о присутствии русского населения, встречены на многих памятниках Нижнего Поволжья, вплоть до низовий Волги. Часть этих материалов была привозной, часть же, как это убедительно показала М.Д. Полубояринова (1978), судя по бракам и полуфабрикатам, производилась на месте. Древнерусские кресты, энколпионы, иконки, детали хоросов, кадилницы, паникадила, колты, серьги, литейные формы, печати и керамика не могли быть предметами торговли основной массы населения Золотой Орды с русскими землями, они говорят о присутствии в Улусе Джучи древнерусского населения.

Древнерусские материалы присутствуют на 22 (24,4%), а мордовские – на восьми (8,9%) из 90 известных поселений в рассмотренных нами районах. Хронологические особенности памятников с древнерусскими материалами примерно одинаковы с особенностями хронологии всех памятников, окружающих крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги. Близкая картина наблюдается и для менее многочисленных мордовских материалов. Наибольшей доля

поселений с древнерусскими материалами была в ранний период истории Золотой Орды (две трети всех поселенческих памятников этого времени имеют зафиксированные древнерусские материалы), в дальнейшем эта доля была достаточно стабильной – от трети до половины всех поселений вплоть до распада Улуса Джучи.

Если в округе городищ Царевское, Селитренное и Шареный Бугор древнерусские и мордовские материалы присутствуют только на крупных памятниках городского характера (древнерусские находки имеются на восьми из восемнадцати рассмотренных нами крупных поселений Нижнего Поволжья, т.е. на 44,4%, а мордовские – на трех, т.е. на 16,7%), то в округе Увекского городища наблюдается иная картина. В округе Укека древнерусские материалы отмечены также на девяти средних (56,3% всех таких селищ в данном микрорегионе) и четырех мелких (16,7% селищ этого типа) поселениях, мордовские – на трех средних (18,8% таких селищ) и на двух мелких (8,3% поселений этого типа).

Представляется, что в северной части Нижнего Поволжья, в окрестностях Увекского городища, где количество памятников с древнерусскими материалами максимально, русское население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы. Примечательно, что из восьми рассмотренных нами нижеволжских поселений, на которых были найдены земледельческие орудия, на семи (87,5%) отмечены также древнерусские материалы, на пяти (62,5%) – мордовские. Рыболовные принадлежности обнаружены на 16 рассмотренных нами поселениях Нижнего Поволжья, из них древнерусские материалы найдены на 10 (62,5%), а мордовские – на 4 (25%).

В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливленную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано. Поступала из городов в сельскую местность и золотоордынская неполивная гончарная керамика. Гончарное ремесло крупных и мелких городов Нижнего Поволжья обеспечивало продукцией все рассмотренные поселения. Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников мы также должны признать продукцией городского ремесла. Именно через города, как крупные центры международной торговли (с памятников городского характера происходят все отдельные находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импортов и изделий, привезенных из других регионов, например, хорезмской неполивной керамики), в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани, иногда даже люстровая керамика и стеклянные сосуды с полихромной росписью.

Кочевники занимались кузнечным ремеслом и ткачеством. Однако целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) вообще не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступающей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленные изделия.

С Болгарского городища известны находки трех матриц (Руденко, 2006, с. 48–49, 89–90, 99, 113, рис. 2, илл. 5) для изготовления ручек (в виде протомы дракона) поясных ковшей из драгоценных металлов, характерных для раннеджучидской торевтики и составлявших один из атрибутов монгольской всаднической культуры (Крамаровский, 2001); там же известна заготовка костяной орнаментированной обкладки колчана (Полякова, 1992), аналогичной изделиям, бытовавшим у кочевников золотоордынской эпохи, что подтверждает мнение о производстве обкладок в поволжских городах Улуса Джучи, в которых известны и находки готовых изделий этой группы. Стеклянные украшения и высококачественные бронзовые зеркала также изготавливались в крупнейших городах Улуса Джучи и поставлялись оттуда в степи. На Увекском городище найдена форма для отливки зеркал, относящихся к типу, не встреченному в материалах этого памятника, но зафиксированному на окружающих поселениях и в близлежащих курганах кочевников; данный факт свидетельствует не только о производстве зеркал в крупных городах для последующей продажи их жителям оседлой и кочевой округи, но и о специализации этого производства, учитывавшего вкусы и запросы кочевников, в области металлических зеркал за-

метно отличающиеся от предпочтений горожан. Кномадам поступали и импортные изделия, в частности, вино в амфорах, парча и шелк.

Имеющиеся данные свидетельствуют о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой. Экономические связи осуществлялись не только путем обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но, в большей степени, посредством товарно-денежных отношений; это подтверждают многочисленные находки как серебряных, так и медных золотоордынских монет на многих сельских памятниках и в курганах кочевников.

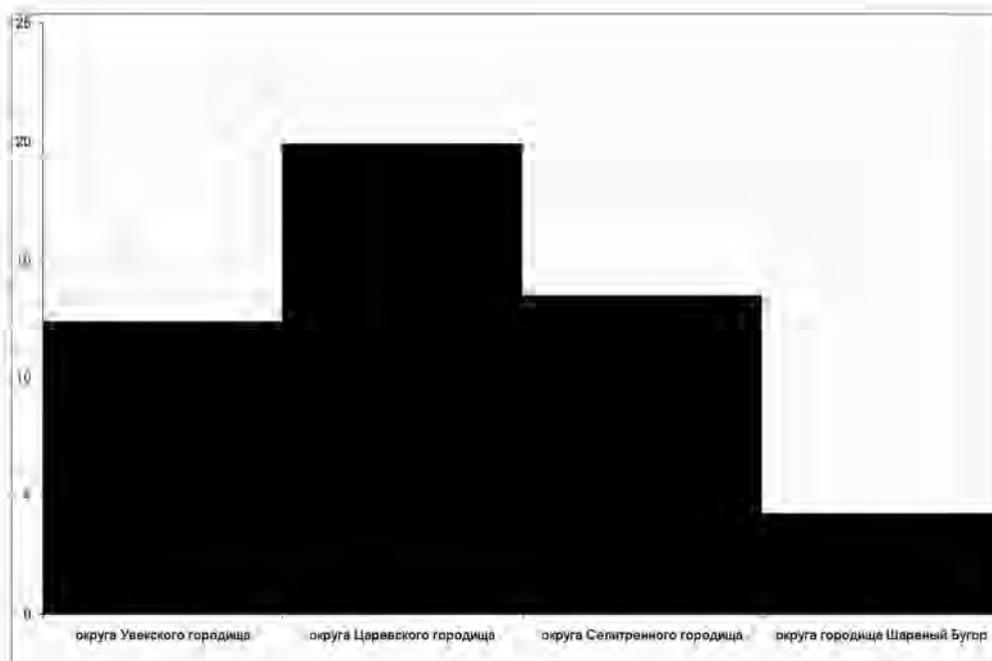

Рис. 1. Доля захоронений в мавзолеях или склепах из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в процентах от общего количества погребений)

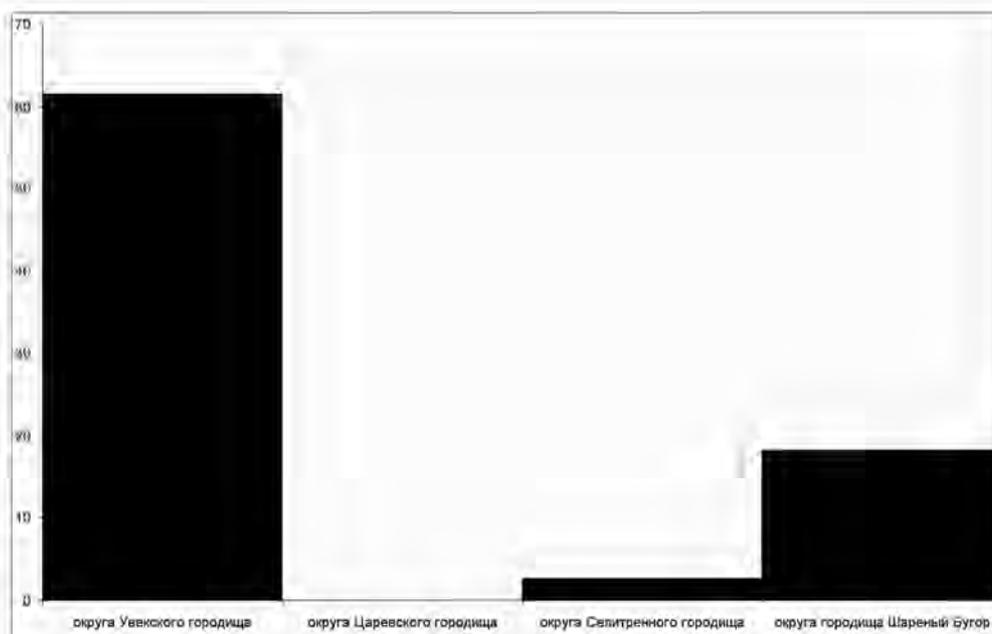

Рис. 2. Доля аристократических захоронений с северной и северо-восточной ориентировкой из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в процентах от общего количества погребений в мавзолеях или склепах)

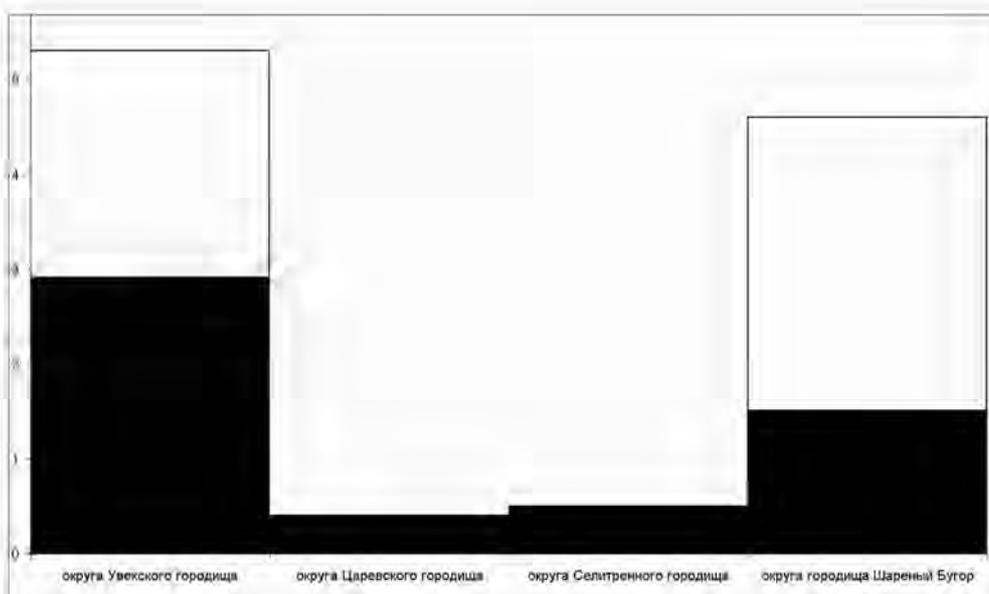

Рис. 3. Доля грунтовых захоронений с изделиями из драгоценных металлов из округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в процентах от общего количества погребений). Черной заливкой показана доля захоронений с золотыми вещами

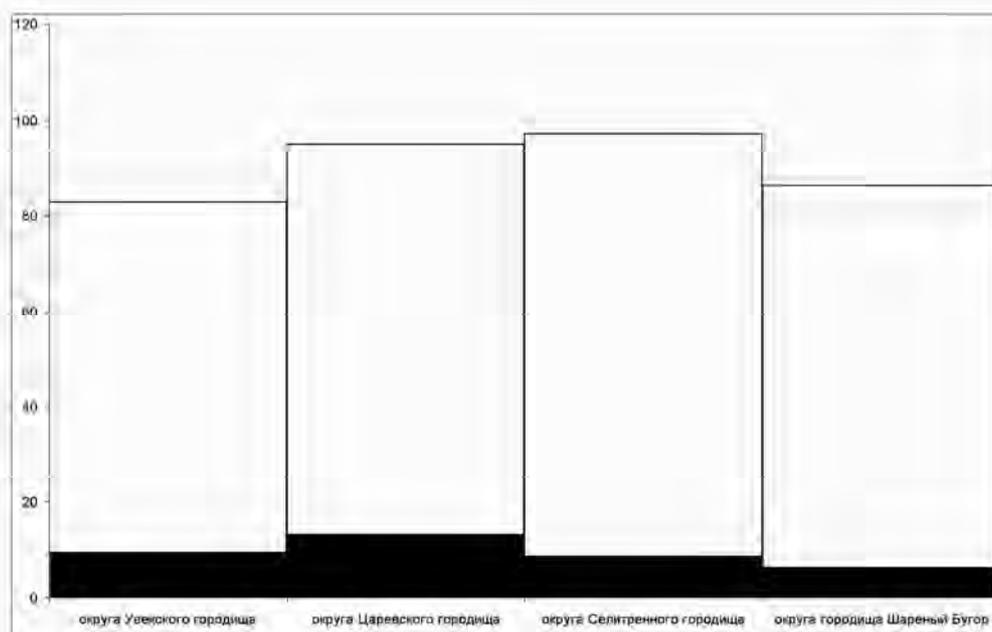

Рис. 4. Доля грунтовых захоронений округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья, ориентированных головой на запад, юго-запад и северо-запад (в процентах от общего количества). Черной заливкой показана доля таких захоронений с инвентарем

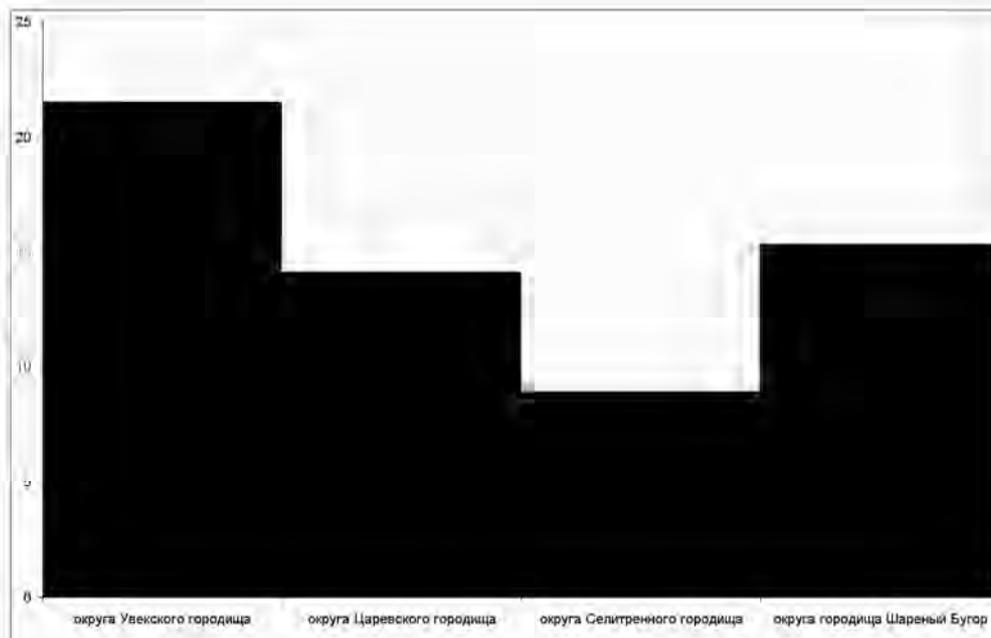

Рис. 5. Доля грунтовых захоронений с инвентарем из округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в процентах от общего количества погребений)

Литература

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений тучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. – 1984. – № 1.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001.

Куза А.В. Укрепленные поселения // Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. – М.: Наука, 1985.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М., 1989.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М., 2010.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.

Полякова Г.Ф. Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. – 1992. – № 1.

Ракушин А.И. Подкурганые кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (предварительные выводы) // Археологические вести. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – Вып.1.

Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. – 2006. – № 3–4 (18–19).

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966.

Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ, серия IX, история. – 1975. – № 2.

НОВЫЙ ЭТАП В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (ПОЛЕВЫЕ СЕЗОНЫ 2005–2007 ГОДОВ)

Е.М. Пигарёв

*Историко-культурного центра «Сарай-Бату»,
г. Астрахань*

В 2003 г. астраханским губернатором А.П. Гужвиным было подписано распоряжение о создании на территории памятника археологии «Городище Сарай Бату» музея «Селитренное городище» – филиала Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. С этого момента начался новый этап в изучении одного из крупнейших археологических памятников Евразии.

Цель, преследуемая этим мероприятием – создание археологического музея-заповедника как полноценного научно-образовательного центра, раскрывающего всю уникальность и многогранность культуры Золотой Орды – самого большого и организованного государства средневекового мира.

Необходимо отметить, что идея создания археологического музея-заповедника на Селитренном городище не нова. В 1960-х годах в ходе организации туристической деятельности правительством РСФСР принимается ряд мер, направленных на улучшение охраны памятников истории и культуры. В этот период начинает свою деятельность целый ряд археологических музеев-заповедников (Медведь, 2004, с. 38).

В 1969 г. принимается решение о музеефикации Селитренного городища (Булатов, 1975, с. 87). Тема создания в стране целой сети музеефицированных археологических музеев-заповедников была одной из обсуждавшихся на пленуме Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР (Сообщения НМС, 1986, с. 9).

Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. Селитренное городище было признано памятником археологии государственного значения. Была определена охранный зона городища и зона регулируемой застройки, разработаны режимы ее использования, гарантирующие сохранность памятника от воздействия хозяйственной деятельности человека. В 2002 г. был составлен паспорт памятника, в котором утверждена новая, значительно увеличившаяся охранный зона; оформлен ряд охранных документов, позволяющих усилить контроль за состоянием памятника.

Основными задачами создающегося музея-заповедника являются сохранение уникального историко-ландшафтного комплекса «Селитренное городище», обеспечение целостности природной и исторической среды, изучение и использование этого уникального национального наследия.

Для решения этих задач специалистами Астраханского музея-заповедника были разработаны Концепция развития музея «Селитренное городище» и сопутствующая ей Программа исследований Селитренного городища в 2006–2008 гг. Для выполнения принятой Программы была сформирована рабочая группа, в которую вошли специалисты Астраханского музея-заповедника (Е.М. Пигарев), Марийского государственного университета (Ю.А. Зеленева), Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (А.Г. Ситдинов), Казанского государственного университета (А.Г. Мухамадиев).

2005 г. был первым годом совместных действий. Экспедицией, в которую входили археологи и студенты Астрахани, Казани, Йошкар-Олы, были исследованы два разрушающихся участка столицы Золотой Орды. Один из них пришелся на место кладбища конца XIV – середины XV в. (Зеленева, Р-XXXVII, 2006). На нем было вскрыто несколько типичных для золотоордынского городского некрополя погребений. Помимо этих погребений и хозяйственных ям более раннего периода (середина XIV в.), на площади раскопа был исследован подземный кирпичный склеп – гурхана.

Склеп имел квадратное основание, на которое опирался круглый купол. Углы основания были оформлены изнутри в виде арок. С южной стороны находился арочный вход. Внутри

склепа на полу у северной стенки был обнаружен костяк взрослого мужчины, ориентированный черепом на запад; кости грудной клетки костяка были переворошены, что свидетельствует об обряде трупобезвреживания, остальные кости находились в положении *in situ*. На полу склепа в районе входа была найдена медная монета 1420-х годов, что и позволило датировать сооружение. По стратиграфическим наблюдениям вход в склеп некоторое время не засыпался. В процессе его расчистки был обнаружен костяк крупной собаки, лежащей поперек входа. Захоронение собаки и закрытие склепа было единовременным. Подобные сооружения на Селитренном городище встречаются в четвертый раз, причем, второй раз в ритуале присутствует собака и обряд трупобезвреживания. Раскопанный объект вызывает интерес не только в плане научной новизны, но и из-за степени сохранности. Незначительные утраты (обрушение в древности части купола) позволяют произвести музеефикацию склепа для создания в будущем «музея под открытым небом».

На другом раскопе этого года был вскрыт участок жилой застройки города (Зеленева, Р-XXXVIII, 2006). Были исследованы остатки трех жилищ, относящиеся к разным строительным периодам. Вскрыты остатки стен, сложенных из сырцового кирпича; подпольные отопительные системы (каны) и лежанки (суфы), а также многочисленные хозяйственные ямы.

Предметы, найденные в процессе раскопок, представлены обломками и целыми формами гончарной красноглиняной керамики и глазурированной посуды, импортной и местного производства; украшениями (глиняные, кашинные и стеклянные бусы) и т.п. Нумизматический материал (более 70 монет) датирует обнаруженные на раскопе объекты 1330–1380-ми годами.

В 2006 г. совместные работы на Селитренном городище были продолжены. Новый раскоп был заложен на береговом обрыве Больничного бугра, разрушаемом ежегодными паводками (Пигарев, 2007). На его площади была исследована восточная часть гончарной мастерской.

На территории мастерской нами были обнаружены остатки вспомогательных печей и хумы для хранения сырья. Комплекс ям и сооружений представляют собой производственную постройку, являвшуюся, собственно, зданием мастерской, состоящим из трех помещений. Находки обломков кашинной посуды и изразцов, подражаний китайскому селадону (псевдоселадон), запасов белой глины и опоки, дают возможность предположить, что в этой мастерской обрабатывали не только известь, но и поливную кашинную посуду и архитектурные украшения – изразцы.

Среди многочисленных находок обломков бытовой и парадной посуды особый интерес вызывают найденные на раскопе: донца красноглиняных поливных блюд работы крымских мастеров; фрагмент красноглиняного гончарного сосуда с остатками надписи, выполненной техникой лощения; лапа железного якоря; часть большой кашинной чаши с изображением в центральной части лебедя; а также медные золотоордынские монеты.

В 2007 г. совместная экспедиция продолжила исследование памятника. Первый раскоп этого полевого сезона был расположен на «черепянном поле», на территории, где, предположительно, располагалось крупное гончарное производство, принадлежащее ханской семье (Пигарев, 2007, с. 173–177). Эти исследования проводились на средства Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 07-01-18119е).

В ходе проведенных раскопок на разрушаемом участке было вскрыто и изучено 5 погребений, относящихся к концу XIV – началу XV вв. (из них 3 – взрослых, 2 – детских). Судя по данным стратиграфии, могильник был образован здесь, после того, как на этом участке было заброшено гончарное производство, и территория бывшей мастерской превратилась в пустырь.

Особый интерес вызывает обнаруженная здесь конструкция, которая датируется нами по найденным монетам 1330–1340-ми годами. Раскопанное сооружение представляло собой остатки двухъярусного прямоугольного горна, сложенного из сырцового и обожженного кирпича, от которого сохранилась лишь топочная камера. Сохранившиеся размеры горна: длина 6 м, ширина 3,1 м, высота 2,3 м. Не смотря на то, что камера обжига и частично топочная камера (по диагонали вдоль длинной оси) были уничтожены в ходе антропогенной деятельности, сохранившаяся часть позволяет достаточно точно определить тип раскопанной конструкции.

Подобные горны предназначались для обжигания кирпича. Это большие прямоугольные камеры, вдоль длинных стен, которых в нижней части располагались ступеньки-выступы, ос-

тавляющие в середине по главной оси камеры широкий проход для огня и дыма. На выступах покоились поперечные арки, щели между которыми являлись продухами. В раскопанном нами горне находилось семь арок, на которых раскладывалась обжигаемая продукция (кирпичи). Аналогичные горны известны по раскопкам Болгара, Сарайчика, поселения Красный Хутор в Воронежской области. Сохранность остатков горна дает возможность говорить о его музеефикации и включении как объекта в «музей под открытым небом».

Кроме того, были продолжены работы и в центральной части городища на западном склоне Больничного бугра, разрушаемом р. Ахтуба (открытый лист Р.Р. Валиева, г. Казань). Здесь были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы, остатки двух жилых конструкций, относящихся к различным периодам существования города.

Таким образом, итогом совместной деятельности археологов Астрахани, Йошкар-Олы и Казани за трёх летний период, явилось научное изучение и спасение от полного разрушения нескольких участков золотоордынской столицы. В результате этих работ были получены новые данные по планиграфии города Сарая, собраны коллекции предметов местных и иноземных мастеров, раскрывающие уровень золотоордынского ремесла и торговли. Обретенный опыт показал целесообразность и жизнедеятельность совместной научной группы, состоящей из специалистов, представляющих различные научные центры страны, для работы на таком крупном памятнике, каким является Селитренное городище.

Литература и источники

Булатов Н.М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. – М., 1975.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М., 2004.

Зеленев Ю.А. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 2005 году (раскоп XXXVII). – Йошкар-Ола, 2006. (Архив АГОИАМЗ).

Зеленев Ю.А. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 2005 году (раскоп XXXVIII). – Йошкар-Ола, 2006. (Архив АГОИАМЗ).

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2006 году (раскоп XL). – Астрахань, 2007. (Архив АГОИАМЗ).

Пигарев Е.М. Работы на «черепяном поле» Селитренного городища в 2007 г. (некоторые итоги полевого сезона) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международ. Нижневолжская археол. конф. Тез. док. – Волгоград, 2007.

Сообщения НМС. Серия IV, вып. № 11, сообщение № 6. – М., 1986.

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ XI–XII вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

К.А. Руденко

*Университет культуры и искусств,
г. Казань*

Начало изучения поселенческой структуры болгарского государства можно отнести ко второй половине XIX в. В тот период приоритетным было и остается по сей день исследование городищ – остатков городов и других укрепленных поселений. Оно является традиционным в болгаристике. Именно по находкам, полученным с этих памятников, мы в подавляющем большинстве случаев составляем сейчас представление о материальной культуре волжских болгар. Раскопки городищ давали и дают весьма обширный и яркий материал, с выходом на исторические сопоставления, реконструкции и т.п., что делает их очень привлекательными для ученых.

Вместе с тем в большинстве случаев, болгарские городища изучались и изучаются изолированно от других категорий археологических памятников, как некое автономное образование вне контекста с тем, что их исторически окружало и в большинстве своем и порождало – неукрепленными поселениями – селищами. Темы, связанные с так называемой городской округой (близлежащими неукрепленными селениями) – понятием в болгарской археологии в настоящее время очень неопределенным, как правило, мало популярны из-за их трудоемкости при исследовании и сложности при анализе.

Изучение болгарских селищ, к сожалению, существенно отстает от археологии городищ. Какого либо плана или программы их исследования не было, по сути, никогда. Чаще всего они изучались в связи с охранными работами, в основном в зоне водохранилищ Волжско-Камского каскада. Эти работы в XX в. велись в разное время (начиная с середины 1950-х гг.) и с разной степенью интенсивности. Они, позволили получить общее представление о болгарских селищах, показав их научный потенциал, в том числе возможности источниковедческого плана, при этом ярко отразив специфику – региональную, хронологическую и даже топографическую. К концу XX столетия стало очевидным, что решение насущных проблем болгарской археологии без координации этих направлений невозможно. Однако прошедшее десятилетие XXI в. показало, что до практического осуществления этих задач еще очень далеко.

Стоит отметить, что такого рода комплексные исследования уже давно практикуются в других регионах России и за ее пределами. Выработаны и специальные методы изучения поселенческих структур. Преобладающим среди них (для средневековых памятников) как Европейской России, Украины и отчасти, Западной Сибири является микрорегиональный подход, хотя единых универсальных критериев для всех территорий выработать не удалось. Он собственно и является основой для агломерационного метода, но имеет кардинальное отличие от последнего. Это отличие заключается главным образом в хронологическом охвате археологических памятников, широте и глубине ставящихся задач.

Микрорегиональный метод более широк и всеобъемлющ по сравнению с агломерационным. Он подразумевает изучение памятников всех эпох на определенной территории, как многоуровневой и многокомпонентной системы. Агломерационный метод относится только к памятникам средневекового периода, предполагая изучение процессов урбанизации, а так же зарождения, развития и упадка поселенческих структур на конкретной территории в контексте развития антропогенной среды и экологического окружения, а так же самого человека. Разновидностью микрорегионального метода является метод этнографо-археологический в теоретическом виде выраженный в разработанном Н.А. Томиловым понятии археолого-этнографического комплекса и использующийся в практических исследованиях (например, работы М.А. Корусенко).

Терминологический базис для обоих методов сформировался в археологической литературе достаточно давно. Основными понятиями (если не пользоваться термином агломерация) являются «куст» и «гнездо» памятников; нередко встречается термин археологический комплекс. Если под первым подразумевается, как правило, концентрация памятников на разной по охвату территории (гнездо как компактное расположение объектов, а куст, как бы объединение нескольких гнезд), то термин комплекс может быть синонимичен понятию гнездо, а может относиться к одному памятнику, но многослойному.

Нужно сказать, что микрорегиональный метод с 1960-х годов применялся и используется по сей день в Татарстане в работах Раннеболгарской археологической экспедицией под руководством Е.П. Казакова в Измерско-Кураловском микрорегионе. С 1990 и до 2009 г. такие исследования проводились в Лаишевско-Алексеевском микрорегионе К.А.Руденко. Описание этих микрорегионов, специфики и результатов исследований имеется в публикациях (Казаков, 1991; Руденко, 2001) и нет необходимости подробно на этом останавливаться. Можно сказать, что это были и первые агломерационные исследования, когда речь шла о средневековых памятниках.

Ранее мы специально касались этого вопроса, предложив в качестве исходной единицы комплексного анализа средневековых болгарских памятников понятие поселенческой агломерации (Руденко, 2007, с. 19–37; 2009, с. 95–99). Рассмотрим понятие агломерации в его археологическом выражении.

Понятие агломерация используется в настоящее время в экономической географии применительно к разнотипным населенным пунктам. Под агломерацией, точнее городской агломерацией или конурбацией (от лат. *agglomerare* — присоединять, накапливать и *con* — вместе и *urbs* — город) понимается «компактное скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединённых в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями».

Естественно, что между современными и древними поселениями имеются существенные отличия, прежде всего кроющиеся в самой сущности того, что мы сейчас называем городом, селом, округой и т.п. Поэтому механически переносить это понятие в древность будет не корректно. Более того само понятие агломерации в археологическом отношении не может быть универсальным. Природные, социально-экономические и культурные особенности формируют специфику этого явления, как во времени, так и в пространстве. Второй момент – то, что в современном понятии агломерация мы имеем дело с живой действующей системой, генезис и настоящее ее состояние нам известны.

Используя понятие археологические агломерации, мы обращаемся к уже прекратившей свое существование поселенческой структуре и, что бы понять суть имеющегося материала необходимо некогда живые процессы реконструировать. При этом мы опираемся на множество неизвестных данных, в числе которых выяснение исходных предпосылок для зарождения агломерации в целом и каждого его компонента в отдельности, динамика их развития. В этом отношении очень важным является хронологическое соотнесение изучаемых памятников (не все из них могли существовать одновременно или прекратить существование в один момент), характер связей и другие.

Тем не менее, основа этого понятия будет близка той, что имеется и в современной трактовке. Археологическая средневековая поселенческая агломерация это исторически сложившаяся концентрация синхронных или близких по времени археологических памятников - городищ, селищ и могильников, на определенной территории, обусловленная с одной стороны природно-географическими условиями, с другой – историческими особенностями формирования поселенческой структуры средневекового общества и государства, связанные топографически, а так же обнаруживающие сходство элементов их материальной культуры в керамике, украшениях, типах и планировке жилищ и т.д.

Для болгарского времени выделение агломерации основывается на наличии: 1) территориально взаимосвязанных памятников разного вида (городище-селище-могильник-культурное место) или расположенных в непосредственной близости друг от друга (например, через реку, овраг или протоку); 2) одновидовых памятников (например, селищ) или памятников двух видов

(селище/а – могильник/и) сконцентрированных на небольшой территории. Агломерация, подчеркнем еще раз, – явление социальное и в отличие от микрорегиона природно-географические условия не являются здесь определяющими.

Особенности расположения памятников на территории где были зафиксированы болгарские древности, выявили иерархию агломераций. Первая из них – моноцентрическая (моноклеарная) мегаагломерация сформировавшаяся вокруг одного городища-ядра. Примером этого является Билярское городище и близлежащие территории. Оно является доминантным памятником, который оказывает влияние, подавляя и подчиняя своему воздействию (в области материальной культуры) все остальные поселения, расположенные в его пригородной зоне (точнее во внешней, периферийной, зоне мегаагломерации – селища-пригороды, городища-спутники и т. п.), причем городище-ядро намного превосходит их по своему размеру.

Близки по характеру внешних археологических атрибутов макроагломерации, которые характеризуются наличием городищ-центров иногда без выраженной доминанты, но с «центроостремлящимися» освоенными территориями (т.е. здесь важно не просто наличие городища-лидера, но и ярко выраженная внешняя связь близлежащих территорий, тяготеющих к этому лидеру-«ядру», например близлежащие селища защищенные общими с городищами фортификационными линиями. При этом городище-лидер характеризуется более крупными размерами и наличием тяготеющих к нему неукрепленных, а иногда и укрепленных поселений. Примером таких образований является археологические комплексы у с. Войкино, Маклашеевка, Кожаевка. Они могут быть как моноцентрическими, так и (чаще всего) полицентрическими (полинуклеарными), имеющие несколько городищ-ядер (более или менее одинаковых по размеру и особенностям культурных отложений), при отсутствии явно доминирующего.

Следующий зафиксированный уровень – мезоагломерация которая является переходной от низшего уровня – агломерации к макроагломерации. Она включает несколько городищ, селища посады и селища-спутники. Иногда мезоагломерации имеют ярко выраженный ремесленный характер. Пример такого рода – археологический комплекс состоящий из двух болгарских городищ и около десятка селищ у с. Ромодан в Алексеевском районе РТ.

Необходимо также сказать несколько слов о терминах, которые используются применительно к археологическим агломерациям. 1. Поселение-спутник - неукрепленное поселение (селище), зафиксированное близ крупного городища, но территориально не примыкающее к нему. Материальная культура поселений-спутников и городища очень близка по составу находок, но может иметь определенные отличия, обусловленные историей их возникновения и формирования.

2. Селища-посады занимают территорию, прилегающую к городищу, и находятся с ним в тесной функциональной и культурной взаимосвязи. Иначе говоря, селище-посад это поселение, расположенное рядом с городищем имеющее: 1) следы производственной деятельности; 2) отложения культурного слоя чаще всего однослойные, реже многослойные, 3) застройку (уличную или усадебную) менее плотную, чем на городище, но более плотную по сравнению с селищами округа; 4) материальную культуру аналогичную с городищем; 5) в ряде случаев укрепления.

3. Селища-посады и поселения спутники образуют округу или пригородную зону, которая является частью агломерации. Пригород – это неукрепленные поселения, расположенные рядом с городищем и посадом; они имеют, как правило, усадебную застройку, выраженное домашнее ремесло, промыслы; основной вид занятий – сельское хозяйство; материальная культура аналогичная с городищем-ядром.

Собственно развитие пригородной зоны или округа и определяет пути эволюции агломераций, их интенсивного развития, стагнации или упадка. Этот процесс можно охарактеризовать (пользуясь современными терминами (Борисов, 2003)) как субурбанизация то есть рост и развитие пригородной зоны крупных городов, в результате чего происходит складывание мега и макроагломераций.

Формирование болгарской средневековой поселенческой структуры в целом можно представить как урбанизационный процесс, понимая под урбанизацией исторически определенный этап развития отношений между городом и не городскими поселениями, включающий в себя

преобразование последних (Руденко, 1996, с. 112–113). Сам урбанизационный процесс для болгарского времени можно рассматривать как двухэтапный.

Первый этап (VIII – первая половина X в.) – период расселения или внутренней колонизации; второй этап (вторая половина X – первая четверть XI в.) – развитие внутренней поселенческой структуры и эволюция ее в систему агломераций (XI – первая треть XIII в.). Первый этап начался с преобразования точечной структуры расселения в ареальную. Базисной основой болгарской урбанизации были неукрепленные поселения – селища. Типология болгарских селищ (Руденко, 1999, с. 63–66) позволила проследить специфику этого типа памятников и в какой-то мере связанную с развитием урбанизационных процессов. Точечная структура расселения у волжских болгар периода седентаризации (VIII–IX вв.) характеризуется в начале наличием единичных не образующих поселенческую систему зафиксированных стационарных поселений в непосредственной близости от некрополя или некрополей (например, ранний Булгар и Танкеевский могильник). В финальной стадии этого процесса (конец IX – первая половина X в.) – соотношением малых по площади мысовых городищ и различных по размеру селищ, расположенных на торговых путях (городище Девичий городок – Семеновские селища). Последние имеют однослойные культурные отложения с вещевым комплексом торгово-ремесленного характера, а так же монет.

Ареальная система расселения, формирующаяся в начале – первой половине X в. характеризуется уже не локальными поселениями, а их системой, то есть появлением городищ разных типов с селищами-спутниками и одиночных поселений, с незначительным культурным слоем, а так же с небольшим количеством находок (преимущественно лепной и круговой керамики), и с наличием среди них предметов уборки и переработки урожая. Ареалообразующим центром выступает городище (в данном случае неважно, какими функциями в исторической действительности оно было наделено: убежище, город, укрепленная владельческая усадьба и т.д.). Исторически формирование ареалов расселения обусловлено политическими и экономическими предпосылками, которые диктуют законы развития поселенческих структур, а так же пространственного размещения ремесла и соответствующей ему инфраструктуры. Точечная структура на этом этапе развития общества и государства перестает обеспечивать цели административного руководства и производства, поскольку как естественно сформировавшаяся, так и искусственно стимулируемая государством дифференциация общественного производства, возникновение новых отраслей требуют соответствующей территориальной организации.

Последняя стадия этого процесса, которая приходится на первую четверть XI в., это собственно уже и есть начальная агломерационная поселенческая система в рамках уже освоенной в хозяйственном отношении территории государства. Процесс эволюции ареальной системы в агломерационную можно реконструировать в плане изменения не внешних признаков поселений, прежде всего укрепленных (то есть увеличения территории), а расширения зоны их влияния на все более отдаленные территории, за счет возникновения ремесленных поселков в относительно удаленных от них местах (например, Лаишевское селище). Структура функциональных взаимосвязей становится более дифференцированной, что отражается на появлении селищ-спутников и городищ-спутников. Так собственно и формируются агломерации как многокомпонентный комплекс социального пространства средневекового болгарского города, включающий сам город, пригороды и населенные пункты-спутники¹.

В этой связи стоит рассмотреть и понятие город в археологическом отношении. Прежде всего, отметим, что средневековый город – искусственная среда обитания, имевшая установленные границы (укрепления). Это определяет и его археологическую специфику, в частности особенности формирования культурных отложений, их мощность, и насыщенность. Не останавливаясь на обширной историографии вопроса, рассмотрим только те признаки, которые фиксируются на болгарских городищах.

Основные признаки 1 уровня, характерные для крупных по площади городищ (центры мегагломераций и некоторых макрогломераций – столичные центры: 1 – укрепления, предметы вооружения; 2 – ремесло, торговля; 3 – печати, пломбы; 4 – монументальная архитектура (куль-

¹Современная трактовка таких процессов см.: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=742> (28.05.2011).

товые и светские каменные\кирпичные сооружения); 5 – искусство; 6 – высокотехнологичные производства. Если детализировать признаки, то можно отметить еще: благоустройство, усадебно-дворовую застройку; наличие производственных комплексов, включая орудия производства и полуфабрикаты, а так же драгоценную утварь и украшения. Для городищ мегаагломераций характерны так же два признака: 1) структурированные части городища и 2) площадь посада и пригорода превышает площадь городища. Планиграфия (расположение на местности) мегаагломераций – компактная (городище=селище) и рассеянная.

Основные признаки второго уровня, для городищ центров мезоагломераций: 1 – укрепления; 2 – ремесло, торговля, возможны – высокотехнологичные производства. В качестве дополнительных уточняющих признаков: находки сельскохозяйственных орудий (орудия уборки урожая и его переработки). Здесь имеется сельскохозяйственная округа и ремесленный посад. Планиграфия: рассеянная (городище+селище) и раздробленная (городище отдельно, селище отдельно).

Главной археологической характеристикой города является зафиксированный процесс его развития, то есть увеличения его территории – строительство новых укрепленных линий, перепланировка старой части и т.п. На сегодняшний день практически невозможно установить фазы формирования агломераций вследствие того, что мы не имеем ни одного полностью раскопанного городища и тем более-менее пропорционально исследованного комплекса. Можно лишь гипотетически предположить, что на первой фазе агломерация представляет собой конгломерат достаточно близко расположенных урбанизированных территорий, на которых фиксируются как укрепленные, так и неукрепленные поселения с автономным ремесленным производством. Особую роль на этой стадии играет внешняя торговля. На второй фазе происходит укрупнение городищ, за счет расширения территории, включении в него селищ-посадов, усложнение планиграфии городищ-центров, концентрация в них высокотехнологичных производств и материальных ресурсов. Роль внешней торговли сохраняется, но все более усиливается спрос на продукцию на внутреннем рынке. На третьей фазе происходит расширение и отчасти частично перемещение производственных функций из городищ-центров на периферию в селища – ремесленные слободы, а так же складывание на этой основе локальных торговых пунктов (малых, местных рынков), то есть интенсификация внутренней торговли, которая становится приоритетной.

Собственно решение этой проблемы (которая займет, вероятно, еще немало времени) и позволит перейти к более предметной дискуссии о путях формирования болгарских городов. В качестве возможных вариантов можно указать следующие: *а.* образование торгово-ремесленного посада при городище-убежище или укрепленной владельческой усадьбе; *б.* возникновение города из суммы отдельных поселений. Это процесс в сущности универсальный. В той или иной степени он характерен для Древней Руси (например, Новгород), Средней Азии (город Сарыг); *в.* формирование торгово-ремесленного посада у стоянок-манзильей (городища Кашан I и Кашан II); *г.* сложение городов на месте рынков; *д.* концентрация городского поселения при культовых местах и местах домусульманских молений; *е.* образование ранних городов-крепостей, на месте ставок тюркских и угорских предводителей. Очевидно, уже сейчас, что при определении путей развития болгарских городов нельзя руководствоваться какой-либо одной схемой.

Необходимо отметить, что вероятно многие болгарские города, возникнув, как некий «ответ» на «вызов» потребностей общества, достигнув расцвета и выполнив свои функции, ушли с исторической арены или изменили свои первоначальные функции. В этом случае город функционировал как живая система, с одной стороны, гибко реагирующая на экзогенные факторы (прежде всего, экономические и военно-политические), изменяя свою внутреннюю среду – численность и структуру населения, с другой стороны, сохраняя свое внутреннее своеобразие – субкультуру города. Ярким примером этого является судьба ряда болгарских городов после монгольского нашествия.

Литература

Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань, 1991.

Руденко К.А. Булгарские селища XII–XIV вв. низовий Камы: проблемы хронологии, исторической топографии и социально-экономической интерпретации // XIII УАС. Тез. Часть II. – Уфа, 1996.

Руденко К.А. Булгарские селища: вопросы типологии // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Тез. науч. конф. – Болгар, 1999.

Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань: «Школа», 2001.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: «Школа», 2007.

Руденко К.А. Микрорегионы и поселенческие агломерации Среднего Поволжья X–XIV вв.: проблемы выделения, структура, изучение // Археологические микрорегионы Северной Евразии. Материалы науч. конф. – Омск, 2009.

О БУЛГАРСКОМ ВЛИЯНИИ НА СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

А.Н. Сарапулов

*Пермский государственный педагогический университет,
г. Пермь*

На рубеже I–II тыс. н.э. на территории Пермского Предуралья происходит качественный переворот в земледельческой деятельности, который связан с появлением орудия труда, изменившего способы обработки почвы. Происходит смена хозяйственно-культурного типа (ХКТ) мотыжного земледелия и животноводства на ХКТ пашенного земледелия и пастушеского скотоводства.

До сих пор одним из самых дискуссионных вопросов в изучении земледелия Пермского Предуралья по археологическим данным остается вопрос, связанный с тем, с какой территории были заимствованы пахотные орудия труда и в целом новый ХКТ. В археологической литературе звучали различные точки зрения: Волжская Булгария, Древняя Русь, бассейн р. Чепцы, именьковская археологическая культура. Впервые о происхождении пашенного земледелия от волжских болгар писал М.В. Талицкий, рассматривающий период развитого средневековья как болгарский период (Талицкий, 1952, с. 68, 75, 82, 88). Свое внимание происхождению пашенного земледелия уделил А.М. Белавин. В своей монографии, посвященной экономическим и этнокультурным связям Предуралья в эпоху средневековья, А.М. Белавин пишет о том, что «пашенное земледелие возникает и развивается у жителей Пермского Предуралья под воздействием болгар», а «первое, что бросается в глаза, это прямое тождество ранних ральников... из Предуралья и известных болгарских образцов аналогичных орудий» (Белавин, 2000, с. 130). О болгарском влиянии на земледелие пишет также Н.Б. Крыласова, которая считает, что жители Пермского Предуралья с X в. находились в тесном контакте с населением Волжской Булгарии, от которого заимствовали многие явления культуры, в том числе, вероятно, основы пашенного земледелия (Крыласова, 2007).

Мы же в ходе своих исследований приходим к выводу, что наконечники пахотных орудий Пермского Предуралья (ральники) преимущественно были заимствованы с территории Древней Руси. Раннесредневековое население Пермского Прикамья можно рассматривать как некое смешанное в этническом плане этнотерриториальное образование, но с явным преобладанием (до XI–XII вв.) угорского компонента над финским. Т.е. угры были вмещающим коренным населением, а финны – этнической ксенией (Белавин, 2004). Поэтому только в XI–XII вв. на территории Пермского Предуралья в качестве вмещающего этноса появляются финны, что послужило основной причиной четко выраженных изменений в этнической и хозяйственно-культурной ситуации. Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что смена ХКТ была связана с миграцией финского населения, проживающего на порубежных с Русью территориях и знакомых с техникой древнерусского образца. В то же время мы не можем отрицать влияния Волжской Булгарии на земледелие средневекового населения Пермского Предуралья. Безусловно, правы те исследователи, которые в своих трудах пишут о болгарском влиянии, хотя стоит заметить, что часто такое влияние преувеличивается. Если исходить из того, что Волжская Булгария как государственное образование в средние века являлось основным торговым партнером Пермского Предуралья, то не говорить о взаимовлиянии культур было бы, по меньшей мере, наивно и не логично. Можно сказать, что болгары фактически полностью контролировали территорию Прикамья. Арабские источники отмечают, что болгарские купцы вели активную торговлю с купцами из стран Вису и Чулыман (территория Пермского Предуралья). Болгарские изделия представлены на 180 памятниках X–XIV вв. в Прикамье различными категориями находок (керамика, бусы, украшения, детали костюма). Как отмечают исследователи (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц) в Прикамье существовали и болгарские торговые фактории в районе городищ Анюшкар, Рождественское, Иднакар (Крыласова, Белавин, Ленц, 2003), в этих археологических комплексах также были обнаружены и болгарские му-

сультманские некрополи. Всё это свидетельствует о том, что болгарское население, участвовавшее в торговых контактах и непосредственно проживающее в финно-угорских протогородах, оказывало влияние на такую сферу хозяйства как земледелие, имея при этом давние земледельческие традиции и высокий уровень развития этого вида хозяйства.

Для того чтобы более четко определить характер и границы болгарского влияния на земледелие Пермского Предуралья мы сравним две системы хозяйствования между собой по некоторым характеристикам.

Элементы, по которым можно провести сравнение могли бы быть следующими: природно-географическое положение рассматриваемых территорий, системы земледелия, состав выращиваемых сельскохозяйственных культур, пахотные орудия труда и их наконечники.

Природно-географические условия. Из множества показателей, характеризующих природно-географическое положение двух регионов – территории Волжской Булгарии и Пермского Предуралья, – нас прежде всего интересуют такие условия ведения земледельческого хозяйства, как рельеф, климат и почвенный покров. Рельефная поверхность Среднего Поволжья и Предуралья представляет собой слабоволнистую равнину, прорезанную долинами многочисленных рек и речек. По мере продвижения к правым берегам Волги, Камы, Вятки, а также в Восточном Закамье поверхность повышается, имея обильные крутые склоны, выходы горных пород, что несколько затрудняет здесь земледельческий процесс. Климат здесь можно охарактеризовать как умеренно континентальный с достаточным увлажнением.

Что касается почвенного покрова, то на 65–70% всей посевной площади представлены черноземные земли и темно-серые лесные почвы с большим содержанием гумуса (Халиков, 1981). Из сказанного можно сделать вывод о том, что Волжская Булгария была расположена на благоприятной территории для занятий земледелием.

Рельеф Пермского Предуралья весьма разнообразен. Его западная часть занята восточной окраиной Русской (Восточно-Европейской) равнины, северная – Северными Увалами. Южнее Увалов находится Верхне-Камская возвышенность. Ее рельеф характеризуется слабой всхолмленностью водоразделов и значительной изрезанностью участков, прилегающих к долинам многих рек бассейнов Верхней, Средней Камы и Вятки. От Обвы до Чепцы вдоль правого берега Камы протянулась Оханская возвышенность, многие участки которой отличаются развитой речной и овражистой сетью, что придает возвышенности сильно пересеченный вид.

По климатическому районированию, Предуралье относится к зоне умеренных широт (Алисов, 1936), то есть климат региона можно охарактеризовать как умеренно континентальный с продолжительной холодной и многоснежной зимой и сравнительно коротким умеренно теплым летом.

В Пермском Предуралье преобладают подзолистые и дерново-подзолистые почвы. Подзолистые почвы весьма бедны гумусом. Гумус, как известно, склеивает почвенные частицы в комочки. В такой почве одновременно находятся и вода и воздух. Когда же гумуса в почве мало, она после дождя «заплывает», покрывается коркой, что крайне отрицательно сказывается на условиях произрастания культурной растительности. Кроме того, гумус служит для растений источником азота, фосфора, калия.

В подзолистых почвах мало столь необходимых им питательных веществ. Вдобавок они имеют кислую реакцию, которая для сельскохозяйственных культур неблагоприятна.

Южнее широтного отрезка Верхней Камы типичные подзолы начинают все чаще замещаться дерново-подзолистыми почвами, которые отличаются более развитым (до 10–20 см) гумусовым горизонтом. В зависимости от мощности подзолистого и перегнойного горизонтов они подразделяются на дерново-слабо-, средне- и сильноподзолистые. Содержание гумуса в почвах от 3–4 до 5–7%. Гумус из-за опада хвои и мхов имеет кислую реакцию (Назаров, Шарыгин, 1999, с. 62–63, 65). Таким образом, можно сказать, что Верхнее Прикамье находится в зоне рискованного земледелия.

Системы земледелия. Господствующей у болгар была переложная система земледелия (Туганаев, 1976, с. 244; Краснов, 1987, с. 223; Хузин, 2006, с. 73). Кроме того, по мнению исследователей, ввиду недостаточной изученности сельских поселений Волжской Булгарии и неразработанности в этой связи стратиграфически-хронологической системы их функциони-

рования, а также нерепрезентативной выборки палеоботанических материалов и наличия среди пахотных орудий сох нельзя полностью исключить и наличие паровой зерновой системы (Кириянов, 1958, с. 288; Смирнов, Мерперт, 1954, с. 63; Халиков, 1981, с. 29; Культура Биляра, 1985, с. 18; Марданшина, 2007, с. 21).

В Пермское Предуралье основной системой земледелия была подсеčno-огневая система, о чем свидетельствуют археологические материалы (массовые находки в погребениях и других памятниках лесорубных узколезвийных топоров – кельтов, к X вв. кельты вытесняются массовым распространением проушных топоров). Кроме того, этнографические параллели и косвенные данные археологии позволяют предположить наличие этого способа подготовки участка к посеву на рассматриваемой территории.

Вполне возможно, что наряду с подсекой ломоватовскому населению был знаком и перелог, хорошо известный коми. В.В. Туганаев и А.В. Туганаев, реконструируя агроэкосистемы средневековья в районе городища Иднакар, делают вывод о том, что степень засоренности посевов средневекового земледелия для Волжско-Камского Предуралья и Среднего Поволжья была достаточно высокой. Тем не менее, исследователи не исключают, что подсеčno-огневое земледелие могло существовать с элементами перелога (Туганаев, Туганаев, 2004, с. 217).

На рубеже I–II тыс., а особенно в начале II тыс. н.э., по-видимому, происходило введение новой системы земледелия. По мнению М.В. Талицкого, которое является весьма убедительным, эта была система, во многом напоминавшая приемы использования земли коми-пермяками до XIX в. при недостатке удобрений, так называемые шуемы (своеобразный северный лядиный перелог, когда в расчищенном лесном месте – на делянках – разрабатывалось поле, которое засеивалось до пяти раз, а затем забрасывалось в залежь) (Талицкий, 1952, с. 144).

Состав выращиваемых сельскохозяйственных культур. Состав возделываемых сельскохозяйственных культур был относительно одинаковым на обеих территориях. Вероятно, некоторые виды злаковых культур были заимствованы от булгар. Как показывают исследования специалистов, на территории Волжской Булгарии обнаружено 15 видов культурных растений (пшеница мягкая, просо, полба, пшеница твердая, рожь, овес, ячмень, горох, гречиха, лен и пр.). Преобладающей была мягкая пшеница. Она, видимо, занимала ведущее положение как наиболее ценная продовольственная культура (Фролова 1979, с. 140). Также ведущее место занимало просо (Краснов, 1987, с. 217). Самым ранним фактом возделывания пшеницы в Пермском Предуралье является обнаружение ее зерен в жертвеннике на Урьинском могильнике VIII–X вв. (Бадер, Оборин, 1958, с. 159). Просо, которого раньше в Пермском Предуралье не было, несомненно, появилось здесь с булгарами, как, возможно, горох и конопля (Бадер, Оборин, 1958, с. 171, 175). Специалистами отмечается значительное количество проса на болгарских памятниках, причем его семена присутствуют как в чистом виде, так и среди других культур. По-видимому, в X–XIII вв. просо не только возделывалось, но и засоряло посевы. Просо в лесостепных областях издревле возделывается на вновь вспаханных целинных и залежных землях, где оно благодаря благоприятным условиям произрастания дает высокие урожаи (Фролова 1979, с. 140). Вероятно, именно эта особенность способствовала распространению данной культуры в Прикамье, когда здесь появилось пашенное земледелие, и начали активно осваиваться новые пашни. Также в большом количестве в Волжской Булгарии встречаются зерна полбы, которая возделывалась на территории бывшего Булгарского государства в течение многих столетий. Зерна овса в основном принадлежат полбяным овсам, которые сопутствуют посевам полбы, как засорители ее посевов (Фролова 1979, с. 140).

Интересно, что в преданиях коми неоднократно упоминается о заимствовании хлеба и пашенного земледелия от булгар, но среди возделываемых культур называются исключительно рожь, овес и ячмень (Ожегова 1971, с. 28, 35; Голдина, 1999, с. 10). В одном из преданий о Кудым-Оше рассказывается, что приплыл он однажды в устье Волги, его там стали хлебом угощать: «Ешь, дескать, это нянь, нянь (хлеб)», а он боится, не еда это, дескать. Потом откусил немного и спрашивает: «Чье это мясо, какого зверя?», а ему: «Не мясо это, а нянь, нянь!» И показали ему, как он растет и как получается из зерна. Тогда попросил воевода семян взамен на шубу, ему разрешили взять, сколько надо. Взял он колосьев ржи, так как она была густая и высокая. Взял и овес – очень кустистый он был. Ячмень еще взял. А пшеница плохая была, не

взял ее (Ожегова, 1971, с. 34). Упоминается, что выращивали еще горох, а пшеница позже появилась (Ожегова, 1971, с. 35).

Среди находок зерновых, встречающихся на памятниках Пермского Предуралья, есть такие, которые обычно встречаются на более южных территориях. К таким можно отнести ячмень бутылковидный, остатки которого встречаются на памятниках Волжской Булгарии, но не характерны для ее территории. Ю.А. Краснов предполагал, что зерна этого культурного растения были занесены в Среднее Поволжье либо при переселении булгар, либо в результате их связей с югом (Краснов, 1987, с. 220). По-видимому, через связи с Волжской Булгарией ячмень бутылковидный распространяется на территории Пермского Предуралья.

Пахотные орудия труда и их наконечники. Булгарам были знакомы три вида наконечников. Первый вид представлен наконечниками пахотных орудий со средней длиной 13 см, шириной 6 см. Ширина рабочей части и ширина трубицы почти равны. Длина трубицы достигает $\frac{1}{2}$ общей длины наконечника (рис. 1: 1). Их можно отнести к рабочим частям бесподошвенных рал. (Халиков, 1981, с. 50–51). Время их бытования относится к концу I тыс. и доходит вплоть до XIII–XIV вв. (Марданшина, 2007, с. 15).

Второй вид представляют крупные (средняя длина 33 см, ширина 25 см), выпуклые пластины. Как правило, ширина рабочей части больше ширины трубицы. Длина последней составляет в среднем около $\frac{1}{4}$ общей длины (рис. 1: 2–3). Такой тип наконечника принадлежал плугу, который был очень широко распространен у болгарского населения (рис. 2). Непременной принадлежностью болгарского плуга был резец (чересло) (рис. 1: 4). Средняя длина их 45 см, длина лезвия 22 см. Е.М. Марданшина пришла к выводу, что развитие болгарских плугов происходило на базе салтово-маяцких прямогрязильных рал и ведущую роль в их формировании играли социально-экономические, физико-географические и миграционные факторы, нередко оказавшие влияние на техническое развитие пахотных орудий, главным образом, через систему земледелия (Марданшина, 2007, с. 16).

Третий вид представлен наконечниками сох со средней длиной 27 см. Длина трубицы составляет немногим более $\frac{1}{3}$ части общей длины наконечника (рис. 1: 5). По форме они подразделяются на два вида, принадлежащим разным орудиям. Симметричными сошниками снабжались сохи, подобные поздней коловой сохе. Асимметричные сошники принадлежали двузубым сохам с перекладной полицей (отвалом) (Халиков, 1981, с. 50–51).

Найденные на памятниках Пермского Предуралья пахотные орудия труда являются ральниками. На данной территории известно около 100 местонахождения с более чем 120 находок ральников. По признаку размера плечиков они разделены на два типа.

Тип 1. Ральники со слабо выраженными плечиками (11 шт.). Средняя общая длина наконечников этого типа составляет 154 мм, средняя длина трубицы 47 мм, средняя ширина трубицы 69 мм, средняя длина лопасти 94 мм, средняя длина лопасти от рабочего конца до плечиков в наиболее широкой части 95 мм, у 55 % наконечников 1 типа имеется наварка. Таким образом, тип 1 составляют ральники с длинной трубицей, достаточно узкой рабочей частью и заостренным рабочим концом (рис. 1: 6). Такие наконечники могли принадлежать ралу с положением полоза близким к горизонтальному (рис. 2:1).

Тип 2. Широколопастные ральники или ральники с сильно выраженными плечиками (74 шт.). Средняя общая длина наконечников этого типа составляет 168 мм, средняя длина трубицы 61 мм, средняя ширина трубицы 82 мм, средняя длина лопасти 150 мм, средняя длина лопасти от рабочего конца до плечиков в наиболее широкой части 104 мм, у 38% наконечников 1 типа имеется наварка. Таким образом, тип 2 составляют ральники с широкой или средней трубицей, с широкой рабочей частью и округлым либо приостренным рабочим концом. В рамках данного типа нам представляется возможным выделить 3 подтипа. Такие наконечники могли принадлежать ралу с горизонтальным положением полоза (рис. 2: 2).

Подтип 1. Крупные широколопастные ральники с лопатообразной рабочей частью (35 шт.). Средняя общая длина наконечников этого типа составляет 178 мм, средняя длина трубицы 62 мм, средняя ширина трубицы 82 мм, средняя длина лопасти 131 мм, средняя длина лопасти от рабочего конца до плечиков в наиболее широкой части 100 мм, у 43% наконечников

1 подтипа имеется наварка. Таким образом, подтип 1 составляют крупные ральники с широкой лапатообразной рабочей частью и округлым рабочим концом (рис. 1: 7).

Подтип 2. Средних размеров ральники с сильно выделяющимися плечиками, подтреугольной рабочей частью, с округлым или чуть заостренным рабочим концом (34 шт.). Средняя общая длина наконечников этого типа составляет 161 мм, средняя длина трубицы 49 мм, средняя ширина трубицы 82 мм, средняя длина лопасти 147 мм, средняя длина лопасти от рабочего конца до плечиков в наиболее широкой части 101 мм, у 26% наконечников 1 типа имеется наварка (рис. 1: 8). П о д т и п 3. Так называемые «роговые» ральники с сильно выдающимися плечиками, перерастающими в «рога», с небольшой трубицей и заостренным рабочим концом (5 шт.). Средняя общая длина наконечников этого типа составляет 143 мм, средняя длина трубицы 36 мм, средняя ширина трубицы 76 мм, средняя длина лопасти 267 мм, средняя длина лопасти от рабочего конца до плечиков в наиболее широкой части 127 мм, у 20% наконечников 1 типа имеется наварка (рис. 1: 9). Данные ральники сильно отличаются от всех других предуральских форм. На наш взгляд, это поздние наконечники, которые распространились на территории Пермского Предуралья незадолго до проникновения в край русского населения.

* * *

Таким образом, проведя сравнительный анализ, мы можем прийти к следующим выводам. Жители Пермского Предуралья с X в. находились в тесном контакте с населением Волжской Булгарии, от которого заимствовали многие явления культуры, в том числе и некоторые элементы земледельческого хозяйства. Территория Волжской Булгарии была более благоприятной для занятия земледелием, нежели территория Верхнего Прикамья. Главным отличием являлся уровень благополучия почв для занятия земледелием. Высокая мощность гумусового слоя на землях Волжской Булгарии определяла возможность глубокой вспашки, ну и черноземные почвы естественно определяли высокую урожайность полей. Очень малый слой гумуса на территории Верхнего Прикамья, не позволял глубоко вспахивать землю, так как плодородный слой мог быть просто уничтожен. Эти почвенные особенности и определяли во многом наличие тех или иных пахотных орудий на рассматриваемых территориях. Климатические особенности, во многом схожие, в целом были благоприятны для возделывания большинства культурных растений умеренного пояса.

Население Пермского Предуралья, вероятно, заимствовало от болгар некоторые виды злаковых (просо, горох, конопля, ячмень бутылковидный).

На поселенческих памятниках встречаются фрагменты корчаг и хумов болгарского производства. Эти крупные сосуды, превосходящие по своим размерам все иные виды посуды, могли использоваться в качестве тары для хранения и перевозки сыпучих продуктов, в том числе зерна (рис. 3) (Богданова, Белавин 2006, с. 52).

Если говорить о наконечниках пахотных орудий, то мы видим, что теоретически у прикамского населения была возможность заимствовать какое-либо из трех видов орудий, распространенных у болгарского населения. Наконечники, которые использовались в качестве ральников в Волжской Булгарии, практически ни чем не отличаются от мотыг, распространенных в Пермском Предуралье с ананьинского времени и используемых вплоть до XX в. Мотыги, как и болгарские ральники, были 12–14 см длиной. Да и наконечники, найденные на территории нынешнего Пермского края, имели несколько другие размеры – их средняя длина составляла 18–22 см.

В средневековых археологических материалах не встречено и сошников. Широкое распространение сошников приходится на период русской колонизации региона в новое время и в последующий период.

Третий вид наконечников – болгарские лемехи, вполне могли быть заимствованы и модифицированы в более удобные наконечники. Тем более что плуг бытовал во всех районах Булгарского государства, где была распространена и залежно-переложная система земледелия, известная в Пермском Предуралье в эпоху средневековья (Халиков, 1981, с. 51). На одном из этапов заимствования инновации она, как мы знаем, трансформируется, чтобы стать частью системы (Сарапулов, 2006). Прежде всего, следует заметить, что болгарские лемехи по форме очень

схожи с прикамскими ральниками, но отличаются размерами. Лемехи имеют, как правило, следующие размеры: общая длина наконечника (L) – 33–37 см, ширина лопасти (d2) – 21–26 см, ширина трубицы (d1) – 12–19 см. Ральники же, найденные на наших памятниках, имеют другие размеры: L 12–28 см, d2 – 8–19 см, d1 – 6–11 см.

Кроме того, как уже отмечалось выше, болгарские плуги были снабжены череслами. В силу этого, некоторые лемехи были асимметричными. На ралах же чересла не использовались, так как все прикамские ральники симметричные. Чересла практически не встречаются на памятниках Пермского Предуралья, за исключением двух экземпляров с территории протогородов Анюшкар и Рождественского (рис. 1: 10), где болгарское население непосредственно проживало. Таким образом, данный конструктивный элемент мог быть отброшен, а лемехи модифицированы в ральники. Да и нужно сказать, что в Пермском Предуралье наиболее распространены подзолистые и дерново-подзолистые почвы с небольшим плодородным слоем и повышенной кислотностью. Вспашка плугом не пригодна для этих почв, так как плуг может срыть плодородный слой, да и такую рыхлую как здесь почву незачем срезать ножом – череслом.

Данные лингвистики также могут свидетельствовать о контактах болгарского населения и финно-угров. Как отмечает В.В. Напольских, в коми язык проникло около трех десятков «болгарских» заимствований, в том числе и земледельческая лексика (Напольских, 1997, с. 48–55).

Таким образом, волжские болгары разными путями оказывали влияние на развитие земледелия у населения Пермского Предуралья. Но в целом пашенное земледелие, по-видимому, было привнесено с миграцией финского населения, а болгары оказали влияние проникновением отдельных элементов в новый хозяйственно-культурный тип.

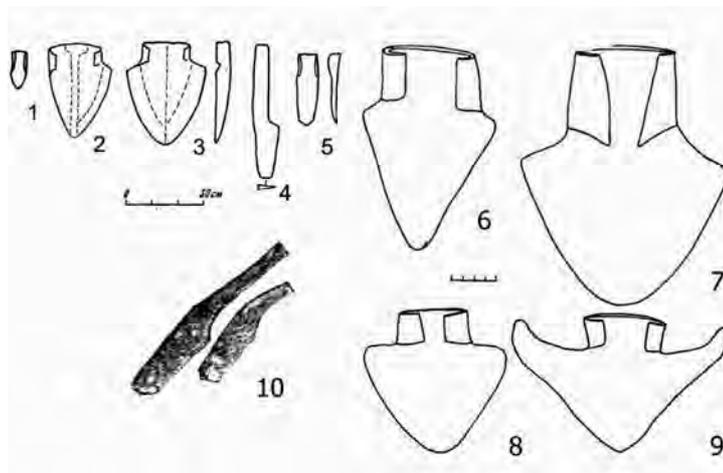

Рис. 1. Наконечники пахотных орудий Волжской Булгарии и Пермского Предуралья. 1–5 – Волжская Булгария; 6–10 – Пермское Предуралье

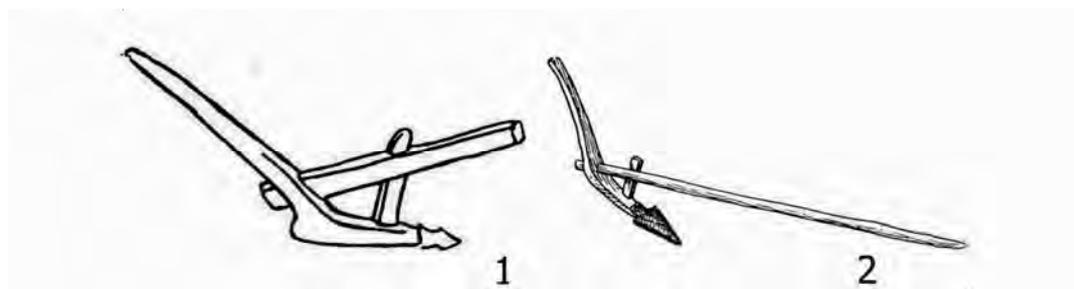

Рис. 2. Возможные пахотные орудия, применяемые в Пермском Предуралье.
1 – орудие с горизонтальным положением полоза;
2 – орудие с положением полоза близким к горизонтальному

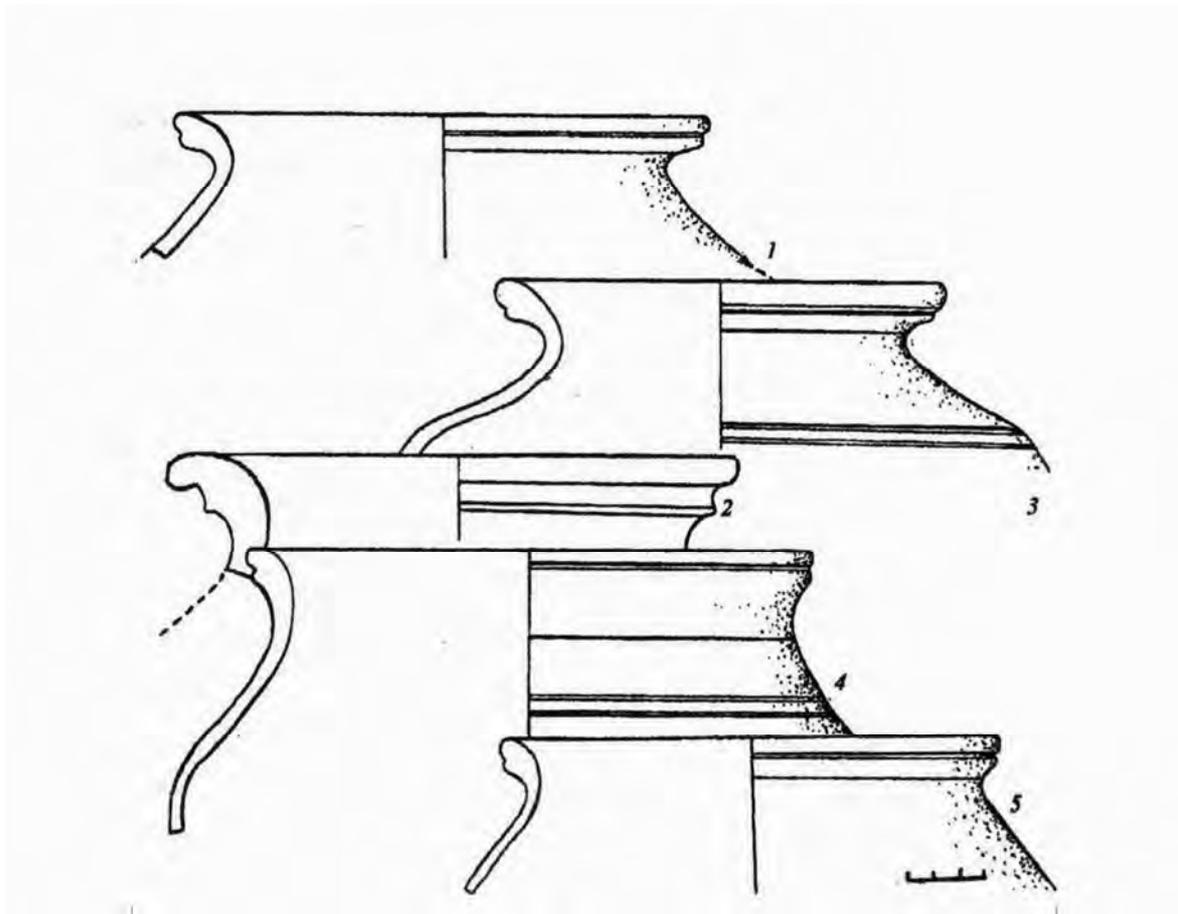

Рис. 3. Корчаги и хумы болгарского производства с Рождественского городища

Литература

- Алисов Б.П.* Географические типы климатов // *Метеорология и гидрология*. – 1936. – № 6.
- Бадер Н.О., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1958.
- Белавин А.М.* Камский торговый путь. – Пермь, 2000.
- Белавин А.М.* Основные этапы этнической истории коренного населения Пермского Прикамья (по данным археологии) // *Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международ. конгресса финно-угроведов*. – Йошкар-Ола, 2004.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Пермское Предуралье в период развитого средневековья // *Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов*. – Пермь, 2002.
- Богданова Е.В., Белавин А.М.* Булгарская керамика Рождественского городища // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. Вып. 1. – Пермь: ПГПУ, 2006.
- Голдина А.Г.* Коми-пермяцкая кухня. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1999.
- Кирьянов А.В.* К вопросу о раннеболгарском земледелии // *МИА*. – 1958. – № 61.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь, 2007.
- Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т.* Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // *Тр. КАЭЭ*. Вып. 3. – Пермь: ПГПУ, 2003.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв.* – М., 1985.
- Марданишина Е.М.* Земледельческие орудия волжских болгар X–XIV вв. (к проблеме своеобразия земледелия). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007.
- Назаров Н.Н., Шарыгин М.Д.* География Пермской области. – Пермь, 1999.

- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997.
- Ожегова М.Н.* Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. – Пермь, 1971.
- Сарапулов А.Н.* Пашенное земледелие в Пермском Предуралье: от инновации к культурной традиции // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1. – Пермь, 2006.
- Смирнов А.П., Мерперт Н.Я.* Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954.
- Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – 1952. – № 22.
- Туганаев В.В.* Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города. – М., 1976.
- Туганаев В.В., Туганая А.В.* Иднакар как ключ к познанию истории агроэкосистем // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всерос. науч. конф. – Ижевск, 2004.
- Халиков Н.А.* Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX в. – М., 1981.
- Хузин Ф.Ш.* Ранние булгары и Волжская Булгария. (VIII – начало XIII в.). – Казань, 2006.

ДРЕВНИЙ САУРАН: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Е.А. Смагулов

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК,
г. Алматы, Казахстан*

Город Сауран – один из известнейших и важнейших городов средневекового Казахстана, расположенных на Сырдарьинском ответвлении Великого Шелкового пути. Его прошлое сохранилось в культурных слоях «Сауранского археологического комплекса» (далее САК), основу которого составляют два крупнейших памятника – городище Каратобе (середина I тыс. н.э. – первая половина XIV в.) и собственно Сауран (XIV–XVIII вв.). В современных административных границах памятники Сауранского комплекса расположены в основном в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, в 40–50 км к западу от города Туркестан по автомобильной трассе и железной дороге (рис. 1). В целом регион средней Сыр-Дарьи в центрально-азиатской историографии характеризуется как маргинальная зона развития городской культуры среднеазиатского типа, облик которой обусловлен местными, порой специфическими факторами (Смагулов, 2007, с. 126–134).

На основных структурообразующих компонентах Сауранского археологического комплекса в последние годы казахстанскими археологами проводятся различные по масштабам и характеру археологические работы. Ознакомить читателя с некоторыми результатами этих работ является основной задачей данной публикации.

Из истории изучения. Поскольку прошло уже почти полтора века как научная общественность, а в силу исторических причин это были российские путешественники и исследователи, узнала о городище Сауран, то имеет смысл, кратко остановиться на основных этапах истории его изучения.

О Сауране как археологическом памятнике писали в своих путевых заметках почти все русские исследователи, известные в историографии края. Публикации эти носили, конечно же, описательный и общепознавательный характер. Очарованные живописностью и таинственностью грандиозных руин, и скорее интуитивно чувствуя значение в истории края бывшего на этом месте города, они предпринимали также попытки обобщения сведений средневековых авторов. О городище упоминается в сочинениях П.И. Лерха, в путевых записках П.И. Пашино, в отчетах А.П. Федченко. Все они пишут о хорошей сохранности его стен, о развалинах медресе и т.д. (Топография Оренбургской губернии, 1887, с. 18–19; Лерх, 1870, с. 14, 21; Пашино, 1868, с. 59–60; Федченко, 1950, с. 46). Достаточно сказать, что первые раскопки на городище были проведены академиком А. Гейнсом в 1866 г. Но уровень развития российской археологии в это время был еще далек от решения и даже формулировки задач, встающих при исследовании такого рода объектов. Им были вырыты две ямы глубиной до метра и обнаружена масса керамических черепков и прочего «мусора». При этом «не попало ни одного интересного предмета», так что все находки были там же и оставлены (Гейнс, 1889, с. 225, 262–266).

Начало подлинно научному исследованию остатков Саурана было положено работами Южно-Казахстанской археологической экспедиции (ЮКАЭ; рук. А.Н. Бернштам) в конце 40-х годов XX в. При этом был снят инструментальный план центральной части памятника и на основании полученного материала предложена датировка городища (Бернштам, 1950, с. 82; Агеева, Пацевич, 1958, с. 107–110). Одним из дискуссионных вопросов в истории города, как это ни парадоксально, сразу же стал вопрос о его локализации. Если местонахождение Саурана XIII–XVIII вв. не вызывало сомнений и ему соответствует городище Сауран, но т.к. здесь нет слоев с материалами ранее XIII в., то локализация домонгольского города была некоторое время не определенной. Стало ясно, что город в какой-то момент периода XIII – начала XIV вв. сменил свое местоположение. Это вполне ординарное явление в истории городов вообще, а в Центральной Азии тем более. Авторами, писавшими об исторической географии региона, высказывались разные предположения по локализации раннего Саурана (Агеева, Пацевич, 1958, с. 109–110; Байпаков,

1986, с. 27.). Но лишь более детальные историко-топографические исследования позволили локализовать ранний Сауран на ближайшем к позднему Саурану, расположенному в 3 км южнее городище Каратобе. Предварительные археологические исследования Каратобе датировали его верхний культурный слой, а значит, верхний рубеж интенсивной городской жизни XII–XIII вв. (Байпаков, Смагулов, 2005, с. 62–67). Как оказалось, содержание верхнего культурного слоя и топография городища характеризуется наличием признаков, присущих городам X–XII вв. Здесь присутствуют топографически четко выраженные «цитадель», «шахристан» и «рабат», т.е. все основные структурные составляющие средневекового города, развившегося на более древней основе (Свод памятников, 1994, с. 307; Байпаков, 1998, с. 65–70).

Многолетняя деятельность Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ; рук. К.А. Акишев) в 70–80-х годах прошлого столетия активизировала археологические исследования в Южно-Казахстанской области. При этом Сауран вновь привлек внимание специалистов. При изучении аэрофотоснимков городища были зафиксированы следы кяризов, тянувшиеся цепочками к его северо-западной окраине. Последовали небольшие наземные обследования местности, и появилась обстоятельная публикация, в которой обнаруженные следы связывались с уникальными для данного региона кяризами, упомянутыми средневековым автором Зейнатдином Васифи (XVI в.). Они были построены на средства Мир-араба, местного духовного авторитета (Акишев, Байпаков, 1973, с. 76–78). В 1986–1988 годах отрядом ЮККАЭ были проведены полевые работы с целью археологического изучения кяризов Саурана. При этом были обнаружены три линии кяризов и высказано предположение, что все три линии могли быть частью одной и той же очень крупной системы, о которой писал Васифи, с истоком, расположенным в районе средневековой крепости Миртобе (Грошев, 1996, с. 184–186). Расчистки нескольких вертикальных колодцев лишь в одном случае обнаружили на глубине 7 м наличие подземного горизонтального водоводного канала. В дальнейшем в рамках программы работ Туркестанской археологической экспедиции (ТАЭ; рук. Е.А. Смагулов) исследования кяризных систем в окрестностях Саурана были продолжены и дали интересные результаты (Смагулов, 2003, с. 172–189; Deom, Sala, 2005, с. 120–132).

На рубеже веков ТАЭ были проведены также стратиграфические исследования на городищах Сауран и Каратобе (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2000, с. 209–214; Байпаков, Смагулов, 2005, с. 74–77). Шурф в обведенной крепостными стенами центральной части Саурана выявил стратиграфию слоев XIII–XVIII вв., а на городище Каратобе раскопки датировали его верхний культурный слой XII–XIII вв. Эти датировки совпали по принципу последовательности между собой, и стал естественен вывод о том, что в культурных напластованиях этих двух городищ представлена история и культура одного города – исторического Саурана. Обнаруженные под первичным строительным горизонтом позднего Саурана захоронения послужили основанием для гипотезы о строительстве Нового города где-то во второй половине XIII – начала XIV вв. на месте старого городского кладбища (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2000, с. 209). Т.е. в данном случае мы можем говорить о хронологической и территориальной преемственности этих двух памятников, что в свою очередь усиливает аргументацию в пользу локализации раннего, или Древнего Саурана, на городище Каратобе.

В «послемонгольское время» смена местоположения отмечена, пожалуй, для всех крупных среднеазиатских городов (Самарканд, Термез, Ташкент, Туркестан и т.д.). Интересно отметить, что во второй четверти XIV в. отмечается смена местоположения и ряда крупных золотоордынских городов. Это явление, как известно, породило в историографии Золотой Орды условно называемую «проблему двух столиц». Решая ее, исследователи выдвигали ряд гипотез, от внутри- и внешнеполитических до экологических, объясняющих это явление. Предпринятый сравнительно недавно критический обзор этих интерпретаций ставит под сомнение основания всех, кроме одной – «экологической». Новые археологические исследования и анализ накопившихся нумизматических коллекций, по мнению В.В. Пачкалова, решает эту проблему в пользу катастрофической трансгрессии Каспия во второй четверти XIV в. как основного фактора, приведшего к смене местоположения ряда городов в Северном Прикаспии, и, в частности, в переносе столицы и основании Сарая ал-Джедид / Нового Сарая (Пачкалов, 2007, с. 171–180).

Конечно же, подобное решение по конкретно поволжским и жайыкским городам¹, не снимает актуальности и прочих факторов, действовавших в тот исторический период в иных природно-географических зонах Евразии, в частности, в Приаралье. Известно, что экология Прикаспия и Приаралья находятся в «обратной связи». Предельно обобщая, можно говорить, что при трансгрессии Каспия происходит регрессия бассейна Арала и самого этого озера (Гумилев, 1993, с. 285–319).

В последнее время появились убедительные археологические свидетельства значительного падения уровня Арала в XIV в. Казахстанскими археологами на обнажившемся вследствие современной регрессии дне Арала обнаружены и исследованы остатки нескольких поселений и некрополей XIV в. (Смагулов, 2001, с. 77–82; Байпаков и др., 2007, с. 120–122).

Существенное обмеление Арала может свидетельствовать о значительной аридизации с начала (?) XIV в. бассейна одной из главных его питающих рек – Сырдарьи, следствием чего становится крайний дефицит воды в крупных городских центрах ее бассейна, таких, как Сауран. Видимо, в этот период здесь в целях преодоления водного кризиса активизируется строительство разветвленной системы кяризов, с помощью которых актуализировались глубоко залегающие грунтовые воды. Жизнь в городе становится предельно зависимой от условий залегания водоносных пластов, а к древнему Саурану (на месте городища Каратобе), вероятно, было затруднительно, если вообще возможно, подвести одновременно достаточное количество кяризной воды. Более выгодными условиями, видимо, обладала местность в 3–3,5 км к северу, куда сходились водоносные пласты конусов выноса трех местных небольших рек, стекавших с гор Каратау (Смагулов, 2003, с. 172–189; Deom, Sala, 2005, с. 120–132).

Вряд ли только одна причина, сколь бы существенной она не выглядела, имела следствием перемещение на новое место древнего крупного города. Вероятно, в случае с Саураном имел место еще и тот фактор, о котором применительно к городам Золотой Орды писал Г.А. Федоров-Давыдов (1973, с. 80). Стремление местной элиты выйти хотя бы из-под номинальной власти каракорумских Великих ханов, было достаточной дополнительной мотивацией или поводом для осуществления больших градостроительных проектов.

Упоминание у Макдиси (X в.) «семи стен Саурана» следовало признать своеобразным литературно-мифологическим образом-«штампом», призванным подчеркнуть неприступность фортификационных сооружений города. Стоит напомнить, что сакральное число семь присутствует в «Шах-наме». Этот образ использован в описании неприступных стен из разных металлов, окружающих Кангдиз, легендарную столицу туров, построенную Сиявушем в Кангхе, на отдаленной восточной окраине иранских земель (Птицын, 1947, с. 305–309; Кляшторный, 2003, с. 213–216). Тем не менее, детальное обследование топографии городища Каратобе показывает действительно уникальную планировку внешней крепостной стены города, снабженную выступающими углами, усиливающими ее фортификационные свойства. Ранее такие особенности крепостных стен не были зафиксированы в средневековой фортификации Казахстана.

Таким образом, сейчас можно утверждать, что Сауран IV (?) – XIII вв. располагался на месте городища Каратобе и не позже первой четверти XIV в. был перенесен на новое место и ему соответствует одноименное городище (рис. 1) (Смагулов, 2007, с. 126–134).

Если прежде археологическое изучение Саурана проводилось от случая к случаю, то с 2004 г., когда городище было включено в Государственную программу «Культурное наследие», исследования этого уникального памятника приобрело планомерный характер. Институтом археологии им. А.Х. Маргулана были определены для раскопок наиболее перспективные

¹ Возможно, А.В. Пачкалову оказались не известными материалы исследования новооткрытого городища на правом берегу р. Урал – городища Жайык, которые могли бы усилить аргументацию его гипотезы о решающем факторе смещения городов. При интерпретации причин запустения города у впадения притока Чаган в р. Урал, у подножия Меловых гор, мы воздержались от однозначного ответа на этот вопрос, но было отмечено, что в этом однослойном памятнике найдены только монеты Узбек-хана. А предположительно выявленное название этого городища «Шакафни» (на «карте Дженкинсона») созвучно названию не исследованного ногайского городка «Шакашин», что располагался на р. Урал у места впадения в него р. Киндалы; лишь на этом основании можно предполагать их преемственность, т.е. смещение города вверх по течению реки (см.: Смагулов, 2002, с. 91–102; Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 121–126).

объекты на позднем Сауране с целью их последующей консервации и музеефикации¹. Здесь полностью вскрыты остатки городской соборной мечети XIV–XV вв. и медресе XVI в.², исследована загородная мечеть-намазгох, загородные усадьбы; практически завершены раскопки главных северных крепостных ворот и здания напротив медресе (раскоп 3), ведется расчистка главной улицы города от северных ворот до площади и т.д. (Байпаков и др., 2005, с. 304–307; Смагулов, 2006, с. 96–97).

В отличие от городища позднего Саурана, исследования других памятников «Сауранского археологического комплекса» не были включены в Госпрограмму «Культурное наследие» и их широкомасштабное исследование дело будущего. Пока же удалось привлечь частных меценатов лишь к исследованию городища Каратобе – Древнего Саурана³. Полученные массовые материалы со всей убедительностью показывают, что Сауран XI–XIII вв. был крупнейшим средневековым городом, по всем формальным параметрам, масштабам и значимости не уступавшим, например, Отрару или другим городам Средней Азии (Смагулов, Столярова, 2007, с. 105–108; Смагулов, 2008, с. 190–197). Новые материалы Каратобе характеризуют высокоразвитый городской быт, торговую и ремесленную деятельность жителей Саурана (Смагулов, Ержигитова, 2009, с. 236–256; Смагулов, Ержигитова, 2010, с. 226–243).

На новом этапе исследования претерпело эволюцию и само понимание всей совокупности разнообразных и разномасштабных памятников, сконцентрированных в сауранском микрооазисе на площади около 46 кв. км. Системное обобщение археологических, исторических и топографических данных подводит нас к несколько иному, чем принято, пониманию археологического памятника, оставшегося на месте существования одного из крупнейших и известнейших средневековых городов Казахстана, каковым был исторический Сауран. А именно как обширного пространства в средней и нижней части междуречья Тастаксай-Майдантал с хорошо сохранившимися археологическими следами различных элементов развивавшейся во времени городской структуры. Для науки такой подход не нов, и в тех редких случаях, когда это позволяет сохранность памятника, в описании городищ говорится как об «археологическом комплексе», например, с некрополем или с пригородной зоной с различными элементами пригородной застройки, или со следами сельскохозяйственного освоения. Уникальность же Саурана заключается в том, что все основные элементы его археологического комплекса пока еще имеют удовлетворительную сохранность и доступны для исследования. Причем эти элементы (структуры) территориально смежные, а чаще перекрывают друг друга (Смагулов, 2007).

Городище Каратобе. В 2006 г. в ЮЗ секторе центрального холма «цитадели» Каратобе был заложен раскоп 2 (P2) площадью 15 × 15 м. Он имел целью выявить и исследовать предполагавшиеся здесь остатки монументальных построек цитадели. Однако полученные результаты не подтвердили наших предположений. Стратиграфические данные и наблюдения по раскопу 2 на цитадели городища Каратобе можно обобщить следующим образом.

Строительные конструкции верхнего строительного горизонта (ВСГ) выявлены лишь по южной и западной окраине холма, и они по стратиграфическому положению (1–2 ярус) и по внешнему облику (стены, суфы, очаг, ямы-бадрабы) представляют собой фрагменты рядовой жилой застройки, как бы окаймлявшей центральный участок, занятый слоистой мусорной свалкой. С этим строительным горизонтом связан комплекс своеобразной керамики небрежного художественного исполнения, но с «позднекараханидскими» реминисценциями (рис. 2). Лишь на уровне 5 яруса появились верхушки развалов стен 2 строительного горизонта (СГ2). Основания стен угла какой-то постройки залегают на уровне середины 7 яруса, т.е. сохранность

¹ Раскопочные работы на позднем Сауране ведутся под общим руководством директора Института археологии им. А. Маргулана (г. Алма-Ата) академика К.М. Байпакова. Помимо сотрудников Института в работах на Сауране участвуют Э. Зиливинская, С. Яценко (г. Москва), О. Лушпенко, Н. Столярова (г. Ташкент), Т. Крупа (г. Харьков), А. Жумабаев (г. Бишкек), С. Акылбек (с. Шаульдер), А. Ержигитова (г. Шымкент).

² Установлено, что именно это медресе описывается Васифи, автором XVI в., и его уникальные качающиеся минареты были разрушены к концу XIX в. Необычная архитектура этой постройки в свое время привлекла внимание Г.А. Пугаченковой (1954; Байпаков, Акылбек, 2008, с. 56–73).

³ В 2006–2008 гг. эти работы проводились с помощью Общественного фонда «Олкетану» (г. Тараз), директору которого, Е. Баймурзину, мы выражаем свою искреннюю признательность.

стен этого горизонта около 1,2–1,4 м. К этим стенам прилегают мусорные слои с глазурованной керамикой уже явно «караханидского облика». Третий, пока самый нижний, строительный горизонт намечен в 8–9 ярусе. Как показал данный раскоп, в самой возвышенной центральной части городища продолжительное время (XI–XIII вв.) существовал холм, образованный наклонно залегающими золистыми мусорными прослойками, общая толщина которых составляет не менее 4,5 м. Т.е. в центре города существовала долговременная мусорная свалка (!). Данный феномен требует своего объяснения, которое невозможно дать, значительно не расширив и не углубив раскоп.

На более широкой площади стратиграфию верхних культурных наслоений (ВСГ) нам удалось исследовать на раскопе 1 (Р1) в ЮВ углу цитадели городища. Площадь раскопа по уровню ВСГ составила более 2000 кв. м. Здесь выявлена плотная застройка жилыми массивами, состоящими из одно- и трехкомнатных домов. Некоторые из них могут быть интерпретированы как жилища достаточно зажиточного слоя городского населения. В частности, выделяется «дом зажиточного горожанина» с вестибюлем с внутрисконными нишами, подпотолочным фризом из резной глины, декорированным эпитафическим орнаментом. Дом состоит из девяти помещений, два из которых с тандырами в суфах (рис. 3, п. 25, 29). Помещение 14 являлось полуоткрытым вестибюлем с суфой и проходами на лево в мехманхану (п. 12) с туалетным блоком небольших помещений (п. 18–19), и на право в жилое помещение с двумя разновременными тандырами (п. 25). Из полуоткрытого двора попадали в «парадный» (внутренний) вестибюль (п. 20). По стенам были пристроены глубокие ниши-«шкафы», слева – обширная суфа, а в центре пола – плоский камень-опора колонны. По верху ниш, под потолком, шел ленточный карниз с резным по сырой глине эпитафическим орнаментом. Из этого внутреннего вестибюля попадали в большое (главное) жилое помещение (п. 29) с «П-образной суфой», большим тандыром и камином в углу. Другая дверь в вестибюле вела в анфиладу из трех помещений (п. 28, 27, 21), из которых дальше (п. 21) явно было кладовой, а другие два, с обширными суфами (п. 28, 27), служили, вероятно, спальными комнатами.

Во всех других, меньших по площади домах помещения с тандырами в большой суфе являются основными жилыми помещениями отдельного дома. В интерьере жилищ, кроме того, имеются встроенные в стены камины, закрома, центральные колонны и т.д. Массовую категорию находок составляет поливная посуда, датируемая по имеющимся прямым аналогиям XIII в. Она представлена посудой с зеленой, желтой глазурью с желтым, черным, темно-коричневым рисунком (рис. 2). В это время широко распространена керамика с процарапанным орнаментом и росписью крапинами, потеками зеленого, ядовито желтого, марганцевого цветов в самых различных вариантах. Ведущими формами сосудов открытого типа являются чаши на плоском или дисковидном вогнутом поддоне с коленчатым перегибом в верхней части. Наиболее устойчивыми элементами декора были треугольники в различных вариантах и четырехлепестковые розетки с крапинами желтого или зеленого цвета, сочетание процарапанного орнамента с пятнистым. Деление поверхности на сектора и концентрические полосы с заполнением соцветиями контрастных пятен, потеков. Особую группу неполивной посуды составляют кувшины с фигурной раскраской внешней поверхности буро-красной или черной ангобной краской по светлому фону. Самыми распространенными элементами декора являются спиралевидные розетки в точечном обрамлении, S-образные фигуры, пояски заштрихованных треугольников, сочетание прямых и волнистых линий.

Второй строительный горизонт (СГ2) исследован на значительно меньшей площади (около 300 кв. м), но стало ясно, что планировка ВСГ повторяет планировку СГ2 с небольшими изменениями. Глазурованная керамика двух видов: с трехцветной росписью коричневым, красным, зеленым на светлом фоне, с такой же росписью под прозрачной бесцветной глазурью и с процарапанным орнаментом по ангобу под слегка окрашенными в салатовый, темно-зеленый цвет глазурями. Разнообразны и элементы орнаментации. Это спиралевидные фигуры, лепестки, чешуйчатая сетка, волнистые и прямые линии. Среди неглазурованной посуды выделяется комплекс керамики, в основном это кувшинчики специфичной формы с узором, нанесенным тонкими линиями коричневого ангоба (рис. 4). Этот комплекс керамики аналогичен керамике XII в. Отрара, Чача, Согда. Из СГ2 происходит серия из более чем двадцати медных и серебря-

ных монет. По определению П. Петрова, среди определяемых монет преобладает чекан хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша. Т.е. верхний рубеж СГ2 может быть датирован периодом первой половины XII в.¹

Далее отмечен слой запустения, который явно перекрывается СГ2. Отмечено большое количество мусорных ям, бадрабов, свалки золистого мусора в руинах помещений. Т.е. в XI в. (в первой половине?), видимо, данный участок городской застройки на какое-то время был заброшен. Возможно, это связано с тем, что в этот период вообще сокращается обживаемая площадь города (?). Некогда капитальные дома почти сплошь прорезаны более поздними ямами, бадрабами, а их руины засыпаны кухонным мусором, в котором получено небольшое количество керамики XI в.

Третий строительный горизонт (СГ3) пока вскрыт на небольшой площади (20 × 15 м), его остатки залегают на уровне 5–7 ярусов. Помещения различной конфигурации – от трапециевидных, до прямоугольных и квадратных. Оказалось, что направление стен, планировка разнофункциональных помещений в жилищах СГ2 и СГ3 не связаны с преемственностью, как это наблюдалось в застройке на уровне ВСГ и СГ2. Изменился характер строительных материалов и технологии. Основным строительным материалом был качественный прямоугольный сырцовый кирпич. Обязательным элементом в оформлении помещений являлись суфы со штукатуркой из тонкодисперсной глины и напольные керамические или глиняные алтари в центре помещения. Керамика представлена посудой прекрасного качества, с двухцветной росписью черным и красным по светлому фону. Мотивы орнамента отличаются разнообразием, но преобладают растительные и эпиграфические – в виде вытянутых по горизонтали надписей, расположенных по краю чаш под зубчатым бордюром. Следует отметить основные морфологические признаки этого комплекса. Основные формы сосудов – полусферические и конические чаши на диско-видном или слегка вогнутом и кольцевом поддоне. Неглазурованная посуда представлена горшковидными сосудами, кувшинами, котлами, кружками и т.д. Подобный комплекс керамики характерен для Согда и Чача и датируется второй половиной X – началом XI вв.

Более ранние строительные горизонты выявлены на участке площадью более 260 кв. м, расположенном на восточном краю холма ранней цитадели городища. Он имеет небольшой уклон в восточную сторону. На западной границе установлена точка R₁, которая имеет отметку -281 от R₀ (от отметки тригопункта на вершине холма в центре городища).

ВСГ здесь, на склоне, почти полностью выветрен и смыт. Лучшую сохранность имеет второй строительный горизонт (СГ2). Остатки его строений зафиксированы на глубине -350 см, то есть на глубине 70 см от дневной поверхности. Они представлены остатками фундамента, сложенного из рваных камней; поверх фундамента расчищены остатки сгнившего дерева, видимо, использованных в качестве гидроизоляции. После снятия этого строительного горизонта (СГ2) началась расчистка помещения, относящегося к третьему строительному горизонту. В раскопе его остатки представлены помещением размером 2,33 × 3,4 м. Первый уровень пола зафиксирован на глубине -446 см, второй – -462 см. (все отметки от R₀).

При расчистке конструкций СГ2 сделаны некоторые интересные находки. Найдены керамические амулеты-сапожки (один целый, другой фрагментирован) (рис. 5: 1, 2)², из верхнего же слоя происходит находка миниатюрной халцедоновой геммы с изображением утки (рис. 5: 6) и орнаментированная подвеска из бирюзы. В нижележащем строительном горизонте (СГ3 общей стратиграфии Каратобе) расчищено помещение № 1 квадратное в плане, со сторонами 4,7 × 4,7 м. Интерьер помещения с трех сторон занят пристенными суфами различного функционального назначения. Центр пола помещения занимал глиняный алтарь прямоугольной формы с овальным северным краем. Он приподнят над уровнем первоначального пола на 20-сантиметровую платформу размерами 1,1 × 1,5 м. На южной прямой стенке в центре ободка расчищено возвышение прямоугольной формы размерами 0,25 × 0,35 м. В 0,2 м южнее края алтаря на

¹ Пользуюсь случаем еще раз выразить признательность П.Н. Петрову за внимание к нумизматическим материалам Саурана.

² С ранее найденным на этом же раскопе в СГ2 «сапожком» декорированном изображением дерева (рис. 5: 3), данные находки расширяют репертуар форм этих весьма популярных в X–XII вв. амулетов.

полу устроена возвышенная на 25 см квадратная платформа (0,5 × 0,5 м). Необычную конструкцию удалось зафиксировать и исследовать в северо-восточном углу помещения прямо напротив тамбурного входа. Здесь устроен специально возведенный подквадратный отсек размерами 0,9 × 1,2 м. Стенки сохранились в высоту 1,1 м, сложены «в полкирпича» (35 × 18–19 × 7–8 см). Внутри содержалось мусорное заполнение, которым забита и яма, уходящая под уровень пола помещения. В верхней части заполнения ямы обнаружены фрагменты керамических сосудов, кости и среди них бронзовый перстень (рис. 5: 4). Этот отсек, видимо, был перекрыт сверху кирпичным сводом, а в боковой плоскости западной стенки имелось специальное овальное отверстие, через которое сбрасывался мусор (зола, обломки керамики и костей) в эту яму. Далее вдоль ЮВ стены помещения пристроена тумба, в которую был встроены круглый керамический камин диаметром 0,6 м.

Все стены помещения, суфы и алтарь покрыты многослойной штукатуркой, общая толщина которой достигала 4–5 см. Расчисткой выявлены все детали оформления помещения (суфы, перегородки, карнизы и т.д.) сделанные с особой тщательностью.

При зачистке уровней обмазки пола у западной стенке алтаря были найдены несколько невыразительных фрагментов керамики и две разновеликие железные панцирные пластины. Надо отметить также находку тюркешской монеты в помещении № 9 на уровне пола помещения № 1 (рис. 5: 7).

Если окажется, что это единственное помещение с суфами и очагами в жилище, то это жилое помещение с ярко выраженными культовыми атрибутами. Или же оно выполняло функции домашней капеллы – специального культового помещения. При его расчистке было отмечено, что когда оно перестало функционировать, вход в него в начале коридора был буквально замурован, что обеспечило ее дальнейшую хорошую сохранность. Но эти моменты удастся проследить, расширив раскоп и после полной расчистки жилищ на этом участке застройки.

Под помещением № 1 зафиксированы стены нижележащего строительного горизонта (СГ4), верхний уровень которого (полы) проходит на глубине -566 от репера, а следующий уровень на глубине -656 см. В южной стене нижележащего строительного горизонта на глубине -584 см зафиксирована верхняя часть арочного прохода. Эти горизонты пока не вскрывались.

Помещение № 2 размерами 4,5 × 5,25 м. Пока в этом помещении отмечено два периода, связанные с некоторой перепланировкой интерьера. И это помещение имело по периметру суфы и глиняный алтарь круглой формы в центре пола, т.е. оно может быть отнесено к группе культовых помещений. Вероятно, оно относится к тому же домостроению, что и помещение № 1, но было устроено после того, как прекратило функционировать помещение № 1.

Помещение № 2 имеет несколько уровней полов. На самом верхнем уровне пола расчищен керамический алтарь подковообразной формы (0,5 × 0,75 м), стенки алтарика высотой 11 см были полностью погружены в пол, в центре округлая лунка диаметром в 12 см и глубиной 9 см. В северную суфу напротив алтаря был вмонтирован тандыр диаметром 67 см, причем один тандыр был вставлен в другой, отверстие поддувала было на уровне пола, высота его 12 см, ширина 8 см.

При вскрытии помещения № 2 в заполнении была найдена бронзовая пряжка, каменная формочка для изготовления ювелирных изделий, костяная ручка от ножа и панцирная железная пластинка.

Второй (первый снизу) период строительства и обживания помещения № 2 приходится на восьмой и девятый яруса. Помещение почти квадратное в плане с размерами сторон 4,35 × 4,45 в южной части, а в северной за счет отрезка западной стены в северо-западной части удлиняется на 85 см. Суфы охватывают помещение по всему периметру и прерываются только у входа в помещение. В 75 см от северо-восточного угла помещения расчищен хум, который использовался под ташнау. В центре помещения находился глиняный алтарь круглой формы диаметром 85 см с центральной лункой диаметром 12 см и глубиной 10 см. Под ним, через 10 см расчищен еще один круглый алтарик диаметром 50 см с центральным углублением диаметром 14–15 см и глубиной 8 см. После снятия остатков этого алтаря под ним было зафиксировано очажное пятно размером 104 × 38 см. Т.е. в этом помещении зафиксированы один над другим останки

трех глиняных напольных очагов-алтарей и на самом последнем верхнем полу – круглый керамический алтарь.

В северной части прирезанного участка (над пом.4 и 8) расчищены строительные остатки второго строительного горизонта, стены которого были из пахсы. Зафиксировано частично два помещения, но их полные размеры и детали интерьера установить не удалось. На глубине -376 зафиксирован уровень основания пахсовых стен помещений СГ2. Ниже пошел слой заполнения (забутовки) помещений СГ3, планировка которых оказалась совершенной отличной от вышележащего горизонта. В верхней части этого заполнения были обнаружены фрагменты лощенного черного горшка с вырезанной рунической надписью (рис. 5: 9, 9а, 9 б)¹.

Стены помещения № 4 СГ3 сохранилась на высоту от 1,3 до 1,4 м. Само помещение квадратное со сторонами 4,65 × 4,65 м. Вход через тамбурный коридорчик расположен в западной стене, его ширина примерно 0,9 м. По периметру помещения располагались суфы шириной 0,95 м; у юго-восточного угла суфа имеет округлое очертание и расширена по отношению к другим; у западной стены суфа сужалась до 0,77 м, и в нее был встроены тандыр с устьем 0,3 м, высотой около 0,5 м. В западной, северной и южной стенах были устроены ниши, обведенные наклепными валиками. В южном углу, на ЮЗ стене такими наклепными валиками контуром сделана необычная композиция в виде дверного проема (?) с декоративным верхом. На небольшом расстоянии от юго-восточного угла размещены две колонки, которые поддерживают прямоугольный резной фриз. Вся композиция выполнена наклепами с последующей подправкой резьбой по сырой глине и, затем покрыта тонким слоем ганчевой обмазки. Вероятно, это часть более сложной композиции, размещавшейся в средней части этой стены, но ее значительная часть, вместе со стеной разрушена более поздней мусорной ямой.

В центре пола этого помещения на глубине -590 см от репера находился глиняный подковообразный алтарь, стенки высотой в 15 см были выведены из сырцового кирпича. Ниже был расчищен алтарь почти квадратной формы с закруглением западной стороны с центральным углублением диаметром 18 см. Высота алтаря от 10 до 15 см.

При расчистке помещения № 4 было отмечено наличие более 8 уровней полов, которые имели хорошую обмазку, общая толщина их составляла до 25 см. Вскрытые частично помещения 3, 8, 9, 6, 7 являются служебными по отношению к трем расчищенным помещениям. Все они, вероятно, в дальнейшем, при расширении раскопа, объединятся в три домовладения, в каждом из которых, центральное жилое помещение одновременно являлось и культовым. Функциональное, конфессиональное и этнокультурное определение этого типа помещений является интересной проблемой в археологии Средней Азии, пока не имеющей однозначной интерпретации (см. напр.: Гуревич, 1990, с. 67–87; Филанович, 1987, с. 148–156).

Следует отметить разнообразные архитектурные приемы и декорировку помещений. Здесь и полихромная роспись по сырой глине, алебастровые наклепы и штукатурки, окрашивание стен и архитектурных деталей в красный цвет, наклепы глиняных жгутов и резьба по сырой глине, ниши, фризы и т.д. На территории Южного Казахстана в богатых домах помещения с подоб-

¹ С этой находкой был ознакомлен И.Л. Кызласов, которому я выражаю свою искреннюю признательность. В любезно предоставленном исчерпывающем «Экспертном заключении...» им, в частности, отмечается, что облик примененных здесь письменных знаков «не оставляет сомнений, что надписи, открытые в Саурани, не принадлежат к широко известным азиатским руническим алфавитам, обычно обобщенно называемым орхон-енисейским письмом... Вместе с тем все эти письменные знаки являются характерными отличительными особенностями так называемого ачикташского рунического письма Средней Азии... Вероятно, следует воздержаться от исторического истолкования этого поныне таинственного культурного явления. Однако имеющиеся археологические датировки перечисленного эпиграфического материала наводят на мысль о его раннегузской или, скорее, предшествующей субстратной принадлежности... Время и условия бытования ачикташского письма предстоит уточнить. Этому в большой мере способствуют сделанные Е. Смагуловым находки и, надо надеяться, будут способствовать новые археологические открытия на Саурани». А также: «Весьма существенно, что ачикташская руническая письменность, ныне счастливо представленная находками в Саурани, принадлежит к западной ветви рунического письма – к так называемой евроазиатской группе, имевшей совершенно самостоятельные корни происхождения, никак не зависевшие от орхонского или енисейского алфавитов» (Кызласов, 2009, с. 1–2).

ными «алтарями» зафиксированы на ряде памятников VIII–X вв. (Алтынтобе, Куйруктобе, Сидак, Культобе Туркестанское). Нам же здесь впервые удастся достаточно достоверно стратиграфически проследить и датировать время смены напольных алтарей с глиняными бортиками напольными же керамическими алтарями. Дальнейшие археологические работы следует направить на расширение этой части раскопа 1 в западном и северном направлении, что позволит полностью вскрыть по уровню СГЗ отдельные домовладения и поможет получить представление о планировке домов, жилых массивов и застройке цитадели в целом. Особенности стратиграфии в этой части цитадели обусловлены тем, что здесь в нижних строительных горизонтах имеется, по всей видимости, некая монументальная постройка стены, которой так или иначе использовались до времени СГ2. Хронология горизонтов этого участка предварительно выглядит следующим образом: верхний строительный горизонт (ВСГ, практически не сохранился, имеется несколько мусорных ям) может быть датирован XII–XIII вв.; СГ2 (пахсовые стены, помещение с керамическим алтарем) – X–XI вв.; СГ3 (пом. 4, 2, 9, 5 с несколькими уровнями полов, повторяет планировку нижележащего монументального здания) – VIII–IX вв.

В ходе археологических раскопок получены значительные коллекции различных ремесленных изделий. Это керамическая, металлическая, стеклянная посуда, ремесленный инструментарий, различного рода украшения, среди них детали поясной гарнитуры, предметы быта и т.п., как местного производства, так и явно импортных, привезенных сюда по караванным трассам Великого Шелкового Пути из ремесленных центров Мавераннаха, Хорасана, Ближнего Востока, Китая. Эти комплексы находок детально характеризуют культуру и быт жителей крупного и развитого городского центра¹.

Археологическая стратиграфия Каратобе позволяет выявить несколько этапов в развитии технологии, форм, художественном декоре массовых категорий артефактов, в частности, средневековой керамики на протяжении от середины X в. до XIII в. Существенны наблюдения за эволюцией планировки жилищ, застройки отдельных участков городской территории, технологии строительного ремесла и т.п.

Таким образом, начатые на Каратобе археологические исследования показывают перспективность городища Древнего Саурана в целях дальнейшей консервации и музеефикации различных элементов средневекового города поры блестящего развития городской культуры, а также изучения ранних этапов урбанизации региона и этнокультурной истории края. Подготовленные для музеефикации элементы городской застройки (жилища, общественные и крепостные сооружения, и т.п.) периода X–XIII вв. в комплексе с объектами рядом расположенного позднесредневекового Саурана со временем могут наглядно демонстрировать эволюцию городской культуры Южного Казахстана на протяжении всей эпохи средневековья.

¹ Комплексы различных категорий находок опубликованы (Смагулов, Ержигитова, 2009, с. 236–256; Смагулов, Ержигитова, 2010, с. 226–243; Смагулов Е.А., 2011).

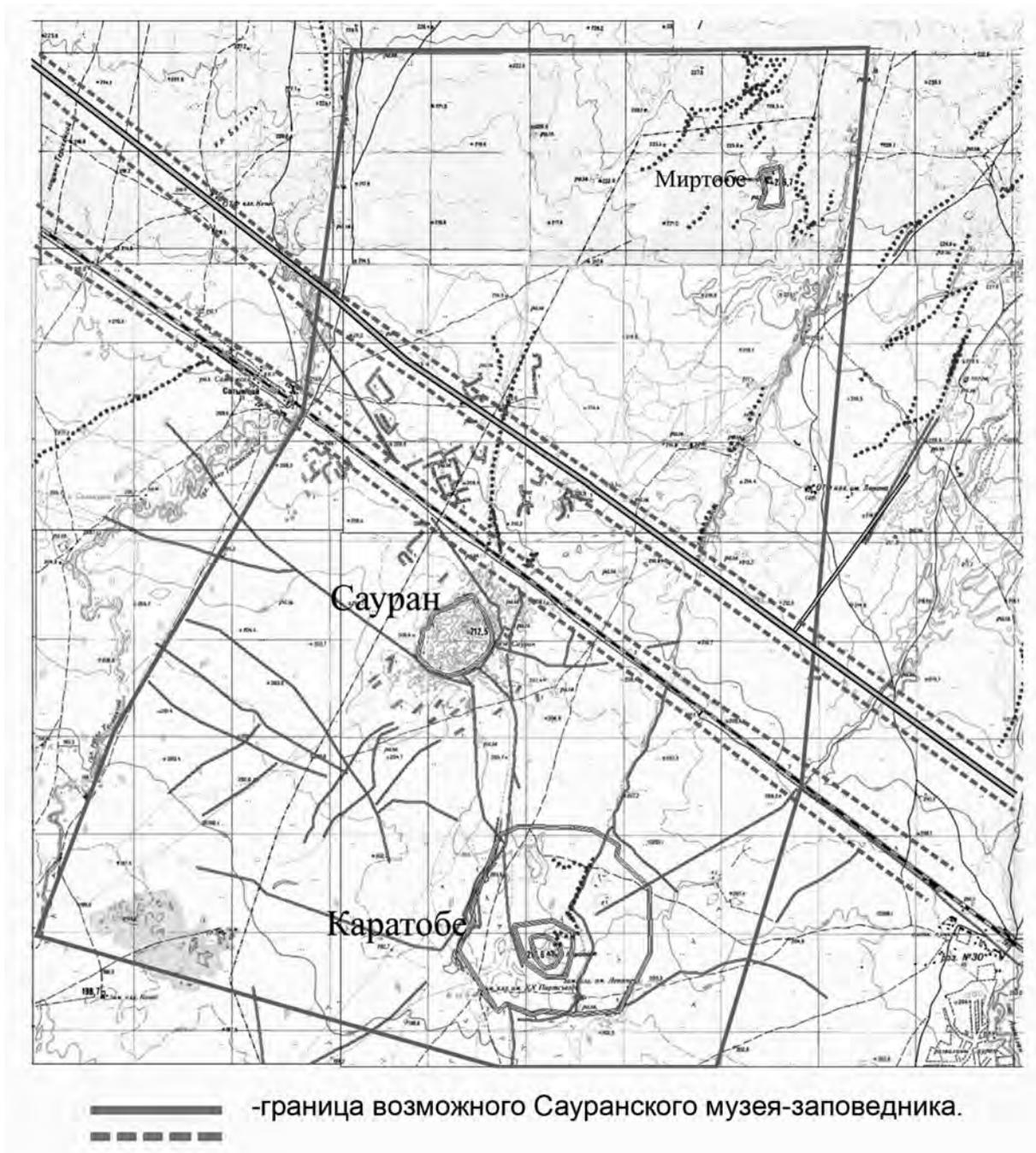

Рис. 1. Карта локализации
«Сауранского археологического комплекса»

Рис. 2. Характерная орнаментация глазурованной керамики XIII в.

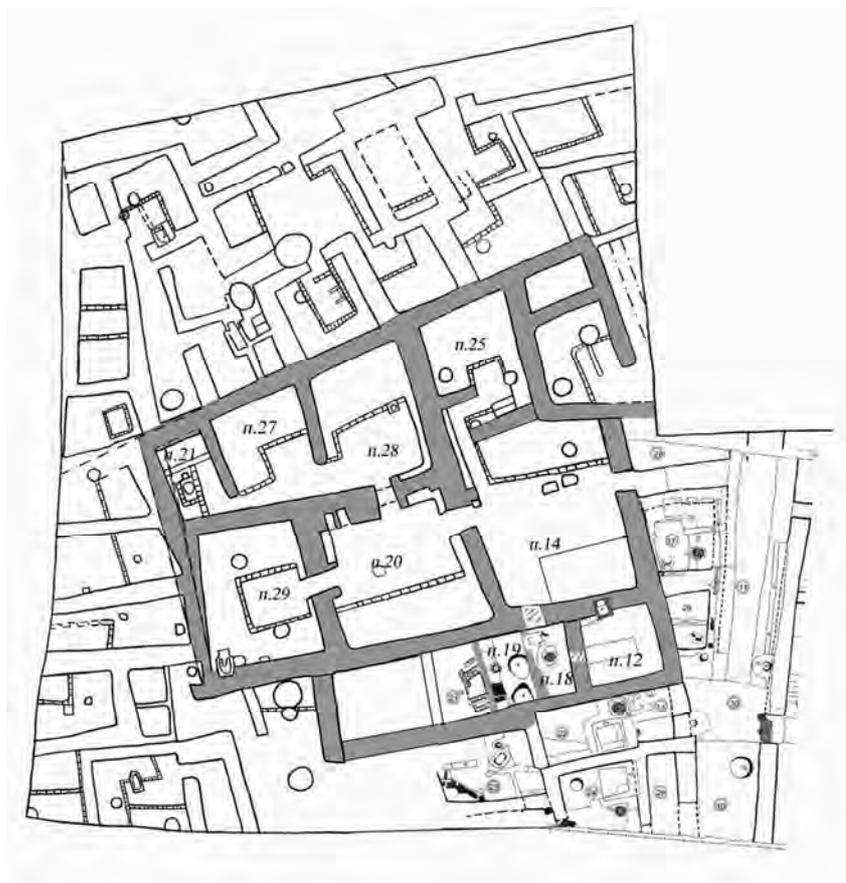

Рис. 3. План «дома зажиточного горожанина» XII–XIII вв. в массиве городской застройки

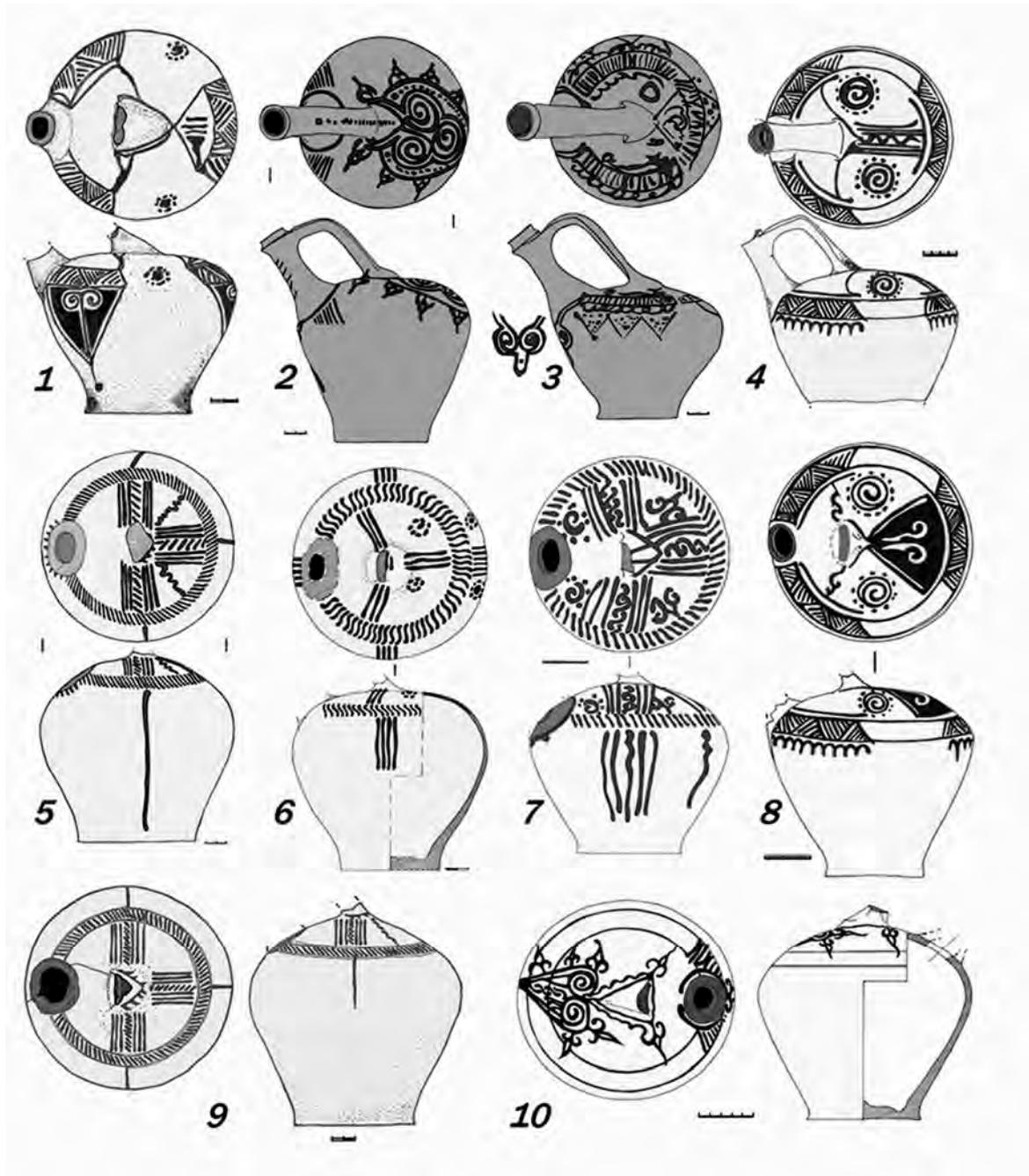

Рис. 4. Ангобная роспись на кувшинах XII–XIII вв.

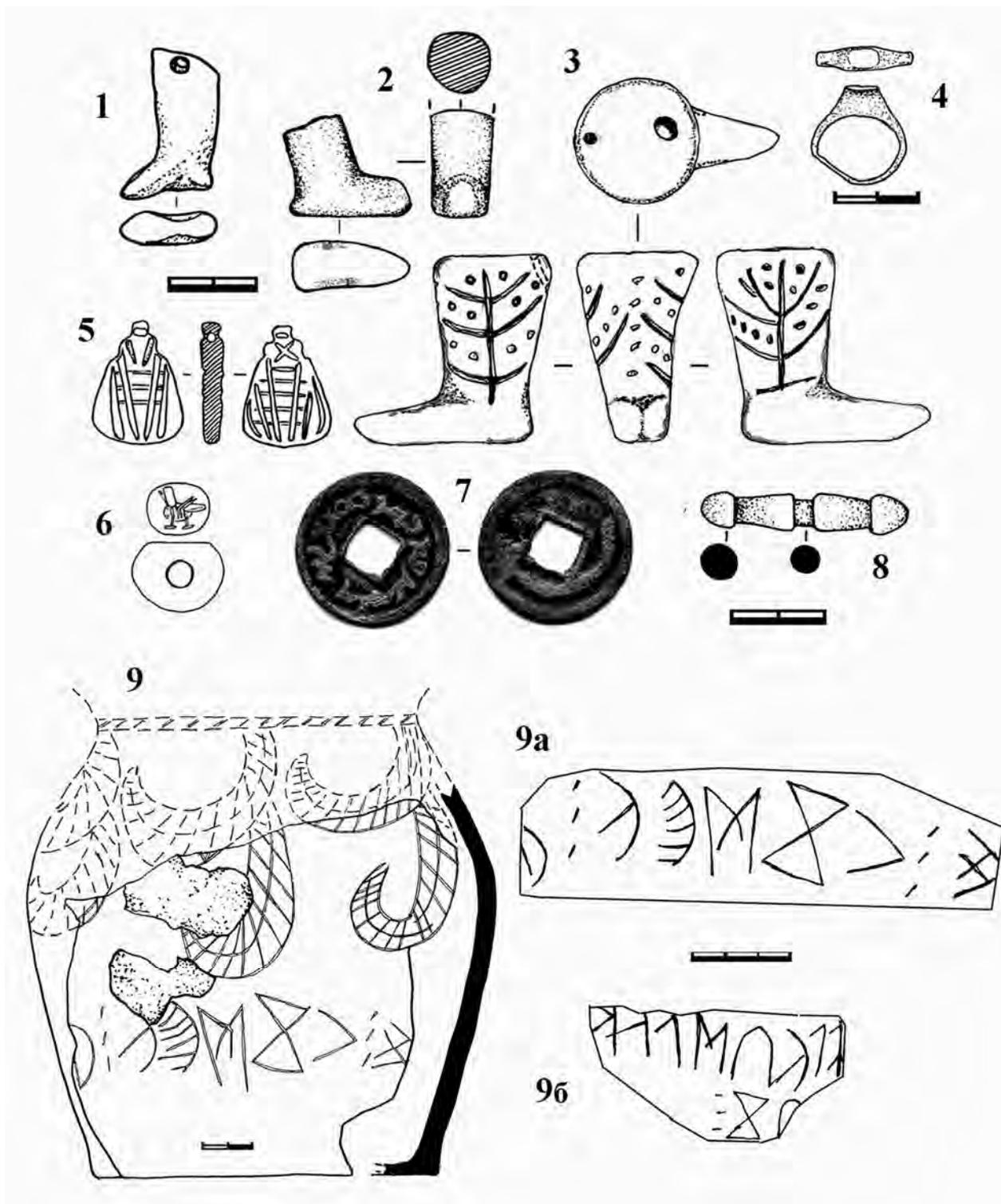

Рис. 5. Некоторые находки из раскопа 1 2008 г.

Литература

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ. – 1958. – Т. 5.
- Акишев К.А., Байпаков К.М.* Кяризы Саурана // Вестник АН Каз.ССР. – 1973. – № 4.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XIII в. – Алма-Ата, 1986.
- Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. – Алматы, 2005.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. – Алматы, 2005.
- Байпаков К., Смагулов Е.А., Ержигитова А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б.* Исследования городища средневекового Саурана // Отчеты по итогам археологических исследований по Государственной программе «Культурное наследие». – Алматы, 2005.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Айдосов А.Х., Нургазарин А., Баитанник С., Сорокин Д.* Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» 2006 года. – Алматы, 2007.
- Байпаков К.М., Акылбек С.* Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии. – Алматы; Кемерово, 2008.
- Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Изв. АН КазССР. Серия археологическая. – 1950. – № 2 (67).
- Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. Т. 2. – СПб., 1989.
- Грошев В.А.* Древняя ирригация Юга Казахстана. – Алматы, 1996.
- Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (ландшафт и этнос) // Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 1993.
- Гуревич Л.В.* К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. – М., 1990.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.
- Кызласов И.Л.* Экспертное заключение о характере надписей на обломках глиняного сосуда, обнаруженных в 2008 г. на городище Каратобе (Древний Сауран, Республика Казахстан). – М., 2009. Архив ТАЭ.
- Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. – СПб., 1870.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. – М.; Л., 1939.
- Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. – СПб., 1868.
- Пачкалов А.В.* Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. – Казань, 2007.
- Птицын Г.В.* К вопросу о географии «Шах-наме» // Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. – 1947. – Т. IV.
- Пугаченкова Г.А.* Сауранские башни // Тр. САГУ. Вып. LVII. – Ташкент, 1954.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область.* – Алматы, 1994.
- Смагулов Е.А.* Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы. – 2001. – № 4.
- Смагулов Е.А.* Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области // Изв. МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 2002. – № 1.
- Смагулов Е.А.* Кяризы Туркестанского оазиса // Изв. МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 2003. – № 1.
- Смагулов Е.А.* Архитектура Саурана // Промышленность Казахстана. – 2006. – № 1.
- Смагулов Е.А.* Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержание, границы // Изв. НАН РК. Серия общественных наук. – 2007. № 1.
- Смагулов Е.А.* Средневековый Сауран: на перекрестке проблем и мнений // Материалы международ. науч. конф. «Роль степных городов в цивилизации кочевников», посвящ. 10-летию юбилею г. Астана. – Астана, 2008.
- Смагулов Е.А.* Древний Сауран. – Алматы, 2011.
- Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Исследования Древнего Саурана // Изв. НАН РК. Серия общественных наук. – 2009. – № 1.
- Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Исследования Древнего Саурана 2 // Изв. НАН РК. Серия общественных наук. – 2010. – № 1.

Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе – древний Сауран // Материалы международ. науч.-практич. конф. «Древний Тараз и тюркская цивилизация». – Тараз, 2007.

Смагулов Е., Туякбаев М., Ержигитова А. Краткие итоги исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999 г. // Изв. МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 2000. – № 1.

Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова. 1762 г. – Оренбург, 1887.

Федченко А.П. Путешествия в Туркестан. – М., 1950.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.

Филанович М.И. К типологии святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987.

Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. – Алматы, 2005.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННИХ ЭТАПОВ БУЛГАРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ВОЛГЕ

Ф.Ш. Хузин

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань*

В последние годы Волжскую Булгарию, возникшую на рубеже IX–X столетий и потерявшую самостоятельность в результате монголо-татарских завоеваний 1236 г., вполне обоснованно стали рассматривать в системе средневековой тюрко-татарской цивилизации. Она принадлежала к числу тех государств (Хуннская/Гуннская держава, Тюркские каганаты, Великая Болгария, Хазарский каганат, Золотая Орда, Казанское ханство и другие постордынские государства), история которых самым тесным образом связана с историей волго-уральских татар. Следует лишь уточнить, что если государственные образования древних хунну и тюрков, а также Золотая Орда являются общим достоянием истории практически всех современных тюркоязычных народов Евразии, то Волжская Булгария являет собой начало самостоятельной государственности прямых предков поволжских татар. Заметим также, что именно с Волжской Булгарии, официально с 922 года, начинается вхождение болгаро-татар в более обширную исламскую цивилизацию. Как одно из ответвлений тюркского сообщества исламского мира, Волжская Булгария сыграла немалую роль в мусульманизации части населения Волго-Камского региона, а позднее и Улуса Джучи.

Территория этого государства, достаточно четко определяемая на основании письменных источников и путем картографирования археологических памятников, располагалась в основном в Среднем Поволжье и Приуралье, в пределах Республики Татарстан, восточной и юго-восточной части Чувашии, а также соседних областей – Ульяновской, Самарской и Пензенской. Поселения со следами значительного болгарского присутствия обнаружены в Мордовии и Пермском крае, т.е. на землях финно-угорских племен. На некоторых из них болгарский материал преобладает (Рождественское городище и Кыласово городища в Предуралье – соответственно, Афкуль и Чулыман арабоязычных источников: см.: Белавин, 2000; Белавин, Крыласова, 2008), на других составляет около 20–30% от общего количества находок (Жуковское II городище в Мордовии, см.: Беговаткин, 2006, с. 270). В бассейне Суры изучены сельские поселения, основанные местной мордвой и превратившиеся в конце XI–XII вв. в болгарские (селище Круталатка II; см.: Загайнова и др., 2006, с. 161 и сл.).

Благодаря начавшимся в 1990-х годах исследованиям поселенческих памятников домонгольского времени в Астраханской области, один из районов расселения болгар X – начала XIII вв. есть некоторые основания локализовать в Нижнем Поволжье (я имею в виду второй слой раскапываемого под руководством Э.Д. Зиливинской городища Самосделка; см.: Зиливинская, 2004). В округе Самосделки разведочной экспедицией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в последние годы открыт ряд памятников дозолотоордынского времени, также свидетельствующих о возможном болгарском присутствии в этих районах (Валиев и др., 2009, с. 339–346). Кроме того, о значительном болгарском населении в городах Итиль, Саксин сообщают восточные источники и русские летописи (Федоров-Давыдов, 1969, с. 253–261).

Из вышесказанного следует, что Волжская Булгария занимала достаточно обширную территорию в пределах Восточной Европы, а ее население имело дисперсное расселение, т.е. болгары еще в домонгольское время занимали в основном те регионы, где впоследствии располагались центральные земли Улуса Джучи и проживают сегодня их современные потомки, за исключением сибирских татар.

Место и роль болгарской цивилизации в Восточной Европе убедительно обосновал в свое время А.П. Смирнов, отметивший, в частности, что без глубокого изучения истории Болгарского государства нельзя понять ни этногенеза тюркоязычных и финно-угорских народов Урало-Поволжья, ни истории Древней Руси и русских княжеств (Смирнов, 1951, с. 3). Более широко освещен этот вопрос в специальных работах (Хузин, 2001; 2006), особенно во втором томе не-

давно вышедшей «Истории татар» (Казань, 2006), что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на фактах, характеризующих эту цивилизацию. Перечислим лишь основные моменты.

Болгарскую цивилизацию характеризует, прежде всего, высоко развитая для того времени экономика: пашенное земледелие, часть продукции которого шла на экспорт (палеоботаниками определено более 20 видов зерновых и технических культур); животноводство (высокопородные мелкий и крупный рогатый скот, лошади, резко отличающиеся от лесных мелкопородных у финно-угорских народов и населения Руси); городское ремесло, в том числе черная и цветная металлургия, ювелирное дело, производство стекла и поливной посуды, строительного кирпича; внутренняя и внешняя торговля, документированная как письменными, так и археологическими и нумизматическими источниками. Торговыми партнерами выступали Киевская Русь и русские княжества, страны Западной Европы и Востока.

Наличие городов является признаком любой цивилизации. «Волжская Болгария – великое и могущественное царство с богатыми городами», по определению венгерского миссионера Юлиана, посетившего страну в 1235 г. (Аннинский, 1940, с. 72), – с X века становится вторым после Древней Руси центром урбанизационных процессов в Восточной Европе. В стране насчитывалось, по разным оценкам, до от 30 до 50 крупных и малых городов (Хузин, 2001, с. 39 и сл.).

В числе городов-гигантов средневековой Европы значится Биляр – Великий город русских летописей с укрепленной площадью более 620 га (с учетом пригородов – около 800 га). Административно-политическое значение города подчеркивала построенная в год прибытия Багдадского посольства деревянная с белокаменным пристроем Соборная мечеть площадью более 2300 кв. м. Аэрофотосъемками городища выявлены следы около 30 кирпичных зданий, часть которых исследованы археологами («дом феодала» у здания мечети, баня в «караван-сараяе» у главных ворот внутреннего города и др.). Кирпичные здания были открыты также в Суваре (т.н. «суварский дворец»), Хулаше, на Муромском городке (четыре сооружения, аналогичные билярским), Красносундюковском I городище. Следует упомянуть также каменную мечеть-крепость с сохранившейся до наших дней угловой башней на Елабужском городище, остатки белокаменной оборонительной стены в древней Казани. В крупных городах Болгарии археологически прослежены элементы городского благоустройства: деревянные и кирпично-каменные мостовые на улицах и площадях, колодцы, мусорные ямы, свидетельствующие о достаточно высоком уровне благоустройства и градостроительной культуры домонгольских болгар.

Достижения в области духовной культуры позволяют рассматривать болгар в числе цивилизованных стран средневекового Востока. Из слов арабского энциклопедиста и географа Ибн Русте мы знаем о существовании еще в конце IX в. в болгарских селениях мечетей с начальными школами при них. В религиозных школах изучали не только основы ислама, получали в них и светское образование. Дальнейшее обучение шакирды продолжали в культурных центрах Востока: Бухаре, Самарканде, Мерве, Нишапуре, Балхе, Багдаде и др., где они проходили специальную подготовку у знаменитых ученых. В мусульманском мире были известны имена Абу-л-Аля Хамида ибн Идрис ал-Болгари, Бурхан ад-Дина ибн Йусуф ал-Болгари, Бурхан ад-Дина ибн Хамида ал-Болгари, Сулеймана ибн-Дауда ас-Саксини, Тадж ад-Дина ибн-Хусаина ал-Болгари и многих других, написавших труды по богословию, логике, философии, астрономии, медицине, юриспруденции, самые ранние из которых относятся ко второй половине XI в. (см. подробнее: Давлетшин, 1990). Сочинения двух последних упомянутых выше ученых сохранились и были обнаружены в 90-х годах прошлого столетия в библиотеках Тегерана и Стамбула (Таджаддин ал-Булгари, 1997; Усманов, 2000; Шарафутдинов, 2003). Отрывки из сочинения Йакуба ибн-Нугмана «История Болгарии» приведены в книге Абу Хамида ал-Гарнати, дважды посетившего страну болгар в XII столетии.

Высочайшим достижением письменной культуры домонгольских болгар является поэма Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф», написанная в 1233 г. с использованием богатой литературной традиции своих предшественников.

Такая цивилизация, естественно, не могла оставаться незамеченной в тогдашнем мире, она становится объектом внимания арабо-персидских географов, русских летописцев, западноевропейских путешественников и торговцев. Равноправные партнерские отношения в области

международной деятельности были обусловлены высоким экономическим и духовным потенциалом, которым обладала Волжская Булгария, стоявшая примерно на одной ступени социально-экономического развития, что и другие страны Запада и Востока. Письменные источники, освещающие внешнеполитические, экономические и культурные связи домонгольской Булгарии малочисленны, однако при этом достаточно показательны. Для X в. это знаменитое «Рисале» Ибн Фадлана о контактах болгарского хана Алмуша /Джа'фара ибн Абдаллаха с Арабским халифатом и рассказ венгерского Анонима о переселенцах из Биляра, занявших впоследствии важные государственные посты в Венгерском королевстве. Одиннадцатым веком можно датировать сообщения скандинавских источников о «Вулгарии» как части Гардарики – «страны городов». Далее идет сообщение персидского историка XII в. Бейхаки о посылке болгарским ханом Ибрагимом денег и подарков в Хорасан на строительство мечетей в Себзеваре и Хосровджерде (1024/1025 г.). К XII в. относится подробное описание Булгарии Абу-Хамидом ал-Гарнати, выходцем из Андалусии, и, наконец, к первой половине XIII в. – рассказ венгерского миссионера Юлиана о его путешествии в Булгарию в поисках своих сородичей, пребывающих в язычестве. Имеются, кроме того, фрагментарные известия о булгарах в трудах представителей классической арабской географической школы: Ибн-Русте, ал-Балхи, ал-Джайхани, ал-Истахри, ал-Масуди, Ибн-Хаукаля, ал-Мукаддаси, ал-Марвази, ал-Идриси и др., а также сведения древнерусских летописей, по которым можно в подробностях представить динамику болгаро-русских взаимоотношений X – начала XIII в. (см. подробнее: История татар, 2006, приложения; Хузин, 2009, с. 227–234).

Еще один очаг болгарской цивилизации раннего средневековья располагался на Дунае, где болгары хана Аспаруха, оказавшись после распада их прежнего военно-политического объединения в приазовских степях среди местного фракийского и пришлого славянского населения, сумели создать свое самостоятельное государство со столицей в Плиске, способное противостоять притязаниям Византийской империи (История на България, 1981; Рашев, 2006, с. 48–59).

Многие аспекты истории и археологии болгар дозолотордынского (домонгольского) времени нашли достаточно полное освещение в научной литературе. Однако если чуть расширим нижние хронологические рамки исследования, то столкнемся с рядом нерешенных проблем, которые интересуют всех болгароведов, но пока не могут быть решены из-за скудости источников. На наш взгляд, можно выделить следующие проблемы, решение которых потребует совместных усилий и тесного сотрудничества прежде всего российских, украинских и болгарских ученых: 1) происхождение болгар и их прародина; 2) выявление этноопределяющих признаков материальной культуры (массовая керамика, украшения, оружие, погребальный обряд и пр.); 3) миграции болгар на Среднюю Волгу и в другие регионы Европы; 4) проблема седентаризации и время появления ранних поселений; 5) картографирование археологических памятников болгар разных хронологических периодов; 6) определение степени участия домонгольских болгар в сложении материальной и духовной культуры золотоордынского населения Восточной Европы и т.д. Остановимся на некоторых из них.

Болгары, раннюю историю которых связывают обычно с огурскими племенами теле, занимавшими первоначально территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, как показывает комплекс имеющихся у нас источников, изначально были тюрками и принадлежали к западнохуннской группе тюркских языков (Баскаков, 1969, с. 210 и сл.; Кляшторный, Султанов, 2009).

Начиная, по крайней мере, с конца V в. мы находим ранних болгар (праболгар) на обширных просторах причерноморско-прикаспийских степей, а также на Северном Кавказе, в Подунавье и на Балканах, хотя первое их упоминание в сочинениях древних авторов (Вхндур Булкар – «Начальная история Армении» Мар Абаса Катины в передаче Мовсеса Хоренаци; *Vulgaris* под 354 г. в анонимном хронографе V в.) относится еще ко времени до гуннских вторжений в Европу (Сиротенко, 1961, 14–16; 1972, с. 195–197). Н.Я. Мерперт считал болгар группой тюркоязычных племен, пришедших из Азии через Северный Прикаспий задолго до появления в Европе основной массы гуннов (Мерперт, 1957, с. 32–35). В современных исследованиях точка зрения о древнейших корнях тюрков и, в частности, болгар, вновь реанимирована. Особенно активно защищают ее М.З. Закиев (2008, с. 80–81, 115 и сл.; 2009, с. 136–143), М.Г. Магомедов

(2007, с. 127 и сл.) и А.А. Глашев (2010), которые находят заметные элементы тюркской культуры (болгар-барсиллов) даже у скифов.

В свое время А.П. Смирнов, а позднее болгарский археолог Д. Димитриев, опираясь на сведения древних авторов, писали о сарматском (сармато-аланском) происхождении болгар, тюркизированных в эпоху гуннов и Тюркских каганатов (Смирнов, 1951, с. 9–12; Димитров, 1987, с. 60).

Византийский историк Приск Панийский, сведения которого признаются достоверными, писал о появлении в степях Причерноморья, около 463 г., неизвестных дотеле племен огуров, оногуров и сарагуров, объединенных позднее в болгарский племенной союз. В хронике Иоанна Антиохийского сообщается о собственно болгарях, приглашенных в 480 г. византийским императором Зеноном на помощь в борьбе с остготами (Сиротенко, 1961, с. 20; 1972, с. 200). В.Ф. Генинг полагал, что «болгары, выступившие в 480 г. на Балканах в союзе с Византией, обитали здесь уже раньше, но именовались общим названием гуннов, в состав объединения которых они входили» (Генинг, Халиков, 1964, с. 107). По мнению А.П. Новосельцева, «первоначально болгары представляли собой тюркизированных (когда – неясно) угров и были одним из их племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлеченных на запад в период гуннского нашествия» (Новосельцев, 1990, с. с. 72). Близкую точку зрения высказывал и А.Х. Халиков, искавший огурско-праболгарские племена среди гунно-тюркских племен, вышедших во II в. н.э. к северному побережью Каспийского моря (Халиков, 1989, с. 59). «Одним из самых сильных этносов в гуннском союзе, особенно активизировавшихся после распада империи, возглавляемой Аттилой», назвала болгар С.А. Плетнева (1997, с. 32).

С.Г. Кляшторный склонен, однако, считать, что болгары появились в Восточной Европе лишь после распада державы Аттилы в Паннонии, т.е. не раньше второй половины V в. Именно в это время, по мнению известного ученого, из нескольких огузских группировок, вышедших из племенного объединения теле, «при решающей роли оногурских племен где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар» (История татар, 2002, с. 182; Кляшторный, 2010, с. с. 167–168; Кляшторный, Султанов, 2009, с. 169–171).

Гипотеза автохтонного происхождения болгар от поздних сармато-алан, тем более скифов, на чем настаивают некоторые исследователи, не находит документального подтверждения (лингвистические источники при этом не играют существенной роли). Тем не менее, роль поздних сармат в формировании культуры ранних болгар отнюдь не отрицается. Как писал А.Х. Халиков, огурско-праболгарские племена оказывали самое серьезное воздействие на ираноязычных сармат, что отразилось на некоторых изменениях в их погребальной обрядности, стиле украшений и пр., привнесенных с востока. Более того, сами исследователи сарматской культуры находят в ней «значительную восточную примесь из Сибири, Казахстана и Средней Азии, в том числе и ранних тюрков, входящих в состав грозного и мощного гуннского союза» (Смирнов, Попов, 1972, с. 26).

В последние годы исследователи более уверенно говорят о сарматском компоненте в формирующейся именьковской культуре (Сташенков, 2005, с. 47). Позднесарматскими определил Е.П. Казаков известные в Татарстане Тураевский и Коминтерновский II могильники второй половины V–VI вв. Поздние модификации сармато-аланских культовых изделий найдены в раннеболгарском Танкеевском могильнике (Казаков, 2006, с. 157–158). Сарматские мотивы в оформлении кувшинообразных сосудов (зооморфные ручки) встречаются и на памятниках волжских болгар. Антропологи не исключают участие сармат в формировании отдельных болгарских групп и находят их истоки в регионах юго-востока Западной Сибири, Казахстана и Алтая эпохи раннего железа (Ефимова, Кондукторова, 1994, с. 570).

Еще в совместной с А.Х. Халиковым монографии, посвященной публикации материалов Больше-Тарханского могильника, В.Ф. Генинг пытался обосновать гипотезу о возможных истоках погребальной обрядности протоболгар среди населения раннего железного века Восточного Казахстана и Западной Сибири (Генинг, Халиков, 1964, с. 133–137). Этой точки зрения он придерживался, по сути, и позднее, когда предлагал искать место формирования протоболгар «на юго-востоке Западной Сибири и Восточного Казахстана, вероятно, в бассейне верхнего Иртыша» (Генинг, 1989, с. 8). Один из крупнейших специалистов по данной проблеме болгарский ученый Рашо Рашев локализовал прародину болгар, рассматриваемых им как симбиоз иран-

ских, угорских и тюркских языковых групп, в степной и лесостепной области между Уралом и Алтаем (Рашев, 2004, с. 27).

Как видим, вопрос еще далек от своего окончательного решения. Предлагаемые разными авторами гипотезы не подкреплены археологическими источниками. Теоретически, вроде бы, все понятно: для того чтобы нащупать истоки болгарской культуры, говоря проще, найти их прародину, нужно, в первую очередь, определить этноопределяющие признаки материальной культуры путем сопоставительного изучения погребальной обрядности, бытовой керамики, оружия, конского снаряжения, украшений, а также антропологии тюркоязычного населения, существовавшего в период Великой Болгарии, Хазарского каганата, ранних болгар Поволжья и Дуная, а потом искать эту специфику в других регионах возможного их расселения, прежде всего, в восточных. Однако как раз эта проблема пока еще трудно разрешима, что вполне объяснимо. Начиная с так называемого Великого переселения народов, с II–IV вв. н.э. и позже, степной пояс Евразии был занят родственными по происхождению тюркоязычными племенами и народами, очень близкими по культуре в силу их почти одинакового образа жизни (кочевники и полукочевники), традиционных верований, обычаев и обрядов и т.д. Кроме того, как известно, материальная культура более подвержена изменениям, связанным с чужеродными влияниями, внешними заимствованиями, многократными переселениями, в результате которых осваивались новые территории, отличные по своим природно-географическим характеристикам от прежних мест обитания.

В сложной этнополитической ситуации, сложившейся в степях Восточной Европы после крушения державы Атиллы, из кочевой гуннской среды начинают выделяться оногуры, утигуры и кутригуры, упоминаемые в конце V в. под общим именем болгар. В силу ряда обстоятельств, в первую очередь, из-за разных политических ориентаций этих племен, они не успели консолидироваться в единую народность: обитавшие между Доном и Днестром кутригуры/котраги, включившись в союз с аварами, воевали в Центральной Европе и на Балканах, утигуры приазовских и прикубанских степей оказались в составе Западнотюркского каганата. Но обе группы к 630-м годам обрели самостоятельность и вместе создали собственное государство – Великую Болгарию, возглавляемую «ханом» Кубратом из тюркского рода Дуло. Однако и в рамках этого государства, существовавшего очень короткое время, не было условий для прочной консолидации, что археологически доказывается отсутствием единой археологической культуры, присущей праболгарам VII в.

Тем не менее, попытки археологической идентификации праболгар предпринимались неоднократно. Так, о возможной принадлежности Борисовского могильника у Геленджика на Черноморском побережье утигурам В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков писали еще в 1960-х годах (Генинг, Халиков, 1964, с. 122–123). Позднее, рассматривая памятники гуннской эпохи южнорусских степей, И.П. Засецкая выделила хронологические группы вещей (ХГЗ-1б, ХГЗ-2), принадлежавшие, по ее мнению, сарагурам, оногурам и урогам, раньше входившим в племенной союз гуннов (Засецкая, 1986, с. 89). Взяв в качестве модели для сравнения в ретроспективном плане черты погребального обряда болгар Дунайской Болгарии и зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры, Р. Рашев небезуспешно пытался выделить погребения праболгар VI–VII вв. (впускные курганные погребения с северо-восточной ориентацией, иногда с остатками коня; см.: Рашев, 1998, с. 65–72; 2004, с. 64–153). По-видимому, следует согласиться с Р. Рашевым в том, что, «погребальный обряд, как самый консервативный элемент культуры, является более надежной основой» в поисках этнических корней раннесредневековых кочевников (Рашев, 1998, с. 66).

Другим этническим определителем культуры праболгар, но уже периода Хазарского каганата, является, на наш взгляд, глиняная посуда – гончарные одноручные кувшины с приземистым туловом и полосами лощения, а также лепные с подправкой на круге горшки с примесью шамота, органики, украшенные рифлением по тулову, волнистыми линиями по плечу и насечками по краю венчика. Обе группы керамики широко применялись в быту населения салтово-маяцкой культуры Подонья, Крыма, Северного Кавказа, ранних болгар Подунавья и Среднего Поволжья в VIII–X вв. (Die Keramik, 1990).

Этническими индикаторами могут выступить и другие категории находок (украшения, детали поясного набора, конской сбруи и пр.). Интересные исследования в этом направлении

проводят украинские и болгарские археологи (Комар, 2006, с. 7–244; Хрисимов, 2009, с. 9–42). Надеюсь, что проблемы поиска этноопределяющих признаков праболгар – одна из важнейших в современном болгароведении – будут обсуждаться в дальнейшем с привлечением новых материалов и современных подходов к их интерпретации.

Следующая проблема, не менее важная, которую археологи должны решать совместными усилиями, связана с этапами миграции болгар с юга на Среднее Поволжье.

В историографии установилась точка зрения, основанная на археологических и письменных источниках, о нескольких волнах переселений болгар на будущую территорию Волжской Булгарии (Плетнева, 1997, с. 41 и сл.; Хузин, 2006, с. 36–42). Следует заметить, что они в целом совпадают по времени с миграциями болгар на Дунай (Плетнева, 1981, с. 17–18; Димитров, 1987, с. 260 и сл.; Тотев, Пелевина, 2009, с. 47).

Первое переселение связывают с распадом Великой Болгарии Кубрата в 660-х годах (по мнению А.В. Комара, «первый эльтебер болгар Курт/Кубрат умер около 662 г., см.: Комар, 2006, с. 187); археологические памятники – могильники новинковского типа конца VII – первой половины VIII вв., изученные в Самарской и Ульяновской областях (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др, 1998). Не все исследователи признают «новинковцев» болгарами, но практически никто не сомневается в их принадлежности к тюркскому населению, может быть, хазарам (Казаков, 1999, с. 65). В «новинковцах» С.А. Плетнева склонна была видеть хазар (погребения в курганах с ровиками) и праболгар (курганы с каменной наброской): «хазарские воины могли прийти сюда, как и в Приднепровье, вместе с праболгарами» (Плетнева, 2000, с. 201). Появление новинковских курганов с каменной наброской С.Э. Зубов объясняет возможным проникновением на Среднюю Волгу тюркского населения из Сибири и Алтая (Зубов, 2006, с. 14–15). Д. Димитров допускал возможность появления болгар в Среднем Поволжье во второй половине VII в. (Димитров, 1987, с. 108). Эту дату поддерживает и С.Г. Кляшторный (2010, с. 170).

Вторая миграционная волна болгар из районов Подонья началась в середине VIII в. после крупного поражения Хазарского каганата от арабов в 737 г. Археологические памятники в Среднем Поволжье – Больше-Тарханский, Кайбельский, Уреньский и некоторые другие могильники середины VIII – первой половины IX вв., погребальный обряд и инвентарь которых находят ближайшие параллели среди салтово-маяцких древностей Юго-Восточной Европы (Генинг, Халиков, 1964, с. 33 и сл.; Казаков, 1992, с. 34 и сл.).

В связи миграциями болгар VIII в. хотелось бы обратить внимание исследователей еще на одну интересную проблему, поставленную в свое время И.А. Барановым в его монографии «Таврика в эпоху раннего средневековья». По его мнению, «могилы с заплечиками, перекрытые досками, а также погребения в деревянных ящиках-гробовинах», которые принадлежат болгарам степного Крыма, а также поясные украшения волго-уральского и сибирского типов из этих погребений свидетельствуют о миграции в VIII в. этнических групп, скорее всего, кутригуров, успевших уже частично ассимилировать местные финно-угорские племена, с европейского Северо-Востока, преимущественно из Среднего Поволжья и Приуралья (Баранов, 1990, с. 141–145; см. также: А.И. Айбабин, 1982, с. 171, 172, 175, 178, 184). Появление приазовских кутригуров на Средней Волге И.А. Баранов относит ко второй половине VII в. (Баранов, 1990, с. 145). Частичная откочевка их обратно в степи Северного Причерноморья и Таврики – весьма примечательный факт, заслуживающий дополнительных исследований. Смущает в построениях И.А. Баранова одно обстоятельство – слишком быстрый отход болгар из Поволжья, к тому же с укоренившимися финно-угорскими чертами в погребальной обрядности и культуре.

Третья волна переселений болгар с территории Хазарского каганата произошла во второй половине IX в. По мнению С.А. Плетневой, толчком к новой миграции послужили смуты (восстание кабаров), начавшиеся после принятия каганом иудейской религии (Плетнева, 1997, с. 46). В указанное время часть болгар эмигрировала и в Дунайскую Болгарию (Димитров, 1987, с. 262 и сл.). Археологические памятники представлены Танкеевским, Тетюшским и некоторыми другими могильниками, свидетельствующими одновременно о вливании в состав населения ранней Болгарии еще одного мощного этнического компонента – финно-угров из Верхнего Прикамья и Приуралья в лице носителей кушнаренковской, ломовской и ломоватовской культур (Казаков, 1992, с. 87 и сл.). Часть угорского населения, по всей вероятности, была уже тюркизирована.

Причиной четвертой волны переселений конца IX – начала X вв. стало наступление на Хазарский каганат печенегов, под ударами которых погибли города, были разгромлены и сожжены неукрепленные поселения (Плетнева, 1997, с. 48). Археологические памятники представлены стационарными поселениями с горшковидной посудой шамотного и песочного теста, с волнистым орнаментом по плечу и рифлением по тулову, насечками по краю венчика, характерной для населения степного (болгарского) и лесостепного (аланского) вариантов салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья (Хлебникова, 1984, с. 27 и сл.). Заметим, что в материалах ранних поселений преобладает керамика, присущая памятникам лесостепной зоны Хазарии, относимой Г.Е. Афанасьевым к «ираноязычным» буртасам – прежним аланам, мигрировавшим с Северного Кавказа в лесостепную зону Среднего Дона в середине VIII в. (Афанасьев, 1987, с. 155 и сл.).

В связи с этим утверждением небесполезно было бы, на мой взгляд, проверить следующую гипотезу, вполне логичную с исторической точки зрения, но лишенную пока строгих научных доказательств. Как известно, с IV–V вв. н.э. основными обитателями степных, частично и лесостепных территорий Восточной Европы стали тюркоязычные племена и народы – сначала гунны, савиры, барсилы, потом болгары и хазары, создавшие свои государственные объединения, а еще позднее – гузы/торки, печенеги и кыпчаки/половцы. При такой этнической ситуации потомкам поздних сармат – аланам лесостепного Дона вряд ли удалось избежать ассимиляции среди численно преобладающего тюркоязычного населения. В конце концов, из огромной массы ираноязычных племен, обитавших на огромных просторах евразийских степей, начиная с конца эпохи бронзы, если не раньше, остается лишь один народ – осетины Северного Кавказа. Трудно представить, что аланы-долихокраны, хоронившие своих умерших в катакомбах, и болгары-брахикраны, которым принадлежали ямные погребения, – эти два соседствующих народа в составе достаточно развитого для своего времени тюркского государства – Хазарского каганата – говорили на разных языках. Эти этнические группы имели практически единую материальную культуру, отличавшуюся лишь в деталях. Иногда на одном и том же могильнике встречаются как катакомбы, так и ямные погребения со смешанным антропологическим типом погребенных (Плетнева, 2000, с. 43–44; Ефимова, Кондукторова, 1994, с. 564 и сл.; Балабанова, 2005, с. 62–63). Археологические материалы свидетельствуют не только о сложном этническом составе населения каганата, но и активных этнокультурных связях между аланами и болгарами, приведшими, в конечном счете, к созданию единой культуры (Красильников, 2001, с. 320).

Как справедливо подчеркивал в свое время М.И. Артамонов, «в том, что в состав тюркского по языку населения степей Восточной Европы вошли ассимилированные тюрками древние местные сармато-аланские племена... не может быть сомнения... Ввиду этого вполне можно допустить, что прямые физические потомки алан, представленные салтовской культурой, к хазарскому времени могли быть уже оторочены и говорили не на аланском, а на тюркском языке» (Артамонов, 1962, с. 313). Эту же мысль, но в более категоричной форме, он высказывал и в более ранних своих работах: «...носители салтовской культуры в массе своей не только писали, но говорили на языке тюркского типа, следовательно, не были ираноязычными аланами», «в это время они были уже болгарами и хазарами, этнически обособленными от алан-осетин» (Артамонов, 1940, с. 162; 1958, с. 47). О значительной болгаризации и тюркизации алан писал также Д. Димитров (Димитров, 1987, с. 165). В недавно вышедшей монографии А.А. Глашева, посвященной этногенезу карачаево-балкарцев, приведены более полные, правда, не всегда бесспорные, доказательства в пользу тюркоязычности алан (Глашев, 2010). В свете вышеизложенного есть определенные основания считать население, оставившее в лесостепном Подонье свои памятники с горшечной посудой шамотного теста, преимущественно болгарами или же алано-болгарами, находящимися на стадии глубокой ассимиляции.

Традиционным представлениям об алано-осетинской идентичности противоречат и антропологические данные, свидетельствующие «о глубоком генетическом сходстве осетин» с кавказоязычными народами. Как заметил акад. В.П. Алексеев, «аланы были носителями иного антропологического типа и отличались от предков осетин так, как только могут отличаться одна от другой две группы европеоидной расы» (Алексеев, 1984, с. 163).

Окончательная гибель Хазарского каганата в результате походов древнерусского князя Святослава и вторжений новой группы кочевников могли привести, как полагает Е.П. Казаков, к новым переселениям болгар в последней четверти X в. С этим переселением ученый связывает появление в массовом виде постоянных поселений волжских болгар, кардинальные изменения в экономике (распространение пашенного земледелия) и материальной культуре (распространение красноглиняной посуды, прежде всего, узкогорлых кувшинов с наибольшим диаметром в середине или верхней трети тулова) и т.д. (Казаков, 1992, с. 304). Исходя из своей концепции седентаризации, Е.П. Казаков пересмотрел и дату возникновения волжско-болгарских городов, в том числе и столичных (Казаков, 2008, с. 34–39). Данную точку зрения поддержали П.Н. Старостин (1999, с. 99–101), Е.А. Беговатов (2006, с. 146) и К.А. Руденко (2007, с. 37).

Доказательная часть концепции Е.П. Казакова вызывает ряд возражений. Прежде всего, не поддается логике его утверждение о том, что переселившись на Среднюю Волгу, болгары в течение почти трех веков круглогодично кочевали и жили в юртах – природно-географические и климатические условия региона совсем не способствуют этому (более подробно см.: Хузин, 2010, с. 114–126). Вопреки мнению Е.П. Казакова, потомки «черных болгар» Подонья не были уже сплошь кочевниками, они строили неукрепленные поселения и крепости, активно изучаемые археологами в последние десятилетия (Красильникова, 2001, 323–332; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 233–322; Кравченко и др., 2005, с. 261–356). Переселившись на Среднюю Волгу в конце IX – начале X, они, надо полагать, не превратились обратно в кочевников, а продолжали прежний образ жизни, приступив к устройству постоянных мест обитания.

Комплекс имеющихся источников, как письменных (см. сочинения Ибн Русте о болгарских селениях с мечетями в конце IX в., Ибн Фадлана о выращиваемых зерновых культурах, ал-Балхи и более поздних восточных географов первой половины X в. о городах Болгаре и Суваре и т.д.), так и археологических (не характерный для кочевников Танкеевский могильник с более 5 тысяч могил; см. также работы ульяновских и самарских археологов о ранних поселениях болгар IX в.: Семькин, 1996, с. 67; Ермаков, Матвеева, 2002, с. 49) позволяет считать конец IX – первую четверть X вв. завершающим этапом оседания болгар на землю, временем массового появления стационарных поселений, в том числе и городов.

Что касается своеобразия материальной культуры болгар X в., в частности, так называемой «постантичной», по терминологии Е.П. Казакова, посуды приазовских «черных болгар», якобы идентичной красноглиняной керамике поселений домонгольской Булгарии, то ни в памятниках Приазовья, ни в памятниках степного и лесостепного Подонья она, за исключением херсонесских амфор, не зафиксирована (Плетнева, 2000, с. 24 и сл.). Поэтому причины кардинальных изменений, наблюдаемых в материальной культуре волжских болгар при переходе от догосударственного к государственному периоду их истории, не следует искать исключительно в передвижениях населения. Постепенная модификация культуры, в частности, гончарства, в первую очередь связана, на наш взгляд, с развитием новых, более прогрессивных технологий производства. Кроме того, в сложении специфичной культуры домонгольских болгар нельзя отрицать роли государственной идеологии в виде ислама, культурных контактов с соседними народами, прежде всего, со странами Востока. В связи с этим было бы весьма интересным сопоставительное изучение продукции болгарских гончаров, выпускавших красноглиняную посуду, с продукцией керамических центров Средней Азии – параллели, указывающие на истоки «постантичной» керамики у волжских болгар, непременно обнаружатся.

Очень мало у нас сведений о болгарях южных регионов Восточной Европы после распада Хазарского каганата, последовавшего, как принято считать, за походом Святослава 965 г. Понятно, что болгары, составлявшие значительную часть населения каганата, не могли исчезнуть бесследно и так быстро сойти с исторической арены – «история не знает примеров тотального уничтожения населения в периоды даже самых жестоких войн и самых страшных нашествий» (Плетнева, 1990, с. 37–38). Нельзя исключать определенных трансформаций материальной культуры болгар в новых этнополитических условиях. Возможны миграции и ассимиляция среди иноэтнического или близкородственного населения. Как известно, со второй половины XI в. хозяевами степей становятся кыпчаки, поглотившие разрозненные орды некогда могущественных печенегов, гузов, а также, очевидно, болгар и тюркоязычных алан. По мнению С.А. Плетневой, «первым

компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кипчаков, было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат», т.е. болгары и аланы, что доказывается, в частности, присущими этим народам элементами погребального обряда у кипчаков (меридиональная ориентировка покойников, наличие в могилах подсыпки из мела или угольков и т.д.) и близким антропологическим обликом кочевников VIII–XIII вв. (Плетнева, 1990, с. 38). Сохранились, скорее всего, небольшие «островки» чисто болгарского населения, свидетельством чему является вышеупомянутое городище Самосделка на Нижней Волге, культура которого (красноглиняная гончарная посуда с лощением, некоторые типы жилищ и пр.) имеют почти полные аналогии в материалах Биляра, Суvara и других болгарских памятников Среднего Поволжья (Зиливинская, 2004, с. 75–77; Зиливинская и др., 2005, с. 291–292).

Приведенные материалы, правда, пока немногочисленные, могут внести определенные коррективы в понимание роли местного населения, в данном случае болгар, в генезисе золотоордынской культуры, причем не только лесостепной (средневожской), что понятно а priori, но и степной, центральной части империи. Как видим, проблема только поставлена, необходимы теперь специальные исследования в этом направлении. Результатом этих исследований должно стать составление Свода археологических памятников болгар VII–XIII вв. на всех территориях их проживания.

Литература

Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. – М., 1982.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – М.; Л., 1940. – Т. III.

Артамонов М.И. – История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. – 1940. – Т. VI.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. (МИА, № 62). – М., 1958.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. – М.: Наука, 1987.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. – Самара, 1998.

Балабанова М.А. Антропология населения Нижнего Поволжья (конец V – первая половина X в.) // СЕЭС. Т. 4. Хазарское время. – Донецк, 2005.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев: Наукова думка, 1990.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.

Беговаткин А.А. Характеристика основных этапов развития отношений между мордвой и Волжской Булгарией в домонгольское время // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. – Казань, 2006.

Беговатов Е.А. Торгово-ремесленные центры Волжской Булгарии на рубеже X–XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. – СПб., 2006.

Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000.

Валеев Р.Р., Мирсияпов И.Р., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г. Средневековые поселения Нижнего Поволжья (исследования 2008–2009 гг.) // Золотоордынское наследие. Вып. 1. – Казань, 2009.

Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. – М.: Наука, 1964.

Глашев А.А. Аланы и этногенез карачаево-балкарцев. – М., 2010.

Давлетиин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (X – начало XIII в.). – Казань, 1990.

Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна, 1987.

Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И. Севрюкаевское селище // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2002.

Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ. Вып. IV. – Симферополь, 1994.

Загайнова Л.П., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли // Средневековая археология евразийских степей. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3). – М.; Йошкар-Ола, 2006.

Закиев М.З. История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие. – М.: Инсан, 2008.

Закиев М.З. Этнические корни тюркоязычных народов // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2009. – № 1(43).

Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. – 1986. – № 27.

Зиливинская Э.Д. Исследования слоев домонгольского времени на городище Самосделка в Нижнем Поволжье // Древность и средневековье Волго-Камья. (Материалы Третьих Халиковских чтений). – Казань; Болгары, 2004.

Зубов С.Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII – VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2006.

История на България. Т. 2. Първа Българска държава. – София, 1981.

История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002.

История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992.

Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999.

Казаков Е.П. К проблеме выявления древностей средневековых сармат Урало-Поволжья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. – Казань, 2006.

Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica. – 2008. – № 10.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // СЕЭС. Т. 5. Хазарское время. – Донецк, 2006.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // СЕЭС. Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001.

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиции 2001–2003 гг.) // СЕЭС. Т. 4. Хазарское время. – Донецк, 2005.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – начала X в. // СЕЭС. Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001.

Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Среднедонечья VIII – начала X в. // СЕЭС. Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001.

Магомедов М. Древнее Болгарское (Берсильское) царство на Северном Кавказе // Проблемы на прабългарската история и култура. 4–1. – София, 2007.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997.

Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань, 1957.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.

- Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Т. 2. – София, 1981.
- Плетнева С.А.* Половцы. – М.: Наука, 1990.
- Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // ТА. – 1997. – № 1.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000.
- Рашиев Р.* О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // ТА. – 1998. – № 2 (3).
- Рашиев Р.* Прабългарите през V–VII век. – София, 2004.
- Рашиев Р.* Первое Болгарское царство на Дунае // История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006.
- Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.: поселения и материальная культура. – Казань, 2007.
- Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань, 2011.
- Семькин Ю.А.* К вопросу о поселениях ранних болгар на Самарской Луке // Культура степей Евразии во второй половине I тысячелетия н.э. Тез. науч. конф. – Самара, 1996.
- Сиротенко В.Т.* Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV–VII вв. // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – 1961. – Т. XX, вып. 4.
- Сиротенко В.Т.* Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. – М., 1972.
- Смирнов А.П.* Волжские болгары. – М., 1951.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. (МИА. № 153). – М., 1972.
- Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. – М., 2005.
- Старостин П.Н.* О раннем Болгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. – М., 1999.
- Таджаддин ал-Булгари.* Большой тирйак. (Большое противоядие). – Казань, 1997.
- Тотев Б., Пелевина О.* Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // СЕЭС. Т. 7. Хазарское время. – Донецк, 2009.
- Усманов М.* Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международ. науч. конф. – Казань, 2000.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. (МИА № 169). – М., 1969.
- Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Таткнигоиздат, 1989.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984.
- Хрисимов Н.* Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // СЕЭС. Т. 7. Хазарское время. – Донецк, 2009.
- Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. – Казань, 2001.
- Хузин Ф.Ш.* Булгарская цивилизация и ее международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международ. науч. семинара. – Казань, 2001.
- Хузин Ф.Ш.* Ранние болгары и Волжская Булгария. (VIII – начало XIII в.). – Казань, 2006.
- Хузин Ф.Ш.* Волжские болгары, славяне и Древняя Русь: культурно-экономические и этнополитические связи в раннем средневековье // Сложение ранней государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XLIX). – СПб., 2009.
- Хузин Ф.Ш.* О времени возникновения оседлости у волжских болгар // Научный Татарстан. – 2010. – № 4.
- Шарафутдинов Д.А.* Произведение Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение страдающих сердец») // Восток. Oriens. – 2003. – № 2.
- Die Keramik vom Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. III. – Budapest, 1990.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА БОЛГАРА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Р.Ф. Шарифуллин, А.Г. Ситдиков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань*

В пространстве мировой цивилизации существует несколько основных регионов, где происходило постоянное и многообразное взаимодействие народов и культур. Таким регионом, без преувеличения, являлось Поволжье. Именно здесь, страницы истории многих народов, как бесценные жемчужины, нанизаны на связующую нить многовекового историко-культурного взаимодействия.

Изучение Поволжского региона – глобальная историко-культурная, цивилизационная проблема, имеющая выход на целый спектр наук и самостоятельных направлений научного поиска (История татар с древнейших времен, 2006). В наше время, когда еще велико влияние деструктивных, разрушающих единство мира факторов, чрезвычайно важно искать и находить пути его объединения. В этом видится важнейший смысл и глубокий подтекст.

Большой интерес к истории и культуре нашего края и народов, населявших его в прошлом вполне закономерен. История Поволжья была насыщена драматическими коллизиями и поворотами, что определялось, в первую очередь тем, что здесь еще с эпохи древности сложился настоящий узел контактных зон и пересечений цивилизаций. В этом «плавильном котле» образовывались многие культуры и великие государства прошлого, которые внесли огромный вклад в развитие евразийской цивилизации и являются ее неотъемлемой частью. Поэтому, изучение исторических процессов, в частности эпохи средневековья, может пролить свет на истоки многих современных проблемных ситуаций.

Несомненно, что комплексное изучение истории поволжского региона имеет огромный исследовательский и практический интерес, и уже закономерно способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира. Сегодня, благодаря слаженной работе Академии наук Татарстана и Российской Академии наук, их институтов и подразделений, вновь образованного в Казани федерального университета, при поддержке государственных структур осуществляются комплексные научные исследования.

Впервые на страницах истории г. Болгар появляется к началу X в. как политический, административный центр Волжской Болгарии (Греков, Калинин, 1948; Смирнов, 1951; Халиков, 1973; Хлебникова, 1975). Город, находясь на крупном международном торговом пути, являлся значимым региональным центром домонгольского времени.

В 1242 г., после успешных походов Бату-хана на Запад, при основании Золотой Орды в качестве ее первой столицы был избран город Болгар на Волге – одна из прежних столиц захваченной страны. Здесь был налажен чекан самых первых ордынских монет с именем мусульманского халифа ан-Насир лид-Дина, чем подчеркивалась религиозная значимость события (Федоров-Давыдов, 2003). Сюда же, в Болгар, по сообщению источников, в 50-е годы XIII в. приходили просить у Батые ярлыки на княжение русские, армянские и болгарские князья (Газимзянов, 2004, с. 8–31). Не только при Бату-хане, но и позднее при Менгу-Тимуре, Берке-хане и особенно при Узбеке, Болгар продолжает оставаться одним из главных экономических, торговых, культурных и культовых центров Золотой Орды. В этот период возводятся Соборная мечеть, Восточный и Северный мавзолеи, Ханская усыпальница, Малый Минарет, Черная палата, Белая палата, Ханская баня и другие многочисленные объекты. Здесь и поныне сохранились на поверхности земли отдельные постройки и архитектурные сооружения вызывающие живой интерес паломников и туристов (Поволжские Помпеи, 2010, с. 88–104).

Болгарский историко-археологический комплекс не имеет аналогов в мире как ценный исторический памятник, свидетельствующий об исчезнувших средневековых государствах (Волжская Болгария, Золотая Орда), исчезнувшей культуре, жизненном укладе и как оказавший значительное влияние в течении X–XV вв. на развитие культуры и архитектуры. Архитектур-

ные памятники комплекса являются самыми северным в мире объектами средневекового мусульманского зодчества, уникальным и единственным образцом болгаро-татарской архитектуры середины XIII–XIV вв. Несмотря на то, что время сильно разрушило его многие яркие архитектурные объекты, систематические археологические работы ученых в течение многих десятилетий на городище дали возможность получить новое в истории средневекового Болгара.

Не удивительно, что сохранившиеся руины – свидетели реальных событий многовековой давности, издавна привлекали внимание путешественников, исследователей природы, художников, коллекционеров и просто кладоискателей, причем последние развили здесь целый промысел по добыче и перепродаже древностей, разбирая при этом кладку еще сохранившихся зданий, чем способствовали их интенсивному разрушению и полному исчезновению.

Первое подробное описание Болгарского городища и его памятников относится к 1712 г., когда дьяк Михайлов составил опись в связи с созданием здесь Успенского мужского монастыря (Поволжские Помпеи, 2010, с. 28). Через десять лет, во время поездки по Волге, городище посетил царь Петр I и после осмотра развалин повелел принять меры по сохранению каменных построек. Позднее здесь побывали и оставили описания путешественники П.С. Паллас и И.И. Лепехин, художники П.Г. и Н.Г. Чернецовы и многие другие, в том числе архитекторы, краеведы оставившие довольно значительное количество рисунков, этюдов, чертежей, планов и описаний городища и его памятников (Башкиров, 1929; Березин, 1852; Васильев, Боруцкая, Газимзянов, 2004; Катанов, 1912; Второв, 1840; Высоцкий, 1908; Вячеслав, 1874; Княжецкая, 1989; Лихачев, 1876; Невоструев, 1871; Паллас, 1773; Рыбушкин, 1833; Рычков, 1770; Савельев, 1846; Смолин, 1925; Чернецовы, 1970; и др.). В 1877 г. вышла в свет книга С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» вобравшая в себя всю имевшуюся к тому времени информацию по истории Волжской Болгарии и о городе Болгар (Шпилевский, 1877).

История же археологических исследований на Болгарском городище, начатая В.Г. Тизенгаузенем, насчитывает уже более 150 лет (рис. 1). Естественно, накопилось уже множество статей и книг освещающих в той или иной степени как результаты так и историю изучения памятников Болгара (Город Болгар, 1987, с. 32–88; Смирнов, 1951; Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1994, с. 8–10; Шарифуллин, 2003, с. 123–128; он же, 2004, с. 200–203; он же, с. 66–71; и др.). История изучения городища до 1950-х годов подробно изложена в трудах А.П. Смирнова. Сведения об источниках, исследователях, коллекциях и литературе по Болгару имеются в работах Р.Г. Фахрутдинова (Город Болгар, 1987, с. 8–31). Наконец, в первой книге серии «Город Болгар» был опубликован специальный раздел Т.А. Хлебниковой, посвященный истории археологического изучения Болгара вплоть до 1981 г. (Город Болгар, 1987, с. 32–88). Это избавляет нас от необходимости подробного изложения истории археологического изучения городища и, в то же время, дает возможность чуть более детально остановиться на работах последних десятилетий, хотя, конечно же, невозможно не сказать несколько слов и о предыдущих исследованиях.

Первые, небольшие раскопки на территории урочища «Бабий бугор» (один из мысов верхнего плато в северо-западной части городища) провел в 1864 г. известный русский востоковед В.Г. Тизенгаузен, что позволило выявить древнее кладбище с многочисленными захоронениями. В 1877 г. в Казани состоялся IV археологический съезд и его участники провели двухдневные раскопки в Болгаре (Рыбушкин, 1833, с. 32). В 1893 г. под руководством П.А. Пономарева проводятся разведочные обследования на городище и вокруг него, в частности в урочище «Ага-Базар» (в 6 км к западу от Болгара), расчищаются башни-пилоны «Малого Городка» (укрепленная площадка за южными воротами города) и др. Затем, работы ученых на городище замирают на 20 лет. Возможно, как предполагала Т.А. Хлебникова, в этом сыграло роль отрицательное отношение к необходимости проведения экспедиций на Болгарском городище П.А. Пономарева и А.А. Спицына, связывавших историю городища лишь с «татарским» периодом и не видевших здесь остатков домонгольского города (Город Болгар, 1987, с. 32). К сожалению, информация об этих раскопках крайне скудно отражена научной документацией. Еще большее сожаление вызывает тот факт, что наряду с археологическими изысканиями, в это же время, в центральной части городища, на участках не принадлежавших Обществу археологии, прово-

дилься какие-то раскопочные работы частными лицами по поручению различных министерств и ведомств. О последних сохранились лишь глухие упоминания, иногда с указанием места работ, что подтвердилось уже в 1990-е годы при археологических исследованиях, зафиксировавших следы интенсивной и полной выборки камня из древних кладок (Шарифуллин, 2012, с. 184–185).

В 1913–1916 гг. Общество археологии, истории и этнографии все же возобновляет работы на городище (Город Болгар, 1987, с. 32). Обследуется северо-восточная часть городища над «Капитонским колодезем», изучается район гончарного производства на юго-западе Болгара у так называемого «Голландского озера», продолжают исследования могильника на «Бабьем бугре», начинается расчистка мавзолеев у «Малого минарета» и т. д. Тогда же была предпринята попытка начать изучение «Греческой палаты» за западным валом городища.

Внимание ученых привлекали в основном архитектурные памятники, при расчистке которых выявлялся план и назначение построек, а также отдельные районы городища с которых уже имелся накопленный ранее специфический материал, позволяющий проводить сравнительный анализ (например, могильник «Бабий бугор»). Следует отметить участие в раскопках С.И. Покровского, Б.Е. Крелленберга, П.И. Кротова, М.М. Хомякова, В.Ф. Смолина, М.Г. Худякова. Археологические исследования проведенные в 1920-х годах А.С. Башкировым в районе «Малого минарета» и в «Черной палате» А.Ф. Адлером на «Бабьем бугре» состояли по преимуществу лишь в небольших раскопках и проводились скорее в учебных целях, при подготовке молодых специалистов. Тогда же Башкиров обратился впервые к исследованию фортификации Болгара.

Плановые, систематические раскопки Болгарского городища были начаты в 1938 г. (до 1973 г. под руководством А.П. Смирнова, позже Т.А. Хлебниковой и Р.Ф. Шарифуллина) с перерывом в годы Великой Отечественной войны (Город Болгар, 1987, с. 36–44). До 1949 г. работы проводила экспедиция Института Истории Материальной Культуры АН СССР с участием Государственного Исторического Музея и Государственного музея Татарской АССР.

В 1950–1954, 1957 гг. археологические исследования на городище проводил Болгарский отряд Куйбышевской археологической экспедиции Института археологии АН СССР с участием ГИМ и ГМТР.

С 1964 г. работы на городище продолжает Болгарский отряд Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, в составе которого работали и археологи других научных учреждений (ГИМ; Государственный Эрмитаж; ГМТР; ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова КФАН СССР; Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник; Объединение «Росреставрация» и др.). С созданием в 1969 г. Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника материалы, получаемые в результате археологических раскопок, стали передаваться на хранение в его фонды.

С 1981 г. тема археологического изучения Болгара была включена в планы научно-исследовательских работ Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, а позже вошла в планы НИР Института истории АН РТ (Мухаметшин, 1998, с. 4–11; Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1994, с. 8–10).

Археология Болгара своими достижениями обязана многим исследователям. Неразрывно связаны с Болгарской экспедицией имени А.П. и К.А. Смирновых, Н.Ф. Калинина, Г.А. Федорова-Давыдова, М.Д. Полубояриновой, О.С. Хованской, С.М. Ефимовой, З.А. Акчуриной, Н.Д. Аксеновой, В.В. Седова, А.Х. Халикова, П.Н. Старостина, Г.Ф. Поляковой, Л.А. Беляева, Л.Л. Савченковой, В.С. Баранова, М.М. Кавеева, А.М. Губайдуллина, И.Р. Газимзянова, Н.А. Кокориной и др.

Обращаясь к вопросу об исследованности городища в настоящее время, можно привести несколько итоговых цифр. За семь десятилетий на городище, его укреплениях, на склоне верхней террасы и в заречной части памятника, с учетом также «Ага-Базара» и иноземных колоний – «Армянской» и «древнерусской», раскопками вскрыта общая площадь около 25 тыс кв. м. Только за первые сорок лет работ экспедиций были исследованы ряд памятников архитектуры (такие как: монументальная общественная баня XIV в. – «Красная палата»; несколько менее крупных кирпичных бань вдоль края верхней террасы и в подгорной части (рис. 5), датированных

этим же временем; «Греческая палата»; «Черная палата» (рис. 12); «Соборная мечеть» (рис. 6), строительство которой было начато еще в XIII в.; «Северный мавзолей»; мавзолеи у «Малого минарета и др.), оборонительные сооружения, объекты домостроительства и ремесленного производства горожан в различные периоды жизни Болгара. Был накоплен огромный вещественный материал, легший в основу экспозиции и фондов Болгарского заповедника.

С первых лет планомерных раскопок пристальное внимание обращалось на стратиграфию культурных напластований. А.П. Смирновым была поставлена задача разработки стратиграфической шкалы, для чего он уже в довоенные годы стремился сопоставить синхронные по времени напластования разных раскопов (рис. 3). В разработанной к настоящему времени шкале различается семь напластований – от времени, предшествовавшего возникновению города и до отложений современного села (Город Болгар, 1987, с. 44–78). На отдельных участках городища фиксируется и более дробное деление слоев на горизонты, что дает возможность более четко датировать объекты исследования. Но общая схема, последовательность и хронологические рамки слоев доказаны многолетними работами.

Систематические исследования городища дали возможность получить обширный и разнообразный материал по многим вопросам истории и культуры города Болгара в различные периоды его жизни в том числе – по исторической и социальной топографии, по динамике развития его территории, по строительству, ремеслам, торговле, благоустройству и т. д.

Среди объектов, исследованных в 1979–1983 гг., – общественная баня, известная в литературе как «Белая палата» (Город Болгар, 2001, с. 235–249). Она находится примерно в центре верхнего плато городища (рис. 2; 9–11). За пять полевых сезонов (исследователи Р.Ф. Шарифуллин, Т.А. Хлебникова) удалось вскрыть памятник полностью. Выяснена стратиграфическая связь его с основанием верхнего горизонта IV слоя, определено время строительства – 30–40-е годы XIV в., выявлены следы ремонтных и реставрационных работ на нем, изучены приемы строительства, вспомогательные объекты строительного производства – печь для выжигания извести и др. Несмотря на то, что памятник, как уже упоминалось, подвергался раскопкам в 1887 г., новыми более полными работами и с современной методикой исследований получено немало дополнительных сведений о памятнике. Выяснилось, что баня имела две отопительные печи, цистерны для подогрева воды, поглотительные колодцы, водопроводные и канализационные трубопроводы. Отмечен такой строительный прием, характерный и для памятников болгар домонгольского времени на Билярском городище и в Казанском кремле, как уплотнение подошвы фундамента путем забивания свай-коротышей. Вскрыто помещение, не затронутое раскопом XIX в., в котором были аккуратно сложены несколько эпитафических памятников. Выяснено, что первоначально все здание, за исключением отопительных печей, было возведено из белого известняка на известково-алебастровом растворе. Впоследствии, в результате реставрационных работ XVIII в. (возможно, во исполнение известного повеления Петра I), северная (предбанная) часть здания была переложена из кирпича (30 x 15 x 9 см) на цементном растворе. Вероятно тогда же были собраны в одной из комнат и надмогильные болгарские камни.

Севернее «Черной палаты» М.Д. Полубояриновой и Н.Д. Аксеновой был исследован сырцовый дом с кирпичной печью и «канами» (Шарифуллин, 2003, с. 123–128). Здесь же прослежен фундамент каменной постройки, размерами и ориентировкой подобно «Черной палате». Сырцовый дом, судя по находкам принадлежавший состоятельному лицу, – пока первый такого типа почти в центре городища, и примечательно, что связан он с самыми поздними напластованиями золотоордынского слоя, когда пришлое для Болгара население, жившее до разорения города Булак-Тимуром несколько обособленно, стало переселяться ближе к центру города.

За «Малым минаретом» и в южной части городища Н.Д. Аксеновой были вскрыты четыре каменных мавзолея-дюрбе конца XIV в. (Город Болгар, 2001, с. 200–217). Материалы исследований подтвердили мнение о превращении юго-восточного района в обширное кладбище после погрома 1361 г. Южный, двухкамерный мавзолей, интересен еще и тем, что в его помещениях было зафиксировано 12 погребений, 10 из которых имели следы деревянных гробовищ, а одно было заключено в кирпичный склеп.

За южным валом городища в 1981–1984 гг. Л.А. Беляевым проводились работы по изучению сооружений «Малого городка» (Город Болгар, 2001, с. 261–294). В результате было час-

точно расчищено каменное здание в южной его части, возведенное в линии укреплений городка. С северной стороны были вскрыты остатки привратных башен-пилонов, причем оказалось, что один из них представляет собой монолитную башню с внутренней винтовой лестницей, а другой – караульное помещение. Исследователю удалось установить, что объекты городка не были достроены, а сам городок, судя по крайней незначительности находок не был обжит, что, вероятно, связано с погромом 1361 г. Здесь же, между Малым городком и укреплениями города, были расчищены руины здания, являвшегося помещением для омовений.

Интересны раскопы (исследователи Т.А. Хлебникова, М.М. Кавеев) в центре городища (рис. 2), у здания котельной, давшие выразительную стратиграфию культурных напластований центральной части города от самых ранних, домонгольских слоев до слоя периода Казанского ханства (Шарифуллин, 2003, с. 123–128). Среди выявленных сооружений привлекает внимание заглубленный в грунт основательный фундамент из крупных столбов и закрепленных между ними горизонтальных бревен, стратиграфически относящийся к VI слою (X – начало XI вв.). Эти конструкции удалось выявить на протяжении более 25 м и, по мнению исследователей, они являются следами стены в виде «оплота», возможно от укреплений цитадели.

Два раскопа были заложены в 1989–1990 гг. вблизи здания картинной галереи (выставочного зала) Болгарского заповедника (исследователи М.М. Кавеев, Р.Ф. Шарифуллин) (Шарифуллин, 2003, с. 123–128). При значительной переотложенности культурных напластований, здесь все же зафиксированы и расчищены остатки нескольких земляночных и полуземляночных построек жилого и хозяйственного назначения золотоордынского и домонгольского периодов жизни города. В западной части обоих раскопов отмечены линзы щебня и строительного мусора, что дает основание предполагать наличие рядом остатков какого-то каменного сооружения.

В 1991 г. археологические работы проведены в интерьере Восточного мавзолея, что было вызвано необходимостью музеефикации памятника (Город Болгар, 2001, с. 176–199). Здесь расчищены остатки 7 деревянных и каменных склепов золотоордынского периода, в некоторых из которых зафиксированы останки погребенных. Исследователи (В.С. Баранов и М.М. Кавеев) считают, что отдельные погребения могли быть совершены еще до или при строительстве дюрбе.

Одним из интереснейших объектов, изучение которого, к сожалению, было приостановлено на 15 лет, является расположенный к юго-западу от Соборной мечети археологический комплекс, исследуемый с 1989 г. Работы по расчистке мощного котлована (шириной до 2 м) фундамента оказались весьма трудоемкими. Камень кладки выбран позднейшими камнедобытчиками почти полностью. К этой стене, поперек примыкали кирпичные стенки-перегородки (с северной стороны). Стена прослежена уже протяженностью с юго-востока на северо-запад более чем на 30 метров. Судя по наблюдениям сделанным по этому направлению она, вероятно, будет иметь продолжение на большом расстоянии. О назначении этой конструкции, представляющей как бы ряд ячеек или отсеков вдоль мощной стены судить пока затруднительно, но не исключено, что исследователи натолкнулись на следы городского рынка. В целом, комплекс датируется концом XIII – серединой XIV в., хотя здесь же встречены и объекты домонгольского времени.

Исследователи (М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, Н.А. Кокорина) отмечают, что вместе со значительным количеством нумизматического материала, фиксируемого на раскопе в виде компактных пятен, так же четко локализуются сырье, полуфабрикаты, предметы и орудия производства из кости, стекла, гипса, цветного металла (Шарифуллин, 2003, с. 123–128). О торговом назначении исследуемого комплекса свидетельствуют и находки практически в каждом сооружении разновесов и деталей весов. Вне всякого сомнения, этот комплекс остается одним из наиболее привлекательных объектов археологического изучения. В 2011–2012 гг. работы по изучению этого интересного комплекса были возобновлены под руководством В.С. Баранова и В.Ю. Коваля (Археологические исследования 2010 г., с. 6). Чуть дальше к северо-западу, у края верхней террасы, на съезде с верхнего плато к туристическому комплексу, возведенному на песчаной отмели у подножия в 1991–1992 гг. разрабатывались, в охранных целях, еще два раскопа (исследователи В.С. Баранов, М.М. Кавеев) (Шарифуллин, 2003, с. 123–128). Здесь выявлены напластования практически всех слоев стратиграфической шкалы городища, хотя и в значительной степени переработанных постройками и сооружениями русского села XVII–

XIX вв. Особый интерес представляют остатки древнего керамического водопровода, шедшего с верхнего плато на север, к подножию. Трубопровод отлично сохранился и прослежен уже на несколько десятков метров. Хронологически он связан с золотоордынским временем существования города.

Следующим памятником, изучение которого завершено в 1993 г. (исследователи М.Д. Полубояринова и Р.Ф. Шарифуллин), стала «Восточная палата» – еще одна общественная баня (рис. 2; 13–15), возведенная одновременно с Соборной мечетью в середине XIII в. примерно в 150 м к северо-западу от Иерусалимского оврага (Город Болгар, 2001, с. 249–256). Выявлена стратиграфическая связь здания с культурными напластованиями IV золотоордынского слоя. Удалось установить, что строительный горизонт сооружения залегает в нижнем горизонте этого слоя, что впоследствии подтвердилось находками, в том числе 40 монетами, самая ранняя из которых датируется 1293 г., а основная масса – 20–30 годы XIV в. Не вызывает сомнений и назначение сооружения – общественная баня. В пользу этого свидетельствуют общий план постройки, размеры – весьма сходные с планировкой других известных бань Болгара, например, «Красной» и «Белой» палатами. К этому следует добавить наличие отдельных специфических конструктивных особенностей и деталей: следы цистерн для воды над центральной отопительной печью, разветвленная система подпольного отопления, фрагменты и целые трубы, каменные муфты-смесители, желоба из камня под трубы, водопровода и канализации. Кроме того, с восточной стороны, перед устьем отопительной печи, расчищены остатки большого водоема-накопителя с отстойником для сбора осадков и талых вод. Здесь же, рядом и под зданием, исследованы сооружения и постройки как связанные, с периодом строительства и функционирования здания, так и более раннего времени, например, остатки неглубокого (до 2–2,5 м) рва X в. и наземного бревенчатого дома, погибшего в пожаре 1236 г. при захвате города монголами. Восточная палата была частично реставрирована и заняла достойное место в ряду памятников по маршруту туристической экскурсии.

Еще один памятник монументального зодчества, исследуемый с 1994 г. (исследователь Р.Ф. Шарифуллин), располагается у края верхней террасы, над «Красной палатой» (рис. 16–19). Раскопом вскрыта площадь более 1000 кв. м при средней мощности культурного слоя в 160–180 см, что позволило расчистить остатки крупной кирпично-каменной постройки с угловыми башнями-пилонами, вытянутой с севера на юг (Шарифуллин, 2012, с. 184–185). Накопленный раскопками материал позволяет соотнести время начала его строительства с серединой XIII в. Расположение в непосредственной близости от центрального ансамбля архитектурных памятников Болгара, достаточно богатый комплекс находок дают надежду, что перед нами остатки не рядовой постройки.

Здесь же выявлено более ста других объектов и сооружений разных периодов, в том числе существовавших еще до строительства здания, или связанных с его возведением. Интересен ров домонольского времени, засыпанный практически сразу же после укладки по дну деревянного желоба (рис 20).

Поэтому, еще одно направление работ экспедиции последнего времени – изучение фортификационных сооружений Болгара, успешно проводимое А.М. Губайдуллиным на разных участках домонгольских и золотоордынских рубежей обороны города (Губайдуллин, 2001, с. 56–57; он же, 2003, с. 55–56; он же, 2011).

С 1986 г. П.Н. Старостиным велись исследования на северо-восточной окраине Болгарского городища, вблизи поселка Приволжский, по склонам так называемого «Малого Иерусалимского оврага» (рис. 4) (Старостин, 1993).

Первый раскоп, заложенный по правому берегу оврага, дал возможность расчистить остатки наземного жилища X в. и зафиксировать следы более поздней, но домонгольской же плотины.

Не менее интересными оказались и результаты работ на невысокой террасе левого склона. Здесь вскрыто несколько хозяйственных ям и остатки жилищ X в. Наряду с болгарской керамикой раннего облика, напоминающей посуду Танкеевского могильника, в обилии встречены сосуды, характерные для памятников Верхнего Прикамья, что несомненно ценно для исследователей изучающих этнические процессы, происходившие в регионе в период становления бол-

гарской государственности. Особо следует отметить находки в жилищах четырех серебряных, саманидских дирхемов начала X в., бронзового идоличика-привеску приуральского облика, обломки ножей и пр. Все это позволяет усматривать в низовьях Малого Иерусалимского оврага остатки очень раннего поселения волжских болгар.

Результаты работ Болгарской археологической экспедиции, в какой-то степени и работ последних десятилетий, уже нашли частичное отражение в подготовленном коллективом исследователей пяти книгах очерков «Город Болгар», где излагались материалы, отражающие историю изучения, хронологию, динамику развития памятника на различных этапах его жизни (Город Болгар, 1996; Город Болгар, 1987; Город Болгар, 1988; Город Болгар, 2001; и др.). Отдельно были изданы очерки, освещавшие развитие ремесел, строительного дела, искусства, культуры и торговли.

Между тем, археологические исследования продолжаются и накопился значительный материал, который в силу тех или иных причин, не успел попасть в предыдущие тома серии.

Например, как мы уже упоминали, выявлено и практически полностью изучено поселение IX–X вв. (исследователь П.Н. Старостин) (Старостин, 1993), одно из наиболее ранних в регионе, отражающий процессы освоения земель и этнической ассимиляции.

Накоплен значительный материал, показывающий динамику развития фортификации города в ранний и поздний периоды его жизни (исследователь А.М. Губайдуллин) (Губайдуллин, 2001, с. 56–57; он же, 2003, с. 55–56; он же, 2011).

Исследован самобытный «Усть-Иерусалимский некрополь», отражающий этнические процессы XIV в. (исследователь И.Р. Газимзянов) (Газимзянов, 1998, с. 30–31; он же, 1994, с. 33–34; он же; он же, 2002, с. 132–137; он же, 2003, с. 45–47; он же, 2004, с. 46–49).

Подготовлен к изданию очерк «Жилища Болгара» (исследователь М.Д. Полубояринова), который мог бы стать «ядром» очередного тома.

Завершено, как уже упоминалось, археологическое изучение крупного памятника монументального зодчества болгар на территории городища (исследователь Р.Ф. Шарифуллин). Это так называемый «Дом с башнями», повторяющий в плане Соборную мечеть Болгара, и строительство, которого было начато с последним одновременно (Шарифуллин, 2012, с. 184–185). Из известных к настоящему времени объектов – это всего лишь третий по счету, датированный серединой XIII в.

С 2010 г. в связи с созданием по инициативе первого президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры направленного на содействие развития Болгарского музея-заповедника, музея «Остров-град Свияжск», иных памятников истории и культуры, расположенных на территории Татарстана осуществляется масштабная работа по выполнению этих задач.

Республикой Татарстан и Российской Федерацией в 2010 г. был утвержден Комплексный проект по возрождению Древнего Болгара и Острова-града Свияжск – выдающихся памятников мирового значения. Они входят список выразительнейших памятников, отражающих богатейшую историю многонационального Российского государства. Программа предусматривает комплекс мер по сохранению и изучению Болгара и Свияжска, а также предусматривает создание на их территории современной музейной и туристической инфраструктуры.

Несомненно, что проект по изучению истории этих памятников имеет огромный исследовательский и практический интерес, и уже закономерно способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира. Сегодня, благодаря слаженной работе Академии наук Республики Татарстан и Российской Академии наук, их институтов и подразделений, Казанского (Приволжского) федерального университета, нам удалось решить многие научные и организационные вопросы по обеспечению эффективного изучения и сохранения культурного наследия этих памятников.

В рамках реализации программы велись в 2010–2011 гг. раскопки Болгарского городища (Археологические исследования 2010 г.; Археологические исследования 2011 г.). Исследования были направлены на изучение разрушаемого культурного слоя на местах производства работ по музефикации, благоустройству территории памятников (рис. 21).

Археологические исследования проводились под научным руководством Института истории им. Ш. Марджани АН РТ с привлечением специалистов Казанского (Поволжского) федерального университета, Института археологии РАН и других научных и учебных учреждений. Кроме специалистов в работах принимали участие студенты и школьники Татарстана и соседних регионов.

Широкие археологические раскопки памятника дали интересный материал по истории их формирования и развития средневековой материальной культуры Восточной Европы. Исследования велись с широким применением современных методов изучения. Новые результаты были получены неразрушающими геофизическими и дистанционными аэрокосмическими методами, позволившим локализовать многие монументальные каменные здания, находящиеся под толщей культурного слоя. Новую страницу изучения открыли исследования предметов материальной культуры комплексом естественнонаучных методов, направленных на реконструкцию палеоэкологии, технологических особенностей изготовления средневековых изделий, а также изучение антропогенетики населения Болгара.

Полученные материалы в 2010–2011 гг. позволили узнать много нового о казавшихся хорошо известных фактах истории и культуры Болгара, а также изменить устоявшиеся представления о застройке и планиграфии средневекового города. Это стало возможным благодаря значительным по площади археологическим исследованиям на территории памятника. Общим объемом исследований составил около 20 тыс кв. м раскопов на территории городища. В их осуществлении приняло участие около 150 специалистов и лаборантов, а также работало при вскрытии культурных напластований в качестве рабочих около 800 человек из многих организации республики и других областей.

С каждым годом возрастает уровень антропогенного воздействия на культурное наследие, что влечет необходимость усиления мер по сохранению памятников истории и культуры. Одной из успешных форм сохранения и привлечения внимания общества к проблемам культурного наследия является широкий спектр мероприятий по его сохранению и популяризации, реализуемых различными частными и государственными программами. Одной из таких крупных и успешных в Российской Федерации и стала программа по сохранению и изучению Болгара и Свяжска.

Масштабные археологические раскопки с использованием потенциала современных научных методов создают новые возможности в получении и обобщении данных о прошлом не только этих памятников и многих других синхронных объектов археологии Восточной Европы. Комплексный подход в научном изучении расширяет и историко-культурный потенциал памятников, делая их более доступными для понимания людям и приближая нас к великим событиям прошлого.

Литература:

Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свяжск / сост. Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г. – Казань, 2011.

Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свяжск / сост. Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Старков А.С. – Казань, 2011.

Аскарлова А.Н., Кравцова О.А., Газимзянов И.Р. Молекулярно-генетический анализ погребений Усть-Иерусалимского некрополя // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. – Казань – Болгар, 2004.

Башикиров А.С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года (краткие отчетные сведения) // МОРПТ. – 1929. – Вып. III.

Березин И.Н. Болгар на Волге // Уч. зап. Казан. ун-та. – 1852. – Т. III.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Газимзянов И.Р. Палеодемографические показатели Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. – Казань – Болгар, 2004.

Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемография Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар, Татарстан) // Экология древних и современных обществ. – Тюмень, 2003. – Вып. 2. – С. 218–220.

Второв А. Памятники древности в Казанской губернии // ЖМВД. – 1840. – Ч. XXXVII. – № 8.

Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XIV. – Вып. 4.

Вячеслав Н. Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. – Казань, 1874.

Газимзянов И.Р. Новые данные по антропологии средневекового населения г. Болгара // Город Болгар и его округа. Тез. док. науч. конф., посвящ. 25-летию БГИАЗ. – Болгар, 1994.

Газимзянов И.Р. Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. Тез. науч. конф. – Болгар, 1998.

Газимзянов И.Р. Еще раз о могильнике «Бабий Бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2002.

Газимзянов И.Р. Усть-Иерусалимский могильник (к вопросу о мордовском компоненте в составе городского населения средневекового Болгара) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тез. док. – Саранск, 2003.

Газимзянов И.Р. Краниология Усть-Иерусалимского могильника // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. 27–30 мая 2004 г. – Казань – Болгар, 2004.

Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – М., 1996.

Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987.

Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988.

Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М., 2001.

Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948.

Губайдуллин А.М. Археологические работы на Болгарском городище (исследование «восточного проезда» и раскоп СХХХVII) Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань: Мастер Лайн, 2001.

Губайдуллин А.М. Оборонительные сооружения Болгарского городища: современное состояние и проблемы реконструкции // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. – Казань, 2003.

Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. – Казань, 2011. – № 2.

История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006.

Катанов Н.Ф. Программа исследования Болгар // ИОАИЭ. – 1912. — Т. XXVIII, вып. 4–5.

Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. – М., 1989. – Вып. XXVI.

Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Тр. II АС. – СПб., 1876. – Вып 1, отд. 2.

Мухаметшин Д.Г., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Итоги и задачи исследования Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. – Болгар, 1998.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. – М., 1871. – Т. II.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1773. – Ч. I; СПб., 1788. – Ч. III.

Поволжские Помпеи. – Казань, 2010.

Рыбушкин М.С. Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский Муравей. – 1833. – Ч. 1. – №№ 2, 4.

[*Рычков Н.П.*] Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. – СПб., 1770.

Савельев П.С. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и Прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения Русского государства. – СПб., 1846.

Смирнов А.П. Волжские болгары. Под ред. С.П. Толстова // Тр. ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951.

Смолин В.Ф. Болгарский город Бряхимов // ИОАИЭ. – 1925. – Т. XXXIII. – Вып. 1.

Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993.

Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Археологическое изучение Болгара // Город Болгар и его округа. – Болгар, 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – Москва, 2003.

Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. – 1973. – № 3.

Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. – 1975. – № 2.

Шарифуллин Р.Ф. Работы Болгарской археологической экспедиции 1994–2003 гг. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань – Болгар, 2004.

Шарифуллин Р.Ф. Археологическое изучение архитектурных памятников Болгара в 1981–2001 гг. // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. – Казань, 2003.

Шарифуллин Р.Ф. Болгарская археологическая экспедиция // Достояние поколений. – 2010. – № 2 (9). – С. 66–71.

Шарифуллин Р.Ф. Исследование крупной кирпично-каменной постройки в Болгаре в 1994–2011 гг. (предварительные результаты) // История и культура средневековых народов Степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул, 2012.

Штилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. Рукописи авторов. – М., 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААИК – Архитектурно-археологические исследования в Крыму
 АБУ – Археологічні відкриття в Україні. – Киев
 АДСВ – Античная древность и средние века. – Свердловск (Екатеринбург)
 АИК – Археологические исследования в Крыму
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АО – Археологические открытия
 АОР – Археологические открытия и разкопки. – Киев
 АС – Археологический съезд
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – СПб. (Л.)
 БелГУ – Белгородский государственный университет
 ВВ – Византийский временник – М.
 ВДИ – Вестник древней истории. – М.
 ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
 ВУА – Военно-учетный архив
 ГИБИ – Гръцки извори за българската история
 ГИМ – Государственный Исторический музей. – М.
 ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им А.В. Щусева. – М.
 ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
 ЗИРАО – Записки Императорского Русского археологического общества. – СПб.
 ЗВОИРАО – Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества
 ЗОКМ – Запорожский областной краеведческий музей
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – М.
 ЗСПАНО – Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества
 ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Дону. – Донецк
 ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. – Л.
 ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук
 ИИМК АН – Институт истории материальной культуры Академии наук
 ИРАИК – Известия на Руския археологически институт в Константинопол
 ИНМВ – Известия на народния музей. – Варна (Болгария)
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИПр – Исторически преглед. – София (Болгария)
 ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГПУ
 КБ НИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. – Нальчик
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – М.
 КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – М.
 КФ ИА НАНУ – Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. – Симферополь.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь.
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (России). – М.
 МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар.
 МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир.
 МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении.
 МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
 НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан

- НС – Нумизматический сборник
НЭ – Нумизматика и Эпиграфика. – М.
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. – СПб.
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
РА – Российская археология. – М.
РАН – Российская академия наук
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва
РМ – Русский музей. – СПб.
СА – Советская археология. – М.
САГУ – Среднеазиатский государственный университет. – Ташкент.
СЕЭС – Степи Евразии в эпоху средневековья. – Донецк.
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СЭ – Советская этнография. – М.
УАС – Уральское археологическое совещание
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. – Ашхабад.
- ASLSP – Atti della Societa Ligure di Storia Patria
BIFEA – Bulletin de Institut Français d'Etudes Anatoliennes
CMRS – Cahiers du monde Russe et Soviétique
MHR – Mediterranean Historical Review

СОДЕРЖАНИЕ

Артемьева Н.Г. ГОРОДА ПРИМОРЬЯ XIII в.	3
Атанасов Г.Г. ДРЫСТР – СИЛИСТРА И ДУНАЙСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ БОЛГАРСКИХ ХАНОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.	15
Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. ПСЕВДОВАВИЛОНЫ.....	26
Бочаров С.Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛЕНИЯ ДЖАЛИТА (ЯЛТА) В 2010 ГОДУ.....	30
Брюхова Н.Г. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ПЕРМСКИЙ КРАЙ).....	44
Волков И.В., Лопан О.В. МЕЧЕТЬ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДИЩА АНГЕЛИНСКИЙ ЕРИК.....	47
Ельников М.В. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИАЗОВЬЕ.....	53
Зиливинская Э.Д. МАВЗОЛЕИ БОЛГАРА: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ТИПОЛОГИИ.....	66
Иванов В.А., Иванова М.И. ГОРОДА И КОЧЕВАЯ СТЕПЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ.....	76
Кирилко В.П. ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ АРХИТЕКТУРА КРЫМА (ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ).....	84
Коваль В.Ю. О ПОЛИХРОМИИ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ КЕРАМИКЕ: РЕАЛИИ И ФАНТОМЫ.....	100
Масловский А.Н. ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ АЗАК И ЕГО ОКРУГА. КРАТКИЙ ОЧЕРК.....	110
Могаричев Ю.М., Бочаров С.Г. КРЫМ В «ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ».....	122
Набиев Р.Ф. ВТОРОЕ ИМЯ БУЛГАРА?.....	140
Набиуллин Н.Г. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОРОМАШКИНСКОГО КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ.....	144
Нарожный Е.И. СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ XIII–XV вв.: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ.....	149
Недашковский Л.Ф. ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЕГО ОКРУГА.....	166
Пигарев Е.М. НОВЫЙ ЭТАП В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (ПОЛЕВЫЕ СЕЗОНЫ 2005–2007 ГОДОВ).....	178
Руденко К.А. ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ XI–XII вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ.....	181
Сарапулов А.Н. О БУЛГАРСКОМ ВЛИЯНИИ НА СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	187
Смагулов Е.А. ДРЕВНИЙ САУРАН: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ.....	195
Хузин Ф.Ш. БУЛГАРСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА ВОЛГЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЕЕ РАННИХ ЭТАПОВ.....	210
Шарифуллин Р.Ф., Ситдилов А.Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА БОЛГАРА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ.....	221
Список сокращений	231